

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 14-034

В ТЕНИ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

А.Е. Куланов

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

В ТЕНИ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

А.Е. Куланов

Annotation

Автор начинал писать эту книгу как исследование, посвященное судьбам репрессированных японоведов (из девяти главных героев книги семь - японисты). Но когда стали известны новые материалы об этих людях, оказалось, что все они без исключения были связаны с российскими или советскими спецслужбами. Кто-то, как Ощепков или Ким, были штатными сотрудниками разведки или контрразведки, кто-то — как Незнайко или Юркевич — были агентами, секретными сотрудниками. Поэтому, когда в ходе работы автору стала известна рукопись их современника, «японского разведчика русского происхождения» — Игоря Ковальчук-Коваля, сразу стало понятно, что рассказ о нем тоже необходимо включить в книгу: ведь это взгляд на те же самые события, тот же исторический фон, но с другой стороны, с изнанки. Так и получилось, что в результате из книги о японоведах получилась книга о тех, кто так или иначе, в большей или меньшей степени, был связан с Японией, но связь эту старался не афишировать, о тех кто держался в тени — в тени Восходящего солнца.

- [Куланов А.Е.](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Часть I. ДЕЛО РУССКИХ СЕМИНАРИСТОВ](#)
 - [Глава 1. СЕМИНАРИЯ](#)
 - [1891](#)
 - [Под крылом Николая Японского](#)
 - [Русские пришли](#)
 - [«Детский сад» для шпионов?](#)
 - [Медийный скандал](#)
 - [Учиться, учиться и учиться...](#)
 - [Глава 2. ВАСИЛИЙ ОЩЕПКОВ: ОТ КРЕСТА ДО КРЕСТА](#)
 -
 - [Уралец или украинец?](#)
 - [Под первым крестом](#)
 - [Под крестом «Никорай-до»](#)
 - [Василий Великолепный](#)
 - [Бэнси из Владивостока](#)
 - [Сахалин и немножко любви](#)

- [Снова в Токио](#)
 - [Создавая самбо](#)
 - [Третий крест](#)
- [Глава 3. ТРОФИМ ЮРКЕВИЧ — АГЕНТ «Р»](#)
- [Глава 4. ОФИЦЕР-ВОСТОЧНИК ВЛАДИМИР ПЛЕШАКОВ](#)
 -
 - [Как не украли атамана](#)
- [Глава 5. ИСИДОР НЕЗНАЙКО: «...СОСТОЯЛ СЕКРЕТНЫМ СВЯЗИСТОМ»](#)
- [Часть II. ЛИЦО ЭПОХИ](#)
 - [Глава 6. ВАСИЛИЙ КРЫЛОВ: СПАСТИ И УНИЧТОЖИТЬ](#)
 - [Глава 7. НИКОЛАЙ МАЦОКИН: КЛИЧКА ПРОФЕССОР](#)
 - [Глава 8. РОМАН КИМ — НИНДЗЯ С ЛУБЯНКИ](#)
 - [Глава 9. ДИССИДЕНТ ИЗ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДШКОЛЫ](#)
 - [Глава 10. «ИДЕАЛОМ ДЛЯ НЕГО ЯВЛЯЕТСЯ ТИГР»](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [Приложение 1. Японская пресса о русских семинаристах\[264\]](#)
 - [Приложение 2. Русские воспитанники в Токийской семинарии](#)
 - [Приложение 3. Из дневников святителя Николая Японского](#)
 - [Приложение 4. Из интервью с учениками В.С. Ощепкова](#)
 - [Приложение 5. Из статьи Б. Кандидова «Церковные шпионы японского империализма»](#)
 - [Приложение 6. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00593](#)
 - [Приложение 7. Из допроса Юркевича Т.С.](#)
 - [Приложение 8. Из статьи К. Винокурова «Некоторые методы вражеской работы в печати и наши задачи»](#)
 - [Приложение 9. Отчет секретной токийской полиции Токко о наблюдении за В.Д. Плешаковым](#)
 - [Приложение 10. Отчет секретной токийской полиции Токко о наблюдении за С.П. Сазоновым](#)
 - [Приложение 11. Аудиозапись обращения ИЛ. Незнайко к потомкам, сделанная им 27.05.1959 г.](#)
 - [Приложение 12. Из статьи «Подрывная работа японской разведки»](#)
 - [Приложение 13. Николай Мацокин, «Дерзновения»\[273\]](#)
 - [Приложение 14. Роман Ким. «Ноги к змее»](#)
 - [Приложение 15. Из анкеты работника НКВД Ким Романа](#)

Николаевича

- Приложение 16. Из «Справки на сотрудника особых поручений 3-го отдела ГУГБ НКВД старшего лейтенанта государственной безопасности Кима Романа Николаевича»
- Приложение 17. Из автобиографии Р.Н. Кима (Мартэн)
- Приложение 18. Арсений Несмелое. «Как на Россию непохоже»

○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

● notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)

- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)

- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)

- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)

- [265](#)
 - [266](#)
 - [267](#)
 - [268](#)
 - [269](#)
 - [270](#)
 - [271](#)
 - [272](#)
 - [273](#)
-

Куланов А.Е.

В тени Восходящего солнца

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет назад автор этой книги заинтересовался романтической, как ему тогда казалось, судьбой основателя самбо и советского разведчика Василия Сергеевича Ощепкова. Сколь медленно, столь же естественно работа в этом направлении привела к мысли о необходимости детального воссоздания биографии этого человека и исследованию его личности. Хотя сегодня об Ощепкове написано уже несколько книг, эта идея не утратила свою актуальность, поскольку, с одной стороны, постоянно обнаруживаются новые данные, сведения, появляются новые детали, а с другой — растет стремление ряда авторов сделать из трагической судьбы реального человека гламурный миф о «православном ниндзя». История Василия Ощепкова еще ждет своего внимательного и компетентного исследователя, а его биография когда-нибудь предстанет в виде отдельного серьезного, но увлекательного исследования — автор уверен в этом. Пока же в книгу включены лишь уже известные, главным образом по книге М.Н. Лукашева «Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской...», фрагменты его биографии и целый ряд новых, недавно открывшихся сведений. Именно по этой причине глава, посвященная В.С. Ощепкову, заметно превосходит по объему остальные главы, за исключением рассказа о другом человеке удивительной судьбы — Р.Н. Киме.

Изучение деталей жизненного пути Ощепкова привело автора к расследованию так называемого «дела русских семинаристов» — истории о том, как попала и обучалась в качестве переводчиков в Токийской православной семинарии группа подростков из России. Попытки установить судьбу каждого из них привели к тому, что фрагменты биографии четверых из них, включая Ощепкова, вы держите сегодня в своих руках. Но самое же главное, по мысли автора, заключается в том, что изучение этих материалов логически приводит нас к необходимости воспроизведения общего исторического фона, на котором разворачивались описываемые события. Неподготовленный читатель сегодня почти ничего не знает, за исключением каких-то клише, о событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке, об оккупации японцами Приморья, о жизни наших соотечественников в Русском Китае — Харбине и других станциях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), тем более о существовании русской диаспоры в Японии в начале XX века. Каждый из этих вопросов

требует отдельного, долгого и внимательного изучения, вникания в обстановку, кропотливого рассмотрения политических, исторических, социальных явлений. Конечно, это невозможно было сделать в рамках одного исследования — сюжетные линии разбегались в разные стороны, как хорошая железнодорожная сеть, а факты росли как снежные шары на склонах зимней Фудзи, а потому автор вынужден был отказаться от этой идеи, решив ограничиться пока воспроизведением главных линий биографий своих героев — пусть они сами создают «контекст эпохи». Это решение, однако, имело далекоидущие последствия. Несмотря на то что изначально книга задумывалась как рассказ лишь о «деле русских семинаристов», по ходу его исследования само собой стало понятно, что очень трудно рассказать о деле, например, Владимира Плешакова без упоминания дела уникального военного разведчика Василий Крылова, чья судьба тоже не должна быть забыта, а хорошо знакомый с Василием Ощепковым японовец Николай Мацокин оказался настолько интересной (и даже скандальной!) фигурой, что только о нем одном можно было бы написать книгу. Что уж говорить в таком случае о Романи Киме — человеке, сознательно зашифровавшем свою жизнь до такой степени, что мы и сегодня не можем с уверенностью подтвердить почти ни один факт его биографии! Судьба каждого из них — нить, которой рок сшил тот гобелен, что сегодня называется историей России. И нельзя было автору в такой ситуации отказаться от правдивого рассказа не только о героях, но и о антигероях того времени, чьим символом в книге стал один из учеников Василия Ощепкова — Валерий Щеголев, одухотворенный палач и садист с высшим образованием.

Автор начинал писать эту книгу как исследование, посвященное судьбам репрессированных японоведов (из девяти главных героев книги семь — японисты), не держа никаких тайных замыслов в голове. Но когда стали известны новые материалы об этих людях, на свет были извлечены архивные документы, оказалось, что все они без исключения были связаны с российскими или советскими спецслужбами. Кто-то, как Ощепков или Ким, были штатными сотрудниками разведки или контрразведки, кто-то — как Незнайко или Юркевич — были агентами, секретными сотрудниками. Поэтому, когда в ходе работы над книгой автору стала известна рукопись их современника, «японского разведчика русского происхождения» — Игоря Ковальчука-Коваля, сразу стало понятно, что рассказ о нем тоже необходимо включить в книгу: ведь это взгляд на те же самые события, тот же исторический фон, но с другой стороны, с изнанки. Так и получилось, что в результате из книги о японоведах получилась книга о тех, кто так или

иначе, в большей или меньшей степени, был связан с Японией, но связь эту старался не афишировать, о тех, кто держался в тени — в тени восходящего солнца.

В приложении к книге читатель найдет массу документов, первоисточников, часть из которых хорошо известна специалистам, часть публикуется впервые. Кроме того, текст самой книги насыщен цитатами из различных произведений и исследований, близких по теме и духу тому труду, который вы держите сейчас в руках. Такая насыщенность намеренна, ибо автор сам глубоко потрясен духом времени, который начал восстанавливаться, когда главы книги сложились в единое панно, и считает, что нет ничего лучше, чем как можно точнее и без искажений передать этот дух читателю. Для воссоздания этой картины понадобилась помощь многих людей, к которым автор обращался с письмами, вопросами, просьбами и которые незамедлительно и по возможности полно отвечали ему. Вот короткий список тех, кто сделал для этой книги немало, поучаствовав в восстановлении большого куска исторического полотна или ответив на короткий, но важный вопрос, переведя с иностранного языка важные сведения или высказав свое экспертное заключение по тому или иному поводу:

Арабаджиев Александр, Белик Павел, Богоудина Наталья, Брылевский Георгий, Будзинский Александр, Буяков Алексей, Горбылев Алексей, Демидов Руслан, Дыбовский Александр, Имамуре Эцуко, Калъчева Анастасия, Кирмель Николай, Козлова Алёна, Кубасов Федор, Латышев Владислав, Матвеев Лев, Малафеева Екатерина, Молодяков Василий, Молодякова Эльгена, Незнайко Виктор, Петров Никита, Петрова Маргарита, Подалко Петр, Просветов Иван, Саблина Элеонора, Савада Кадзухико, Савелли Дани, Саканака Норио, Сумарокова Ольга, Табачников Константин, Танака Такэюки, Тэрагути Рёити, Черепанова Светлана, Черданцева Елена. Простите, если кого-то по оплошности или по их собственной просьбе, связанной с особенностями службы этих людей, автор не включил в этот список!

Особую благодарность заслуживают сотрудники многочисленных архивов и музеев, в которые обращался автор в поисках первоисточников документов, и прежде всего Диамара Чичикоевна Нодия из Государственного архива РФ, а также представители

Центрального архива ФСБ РФ, Архива МИД Японии и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» и Сахалинского областного

краеведческого музея.

Наконец, несколько формальных уточнений. Японские имена и фамилии воспроизведены по японской же традиции: сначала фамилия, потом имя — автору так привычнее, потому что автор японовед. То есть если написано «Танака Гнити», то «Танака» здесь фамилия. В транслитерации японских имен и названий соблюдены правила Е.Д. Поливанова, например Сибуя, а не Шибую или Щибую, за исключением общепринятых названий, например Токио, а не Токе, Йокогама, а не Ёкохама.

Даты приводятся по их значению в указанный момент времени, то есть для России до 1918 года — по старому стилю, если это не оговорено особо. Например, если указывается, что В.С. Ощепков родился 25 декабря 1892 года, то имеется в виду старый стиль. По новому стилю его днем рождения следует считать 7 января 1893 года.

Часть I. ДЕЛО РУССКИХ СЕМИНАРИСТОВ

Глава 1. СЕМИНАРИЯ

«... не было бы и нашей несчастной войны с Японией, если бы мы глубже знали Японию».

Святитель Николай Японский

1891

В 6 часов 38 минут 28 октября 1891 года в центре главного японского острова Хонсю произошло землетрясение силой около 8 баллов. Погибло более 7 тысяч человек, количество пострадавших превысило 17 тысяч. Было разрушено около 140 тысяч зданий и сооружений, начались пожары — самое страшное бедствие в Японии тех лет, сплошь застроенной деревянными домами с бумажными стенами. Отголоски подземных толчков докатились и до столицы страны — Токио. Они не были слишком сильными и не произвели особенно больших разрушений, но взоры небольшой группы столичных жителей с искренним волнением были обращены в тот день на только что построенное необычное здание, возвышающееся над городом на высоком холме Суруга.

Всего полгода назад, 8 марта 1891 года, там, на территории Русской православной миссии, состоялось освящение только что построенного православного собора Воскресения Христова. Это событие увенчало тридцатилетнюю историю проповеди православия в Японии, начавшуюся в 1861 году прибытием на северный остров Хоккайдо молодого иеромонаха Николая, в миру — Ивана Дмитриевича Касаткина. Приехавший на «божественные острова» в период почти герметичной изоляции Японии от всего остального мира и запрета на проповедование любых религий, кроме национальной — синто и давно пустившего корни буддизма, Николай столкнулся с невиданными и непредвиденными им трудностями. Ему мешали, его не слушали, случилась даже совершенно апостольская история о том, как злодей-язычник — бежавший от суда убийца купца самурай и настоятель синтоистского^[1] храма по имени Савабэ Такума стал первым христианином и священником, приняв символическое в той ситуации имя — Павел. Была, и всю жизнь продолжалась, катастрофическая нехватка денег на самые неотложные нужды, не оставляющая любое достойное дело в России по сей день. Удручающим препятствием стал сам по себе

японский язык, про который один из португальских миссионеров сказал, что он настолько труден в изучении, что в его изобретении можно заподозрить дьявола, решившего не допустить таким образом распространения веры Христовой на Японских островах. Пусть сейчас в нас заговорит великодержавная гордость, но Николай оказался терпеливее и талантливее тех миссионеров, ибо справился и с этим препятствием, сам в совершенстве овладев японским языком, переведя на него за полвека своего подвижничества почти всю Библию, едва ли не все православные богослужебные книги, многие тома богословской литературы.

Переехав в 1872 году в Токио, уже архимандрит Николай основал православную миссию на арендованном участке земли недалеко от императорского дворца. В 1875 году там же была открыта православная семинария с программой обучения, аналогичной русским семинарским программам, но предусматривавшей постепенный переход преподавания на японский язык, а в 1884 году началось строительство собора — того самого, что переживет и землетрясение Ноби 1891 года, и своего основателя, и, хотя и с огромными потерями, Великое землетрясение Канто 1923 года, и еще многие-многие невзгоды. Пока же собор, ставший центром церковной жизни для 18 тысяч японских православных и прозванный ими в честь основателя «Никорай-до»^[2], радовал глаз своим великолепием. То, как собор выстоял во время сильного землетрясения, внушало верующим надежду и оптимизм.

К сожалению, новости об отношениях между Россией и Японией, доносившиеся до епископа Николая в год открытия храма, были не столь радостными. После освящения собора он с нетерпением ожидал прибытия в Нагасаки 23-летнего цесаревича Николая Александровича, путешествовавшего на борту фрегата «Память Азова» по восточным странам. Наследник российского престола сошел на японский берег 27 апреля и находился в предвкушении особого приема в одной из самых загадочных стран Востока, согласившейся показать себя миру каких-то три десятка лет назад. Новости о бурных переменах, начавшихся в сонной в прошлом Японии, до Петербурга докатывались и вызывали любопытство. Наиболее прозорливые политики уже видели в перспективе Россию и Японию главными соперниками за влияние на Дальнем Востоке, но двор эти прогнозы волновали мало. Прибывавшие в русскую столицу японские принцы встречались там хоть и не с искренним интересом к своей стране, но с исключительными почестями, достойными европейских монархов.

Теперь же Токио предстояло вернуть долг вежливости, тем более что такого уровня представители августейших фамилий «божественные

острова», как называли свою страну японцы, еще не посещали^[3].

Старший сын Александра III — цесаревич Николай был в то время большим любителем восточной экзотики и планировал пробыть в самой дальневосточной стране около месяца. В свою очередь, японское императорское правительство собиралось произвести на него сильное и приятное впечатление, хотя визит сразу пошел не по привычному для таких случаев сценарию. Сначала цесаревич чуть было не обзавелся «временной» японской женой, по тогдашнему обычаю моряков, но, поддавшись уговорам советников, «отделался» татуировкой в виде дракона и получил массу впечатлений от визита на русское кладбище и в ресторан «Волга», где провел время в компании девушки необременительного поведения. Николай побывал в прекрасных городах Кагосима, Кобэ и Киото, но 11 мая в пригороде последнего — Оцу его путешествие закончилось. Один из охранявших процессию полицейских, свихнувшийся на почве ненависти к иностранцам — весьма распространенного тогда среди японцев чувства — Цуда Сандзо, напал на цесаревича. Японец нанес русскому принцу несколько ударов по голове полицейской саблей, по счастью оказавшихся несмертельными. Преступника арестовали, но путешествие пришлось прервать. В Киото раненого Николая Александровича с извинениями и соболезнованиями посетили два важных гостя. Первым стал император Японии Мэйдзи, примчавшийся из Токио на литерном поезде, ради которого было остановлено все движение на важнейшей магистрали страны. Вторым — епископ Николай, к которому японский император обратился с просьбой сделать все возможное для сохранения добрых отношений между странами. Отец Николай свою миссию выполнил, но до сих пор многие историки считают, что рана от японской сабли на голове русского царя стала одним из поводов для его японофобии, если, конечно, таковая вообще имела место. Так или иначе, в Токио Николай Александрович не попал и «Никорай-до» не посетил.

Из Японии цесаревич напрямик отправился домой — в Россию. Путь его лежал через Владивосток — русский форпост на Тихом океане, основанный в 1860 году. Здесь будущий и последний самодержец всероссийский выполнил еще одну очень важную миссию: провез первую — символическую, тачку с землей на возведении конечного пункта Транссибирской железной дороги.

Решение о строительстве дороги, связывающей русскую столицу с ее восточными владениями, было принято еще в 1887 году, но грандиозный проект нуждался в не менее грандиозных проектных изысканиях и инвестициях. Желание владеть Востоком из Петербурга было настолько

сильным, что собрать все вместе удалось довольно скоро — как раз к завершению восточного вояжа Николая Александровича. Строительство дороги началось одновременно с двух сторон: из Владивостока и из Челябинска, до которого «железка» уже докатилась. Темпы, которыми находись деньги и началось строительство, свидетельствовали, что Россия полна сил и готова побороться за влияние на Дальнем Востоке любыми способами. Со временем от Транссибирской магистрали отошла особая ветка — Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) со своей столицей — русским городом Харбином, возникшем из ниоткуда посреди маньчжурского Китая. Тогда же эта дорога, по которой распространялось русское влияние на Дальний Восток, явилась одним из главных поводов для воинственной конкуренции между претендентами на влияние в Корее и Северном Китае, что и вылилось в результате в Русскояпонскую войну 1904—1905 годов. Зная сегодня эту историю, уже не представляется случайным совпадением принятие все в том же 1891 году на вооружение русской императорской армией чудо-оружия — магазинной винтовки конструкции капитана Мосина...

Но это сегодня представляется, что запустить в серию будущую знаменитую трехлинейку, и начать строить Транссибирскую железнодорожную магистраль было так несложно, а Россия казалась тогда ко всему готова и на все способна. На деле все вышло совсем не так просто. Год 1891 -й был тяжел и страшен не только для крестьянской Японии, сотрясаемой землетрясениями, но и для крестьянской же России, лишившейся надежды на хорошие урожаи из-за надолго установившейся аномальной погоды.

Суровая, бесснежная зима началась еще в октябре 1890 года. Сухую февральскую оттепель сменили мартовские заморозки 1891 года, а с апреля началась жара, простоявшая весь остаток весны и все лето. Хотя в некоторых регионах, например на Северном Кавказе, урожаи, наоборот, были выше ожидаемых, в целом по стране хлеба собрали на четверть меньше, чем обычно. Особенно в тяжелом положении оказались выжженные солнцем черноземные, поволжские и уральские губернии. Более 30 миллионов человек оказались на краю голода, каннибализма и страшной смерти. Нечем было кормить скотину, и с крестьянских домов повсеместно сняли соломенные крыши. Жара и голод усугубились болезнями растений, мором животных, эпидемиями тифа, дизентерии и холеры среди голодающих крестьян. Государство, как могло, пусть неуклюже и неумело, но пыталось спасти свой народ. Были организованы различные «общества вспомоществования», фонды, пункты питания и

лечения. В деревни поехали и крупные землевладельцы, среди которых оказался и великий писатель Лев Николаевич Толстой, который в пострадавших губерниях занимался благотворительной деятельностью и писал, писал, вызывая сограждан к содействию. Он воочию убедился в том, как страшен неурожай в крестьянской стране: «Люди и скот действительно умирают. Они не корчатся на площадях в трагических судорогах, а тихо, со слабым стоном болеют и умирают по избам и дворам. Умирают дети, старики и старухи, умирают слабые больные. И потому обеднение и даже полное разорение крестьян совершалось и совершается за эти последние два года с поразительной быстротой. На наших глазах происходит непрерывающийся процесс обеднения богатых, обнищания бедных и уничтожения нищих... Вот что происходит в экономическом отношении. В нравственном же отношении происходит упадок духа и развитие всех худших человеческих свойств человека: воровство, злоба, зависть, попрошайничество и раздражение, под держиваемое в особенностями мерами, запрещающими переселение... Здоровые слабеют, слабые, особенно старики, дети, преждевременно в нужде мучительно умирают»^[4]. И хотя историки разошлись в оценках причин самого голода и успешности действий властей, все так или иначе пришли к одному и тому же выводу: систему надо менять. Другой русский писатель — Антон Павлович Чехов — тоже все видел своими глазами, как мог, боролся тогда с голодом и эпидемиями и писал тогда в рассказе «Жена»: «...придёшь в избу и что видишь? Все больны, все бредят, кто хохочет, кто на стену лезет; в избах смрад, ни воды подать, ни принести её некому, а пищей служит один мёрзлый картофель. Фельдшерица и Соболев (наш земский врач) что могут сделать, когда им прежде лекарства надо хлеба, которого они не имеют? ...Надо лечить не болезни, а их причины».

В декабре 1890 года Антон Павлович вернулся из страшно тяжелого путешествия на Сахалин, где впервые в истории провел перепись населения и подготовил заметки для будущей книги «Остров Сахалин». Страшно потрясенный увиденным бытом каторжников и их охранников, Чехов создавал книгу пять лет, не зная, что, пока он возвращался в Москву, пока писал о голоде и рассказывал жуткие каторжные истории, Сахалин и Японские острова, архиепископ Николай Японский и японская рана цесаревича Николая, голод, трехлинейка Мосина и только начатая КВЖД уже завязались в плотный клубок событий, из которого история очень скоро соткала самое удивительное полотно, которое я собираюсь развернуть перед читателем в этой книге. Но для начала вернемся туда, откуда мы начали, — в Токио.

Под крылом Николая Японского

Токийская православная духовная семинария, основанная на территории русской духовной миссии в 1875 году (первый выпуск состоялся в 1882 году), была одним из любимых детищ владыки Николая и требовала от него множества сил и времени, которые он посвящал ей с великим удовольствием и заботой. Долгие годы он был ее ректором, а передав бразды правления ее же выпускнику Иоанну Сэнума, остался неформальным, но строгим и внимательным куратором.

Располагалась семинария, в том числе два ее общежития для учеников, в нескольких деревянных домиках в непосредственной близости от здания миссии, возвышавшегося на всем Токио на крутом холме Суругадай, у берегов реки Канды. На учебу по программе, аналогичной русским духовным семинариям, за исключением изучения классических языков, принимались ученики в возрасте от 14 до 60 лет. Со временем, чтобы выпускники, не окончив установленных семи лет обучения, не попадали на военную службу (призывной возраст в Японии был тогда 21 год), в классы стали принимать и подростков 13 лет.

По местным законам преподавание религии было невозможно в государственных школах, и все учебные заведения, где таковое значилось в программе — вне зависимости от того, буд дийские, синтоистские или христианские они, являлись частными. Не давала семинария своим выпускникам и никаких преимуществ при поиске работы, считалось, что единственная ее цель — получение православными японцами соответствующего духовного образования. Так что престиж образования, полученного в русской миссии, зависел только от престижа ее главы и общего интереса японцев к России. При этом все расходы на содержание и обучение брала на себя церковь, а потому, в зависимости от ее финансовых возможностей, число учеников колебалось в разные годы от нескольких человек до сотни семинаристов. Конечно, в период Русско-японской войны число учащихся упало катастрофически по вполне понятным причинам политического характера.

Преподавание велось на японском языке, хотя поначалу из-за отсутствия переводов богослужебных книг использовался и русский. Но к периоду, который рассматриваем мы, то есть к началу XX века, это уже ушло в прошлое. Все предметы в то время преподавали японцы, сами бывшие выпускники семинарии, среди которых особое место занимал

Сэнума Какусабуру, в крещении — Иоанн (Иван Яковлевич). Его супруга Сэнума Каё была знатоком русского языка и тоже проводила немало времени со старшими семинаристами, которые помогали ей в переводах на японский язык произведений А.П. Чехова и других русских авторов. Впрочем, по свидетельству некоторых учеников, она испытывала к ним не только гуманитарное влечение, что было причиной серьезных конфликтов в семье Сэнума и в целом в семинарии.

Для управления духовным учебным заведением был создан совет преподавателей, который руководил ее учебнометодической и хозяйственной деятельности и предоставлял отчеты о своей работе главе миссии. К нему же каждый день являлся с докладом и ректор И. Сэнума, в результате чего владыка Николай, как правило, был в курсе всего происходящего в семинарии и хорошо знал способности и недостатки каждого ученика на протяжении всех трех с лишним десятков лет своего руководства этим учебным заведением.

Порядок в семинарии был установлен почти военный, что вполне согласовывалось с теми условиями, в которых существовало большинство японских школ того времени. Учебный процесс и внеклассное время даже в самых обычных школах и колледжах жестко контролировались министерством образования Японии с четким пониманием того, что именно в школах готовились кадры для бурно и чрезвычайно воинственно развивающейся Японии. Страна, готовившаяся стать настоящей империей, планирующая, а затем и ведущая вполне успешные захватнические войны, была заинтересована в большом количестве дисциплинированных, хорошо образованных и выносливых солдат и «тружеников тыла». Сама система образования была организована как странный, на наш взгляд, симбиоз традиционных самурайских школ и прусских учебных заведений, замешанный на духовной основе так называемого «государственного синто». Однако в этой системе было немало рационального, и не случайно поэтому во всех японских школах, и семинария не была здесь исключением, особое внимание уделялось дисциплине, гимнастике, развитию выносливости и закаливанию учеников. Более того, семинаристы даже выделялись по этому показателю среди японских одноклассников. В каникулы они отправлялись организованным порядком отдыхать к морю или на специально для них построенную в европейском стиле дачу в местечке Тоносава у подножия горы Фудзи, где неизбежно производили приятное впечатление на местных жителей. 15 (28) августа 1903 года, например, владыка записал в своем дневнике: «Прибыли сегодня и ученики, которых я отправил на каникулы в Босю, все с здоровым видом,

загоревшие и бодрые... Вели себя ученики так добропорядочно, что заслужили похвалу в местной газете: “Много-де нынче собралось проводить время жаров в Босю, но всех лучше и благороднее ведут себя духовные воспитанники с Суругадай”»^[5].

Не менее приятное впечатление производили семинаристы и в Токио. Часто заезжавшие в миссию путешественники с удовольствием отмечали крайне скромную, но уютную и достойную обстановку семинарии, общежития, где ученики спали по-европейски — в кроватях, увешанные в строгом порядке географическими картами и таблицами классы, в которых семинаристы сидели на занятиях по-японски — на полу, всегда образцово чистый двор, веселые и непринужденные лица учеников, одетых, в зависимости от занятий, либо в прусского типа мундирчики с фуражками, либо в традиционные японские кимоно и широкие штаны — хакама. Все это были результаты не только доброго и покровительственного отношения преподавателей и самого главы миссии к семинаристам, но и строгого спроса, который неизбежно и в кратчайшие сроки достигал нарушителей дисциплины и нерадивых учеников, которые, конечно, тоже встречались. Такая, почти идиллическая, картина внутреннего психологического климата семинарии, ставшая результатом сочетания искреннего рвения православного епископа о своих учениках и совершенно японской конфуцианской модели внутрисемейных отношений с выраженным покровительством и заботой старших о младших в ответ на беспрекословное подчинение и дисциплинированность последних, хорошо отображена в опубликованных все в том же 1891 году воспоминаниях одного из бывших семинаристов — Сергея Сёдзи: «И вот сбылось мое желание: я стал воспитанником семинарии и поселился в Суругадае... Я принялся усердно — не так, как занимался в английском училище,—за изучение русского языка: это было тем более необходимо, что я поступил в семинарию две недели после того, как начались занятия. Новые мои товарищи, вместе со мною поступившие в семинарию, очень мне понравились: все они с первой встречи показались мне искренними и добрыми. Всех их было около пятидесяти. Из них три четверти были юношами взрослыми; остальные были такие же дети, как и я, и их поместили всех вместе в одну большую комнату, составлявшую особое царство молодцов, как называл нас преосвященный Николай, когда посещал наше жилище. Разумеется, наша молодцовская комната была самой веселой и шумной во всей семинарии, но зато занимались мы и успевали в учении также молодецки. Хотя старшие из вновь поступивших помещались отдельно от нас, но мы все весьма скоро познакомились между

собою, и из нас составила́сь как бы одна семья, связанная истинно братскою дружбою... Такова была товарищеская среда, в которой очутился при начале моего учения в семинарии. Во главе же семинарской семьи стоял... сам преосвященный Николай...

Быстро текло для нас время среди трудных для нас занятий русским языком, Священной историей Ветхого Завета и другими новыми для нас предметами. Между тем взаимная дружба между воспитанниками все росла и укреплялась. А наше царство молодцов становилось все веселее и шумнее. Наступил ноябрь; и хотя еще не было снега, чувствовалось приближение зимы. Начались утренние морозы, и по вечерам стали неудобными игры на площадке с гимнастическими приборами. Но молодцы не унывали. Во время вечернего перерыва занятий они собирались в большой зале; к ним присоединялись многие из старших, и там веселые игры заменяли им гимнастические упражнения; после получасового вольного моциона они бодро принимались за предстоящие им полуторачасовые занятия. Иногда, бывало, проходит в это время через залу преосвященный Николай. “С добрым вечером!” — приветствуем мы его громко и дружно и непременно по-русски. Преосвященный, со свойственной ему живостью и веселостью, ответит на наш привет. Старшие из находящихся тут учеников, естественным образом, при входе владыки принимают вид более степенный и чинный.

Но вот прошли полтора часа тихих вечерних занятий. Совершена и общая вечерняя молитва. К десяти часам вечера все воспитанники разошлись по спальням. Во дворе морозно и тихо, и к нам в спальню через окна бросает свои холодные лучи яркая луна. Уже в спальне прерывается тихий шепот еще не наговорившихся товарищей. Но вот среди этой тишины проносится густой и мягкий звук первого удара в колокол далекого буддийского монастыря. За ним мерно следуют другие удары: этим звоном у нас заменяется бой часов. В разных углах спальни поднимается где тихий говор, где сдержанный хохот, где оживленный спор вполголоса между соседями по койкам. Но вдруг все голоса смолкают. В спальню вступил преосвященный Николай. Он тихо проходит между койками, столь же тихо удаляется, и вскоре затем вся спальня погружается в глубокий сон»^[6].

Конечно, цементировалась тяга к учебе и дисциплине и общей для семинаристов целью—стать православными священнослужителями. Но епископ Николай долгие годы вынашивал идею об открытии семинарии и для «язычников», то есть для японцев, не желавших креститься и остававшихся в рамках привычных им национальных религий — синто и буддизма. Этот план так никогда и не был реализован по причине

отсутствия средств на него, а жаль. Аналогичные проекты западных миссионеров превратились со временем в престижные и процветающие ныне университеты: Дзёти (Св. Софии) и Аояма гакуин в Токио, До-сися — в Киото^[7].

Вообще, в противоположность истории популяризации христианства в Японии западными миссионерами подвижничество святителя Николая носило четко выраженное несоответствие между его личным отношением к вере, необыкновенным энтузиазмом и выдающимися способностями, с одной стороны, и возможностями, прежде всего финансовыми, которыми располагала Русская церковь, — другой. При всем старании нам сейчас вряд ли удастся вспомнить сегодня хоть одного западного миссионера, сделавшего проповедь христианства в Японии делом своей жизни настолько многогранным, чтобы она не только захватила его целиком, но и, как это произошло с Николаем Японским, за полвека пребывания в этой стране выковала из него блестящего ученого и исключительно глубокого знатока японского менталитета. Он сам не раз говорил, что чувствует в себе дар японоведа и имеет силы и желание для изучения этой страны, но важность и нужность проповеди православия среди японцев ощущает несравнимо сильнее, и с этим делом всей его жизни не сравнится никакое другое. Николай Японский еще на первом этапе своего познания страны написал серьезный и весьма объемный исторический очерк Японии, основанный на изучении неизвестных тогда русским ученых книг — «Дай Нихонси», «Кокусиряку», «Иси», «Нихон гайси». Однако вторым, и несравнимо более тяжким, прежде всего морально, был этап познания особенностей японского духа, менталитета местных жителей, находившихся к тому же на пике своего неприятия нашей страны, ненависти к ней и отвращения ко всему русскому. В Японии конца XIX века отлично понимали, в отличие от подслеповатой на Восток России, кто будет ее главным соперником в борьбе за обладание Маньчжурией и Кореей. Это понимание не скрывалось — наоборот, на нем воспитывались целые поколения, и такое русофобское воспитание удачно ложилось на имевшую самурайские корни подозрительность и ненависть к западному духу. Профессор японоведения Дмитрий Матвеевич Позднеев, тесно общавшийся с владыкой в его последние годы, позже вспоминал о знаменитой истории крещения Николаем первого японца — того самого синтоистского священника и бывшего самурая-убийцы Савабэ Такума. Пришедший за жизнью русского монаха Савабэ сказал ему: «Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Вы пришли сюда выглядывать нашу

землю. А ты со своею проповедью больше всего повредишь Японии!»^[8] Николай сумел уговорить Савабэ сначала выслушать себя, и в результате Япония получила первого православного соотечественника, а позже и первого православного священника, но не с каждым японцем имел возможность лично побеседовать святитель, и не каждый был способен его выслушать. Совершенно такие же взгляды, как у Савабэ до его встречи с отцом Николаем, мы находим у до сих пор популярного в этой стране путешественника Рицужан Камисима Нагахиса, который в 1893 году посетил перешедший к русским Сахалин и излагал свое негодование так: «Широко открыв свои глаза от душившей меня злобы, смотрел я в сторону Санкт-Петербурга, на запад, где черными пятнами клубились, сливаясь с водою, зловещие облака». Открытие русской духовной миссии в Токио, строительство православного собора на холме Суругадай у многих японцев вызвали чувства, выраженные тогда в газете «Нихон»: «Православная церковь является злостным местом, откуда сыпятся проклятия на голову Японии и где молятся за ее поражения. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь над всем городом, как бы шлет презрение самому императорскому дворцу, ненавистен храмовый колокол, который каждое воскресное утро докучает своим гвалтом мирному сну жителей... вся Япония была полна именно этой злобой, ненавистью, фанатическим зложелательством по отношению к России. Не знала этого только Россия, но архиепископу Николаю пришлось с этим столкнуться первому из русских на деле»^[9]. Но чего явно не ожидал святитель, так это того, что такое «зложелательство» с годами будет только расти, шириться и крепнуть.

«Начиная с жреца Савабэ, желавшего убить архиепископа, проявление ненависти со стороны японцев преследовало владыку постоянно. Без преувеличения миллионы газетных статей за эти пятьдесят лет объявили его “ротаном”, то есть русским шпионом. Православные христиане назывались в Японии “Никораи но яцу”, то есть “Николаевские негодяи”, или “Суругадаи но яцу”, то есть “Суругадайские негодяи”»... Если биограф покойного архиепископа вздумает когда-либо собрать все те клеветы, которые распространяла про покойного японская пресса, то это издание займет десятки, если не сотни томов. Только после Русскояпонской войны отчасти под впечатлением удовлетворенной национальной гордости, отчасти на деле убедившись, как далека была вся деятельность покойного владыки от политических интриг, японское общество начало смотреть на

него разумнее и сознать свою несправедливость. В этом отношении чрезвычайно характерным является отзыв одной из самых шовинистических и русофобских газет «Ниппон» об архиепископе Николае, напечатанный в 1909 году. «Если бы архиепископ Николай был рожден в другой стране и принадлежал к другой Церкви, — писала эта газета, — он был бы высокоуважаем нашим народом как талантливый иностранец, имеющий самые разнообразные и тесные отношения с японцами, оказавший стране большие услуги и любящий последнюю как свою вторую родину. Но как русский по происхождению и епископ Греческой Церкви, отец Николай пользуется, в лучшем случае, индифферентным отношением со стороны японцев»^[10], — продолжал Д.М. Позднеев и отвечал на причины успеха архиепископа в своих трудах: «...он вынес на своих плечах апостольскую работу в адских условиях ежесекундной клеветы, гонений, подозрительности... Вместе с мягкостью, он был железным человеком, не знавшим никаких препятствий, с практичным умом и администратором, умевшим находить выход из всякого затруднительного положения. Вместе с любезностью, в нем была способность быть ледяным, непреклонным и резким с людьми, которых он находил нужным воспитывать мерами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вместе с общительностью, в нем была очень большая, долгим опытом и горькими испытаниями приобретенная сдержанность, и нужно было много времени и усилий, чтобы заслужить его доверие, и откровенность. Наряду с какою-то детской наивностью веселого собеседника, в нем была широта идеалов крупного государственного ума, бесконечная любовь к родине, страдание ее страдание и мучение ее мучениями»^[11].

Что касается отношения к владыке в России, то «можно ли искать большего игнорирования человека, большего пренебрежения к его трудам над изучением никому не ведомой тогда Японии? — риторически восклицал профессор Позднеев и продолжал: — ...делавшего свое прямое, святое культурное дело и ни в чем, кроме этого, не повинного архиепископа Николая травили с двух сторон: японцы — как русского политического агента, шпиона агитатора, сеющего на японской почве измену и симпатии к вероломной, хищнической России; русские — как деятеля, сообщающего Японии о России то, чего ей не нужно знать, подготавливающего из японцев знатоков русского языка и расточающего русские деньги для того, чтобы подготавливать врагов России»^[12]. В таком настроении, в таком состоянии и с такой окружающей его международной обстановкой архиепископ Николай

встретил просьбу о том, чтобы семинария перестала быть только японской.

Русские пришли

Еще в конце XIX века при семинарии время от времени воспитывались русские подростки, но ни история их попадания в миссию, ни дальнейший жизненный путь нам точно не известны. Можно лишь с уверенностью утверждать, что они были случайными учениками владыки Николая, в отличие от тех групп русских мальчиков, что прибыли в Токио в начале XX века.

Сегодня фраза о том, что «епископ Николай Японский был единственным русским, не покинувшим Страну восходящего солнца во время войны 1904—1905 гг.», стала привычным клише литературы о российско-японских отношениях столетней давности. Между тем это высказывание вряд ли имеет право на существование, ибо не является истинным. Николай Японский не был единственным нашим соотечественником в Токио в те тяжелые дни, и сам он прямо упоминал об этом в своих дневниках. Во-первых, в стране в то время пребывало несколько граждан России разного статуса (от купцов до воспитанников западноевропейских интернатов), по разным причинам не имевших возможности вернуться на родину. Однако посольство не оставило о них практически никаких упоминаний, а прихожанами Никорай-до они не были, отчего владыка о них попросту не знал. Во-вторых, и это уже имеет непосредственное отношение к нашей истории, рядом с ним все время находились те самые люди, чьи судьбы до сих пор остаются в тени научных исследований, невзирая на сыгранную ими важную роль в двусторонних отношениях. Речь идет о русских семинаристах^[13].

Хотя о самом факте подготовки в Токийской православной семинарии профессиональных переводчиков-японистов было известно давно, эта тема долгое время не вызывала пристального внимания историков. Еще в 1970 году в советское время, впервые о русских семинаристах в Токио писал бывший лидер «младо-россов», ставший старшим консультантом Отдела внешних сношений Московского патриархата Александр Львович Казем-Бек (запомним эту редкую фамилию!). В 1990-х годах московский востоковед А.Н. Хохлов подготовил первую обширную работу, посвященную семинаристам и опирающуюся на архивные исследования^[14]. В 2003-м вышла уникальная книга историка борьбы М.Н. Лукашева «Сотворение самбо. Родиться в царской тюрьме и умереть в

сталинской»^[15], посвященная биографии самого известного из учеников Николая Японского — Василия Ощепкова, а потому проливающая свет на некоторые детали обучения русских мальчиков в Токио. Главы, посвященные обучению Васи Ощепкова в семинарии, стали не просто ценным источником информации для исследователей, поскольку М.Н. Лукашев использовал уникальные сведения, почерпнутые им из ненадолго открытого секретного архива нашего разведывательного ведомства, но и почвой для бесчисленных спекуляций на этой теме разнокалиберных псевдопатриотических кликуш. Вызванный обращением к Ощепкову град публикаций в средствах массовой информации, особенно электронных, извратил не только детали его семинарского прошлого, но и всю его биографию таким образом, что проще эту «литературу», изданную в том числе на иностранных языках и в прекрасном полиграфическом качестве, сжечь, чем пытаться исправить допущенные в ней ошибки. Чего только не напридумывали горе-исследователи, пытаясь высосать из пальца «новое слово» об Ощепкове: и что он был послом России в Японии, и что специально откомандировывался к владыке Николаю из Санкт-Петербурга, и что учился в киотской семинарии, которой и в природе-то никогда не существовало... Со временем имя Ощепкова становится все популярнее, поток публикаций такого рода все ширится, и вот уже на российских просторах появились «внуки» и «правнуки» знаменитого семинариста. ..

В 2006 году исследователь из Иркутского государственного университета С.И. Кузнецов опубликовал в Интернете важнейшие документы, найденные им в архивах разведки Заамурского округа пограничной стражи (город Харбин) и проливающие свет над тайной того, как попали подростки из России в Токийскую семинарию: переведенные на русский язык статьи из японских газет и журналов, рассказывающие о «русских мальчиках», и комментарии к ним сотрудников русской разведки (Приложение I)^[16].

Сопоставляя теперь все имеющиеся данные, мы можем всю историю обучения в Токийской православной духовной семинарии русских учеников разделить на три хронологических этапа: 1902—1906; 1906—1913 и 1913—1919 годы. Что касается первого, то он начался в феврале 1902 года с обращения главного начальника Квантунской области и будущего наместника императора России на Дальнем Востоке вице-адмирала Е.И. Алексеева к главе русской духовной миссии в Токио епископу Николаю с просьбой принять в семинарию двух мальчиков для подготовки из них переводчиков японского языка. Владыка Николай

согласился, поставив при этом условия, которым следовал и в дальнейшем: семинаристы должны были быть не моложе 14 лет, готовые постоянно находиться среди однокашников-японцев, одеваться в японскую одежду и питаться японской же пищей, то есть вести образ жизни, обычный для семинарии. Военное ведомство должно было возместить невысокую стоимость содержания русских воспитанников—липших денег у миссии не было (Приложение 2)^[17]. Стороны быстро сговорились, и в августе 1902 года в Токио прибыли те самые двое русских, которые вскоре разделили с Николаем тяготы пребывания во вражеском стане. Вот как об этом рассказывал 10 лет спустя Д.М. Позднеев: «Владыка с удовольствием принял этих мальчиков, за содержание которых миссии уплачивались самые ничтожные суммы. Началась, однако, война, и об этих мальчиках в России совсем забыли. Высылка денег на их содержание прекратилась, и епископ имел бы полное право отправить их на родину вместе с уезжавшими перед войною русскими. Он, однако, так не сделал. Наоборот, он убедил малышей остаться в Японии, объяснив им всю важность изучения японского языка. И прошло целых три года, прежде чем наши восточносибирские власти вспомнили о забытых детях. Их содержала, кормила и обучала все это время Православная Японская миссия и обучила настолько, что по первому же требованию они были в состоянии выехать и занять места переводчиков: один — в Харбине, другой — в Хабаровске. Этот пример побудил харбинские и хабаровские власти командировать в Духовную семинарию уже целый комплект русских мальчиков, которые и обучаются доселе там японскому языку и письменности»^[18].

Изложенная самим владыкой в его дневниках история выглядит несколько иначе и расцвечена подробностями. За два дня до начала войны, когда все уже стало понятно и русские дипломатические и торговые представители покидали Токио, в воскресенье 25 января (по старому стилю) 1904 года глава миссии записал: «Здесь в Семинарии учатся японскому языку два русских мальчика из Порт-Артура, чтобы быть потом переводчиками. Приходили спрашивать: “Им уезжать или оставаться?” Но куда же уезжать? В Порт-Артур теперь и попасть трудно. Притом к кому им там? У одного (Легасова) родителей совсем нет — убиты были в Китайскую войну, а дядя уехал, кажется, в Россию; у другого (Романовского) родители вернулись в Россию. Оба они казачата. Они и сами больше склонны к тому, чтоб остаться и продолжать занятия. Конечно, им трудно будет. Сказал им терпеть и молчать, по пословице: “Терпи, казак, атаманом будешь”; улыбнулись и ушли» (Приложение № 3)

[19].

«Улыбнулись и ушли...» Нельзя не отметить в связи с этим, что святитель Николай, в целом не склонный к обильному проявлению в своих дневниках каких-то чувств, совершенно очевидно, испытывал к первым своим русским ученикам искреннюю симпатию. И хотя забота о пастве во время войны и переживания за родину надолго заслонили все другие заботы и заняли полностью мысли владыки, все же в самом конце войны, когда в Японии находились десятки тысяч русских военнопленных, а «казачата» по заданию главы миссии помогали им в переводах, Николай Японский с гордостью писал об их успехах в языке: «На экзамене в 3-м классе Семинарии по Гражданской Истории; 32 ученика и два русских. Класс хороший, много способных; отвечали хорошо почти все. Русские — Романовский и Легасов идут наравне с японцами; то же самое выучили и почти так же складно говорят, как они» [20].

Окончив затянувшееся и наполненное чрезвычайными обстоятельствами обучение, семинаристы уехали к местам службы, и здесь снова стоит процитировать их Учителя, оставившего подробную запись об этом событии: «14/27 июня 1906. Среда. Утром отправлены во Владивосток, через Цуруга, из Семинарии воспитанники Феодор Легасов и Андрей Романовский, которых в 1902 г. прислал сюда из Порт-Артура 14-летними мальчиками, чтобы научиться японскому языку и сделаться переводчиками, Адмирал Евг. Ив. Алексеев. Они стали говорить по-японски совершенно как японцы; изучили и письменный язык до чтения газет и нетрудных книг; кроме того, со здешними семинаристами получали общее образование. По сношении моем с Генералом Ник. Ив. Гродековым, командующим войсками на Дальнем Востоке, они назначены переводчиками, один к штабу в Харбине; другой в Хабаровск. Присланы они сюда на два-три года, но пробыли четыре; хотел я довести их до окончания семинарского курса, но им уже наскучило здесь, хотя товарищи были с ними очень хорошо, даже и во время войны обращались с ними деликатно. Жили они здесь в школе совсем по-японски—в японском платье, на японской пище, и были всегда здоровы» [21]. О финансовых трудностях, упомянутых Д.М. Позднеевым, ни слова. Только гордость за первых русских выпускников и надежда на их светлое будущее. В дальнейшем владыка Николай еще раз вспомнил добрым словом Романовского и Легасова, первый из которых стал военным переводчиком, а второй гражданским, но, к сожалению, больше никаких данных о судьбе этих людей у нас пока нет.

Тем временем на смену Легасову и Романовскому готовились к отправке в семинарию целые группы будущих драгоманов^[22], необходимость наличия которых в войсках и штабах со всей очевидностью показала русскому командованию проигранная война. Сначала через военного агента (атташе) в Японии полковника В.К. Самойлова командование Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, а также некоторых других соединений русской армии, обратилось к главе православной миссии принять новые группы учеников — всего 26 человек. Владыка Николай дал согласие на обучение 10 человек, и, по данным А.Н. Хохлова, в августе—декабре 1907 года в Токио приехали 11 русских подростков^[23]. В дневниках же святителя Николая называется другой год начала обучения — 1906-й^[24]. Учитывая, что курс подготовки переводчиков в семинарии был шестигодичным, а год выпуска части из них известен точно — 1912-й, последний вариант, даже по таким косвенным данным, выглядит вполне логичным. Более того, приводимый С.И. Кузнецовым перевод статьи «Как Япония показалась русским мальчикам» из газеты «Тюо симбун» датирован 17 декабря 1906, а отнюдь не 1907 годом. Замечу однако, что после отъезда Романовского и Легасова и до 1908 года архиепископ Николай в своих дневниках о русских семинаристах вообще не упоминает, да и вообще дневниковые записи за 1907 год немногочисленны. Сведения о количестве, пофамильном списке и конкретных обстоятельствах того, как попали русские подростки в семинарию тоже оказались бы удручающе скудны, если бы в дело не вмешалась одна занозистая журналистка. Но прежде чем рассказать об этой удивительной истории, стоит упомянуть о некоем полуфантастическом проекте, который мог дать толчок для отправки «казачат» в Токио летом 1906 года.

«Детский сад» для шпионов?

Бывший офицер резидентуры КГБ в Токио как-то рассказал мне, что еще в начале 80-х годов один его коллега, работавший в Подмосковье под прикрытием церковного сана, завидовал «смежникам» из ГРУ: «У них один Иван Касаткин чего стоил! Лучшего разведчика, чем он, в Японии никогда не было!» Сегодня точно и достоверно известно, что Иван Дмитриевич Касаткин — архиепископ Николай Японский, причисленный в 1970 году к лику святых, — никогда не был разведчиком, но причина для зависти молодого кагэбиста все же существовала, и крылась она в размытых

упоминаниях о какой-то группе молодых людей, которые якобы готовились в семинарии для работы против японцев.

Сам архиепископ Николай никогда и нигде не упоминал о возможности использования русских выпускников семинарии для работы в разведке—переводы и только переводы. Перечитывая сегодня его дневники и немногочисленные статьи в русской прессе, неизбежно приходишь к выводу, что глава православной миссии если и задумывался о разведывательной перспективе своих учеников, то гнал от себя эти мысли. Судьбы Легасова и Романовского в этом смысле могли его успокоить, хотя ни владыка Николай, ни мы сегодня не можем с уверенностью говорить о том, что и кому переводили с японского языка первые семинаристы. Тем более что до 1905 года вопросы военной разведки в регионе находили в ведении адмирала Е.И. Алексеева — того самого, что прислал их в Токио. Что же касается остальных, то преосвященный не дожил до окончания ими семинарии, а знать о планах военного командования просто не мог и не должен был. О том, что такие проекты существовали — обширные, детальные и исключительно амбициозные, — свидетельствует историк военной разведки, скрывающийся за псевдонимом Михаил Алексеев. В своей работе «Военная разведка России от Рюрика до Николая II» (Кн .2. М., 1998) он подробно рассказывает о плане создания «Восточной коммерческой школы», а на самом деле «школе разведчиков Приамурского военного округа», состоящей из детского сада и специальной школы для подготовки юных разведчиков^[25].

Удивительный проект этот был предложен специалистом по тайным операциям, участником Русско-японской войны, Генерального штаба капитаном И.В. Свирчевским, но в полной мере так никогда и не достиг стадии реализации — прежде всего из-за сложности в исполнении и отсутствии должного финансирования. Тем не менее усилия по хотя бы частичному претворению плана в жизнь военным командованием предпринимались, и в фокусе внимания разведчиков оказались возможности семинарии в Токио. Главным энтузиастом в решении вопроса о хотя бы частичной реализации плана создания «Восточной коммерческой школы» был тот самый капитан И.В. Свирчевский. Известные подробности его биографии свидетельствуют о том, что он был настоящим фанатом своего дела. После возвращения с Дальнего Востока он продолжил службу в армии, занимаясь тем, что, судя по всему, получалось у него лучше всего: «В период с 28.09.1909 г. по 30.12.1910 г. находился в Румынии, где изучал румынский язык. Осенью 1911 года дважды посещал Кишинев с секретными поручениями, после чего представлен к воинскому званию

“полковник”. За службу в Одесском военном округе [награжден] орденом Св. Станислава 2-й степени».

Мировую войну полковник Свирчевский встретил в должности начальника штаба 63-й пехотной дивизии. В 1915 году принял под начало 63-й Суздальский пехотный полк, которым командовал когда-то А.В. Суворов и который в память об этом носил его имя. Снова был награжден —на этот раз Владимиром с мечами. После Февральской революции стал генералом, получил дивизию, но в 1918 году, будучи поляком по происхождению, Свирчевский отправился в Киев, где вступил было в Украинскую армию гетмана Скоропадского, однако быстро разобрался, что к чему, и уже в осень того же года оказался на Дону, где встал под знамена Белого движения. Командовал 8-й Донской пластунской бригадой. Судьба генерала И.В. Свирчевского после ноября 1920 года неизвестна. Сохранились сведения о том, что он отказался вместе с остатками Белой армии покинуть Крым, после чего пропал. Почему он остался—до сих пор неизвестно. К сожалению, наиболее правдоподобный вариант развития его судьбы обычен для оставшихся: гибель во время массовых казней от рук чекистов^[26].

Энергичный разведчик составил «Положение о школе разведчиков Приамурского военного округа», отличавшееся жестким патриотизмом на грани фола. Война только что кончилось, и понимание, что на ней все средства хороши, что только так можно победить, еще не ушло из сознания боевых офицеров. Широко известна, например, характеристика причин поражения России с точки зрения спецслужб, данная в 1910 году в брошюре «О нашей тайной разведке в минувшую кампанию» Генерального штаба полковника П.И. Измestьева. Он справедливо считал, что плохая работа русской разведки объяснялась: «... 1) отсутствием работы мирного времени как в создании сети агентов-резидентов, так и в подготовке лиц, могущих выполнять функции лазутчиков-ходовков; 2) отсутствием твердой руководящей идеи в работе разведывательных органов во время самой войны; 3) полной зависимостью лиц, ведавших разведкой, от китайцев-переводчиков, не подготовленных к такой работе; 4) отсутствием образованных военных драгоманов; 5) пренебрежением к военной скрытости и секрету...»^[27].

Мотивируя свою инициативу, которая в армии, как известно, не приветствуется, единомышленник и сослуживец Измestьева капитан Свирчевский писал о положительном японском опыте: «Минувшая кампания 1904—1905 годов показала, какую громадную пользу может

принести тайная разведка, организованная заблаговременно и прочно... Система японского шпионства, широко задуманная и осторожно, но твердо проведенная в жизнь, дала им возможность еще до войны изучить нас, как своего противника, будущий театр войны, важнейшие его пункты; во время войны — следить за нашими войсками, не только в периоды боевого затишья, но даже и в бою... Так как вряд ли можно высказаться с уверенностью против новой войны с японцами, а весьма возможно, что и с Китаем, безусловно, необходимо, пользуясь временем, находящимся пока в нашем распоряжении, безотлагательно приступить к созданию кадра (так в документе. — А.К.) преданных нам людей, достаточно развитых и с известным объемом знаний, необходимых им при выполнении специальных задач шпионства в самом широком значении этого слова»^[28].

Ипполит Свирчевский требовал создания возможностей для получения специального — шпионского — образования для агентов: «Имея в виду, что для выполнения задач разведывания питомцам школы придется не только посещать периодически страну “противника”, но главным образом, жить в ней — очевидно, что общий характер образования даваемого школой, должен быть таков, чтобы разведчик мог сравнительно скоро найти себе там дело, которое и вести, не вызывая подозрений. Казалось бы, что наиболее естественным для такой цели будет образование коммерческое, соединенное с изучением различных ремесел».

Дальше в «Положении» излагались совершенно конфуцианские добродетели — так называемый «Особый нравственный уклад», который, по мнению Ипполита Викторовича, должен был составить основу воспитания будущих шпионов: «Соответственное воспитание в духе исключительного (здесь и далее выделено в документе. — А.К.) признания интересов своей нации и готовности применить все средства к достижению наибольшей выгоды своему отечеству—должно быть поставлено на первом месте, так как недостаток в знаниях всегда пополнить можно, перевоспитаться же, особенно в направлении, требуемом целью школы, почти невозможно, если система такого воспитания не пройдет красной нитью через всю жизнь школы».

Понятно, что найти людей, даже молодых, способных подвергнуться такому воспитанию в полной мере, будет совсем не просто, и Свирчевский находит гениальный выход: воспитанниками школы должны были стать... сироты, «желательно монгольского типа» (что понятно, учитывая точное определение направления боевых действий), независимые ни от кого, кроме самой школы, полностью, без остатка преданные ей телом и душой.

Этакие Никиты начала прошлого века! Причем чем раньше начать

воспитание детей-шпионов, тем больший из них может выйти толк: «А раз это так, придется принимать их почти не стесняясь возрастом, т. е. необходимо, кроме училища создать нечто вроде детского сада».

В результате организационная структура школы должна была состоять из: «а) детского сада, в котором воспитываются сироты-мальчики как китайские, так и русские от 5 до 10 лет; б) собственно училища, состоящего из 7 общих и 1 специального классов».

Решительно настроенный Генерального штаба капитан предусматривал возможность подготовки шпионов не только «с горшка», но и в исключительных случаях с 1-го класса школы, однако в любом случае с возраста не старше 10 лет. Всего в специнтернате должно было обучаться 300—320 человек, из которых после различных отборов около трети могли оказаться «пригодными к предстоящей деятельности». Разрабатывая образовательный курс школы по образцу коммерческих училищ, имея в виду, что прикрытие коммерсанта для разведчика является универсальным, Свирчевский призывал «ни на одну минуту» не упускать из виду основную цель подготовки детей: «Почему явится возможность несколько сократить курсы почти всех предметов в тех их частях, кои не могут способствовать совершенству знакомства с Востоком или усвоению тех знаний, которые облегчат выполнение задач разведки».

Самым же необходимым для «спецсирот» считалось:

«1. Возможно более полное и подробное изучение государств Востока.
2. Твердое знание, до степени совершенно свободной разговорной речи, английского, китайского и японского языков.

3. Практические специальные знания:

- а) чертежное искусство;
- б) ремесла;
- в) телеграфное дело;
- г) железнодорожное дело в том объеме, который даст возможность определить при разведке технические данные устройства дороги;
- д) некоторые отделы курсов топографии, тактики, администрации, фортификации;

е) хотя бы самые общие сведения об устройстве и организации военных флотов, что необходимо при разведке неприятельских портов».

Со свойственными ему практицизмом и предусмотрительностью капитан Свирчевский для «курсантов» старших классов школы летнюю стажировку в Японии. После окончания обучения выпускники на два-три месяца должны были прикомандировываться к штабу округа, где после нового этапа отбора лучшие направлялись бы в войска для подготовки к

поступлению в военные училища и дальнейшей службе в разведке. Не забыты были интересы «крыши»: признанные неспособными «для выполнения задач тайного разведывания могут, дабы не терять их для пользы службы, назначаться в распоряжение наших консулов Дальнего Востока». Бедный МИД — неспособные сплавлялись туда, где своей неспособностью по роду службы должны были представлять величие державы!

Основной же части выпускников должны были быть поставлены задачи на ведение разведки, после чего им следовало «от-правляться по одиночке для выполнения служебного поручения» и исполнять эти поручения не менее 4—5 лет.

Глядя сегодня на эти поистине наполеоновские или, если угодно, талейрановские планы, задумываешься: если бы то, что придумал и так скрупулезно прописал на бумаге Генерального штаба капитан Свирчевский, было претворено в жизнь, кто знает, может, и судьбы мира тогда сложились по-иному? Как ни крути, а представьте себе: армия русских сирот-шпионов, вооруженных опытом Русско-японской войны и воспитанных «в духе исключительного признания интересов своей нации и готовности применить все средства», могли стать страшной силой на азиатских полях брани. Сотни, да пусть хоть десятки агентов в Токио, Йокогаме, Кобэ, Шанхае, Урге, Пекине, Дайрене, Циндао, год за годом непрерывно строчащие шифровки в Центр! Представляете эту фантастическую картину?

Но... в армии так часто бывает: капитаны предполагают, а генералы располагают. Мы до сих пор можем только гадать о том, насколько предложение Свирчевского повлияло на дальнейшую схему развития русской разведки на Дальнем Востоке. Известно, что полностью оно принято не было — «в силу недостатка ассигнований и должной настойчивости со стороны штаба округа», но...

В уже упоминавшихся архивных материалах разведки Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи есть следующий документ: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками, и в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию. Плата за обучение этих мальчиков так баснословно дешева, что отказаться от этой командировки положительно было невозможно, тем более что впредь таких выгодных условий не представится. Дешевизна объясняется тем особым усердием Архиепископа Японского высокопреосвященного Николая,

прийти на помощь русским в деле ознакомления с Японией и японцами»^[29]. Этим же, в свою очередь, объясняется и удивительная настойчивость харбинского командования в попытках прислать в Токио все большее и большее число будущих шпионов, чему всеми силами и совершенно искренне противился глава миссии, ничего не знавший о «школе шпионов», но раздраженный «плохим подбором учеников» и отсутствием возможности их размещения в семинарии. Вот некоторые из этих записей (Приложение 3): «...Еще просьба принять ученика в Семинарию: Харбинский Генеральный консул ходатайствует за одного. Отбою нет. Совсем надоели. Тотчас же послал отказ с указанием, что здешняя Семинария имеет специальное назначение — готовит служителей для Японской Церкви и что большое количество русских учеников в ней может мешать исполнению этого назначения»; «Один из 15 учащихся здесь русских воспитанников, из которых 13 воспитываются на казенный счет, присланные сюда военными начальствами из Харбина и Хабаровска для образования из них переводчиков японского языка, — один из хабаровских, Иван Попов, сын чиновника, учившийся вот уже два с половиною года, всегда прилежно и ведший себя исправно, вдруг на днях, без всякой посторонней причины, молвил: “Не хочу учиться, надоело жить в рамках” — и бросил все. Сколько ни уговаривали его все мы одуматься и оставить свою затею, — ничто не помогает. Точно как с боровом: стал и ни с места, что ни делай с ним. Приходится выключить его из Семинарии и отправить домой, отписав начальству о сем казусе и неудачном выборе учеников сюда, потому что другой, по болезни, тоже отправится; уже несколько недель лежит и не учится; головокружения, мол, у меня, не могу учиться»; «Уволил из Семинарии и отправил в Харбин одного из русских учеников Емельяна Родионова. Упорно не желает учиться и просится вон.

Без должного выбора казачат понасылали»; «Написал в Харбин к Генералу Чичагову и во Владивосток к есаулу Ефимьеву, что учащиеся здесь русские из Харбина 8 и из Хабаровска 2 просят на каникулы и просят денег на дорогу, первые по 30 рублей, вторые по 20 рублей, как было в прошлом году. Похвалил их поведение и прилежание и просил исполнить их просьбу. Но умолчал, что успехи их в изучении японского языка — для чего и живут здесь — не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка», «...Жаль, что таких малоспособных присылает Харбинский военный штаб, если желает иметь хороших переводчиков; следовало бы выбрать таких, как вчера отвечавший

Скажути, из Хабаровска присланный»^[30].

Но не только неоднородный состав присланных «казачат» и слабые материальные возможности мешали нормальной жизни Токийской семинарии.

Медийный скандал

История, произошедшая в Токийской православной миссии во второй половине 1908 года, вряд ли дошла бы до нас, не окажись она скандальной настолько, что для благополучного ее разрешения потребовалось вмешательство самого архиепископа Николая Японского. Но и в этом случае полвека скрупулёзно записывавший в дневник все, что приключалось с ним на японской земле, владыка Николай, скорее всего, ограничился бы краткими заметками в своей тетради, если бы внутренний конфликт в семинарии не вылился в скандал в прессе.

Начиналось же все на той привычно печальной ноте, которая и сегодня звучит в сердцах интеллигентных людей, когда они оказываются вынуждены общаться с представителями масс-медиа. На исходе жаркого токийского лета 1908 года, 29 августа по старому стилю или 11 сентября по новому, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, в православную миссию на холме Суру-гадай к архиепископу Николаю Японскому поднялась незваная гостья. Впечатление от общения с ней у владыки сложилось сразу весьма определенное: «Была корреспондентка “Нового Времени” Марья Александровна Горячковская^[31]; показал ей училища; особа очень живого воображения; перебегает с вопроса на вопрос, не выслушавши ответа ни на один»^[32].

Надежда, вероятно, жившая в душе архиепископа, на то, что «особа живого воображения» не потревожит более покой миссии и, в идеале, оставит свои наблюдения при себе, умерла через пять дней, когда во время беседы с протестантским священником «... вошла корреспондентка “Нового Времени”, Марья Александровна Горячковская, приехавшая нарочно из Йокохамы, чтобы расспросить о Миссии... По женскому обычаю и, должно быть, по избытку воображения, она и сегодня не вела разговор правильно и не выслушивала ответов на мои вопросы, как должно, потому едва ли корреспонденция о Миссии, если она будет, будет сообщая верные сведения о деле Миссии здесь»^[33].

Отец Николай еще не знал, насколько пророческой окажется эта его запись, но события развивались очень быстро. Нет сомнений в том, что,

будь в те годы телевидение, Горячковская стала бы популярным в определенных кругах телерепортером какого-нибудь «желтого» канала: ее хватка и наглость и сегодня поражают воображение. 24 сентября архиепископ вновь вынужден был упомянуть ее в своих дневниковых записях: «Мадам Горячковская была, наговорила с три короба и в заключение попросила в долг; стал давать 50 ен, пристала — дай 75. Дал, но больше уже не дам; едва ли вернет; а я без того не только беден, но и в долгах. Говорила, что украли у нее 300 рублей русскими сторублевыми бумажками. Но потому, что она упорно не желает объявить о том, сомнительно, чтобы это случилось.

Лгать ей, по-видимому, не учиться стать; мне говорила одно, Преосвященному Сергию (митрополит Сергей (Тихомиров), служивший в то время в Токио. — А.К.) совсем другое об одних и тех же предметах»^[34].

С этого времени модель поведения, до боли напоминающая современное нам «мы сами люди не местные...», постоянно сопровождалась в тактике Горячковской попытками внести разлад в мирный уклад околomisсийской жизни в Токио. Очередной жертвой коварной репортерши стал профессор Д.М. Позднеев, близкий родственник отца Петра Булгакова—священника церкви в российском посольстве. Позднеев, будучи выходцем из семьи священнослужителей, был частым и желанным гостем в миссии, принимал участие в составлении программы для обучения японскому языку русских семинаристов, принимал у них экзамены и, как уже упоминалось, поддерживал тесные отношения с Николаем Японским. Неудивительно поэтому, что, когда через несколько дней профессор впустил в свой дом столичную журналистку, жаловаться он тоже пришел в миссию. «...М.А. Горячковская написала ужасное письмо к нему (Позднееву. — А.К.); ругает его самыми поносными названиями и корит за злонамеренность относительно ее; между тем Дмитрий Матвеевич говорит, что три дня тому назад она была у него, обедала и вела себя весьма любезно. Позднеев решительно не знает, чему приписать этот ее гнев и злобу; говорит, что вел себя относительно ее всегда корректно и никакого столкновения с ней не имел. Я помог ему уразуметь это письмо: страдает Горячковская манией преследования; потому вообразила в Дмитрие Матвеевиче литературного врага себе, ну и напала на него. Следует ему отнестись к ней только сострадательно»^[35].

Одновременно владыка утешал саму разгорячившуюся журналистку: «Госпожа Горячковская, видимо, страдает манией преследования ее Д.М. Позднеевым, и о том, что он “низкий, подлый шпион” и прочее в этом роде,

что я тотчас же ответил ей самыми успокоительными уверениями, что Позднеев с этого времени даже имени ее не будет произносить—до того не будет иметь никакого отношения к ней — значит, она может быть вполне спокойна; ему же написал, чтоб он действительно исполнил это, что нужно щадить ее как больную»^[36].

Как это бывает порой у шизофреников, Горячковская бессознательно нащупала у профессора Д.М. Позднеева слабое место—в то время он действительно был самым высокооплачиваемым агентом российской военной разведки в Японии. Неудивительно, что его так травмировали и напугали ее рассказы о нем как о «подлом шпионе», но пока еще поистине христианское терпение слышно в словах успокоения главы православной миссии, обращенных к обеим сторонам разгорающегося скандала.

Как ни старался архиепiscop не дать склоке выйти на поверхность, не в его силах было остановить раздухарившуюся гостью. Уже 7 октября Горячковская вновь посетила миссию, однако в этот раз прибыла не за спонсорской помощью:«... Была опять Горячковская; боялся, что денег попросит в долг, как на днях, но она попросила совсем другого: рекомендаций в Россию к разным лицам (даже к Премьеру Столыпину), чтоб ее оставили корреспонденткой в Японии — будет-де она очень полезна для укрепления дружбы России с Японией. Я даже вознегодовал от такой нелепой просьбы. Кто же меня слушает!

Ивану Акимовичу Сенума сказал, чтобы он не позволял обижать русских учеников в Семинарии. Неделikatно это, но и ему заметил, что японские ученики содержатся здесь на счет, между прочим, родителей тех же учеников, которых они обижают; пусть не являются лишенными чувства благодарности»^[37].

Важный момент: из текста дневника неясно, стала ли Горячковская свидетелем разговора главы миссии с японским ректором семинарии Иваном Сэнума, или он состоялся после ее ухода. Скорее всего, разговаривали наставники тет-а-тет, но пронырливая девица от кого-то другого вполне могла услышать в тот день в семинарии что-то не предназначенное для ее ушей и сделать из этого свои выводы. Судя по тому, как разворачивались события в дальнейшем, полученная информация была воспринята ею как потенциальный компромат, и не случайно уже через неделю журналистка вновь поднялась на миссийский холм: «Утром, во время нашего занятия переводом, пришла М.А. Горячковская и пристала как банный лист—дать ей еще денег в долг—без отдачи конечно. Дал 15 ен и крепко-накрепко сказал, что больше ни копейки не дам — я сам в долгах,

а миссийских дать не могу, да и Миссия очень бедна. Насилу ушла. И куца деньги идут у нее? Недавно только выморочила у меня 75 ен и в Посольстве 200. Могла бы скромнее тратиться»^[38].

После этого «пожертвования» Горячковская пропала надолго. Похоже, что архиепископ Николай и думать забыл о ней. Однако скоро выяснилось, что это была лишь отсрочка, которую неудовлетворенная полученными суммами Горячковская использовала привычным ей образом.

3 декабря, в среду «утром Преосвященный Сергей принес показать пакет, полученный им от о. Петра Булгакова. В пакете оказалась вырезка из газеты “Россия” статьи, подписанной “Гатчинский отшельник”; в статье, между прочим, выдержка из корреспонденции М.А. Горячковской, понося о. Петра: “К какому-то важному японцу приглашены были на банкет все члены Посольства, но с выразительным исключением из числа приглашенных о. Петра”, что очевидная ложь, измышленная Горячковской, озлобившейся на о. Петра за то, что он не давал материала для ее корреспонденций из Токио. Еще в пакете два сердитые письма о. Петра, оба с надписью “весьма секретно”: одно — к редактору “России” о Горячковской, другое — к Преосвященному Сергию, смешанного содержания; пишет, между прочим, что перестанет изучать японский язык, перестанет ходить в Семинарию учить русских мальчиков — стыдно-де являться в Миссию. Я посоветовал Преосвященному Сергию успокоить разобиженного о. Петра, и чтоб он, о. Петр, попросил в Посольстве в газету “Россия” послать несколько слов опровержения выдумки Горячковской»^[39].

Архиепископ Николай, человек хотя и опытный, но добрый, в святой наивности своей еще думал, что обиженная петербурженка остановится в своей мести на мелких выдумках и очернении отдельных людей, что для опровержения ее «выдумок» будет достаточно нескольких строчек. Но Горячковская не зря столько времени не появлялась в Миссии — она писала и ждала результата своих трудов. И они не замедлили явиться.

8 декабря 1908 года, понедельник: «...Едва кончил это письмо, как с поспешностью входит Преосвященный Сергей, бывший с утра на экзамене в Семинарии по Евангелию, с двумя номерами газеты “Россия”, полученными там же, в Семинарии, от Д.М. Позднеева, и взволнованный говорит:

— Нужно сейчас послать телеграмму в газету “Россия”, что написанное Горячковской в ней о русских учениках в Семинарии — неправда.

—Что бы ни было там написано, но телеграммой опровергать статью

не по средствам Миссии, — говорю я.

— Пусть будет телеграмма на мой счет.

— И вам тратиться не к чему. Оставьте газету; я прочитаю и посмотрю, что надо делать.

В 920-м номере, 20 ноября 1908, на первой странице статья, подписанная “М. Горячковская”, под заглавием: “Русские мальчики в Православной Японской Миссии”. В статье, действительно, ни слова правды; “мальчиков было 34, из них 23 исключены; японцы притесняют их. Японцы сносили Миссию только потому, что она доставляла им знатоков русского языка, но ныне встревожились тем, что она стала обучать русских японскому языку и прочее. Миссия дает каждому православному японцу в месяц от 8 до 10 ей; а так как в последнее время содержание Миссии из России уменьшили, то разом 5000 человек отпали от Православия”. Словом, сплошная выдумка, поражающая изумлением. В следующем номере газеты, 21 ноября, Лев Александрович Тихомиров защитил Миссию, нашедши сообщения Горячковской невероятными или маловероятными, но в конце статьи сказал: “Для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о Токийском инциденте”. Под “инцидентом”, очевидно, разумеет гонение на русских мальчиков; значит, и он отчасти верит гонению. Вызов доброго друга Миссии Льва Александровича и побудил меня написать опровержение выдумок Горячковской^[40].

В хранилище газет Российской государственной библиотеки, где, казалось бы, можно найти любой текст, когда-либо выходивший из-под печатного станка в нашей стране, «поражающей изумлением» статьи Горячковской в газете «Россия» не нашлось. Как, впрочем, не обнаружилось и всего 920-го номера от 20 ноября. Но, как выяснилось позже, одновременно со статьей в «России» вышел очень похожий материал Горячковской в газете «Новое Время», на который, в свою очередь, в «Церковном вестнике» № 5 за 1909 год (с. 147—150) дал подробный ответ митрополит Сергей. По его статье, разысканной А.М. Горбылевым, мы и можем теперь проследить обвинения М. Горячковской в адрес миссии по пунктам, как это сделал сам митрополит:

А) «Приамурский губернатор командировал в Токио... 34 русских мальчика для прохождения полного курса православной семинарии на японском языке (“Россия”)), — пишет Г-ская. 34 мальчика в «Новом Времени» она уже увеличила до 38...».

Б) «Когда были исключены в течение года до 28 мальчиков (из 34), приамурское генерал-губернаторство выразило недоумение («Россия»)...»

В) «В семинарии Токио преподавание ведется по-японски, и русские дети, которым язык этот чужд, не могли, понятно, сравниться с японскими... И неужели же все были дурного поведения? («Новое Время»).

Комментарий митрополита Сергия в этом месте несколько разнится с ответом архиепископа Николая Японского, который будет приведен ниже: «Русским мальчикам преподавание ведется на русском языке, и лишь Юркевич IV кл. идет теперь совместно с японскими мальчиками, а не в особом классе от них».

Г) «Появление русских мальчиков... было встречено с недоброжелательством. .. Дети стали подвергаться всевозможным преследованиям товарищей и притеснениям воспитателей («Россия»)). «Товарищи-ученики страшно над ними издевались» («Новое Время»).

Д) «Получив надлежащие инструкции, ректор семинарии Сэнума и его учителя стали исключать русских детей за дурное якобы поведение» («Россия»); «Японцы-учителя по свыше полученной инструкции стали исключать русских мальчиков, беспощадно их преследуя и затравливая» («Новое время»).

Е) «Положение оставшихся 6 мальчиков угнетенное» («Россия»); «Они поражают своим забитым, угнетенным видом. “На нас смотрят как на врагов и учителя, и товарищи-японцы. Мы боимся дохнуть, чтобы не придрались и не исключили”, — сказали они мне» («Новое Время»).

Я специально не привожу здесь ответов митрополита Сергия, так как, по счастью, аккуратно подшит оказался номер 921 -й с той самой статьей Л.А. Тихомирова «Русские воспитанники токийской семинарии», о которой упоминал владыка. Ее стоит привести почти полностью, чтобы понять уровень интереса в российском обществе того времени к проблемам обучения русских семинаристов в стране недавнего противника—в Японии. Особенно интересными с высот сегодняшнего дня и, как нам кажется после советской эпохи, своеобразного отношения к прессе выглядят рассуждения о бездумном патриотизме и способности учиться у соседей: «...Г-жа Мария Г-ская полна прекрасного чувства патриотизма, но всякое высоко напряженное чувство способно приводить к недостаточной беспристрастности—Для меня не подлежит никакому спору, что г-жа Мария Г-ская изумительно ошибается...

...С педагогической стороны присутствие русских учеников с первого же раза породило неудобство. Сам высокопреосвященный Николай сообщал мне тогда, что в семинарии жалуются на шаловливость русских мальчиков. Между тем в японском воспитании чрезвычайно ценится дисциплина и “благовоспитанность”. Отсутствие этих качеств у русских нельзя

назвать “испорченностью”, но кому же неизвестно, что невыдержанность детей, их своенравие и непривычка к подчинению составляют у нас самое распространенное явление. Однако высокопреосвященный Николай сообщал мне, что воздействие японских товарищей скоро благотворно повлияло на русских воспитанников, и они вошли в принятые в семинарии рамки “благонаравия”. Так было вначале, когда русских состояло 5—6 на 60 японских воспитанников. Засим число русских стало увеличиваться. Явились ученики из Харбина, явилась и инициатива местного начальства для посылки туда будущих переводчиков. Хотя в этой мысли я не вижу ничего “гениального”, но, конечно, она вполне разумна. И вот, как теперь сообщает г-жа Мария Г-ская, в токийской семинарии набралось 34 русских... но на какое число японцев? Она не говорит, но полагаю, что никак не более 60. Думается, что при таком соотношении чисел едва ли японцы могли оказывать на русских такое же дисциплинирующее влияние, как прежде.

Я не знаю, но считаю очень возможным, что японскому правительству, как говорит г-жа Г-ская, нимало не улыбается научение русских японскому языку. Наше невежество в этом отношении было для японцев слишком выгодно в прошлую войну!

...Я видел, как японцы учатся русскому языку в России. Это изумительная настойчивость и практичность. Человек, с утра до ночи занятый трудом, сверхкомплектно налагает на себя обязанность ежедневно прочесть от доски до доски номер русской газеты, начиная с передовых и кончая всеми объявлениями... А мы сердимся, если сами японцы не жертвуют всеми своими интересами, чтобы обучить нас. Это ни к чему не приведет. Это— *непрактичное поведение*, которое может оттолкнуть от нас и тех, кто к нам расположен, и в меру сил (но не больше) хотел бы нам добра. Нечего и говорить, что мы должны учиться по-японски для сношений со страной, которой значение так предосудительно игнорировали раньше, за что и были столь жестоко наказаны. Но необходимость изучения японского языка для русских не дает права требовать, чтобы Токийская семинария забывала свои православные и педагогические интересы. Еще менее возможно было бы допустить опорочивание людей, которых все предыдущее поведение не обнаруживало в отношении России ничего, кроме сердечной доброжелательности. Это даже непрактично, невыгодно. И потому-то для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о токийском инциденте от знающих... без всякого “пристрастия” навеянного хотя бы и самыми прекрасными патриотическими чувствами»^[41].

В чем был прав, а в чем ошибался Л.А. Тихомиров, архиепископ Николай Японский принялся разбираться сам уже на следующий день по получении газеты: «С документами под рукою писал правду о русских мальчиках в Семинарии для газеты “Россия”; опровергнул и другие неправды из статьи Горячковской»^[42]. Однако прежде чем Николай Японский увидел свой труд в печати, 26 декабря, в Собор Пресвятой Богородицы, он получил письмо от... самого автора скандала: «Между письмами сегодня одно от Горячковской; пишет вздор и вранье и прилагает вырезку своей статьи из “Нового Времени”, в которой тоже вранье»^[43].

Поистине беспринципность этой женщины способна и сегодня вызвать изумление. Можно только удивляться долготерпению Николая Японского, спокойно ожидавшего появления в печати своего ответа. Это случилось уже в новом, 1909 году, 22 января: «Издатель газеты “Россия”, Сергей Николаевич Сыромятников, прислал мне номер 953, от 31 декабря 1908 года, где помещено мое письмо в газету: “Русские воспитанники в Токийской Семинарии”, в опровержение выдумок Горячковской. В любезном письме, кроме того, полученном сегодня, господин Сыромятников извещает, что за статью мою и обычный гонорар посылает 40 рублей 20 копеек и приглашает еще писать в его газету, что делать, к сожалению, мне некогда».

Еще через десять дней, 2 февраля 1909 года, в праздник Сретения Господня, очевидно совершенно успокоившийся и даже с некоторым юмором относившийся к увядающему медиаскандалу архиепископ Николай записал в своем дневнике: «К Литургии приехал посол (посол России в Японии Н.А. Малевский-Малевич. — А.К.) и потом был у меня; показал письмо к нему Генерал-губернатора Приамурской области Унтербергер, с пришпиленной вырезкой из газеты “Новое время”, где госпожа Горячковская описывает жалкое положение (якобы) русских мальчиков в здешней Семинарии. Унтербергер спрашивает Николая Андреевича, правда ли это? Ко мне не хочет писать потому-де, что, по заявлению Горячковской в статье, для меня тягостна всякая речь об этом предмете. Я пробежал вырезку; в ней такая же ложь о мальчиках, что была в газете “Россия”, а потому я передал Николаю Андреевичу и просил его передать Унтербергеру, для успокоения его, номер “России” с напечатанным в нем моим опровержением выдумок Горячковской»^[44].

Почему архиепископ Николай Японский был так спокоен, отправляя через посла Николая Андреевича «успокоение» Унтербергеру? Потому что его статья, надо отметить, очень большая—на полную газетную полосу—

стала не просто ответом не вполне вменяемой клеветнице, но и настолько полным и точным изложением шестилетней истории обучения русских подростков в Токийской православной семинарии, возразить на которое было нечего и некому. В этом рассказе есть все: причина появления первых русских мальчиков в стенах суругадайской миссии, условия их проживания и обучения, предметы, которые они там изучали, и даже стоимость нахождения их в Токио. Это очень подробный и довольно откровенный рассказ обо всем, что окружало молодых русских ребят в японской столице. В этой статье нет, пожалуй, только двух вещей. Во-первых, Николай Японский не мог ничего написать о реальном предназначении русских семинаристов — о работе в разведке, потому что, повторяюсь, вряд ли что-то знал об этом. Во-вторых, архиепископ не захотел ничего написать о реальном конфликте, свидетелем которого, судя по всему, стала Горячковская, а конфликт был.

В начале октября 1908 года, писал архиепископ, «два русских ученика пришли, плача, жаловаться, что японские ученики их обижают, бьют. Призвал обидчиков: Манабе, дрянного грубого юношу, и Каминага, от которого не ожидал этого, и с гневом выговорил им, что “они живут в русском доме, едят русский хлеб, купаются в благодеяниях России и не являют ни малейшего чувства благодарности за все это, признаком чего служит их грубое обращение с русскими товарищами”. Выразивши все это, что, кажется, в первый раз пришлось выразить в такой форме, прогнал их. Отвращение возбуждает эта неспособность японцев к благородным чувствам благодарности и подобного»^[45].

Если об этой истории как-то узнала Горячковская, а она узнала — видимо, в день встречи владыки и ректора Сэнума, то в ее «необычайно живом» сознании она легко мог превратиться в грандиозную вражду между русскими и японцами в Токийской православной семинарии. Более того, архиепископу Николаю наверняка удалось бы предотвратить утечку информации о скандале из стен миссии, если бы не Горячковская. Ведь даже ей стало известно о противостоянии русских и японцев в какой-то весьма смутной форме — иначе она непременно привела бы в своей статье не только выдумки и фантазии, но и реальные факты. Однако они ей были неизвестны в деталях, — она поняла, что в семинарии происходит что-то экстраординарное, догадалась, что именно, но никак не могли подтвердить свою догадку. Николай Японский, в свою очередь, не мог позволить межнациональному конфликту между учениками стать достоянием гласности — это нанесло бы тяжелый удар по общему имиджу России в Японии, но, главное, имиджу Японской православной церкви. Глава церкви

не просто опроверг информацию о скандале с помощью прессы, а сделал это так, что она выглядела совершенно бесконфликтной.

Едва успевшее разгореться пламя скандала было мастерски и обоснованно потушено наставником миссии, но последствия этого события, выразившиеся в написании сразу нескольких статей в различных российских изданиях, обогатили нас бесценными сведениями о жизни и быте первых русских японоведов, получивших свои знания о Японии в стране изучения. «М-ль Горячковская» заслужила свое место в истории.

Учиться, учиться и учиться...

Численность и состав русских учеников Токийской православной семинарии в бытность главою миссии архиепископа Николая до сих пор остается одной из главных загадок — ни в одном из известных документов не содержится достаточно исчерпывающей информации на эту тему. Горячковская назвала общую численность на 1908 год: 34 человека. Но больше нигде такое количество семинаристов не упоминается, и в немногочисленных сохранившихся документах они не перечислены. Опубликованные С.И. Кузнецовым материалы японской печати дают нам имена первого десятка. Внимательное чтение дневников и статьи архиепископа Николая показывает, что порою в семинарии одновременно училось до 18 русских юношей (как в декабре 1910 года) и далеко не все они содержались за счет военного ведомства. Не все смогли выдержать напряженное в психологическом и интеллектуальном отношениях обучение в семинарии — свидетельство тому беспрецедентный процент (почти половина!) отчисленных по разным причинам (тут Горячковская была близка к истине). Собрав воедино всю имеющуюся и очень разрозненную информацию, мы получаем сводную пофамильную таблицу полученных на известных нам русских учеников данных:

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Время обучения в семинарии
1.	Романовский Андрей	? -?	1902—1906
2.	Легасов Федор	? -?	1902—1906
3.	Айбренер Александр	1891 (?) -?	1906—1908 (отчислен)
4.	Волков Александр	? -?	1906—1912
5.	Журавлев Гавриил Николаевич	1893 —?	1908 -?
6.	Зембитов Владимир	1889 (?) -?	1906—1908 (отчислен)
7.	Кузнецов Павел	? -?	? — 1910 (отчислен)
8.	Незнайю Исидор Яковлевич	13.05.1893—28.05.1968	1906—1912
9.	Ощепков Василий Сергеевич	25.12.1892—10.10.1937	1907—1913
10.	Пантурин Иван	1895 -?	1908 -?
11.	Перегудкин Петр	1895 -?	1908 -?
12.	Плешаков (Персиков?) Владимир Дмитриевич	1892—14 (10-?).10.1937	1906—1912
13.	Плешаков Александр (младший)	1894 -?	1908 -?
14.	Попилов (Попелев) Трофим	1892 (?) -?	1906—1912
15.	Попов Иван	? -?	1907—1910 (отчислен)
16.	Родюнов Емельян	? -?	1906—1910 (отчислен)
17.	Сазонов Степан (Стефан) Петрович	1896 (1894?) — 1946	1912—1917
18.	Скижунин П.С.	? -?	? -?

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Время обучения в семинарии
19.	Соколовский Михаил	? -?	1906—1911 (отчислен)
20.	Шиншлов Иосиф	1892 (?) -?	1906—1908 (отчислен)
21.	Хлебцевич Стефан Адамович	1893 -?	? — 1909 (отчислен)
22.	Юркевич Трофим Степанович	1891—10.07.1938	1906 -1910
23.	Юркевич Федор (?) Степанович	1893 (?) -?	1906—1907 (отчислен)

Как видно из нее, русские семинаристы, будучи примерно ровесниками, имели разные судьбы — об одних не известно практически ничего, нет даже года рождения и время обучения в семинарии проставлено лишь условно, о других мы знаем относительно немало. По-прежнему основным источником информации о них, после гибели во время Кантоского землетрясения 1 сентября 1923 года миссийского архива, остаются дневники святителя Николая. И снова, разбирая их, сложно отделаться от ощущения, что после возвращения на родину Легасова и Романовского архиепископ не испытывал к русским ученикам особой любви, был к ним, что называется, «строг, но справедлив». Причин такого сдержанно-сурового отношения было несколько. Во-первых, как мы знаем, владыка Николай всеми силами отбивался от попыток военного командования навязать ему еще учеников, снова и снова подчеркивая, что главная задача семинарии заключается совсем в том, чтобы «...готовить служителей для Японской Церкви». Это не значит, что он был противником подготовки русских переводчиков в Японии вообще. Наоборот, «архиепископ сильно желал развития дела толмаческой школы в Токио, но он признавал для этого необходимым дать ей несколько другую постановку, а именно выделить ее в особое учреждение, усилить в ней преподавание русского языка и русских предметов и ввести для учащихся особую

систему командировок, по которой дети, по усвоении японского языка и письменности настолько, чтобы учиться вместе с японцами, отсылались бы, каждый в отдельности, из Токио в японские школы в провинцию на год или на два, где они усовершенствовались бы в языке, не видя ни одного русского и не слыша за это время ни одного русского звука. Для этого, конечно, он считал необходимым особое соглашение с японским правительством», — вспоминал Д.М. Позднеев^[46].

Во-вторых, часть отчисленных покинула Токио за поведение, не совместимое со статусом ученика православной семинарии, и владыка Николай осознал, что каждый такой случай — удар по престижу Русской церкви в целом. Вот две характерные записи: «Ректор Семинарии И.А. Сенума и два главных наставника, кандидаты, Арсений Ивасава и Марк Сайкайси, пришли коллективно просить удалить из Семинарии двух русских учеников из Харбина: Иосифа Шишлова и Александра Айсбренера — за слишком дурное поведение: начинают ходить по непотребным домам. Все японские ученики возмущены этим и собираются все ко мне прийти требовать исключения их, если я не послушаюсь ректора и наставников. Нечего делать! Шишлов и Айсбронер отосланы в Йокохаму к военному агенту Владимиру Константиновичу Самойлову, полковнику, для препровождения их в Харбин. Генералу Чичагову я написал, впрочем, что назначение, с которым присланы сюда эти ученики, наполовину исполнено: они могут служить толмачами для устных переводов с японцами»^[47] и: «Русских учеников ныне в Семинарии 13; и все ведут себя добропорядочно и учатся хорошо, кроме одного, Михаила Сокольского, с которым нет средств сладить: ничего не делает и постоянно нарушает школьные правила; а назначат наказание — не обращает на это внимания; сколько не уговаривай — к стенке горох; над всем смеется, в глаза лжет; называет школу адом, клянет своего дядю, ротмистра, который четыре года назад определил его сюда. Как ни жаль его и его матери и бабки, но, кажется, придется послушать Ивана Акимовича Сенума, который больше всех терпит от него, и отослать его в Харбин»^[48]. Подобным же образом (за непослушание, нежелание учиться или нарушение правил семинарии) были отчислены Емельян Родионов, Владимир Зембатов («родом кавказец, лет 20 детина, исключенный из Семинарии за то, что не подчиняется дисциплине ее»^[49]), Иван Попов, Павел Кузнецов. Младший из братьев Юркевич — Федор — оставил семинарию «по неспособности к обучению». Все уволенные семинаристы получили проездные документы и деньги на дорогу—до города, откуда они прибыли когда-то на учебу, и

должны были отправиться на родину под контролем представителей военного ведомства (Федора Юркевича забрал домой приехавший за ним с Сахалина отец, и его дальнейшая судьба неизвестна)^[50].

В то же время Д.М. Позднеев отмечал, что «судьба этих мальчиков всегда сильно озабочивала архиепископа. Он чувствовал, что в миссии слишком много прямого дела для того, чтобы уделять силы делу стороннему, но признавая, что такая система командировки детей в страну является наилучшею для подготовки русских толмачей, он мирился с неудобствами и продолжал работать. Его глубоко возмущали статьи дальневосточной прессы, настаивавшие на бесполезности командировок таких мальчиков в Токио только потому, что некоторые из них, оказавшись непригодными для изучения японского языка, были отправлены архиепископом обратно на родину. “Удивительно мало у нас системы и выдержки, — говорил он по этому поводу. — У русских в крови какой-то анархизм, непременно все ломать и разрушать до основания... Вот теперь с этой школой: только что налаживается дело, только что ребята начинают переходить на настоящую работу, учатся вместе с японцами, ходят в японские классы, начинают привыкать к японской скорописи, только что дело налаживается, сейчас уж и закрывать. И опять останемся как старуха в сказке: будем сидеть пред своей избушкой с разбитым корытом”^[51].

В-третьих, и эта претензия встречается чаще всего, глава миссии был недоволен успехами русских юношей в изучении японского языка и снова винил в этом приславшее их в Токио командование: «...В 8 часов мы с Преосвященным Сергием пошли в Семинарию на экзамен. Экзаменовались 13 учеников русских по японскому языку, причем был Дмитрий Матвеевич Позднеев и о. Петр Булгаков; первый интересовался успехами их по поводу готовимой им брошюры о необходимости знакомства с японским языком у русских; успехи оказались плохими—подбор учеников совсем плохой. Военное начальство в Харбине и Хабаровске хочет приобрести переводчиков, даже и тратится на это, а чтобы прислать способных учеников — не подумало об этом»^[52].

Несмотря на то что подобные пассажи попадают в дневниках еще не раз, именно этот фрагмент интересен обилием важных дополнительных сведений. Упоминается точное количество учеников на тот момент: 13 человек. На экзаменах присутствовали два особенно частых гостя семинарии: крупнейший востоковед того времени, будущий ректор Восточного института во Владивостоке и сам выпускник духовной академии Д.М. Позднеев^[53] и его родственник, помогавший в подготовке

уже японских разведчиков^[54], священник посольской церкви в Токио протоиерей Петр Булгаков (родной дядя знаменитого писателя). Под «брошюрой», возможно, имеется в виду «Грамматика разговорного японского языка», вышедшая в 1911 году. Наконец, несколько позже упоминается, что в тот день к проверяющим присоединились семеро японцев—учителей семинарии. Набор этих малозначительных на первый взгляд данных позволяет датировать одну из самых известных фотографий учеников семинарии, на которой запечатлены 49 человек, в том числе архиепископ Николай Японский, митрополит Сергей (Тихомиров), протоиерей Петр Булгаков, Д.М. Позднеев, ректор семинарии И.А. Сэнума, японские преподаватели, семинаристы-японцы и те самые 13 русских слушателей. Двоих из русских учеников мы знаем в лицо: Исидор Незнайко легко опознается по другим сохранившимся фотографиям очень хорошего качества, а для установления личности Василия Ощепкова специалистами Министерства обороны РФ была проведена судебно-медицинская портретная экспертиза. Еще двое — Владимир Плешаков и Трофим Юркевич — пока находятся, что называется, под вопросом (есть их предрасстрельные фото из следственных дел НКВД, но опознать по ним жизнерадостных подростков очень непросто). И даже суровым лицам русских наставников на этом фото теперь можно дать объяснение: ученики отвечали плохо, да к тому же весь день шел дождь.

Впрочем, архиепископ не раз упоминает и об успехах русских ребят (особенно почему-то по японской географии), в том числе в присутствии высоких гостей^[55]. О некоторых же учениках мы вообще сегодня знаем только благодаря тому, что когда-то их ответы на экзаменах поразили святителя Николая: «Был на экзамене в Семинарии в младшем классе, иде 24 учащихся, по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Из русских младшие 5 учились с ними; отвечали плоховато, кроме младшего Плешакова»^[56] или: «Утром экзаменовал 2-й класс Семинарии, 12 человек, по Священной Истории; все отвечали хорошо. Экзаменовались с ними и двое русских, из которых Скажути так хорошо и таким правильным языком отвечал по-японски, что если не смотреть на него, а только слушать — не узнаешь, что говорит не японец»^[57].

Таким образом, вопрос об уровне японского языка у русских семинаристов остается до конца невыясненным. Да, налицо недовольство архиепископа Николая. Но не является ли оно следствием изначально завышенных требований этого выдающегося человека, самого блестяще владевшего языком? Вспомним еще одну известную запись из его

дневника: «...успехи их в изучении японского языка — для чего и живут здесь — не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка»^[58]. С одной стороны, претензия вроде бы обоснована, а с другой — можно ли представить сегодня студентов, например, Института стран Азии и Африки при МГУ, разговаривающих между собой исключительно по-японски? Да и сам владыка Николай отмечал, что, например, упоминавшиеся здесь Айсбре-нер и Шишлов, отчисленные на втором году обучения, «могут служить толмачами для устных переводов с японцами». Это ли не свидетельство высокого уровня интенсивности обучения в семинарии и соответствующего владения японским языком ее выпускниками? О своеобразии оценок архиепископа косвенно свидетельствует следующий факт. В 1909 году Токио посетил А.Н. Вентцель (Венцель)—товарищ (заместитель) председателя правления КВЖД и остался вполне удовлетворен уровнем японского языка у русских семинаристов:«...Дети эти живут и учатся среди японских мальчиков, что способствует более быстрому усвоению ими на практике изучаемого языка. Преосвященный Николай очень доволен успехами юных замурцев и ожидает, что из них со временем выработаются весьма полезные для службы на Дальнем Востоке работники»^[59].

Сохранилась нелестная характеристика уровня владения языком, данная авторитетным, известным, но в том числе и своим дурным характером, японоведом профессором Е.Г. Спальвиным: «Меньше всего владеют японским языком воспитанники духовной семинарии архиеп. Николая, но, как бы то ни было, этими людьми положено очень много труда на передачу русских литературных произведений...»^[60]. Но тут не вполне ясно по тексту, о ком вообще идет речь: о выпускниках-японцах, ибо это именно они переводили на японский язык русских писателей, или все-таки о русских, так как понятно, что японцы-то японским языком владели. К тому же в высказывании Спальвина возможна не только некоторая нелогичность, но и, весьма вероятно, предвзятость. Не надо забывать и о дате отзыва: характеристика дана в 1926 году, когда любой положительный отзыв о «попах» мог автоматически перевести эксперта в стан «врагов трудового народа», а Спальвин тогда только что прибыл в Японию с официальной миссией и дорожил своим местом.

Любопытно, что, по воспоминаниям внука одного из семинаристов — В.В. Незнайко, его дед с некоторым пренебрежением отзывался о языковых способностях своих однокашников, особенно тех, кто содержался «не на

казенный кошт», а на средства родителей или опекунов (таких было 2—3 человека). Но (у нас есть такая возможность) давайте сравним выпускные ведомости Исидора Незнайко и поначалу обучавшегося на средства опекуна Василия Ощепкова.

Незнайко окончил семинарию в 1912 году и получил в награду за успехи открытку с видом православной миссии и фотокарточку архиепископа Сергия (ставшего главой миссии после скончавшегося 16 февраля 1912 года святителя Николая) с дарственной надписью. Из 19 сдаваемых Незнайко предметов 7 относились к японской филологии (хотя и остальные изучались и сдавались на японском языке): «Чтение японских газет», «Японская грамматика», «Японский эпистолярный стиль», «Китайская письменность», «Японская письменная работа», «Японская словесность» и «Японская хрестоматия». По всем этим предметам он получил оценки «очень хорошо» и «хорошо».

Год спустя Ощепков сдавал другие выпускные экзамены, но в его программе было уже 8 предметов из области японской словесности: «Японская грамматика», «Японская хрестоматия», «Японское чистописание», «Японское сочинение», «Теория японской словесности», «Чтение японских писем», «Перевод японских газет» и «Китайская письменность». По трем из этих предметов Ощепков получил оценки «отлично хорошо» (5), а по остальным «Очень хорошо» (4). И в 1912, и в 1913 годах экзамены принимал митрополит Сергей, о котором сам архиепископ Николай писал: «Экзаменует отлично — строже, чем я»^[61]. Так что в данном случае речь, скорее, может идти о каких-то личных отношениях, о приязни и неприязни, а не об объективной оценке владения языком, тем более что нам неизвестно, кого именно из «частников» имел в виду И. Незнайко. Например, с тем же Ощепковым у него сложились очень неплохие отношения. Судя по всему, оба они — и Ощепков, и Незнайко — были в числе отличников, а Ощепков (единственный из второго набора семинаристов) удостоился многократного упоминания владыкой Николаем в его дневниках, да и в газете «Россия» преосвященный вспоминает об ученике с нескрываемой гордостью.

Помимо общеобразовательных программ и групп предметов, относящихся к Закону Божьему, русские семинаристы занимались и специальной физической подготовкой в виде, предусмотренном в то время японским министерством просвещения, то есть дзюдо. Любопытно в связи с этим упоминание об одном из случайных, казалось бы, визитов в семинарию: «Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели

посмотреть школы наши; показал Женскую школу и Семинарию, в которой ученики показали ему борьбу “дзюдзюцу”; время было после классов: больше видеть было нечего»^[62]. Думается, высокопоставленному «путешественнику» было весьма интересно взглянуть на умение семинаристов бороться, а информацию об их успехах в деле изучения японского языка он сполна получил у своего военного агента. Дело в том, что приезжий из Петербурга имел самое непосредственное отношение к обучению русских учеников: Ю.Н. Данилов, по прозвищу Данилов Черный (в одно время с ним в императорской армии были еще Данилов Рыжий и Данилов Белый), был не просто генералом, а генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба, проще говоря, шефом русской военной разведки. Нет сомнений, что внимание офицеров отечественных спецслужб, посещавших время от времени семинарию под различными благовидными предлогами, было сконцентрировано не на всех, а лишь на некоторых подростках (специальный отбор предусматривал и план Свирчевского), и их дальнейшая история подтверждает это предположение. Когда готовилась эта книга, один из ветеранов нашей военной разведки под большим секретом (!) рассказал автору, что один бывший семинарист «даже стал потом резидентом в Японии». Увы, ветеран не читал многочисленной литературы на эту тему и не знал, что имя этого резидента давно не является тайной: это был Василий Сергеевич Ощепков. Приходится признать в то же время, что, к сожалению, более-менее полные биографические данные есть лишь по отдельным семинаристам; а из их числа выделяются, в свою очередь, все те же двое наших знакомых: Василий Ощепков и Исидор Незнайко. Кое-что известно о жизни Владимира Плешакова и Трофима Юркевича. Есть несколько упоминаний о послесеминарской жизни Степана Сазонова и Николая Журавлева. Информация же о судьбах прочих семинаристов все еще хранится в различных архивах от Санкт-Петербурга до Владивостока, Сахалина и Токио и ждет своих исследователей. Но начну я с тех, о ком известно больше всего.

Глава 2. ВАСИЛИЙ ОЩЕПКОВ: ОТ КРЕСТА ДО КРЕСТА

После моей смерти не ищите меня в земле, а ищите в сердцах просвещённых людей.

Руни

История основателя самбо, единственного известного относительно широкому кругу людей бывшего семинариста Василия Сергеевича Ощепкова с каждым годом становится все популярнее. Свидетельства прогресса налицо: пишутся книги, снимаются фильмы, ставятся спектакли. В художественных произведениях возник новый герой — искусный разведчик и покоритель женских сердец Василий Сергеевич... Щепкин. Кстати, сама по себе фамилия нашего настоящего героя Ощепков встречается довольно часто в определенных регионах России, и изучение биографии ученика Николая Японского лучше начать с этого факта.

Уралец или украинец?

Известно, что фамилию свою Василий получил от матери — ссыльнокаторжной Александровской тюрьмы на Сахалине Марии Семеновны Ощепковой (1851—1904). Но о ней самой мы знаем не слишком много. В опубликованных ныне документах архива Пермского края, откуда родом была Мария Семеновна, можно найти данные только о двух людях, более или менее подходящих нашим условиям. Дело в том, что во всех современных публикациях указывается, что мать Василия Ощепкова родилась в 1850 году, но документы о женщине именно такого возраста не обнаружены. Зато в базе данных упоминаются сразу две Марии Семеновны Ощепковы 1848 года рождения: 29 марта, из деревни Аксеновка, дочь солдатки (Ф. 37. Оп. 2. Д. 114), и родившаяся 2 марта — из деревни Воробьи, дочь крестьянина Симеона Никифоровича и Анны Матвеевны. В метрической книге за 1866 год есть запись о бракосочетании 31 октября православной крестьянки из деревни Воробьи Ощепковой Марии Семеновны, 18 лет, то есть 1848 года рождения, дочери уже умершего к тому времени крестьянина Ощепкова Семена Никифоровича, с крестьянином из деревни Даньково Ощепковым Петром Герасимовичем^[63].

Следы первой Марии Семеновны при этом теряются...

Тут надо отметить, что Ощепковых в архивных материалах Пермского края очень много. Есть даже деревня Ощепково. Складывается впечатление, что Ощепковы — вообще одна из самых распространенных фамилий в Предуралье, но, что интересно, в старые времена больше нигде эта фамилия не встречалась. Так что даже сегодня, если вы встретите в своей жизни человека по фамилии Ощепков, можно быть уверенным, что кто-то из его предков происходит из пермских краев. Почему?

Исследователи считают, что само слово «ощепок» происходит из местных — вятских, уральских — наречий. Здесь так называли поленья, от которых щипали лучины, большие щепки. Возможно, когда-то такое прозвище дали местному промысловнику, продававшему, например, такие ощепки. А может быть, какому-то не очень порядочному человеку — «отщепенцу», от которого и пошли многочисленные потомки, многие столетия остававшиеся преимущественно в крестьянском сословии предуральских губерний. Впервые же фамилия Ощепков упоминается в тех местах в начале XVII века, когда в документах возникают «Ивашко Ощепков. Крестьянин сольвычегодский, 1629» и «Ивашка Мартемьянов сын Ощепков, 1623». На Средний Урал Ощепковы попали, видимо, примерно в то же время: сохранились записи о ямщике Афанасии Ощепкове из Верхотурской слободы, о деревне ямщиков Ощепковых на реке Тагиле, об Ощепковой слободе на реке Нице («...да новая слобода, что строит слободчик Пятко Ощепков»). Если верить легенде, раскольниками братьями Ощепковыми была основана Пышминская, Совина и Тупицынская слободы. К началу XVIII века Ощепковы упоминаются в различных списках и метриках все чаще, а еще через столетие становятся одной из самых распространенных фамилий Камско-Уральского региона^[64].

Среди носителей столь массовой фамилии всегда было много разных людей: плохих и хороших, честных и жуликов, талантливых и оставшихся навсегда неизвестными. Первым прославил род ученый, профессор, основатель советской школы радиолокации Павел Кондратьевич Ощепков (1908—1992). Родился он в Сарапульском уезде Вятской губернии, в 10 лет стал сиротой, но сумел окончить сначала школу, а потом и техникум в Перми. В 1931 году он стал выпускником Московского энергетического института и связал всю свою жизнь с радиолокацией. В 1937 и 1941 годах дважды арестовывался по ложным обвинениям, но сумел выжить, работал в «шарашке», создавая необходимые армии средства технического контроля за противником. Основал Институт интроскопии, руководил целым рядом

лабораторий и научных центров, в которых создавались передовые военные технологии, но реабилитации дождался только в 1992 году — за две недели до смерти. На его надгробии высечены слова: «Отцу радиолокации, интроскопии, энергоиверсии». Но он хотя бы дождался оправдания... Судьба его однофамильца была куда печальнее.

До сих пор единственным для нас источником знаний о матери Василия — Марии Ощепковой оставались строки, посвященные ей М.Н. Лукашевым в книге «Сотворение самбо...»^[65] (все остальные публикации о ней были фантазиями на тему изложенного в этом произведении). Исполненный искренней симпатии к своему герою, автор книги часть этого доброжелательного чувства перенес и на его мать. В тексте она предстает «несчастной крестьянкой», воспитавшей сына «в духе добрых старых русских крестьянских традиций», «которая ни в коем случае не могла иметь отношения к преступному миру, а попала в тюрьму, скорее всего, из-за своей вдовьей нищеты, да еще имея на руках своего первого ребенка». Причины, по которым попала Мария Ощепкова на страшную сахалинскую каторгу, М.Н. Лукашев представляет в том же духе: «Что же касается Марии Семеновны Ощепковой, происходившей из Воробьевской волости, Оханского уезда, Пермской губернии, то, вероятно, бедствуя в своей вдовьей доле, она совершила какое-то преступление. Была осуждена

Екатеринбургским судом и отбывать наказание отправлена “на заводы”. Но то ли слишком болела у нее душа об оставшейся в деревне дочери Агафье, то ли невыносимо тяжким оказался для сельской жительницы непривычный фабричный труд в насквозь продымленном, угарном заводском воздухе, но смелая женщина совершила побег. Только вот неважным конспиратором оказалась эта бесхитростная крестьянская душа. Ее, конечно, выследили и снова арестовали. Уж теперь-то судейские чины увидели в несчастной крестьянке “самого опасного и изощренного преступника” и определили ей тяжелейшее и мучительное наказание: восемнадцать лет каторжных работ и шестьдесят плетей. Трудно понять, как она выдержала эту зверскую экзекуцию, которая отправляла на тот свет даже здоровенных мужиков...» Если вспомнить о голоде, охватившем в том числе и Предуралье в 1891 году, то такая версия выглядит вполне правдоподобно: чтобы не умереть с голоду, не дать пропасть детям, крестьянка Мария Ощепкова решила преступить закон.

Вполне возможно, что примерно так оно все и было, но все же некоторые моменты здесь внушают сомнение, а потому обратимся к тем же архивным материалам, что использовал М.Н. Лукашев. В архивном фонде № 1133 Российского государственного исторического архива Дальнего

Востока (РГВИА ДВ) сохранился статейный список Ощепковой М.С., в котором указаны дата и место осуждения, вынесенный приговор, приметы («Рост 2 аршина 6 вершков (1,69 м. —А.К.), лицо чистое, широкое, глаза карие, волосы на голове и бровях русые, лоб крутой, нос длинный, рот большой, подбородок круглый, зубы все»), вероисповедание (православная), семейное положение («вдова после первого брака»), профессия («мастерства не знала»).

Самое интересное тут, помимо описания внешности, очень подходящей и для ее будущего сына, информация о совершенном преступлении. Впервые осуждена она была еще 31 марта 1884 года за неуказанное в документах преступление, совершенное ею аж в сентябре 1883 года, и приговорена оказалась «к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на семнадцать с половиною лет». В соответствии с действовавшим тогда «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года очень небольшое количество человеческих проступков могло повлечь за собой такую страшную кару, которую получила Мария Ощепкова. Собственно говоря, учитывая невозможность представить себе участие пермской крестьянки в антиправительственном заговоре и терроре, нам остается только поверить, что речь могла идти об убийстве с отягчающими обстоятельствами.

Не оказался «невыносимо тяжким для сельской жительницы непривычный фабричный труд в насквозь продымленном, угарном заводском воздухе» по той простой причине, что Мария на заводы не попала — она бежала «по пути следования на каторжные работы» в феврале 1886 года (где она провела почти два года после приговора, неизвестно) и, что совсем уж не похоже на прямолинейную крестьянку, у которой «слишком болела... душа об оставшейся в деревне дочери Агафье», отправилась не домой, а в бега. Успешно скрывавшаяся от правосудия в течение двадцати месяцев (еще почти два года!) Мария Ощепкова была задержана только в сентябре в 1887 года в г. Камышлове Пермской губернии. 20 июля 1889 года она получила свой второй срок — еще 15 лет каторги (всего 32,5 года) и 60 плетей. Приговор, не очень вяжущийся с образом добросердечной, патриархальной русской крестьянки, и, уж конечно, речь не может идти о «политкаторжанке» Ощепковой, как ее пытаются представить некоторые журналисты.

В 1890 году Ощепкова была отправлена на Сахалин из Одессы пароходом Добровольного флота. Следуя «без оков», Мария Семеновна в трюме коммерческого парохода проследовала через южные моря, Индийский океан на Сахалин, мимо Африки и Аравии в «столицу каторги»

— поселок Александровский пост, куца прибыла не позже 23 октября 1890 года — именно в этот день врач засвидетельствовал получение ею тридцати из назначенных шестидесяти ударов плетью. За 10 дней до этого Антон Павлович Чехов навсегда покинул Сахалин, закончив первую в его истории перепись населения. Увы, предположение М.Н. Лу-кашева о том, что «фамилии Ощепковой и Плисака вместе с, как теперь говорят, анкетными данными можно прочитать в статистических карточках Всероссийской переписи населения 1890 года, собственноручно заполненных А.П. Чеховым», безосновательно. Чехов уезжал с южной части острова и совсем немного разминутся с матерью нашего героя, иначе она бы обязательно попала в его картотеку, которую он так кропотливо составлял на острове более двух месяцев.

Мария Ощепкова осталась на Сахалине навсегда. В некоторых публикациях приводится цитата из «архивного фонда церкви о. Сахалин» о том, что «Ощепкова Мария умерла в селении Рыковском 24.04.1904 в возрасте 54 года. Причиной смерти явилось заболевание — рак почек и туберкулез пузыря. Погребение совершил священник Александр Винокуров 27.04.1904 на Рыковском сельском кладбище». До этого Мария Семеновна успела получить освобождение от каторжных работ с 1 марта 1901 года и узнать осенью 1898 года, что ее дочь Агафья отказалась следовать за матерью в ссылку, но главное — успела выйти замуж и родить сына.

Гражданским, как сейчас принято говорить, мужем Ощепковой стал «причисленный в крестьяне»^[66] столяр Сергей Захарович Плисак, скончавшийся в 1902 году. Практически ничего больше мы об этом человеке не знаем, в том числе не знаем причин, которые привели его на каторжный остров. Можно предположить, что оказался он там тоже позже середины октября 1890 года, иначе попал бы в списки А.П. Чехова. И еще: сохранились документы, подтверждающие, что до февраля 1912 года опекуном Васи Ощепкова, оставшегося в двенадцатилетнем возрасте круглым сиротой, являлся некий Емельян Евдокимович Владыко. Некоторые авторы прямо именуют его дядей Василия. Откуда у них информация о родстве, никто мне объяснить не смог, но версия эта любопытна, и вот почему. В сахалинской картотеке Чехова Емельян Владыко тоже не значится — значит, и прибыл позже, зато он попал в «Книгу памяти Сахалинской области», где проходит в числе репрессированных при Советской власти: «Владыко Емельян Евдокимович, р. 1876 в Киевской губ. Проживал в Александровске-Сахалинском. Кладовщик геолого-разведочной партии. Арестован 1.12.1931. Осужден

16.04.1932 к лишению права проживания в Дальневосточном крае и Западно-Сибирском крае сроком на 3 г. Реабилитирован 19.07.1989»^[67]. Владыко родился в Киевской губернии, а несложный интернет-анализ плотности расселения людей с фамилией Плисак показывает, что больше всего их живет на территории современной Киевской области Украины или недалеко от нее. Не исключено, что Сергей Плисак и Емельян Владыко действительно были если не родственниками, то, во всяком случае, земляками, возможно, попали на остров вместе, одновременно, и их связывали какие-то крепкие узы, заставившие Владыко стать опекуном Василия Ощепкова после смерти его родителей. Причем опекуном он был не единственным: Николай Японский в уже известной нам статье о воспитании русских учеников в Токийской духовной семинарии так описывает историю появления в ней Василия Ощепкова: «1907 г. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглый сирота, с письмом от своего опекуна, учителя новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств. почетного гражданина В.П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. Принят»^[68].

Е.Е. Владыко и В.П. Костров — не единственные важные сахалинские персоны, на первый взгляд, до странности много внимания уделявшие воспитанию сына строптивой каторжанки и столяра-кустаря. Почему?

Под первым крестом

Василий Сергеевич Ощепков родился 25 декабря 1892 года по старому стилю или 7 января 1893 года — по новому в поселке Александровский пост (ныне город Александровск) на северо-западе Сахалина. Поселок этот в ту пору представлял собой каторжную тюрьму, вокруг которой выросла, выражаясь современным языком, сопутствующая инфраструктура — дома и казармы ссыльнопоселенцев, охраны, мастерские, бани, почтовая станция, церковь. В книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» немалое место отведено условиям жизни, в которых росли сахалинские дети. Упоминается, в частности, и о том, что само по себе рождение ребенка в семьях каторжных и ссыльнопоселенцев расценивалось как своеобразное наказание и пожелание смерти собственному чаду не было большой редкостью среди сахалинских «отверженных». С другой стороны, сами каторжные людьми были очень разными — среди них встречались не только уголовники, но и политические, нередко передовые по тем временам

представители своих сословий, да и просто случайные люди, получившие столь суровое наказание за не самые значительные преступления. Русская тюрьма — корявый слепок общества во все времена, а потому социальная и интеллектуальная атмосфера Сахалина конца позапрошлого века была отнюдь не такой однообразной, как кажется с высот сегодняшних дней. В суровой, часто кошмарной жизни ковались характеры с разными полюсами. Не случайно именно там — на сахалинской каторге — выросли такие известные в будущем люди, как исследователь Антарктиды, неустоимый и непреклонный соратник Роберта Скотта Дмитрий Гирев, чьим именем назван один из пиков ледяного континента, или народоволец и исследователь айну польский интеллектуал Бронислав Пилсудский. «Каторжное воспитание» почувствовал на себе и Даниил Хармс, чей отец Иван Ювачев тоже был народовольцем, каторжанином, писателем, близко знавшим, кстати, родителей Трофима Юркевича — близкого друга Васи Ощепкова. Так что не каждому родившемуся за «краем земли» была уготована скорбная участь — Сахалин знал примеры успеха. Судя по всему, юный Василий попал именно в такое окружение.

Чехов писал о том, что мастеровые люди пользовались на острове большим уважением и были нарасхват. «Переведенный в крестьянское сословие» столяр Сергей Плисак, видимо, относился к их числу. Из документов опекуинства известно, что ему принадлежали два дома в сахалинской столице — на улице Большой (ныне улица Дзержинского) под номером толиЮ, толиПина улице Кирпичной (номер неизвестен), а значит, по меркам небольшого городка, человек он был действительно известный и уважаемый. Поэтому, когда у него родился сын, несмотря на то, что формально ребенок числился незаконнорожденным из-за запрета каторжанам и каторжанкам на вступление в брак, крестными выступили значительные персоны: «Георгий Павлов Смирнов — старший писарь Управления войска острова Сахалин», фигура заметная среди унтер-офицерского корпуса», — как пишет о них М.Н. Лукашев, и «девица Пелагее Яковлева Иванова» — дочь надворного советника, что, согласно действовавшей тогда Табели о рангах, соответствовало военному чину подполковника. Крестил же ребенка 31 декабря 1892 года только что назначенный местный благочинный, то есть старший над всеми окрестными священниками, отец Александр Унинский^[69], и, возможно, именно в этом кроется ответ на причастность «сильных острова сего» к судьбе маленького Васи Ощепкова. Дело в том, что доподлинно неизвестно, где происходили крестины.

Первые богослужения в Александровском посту проводились с начала

1880-х годов миссионером иеромонахом Ираклием в неприиспособленных местах: «В хорошую погоду служил он на площади, а в дурную—в казарме или где придется, одну обедницу»^[70]. Затем местные жители возвели небольшой храм, сгоревший в одночасье 28 ноября 1890 года. Строительство же новой — большой — церкви Покрова Пресвятой Богородицы по проекту выпускника Санкт-Петербургской академии художеств, впоследствии известного русского архитектора И. А. Чарушина началось в 1891 году и закончилось освящением 23 июня 1893 года. Кто знает, может быть, обряд над Васей совершался под крестом еще недостроенного храма, в возведении которого принимал участие его отец-столяр, человек дефицитной на острове профессии, а потому и отношение к ребенку было особо внимательное? Неизвестно...

Так или иначе, Васю Ощепкова опекали, и, по некоторым данным (документы пока не представлены), он был устроен на учебу в единственный «вуз» «столицы русской каторги» — Александровское реальное училище. До сих пор неясно, оно ли называлось в те годы Новомихайловским, где преподавателем был В.П. Костров — опекун Васи Ощепкова. Александровский краевед Григорий Смекалов представил фото этого учебного заведения, датированное 23 апреля 1903 года. Возможно, среди учеников на крыльце стоят и наши герои, но, к сожалению, лиц не разобрать.

Особо следует сказать о следующем. В последнее время в Интернете все чаще встречается такая «версия» развития событий: якобы по результатам Русско-японской войны в 1905 году Сахалин отошел к Японии, и все его жители, включая, конечно, Ощепкова, стали гражданами Японии. На самом же деле по условиям заключенного после войны Портсмутского мирного договора японцы получили южную часть острова — к югу от 50-й параллели. Никакого непосредственного влияния на судьбы сахалинцев, живших к северу от границы, а Александровск отстоял от нее относительно далеко, это событие не имело. Уж тем более никаких японских паспортов у местных жителей в ту пору быть не могло. Другое дело, что пароходы Доброфлота, доставлявшие на Сахалин в том числе каторжников, на обратном пути нередко заходили и во Владивосток, и в японский порт Цуруга в префектуре Фукуи, в то время служивший главными морскими воротами Японии, обращенными в сторону России. Заходили в Александровск и японские суда. Заставший в живых третью супругу Ощепкова М.Н. Лукашев пишет: «Вдова Василия Сергеевича, Анна Ивановна, вспоминала, как он с юмором рассказывал о своей первой поездке в Страну восходящего солнца. Как, совершенно не зная языка,

объяснялся с матросами, пытаясь сесть на японский пароход»^[71]. Это свидетельствует и том, что с самого начала своей карьеры Василий Ощепков не был обязан никаким генералам, петербургским «вершителям судеб», уж тем паче — государю императору (и до этого один журналист дописался!), якобы прозорливо заметившим на Сахалине молодое дарование и откомандировавшим его в Токио «учиться на шпиона». Ничего этого не было. А была забота одного или нескольких опекунов, возможно, действительно приметивших, что парень растет неплохой, несмотря на каторжанское происхождение, способный, и один из немногих шансов сделать из него человека—отправить если не на материк, то на другие острова—японские. Тем более в июле 1907 года на каникулы из Токио приехал на Сахалин Трофим Юркевич — сын бывшего учителя рыковской школы. Логично предположить, что Юркевич-старший наверняка был знаком со своим коллегой В.П. Костровым — тем самым преподавателем Новомихайловского училища, и тот, узнав от прибывшего на каникулы Трофима о том, чему и как учат в Токио, снарядил с помощью Емельяна Владыко 14-летнего мальчика в дорогу...

Под крестом «Никорай-до»

Четырнадцатилетний подросток, сумевший добраться с Северного Сахалина до далекого Токио, не зная при этом ни единого слова по-японски, произвел на архиепископа Николая должное впечатление и не был отправлен назад. До начала 1912 года Василий содержался на средства своих опекунов, то есть фактически — на свои собственные. Доходы, пусть и невеликие, поступали от сдачи внаем двух домов, доставшихся в наследство от отца. В сохранившихся документах об опекунстве сказано, что Емельян Владыко попросил снять с себя эти обязанности «в связи с убытием на материк». Что произошло с В.П. Костровым, нам неизвестно, но к тому времени в семинарии как раз образовались вакансии в группах стипендиатов, как они сами себя называли, военного ведомства, Василий был переведен на казенный кошт. Это тоже говорит о хорошем отношении к Ощепкову со стороны главы миссии. Владыка, в отличие от многих других, явно отмечал сахалинского сироту: в дневниках его имя встречается чаще других—трижды, как и имена Романовского и Легасова, и только в положительном контексте^[72]. Глава миссии доверял ему проводить экскурсии по Токио с русскими туристками (Ощепкова можно считать первым точно установленным русским гидом в Токио) и весьма лестно

отзывался о сахалинце в газете «Россия» архиепископ с гордостью рассказывал всей стране о впечатлениях опекуна Василия: «Г. Костров от 24 августа 1908 г. пишет мне: “Воспитанник В. Ощепков после каникул снова возвращается в вашу обитель. Год, проведенный в духовной токийской семинарии, конечно, сказался. Мальчик своим корректным поведением и умением держать себя в кругу взрослых произвел очень хорошее впечатление на всех знакомых”». Нет упоминаний о успехах Василия в учебе, но полученное в 1913 году свидетельство со сплошь хорошими и отличными оценками говорит само за себя. И всё же в историю

Василию Ощепкову суждено было войти, а затем и «втащить» в нее своих однокашников совсем в ином качестве.

По сведениям, полученным автором из Кодокана, преподавание дзюдо началось в семинарии с 1908 года. В субботу 11 апреля 1909 года архиепископ Николай записал в дневнике: «В 1 час пополудни семинаристы пригласили посмотреть их успехи в “дзюдоо” (или дзюудзюцу) — борьбе, которая преподается им приглашенным для того учителем, в гигиенических видах, как и гимнастика. Боролись сначала русские ученики, потом японские. Для зрителей мало занимательного, но для них очень полезно; действительно, такое упражнение для всех членов тела, что лучше быть не может. И есть приемы замечательные; например, один был задушен на несколько минут противником через стискивание живота ногами, точно клещами; но это не опасно; задушенного слегка поколотят по спине, и он оправляется»^[73]. Именно эти занятия приезжали посмотреть генералы из русской разведки — Самойлов и Данилов Черный.

С самого начала и на протяжении нескольких лет преподавал в семинарии Окамото Ёсиро — один из инструкторов Кодокан, обладатель 2-го дана^[74], полицейский участка Каида, к которому относилась территориально миссия на суругадайском холме. Кодокан, основанный в 1882 году «гением дзюдо» и будущим пэром Японской империи Кано Дзигоро, к 1908 году уже был главной организацией в мире дзюдо и находился километрах в пяти от Суругадай. Вероятно, Василий Ощепков показал определенную склонность к борьбе, чем-то понравился сэнсэю Окамото, раз 29 октября 1911 года он вместе со своим товарищем — потомком терских казаков Трофимом Попилевым (или Попелевым — есть и такая версия записи его фамилии) был приглашен для обучения непосредственно в Кодокан. Существует популярная легенда о том, как Ощепков сдавал своеобразный экзамен доктору Кано. Вот как рассказывает

эту историю М.Н. Лукашев (остальные авторы, включая японцев, лишь вторят ему): «Наступил торжественный день. В зале множество молодых претендентов чинно расселись на соломенных матах татами, и сам основатель дзюдо Кано Дзигоро обратился к ним с речью. Нравоучительная речь была длиннейшей и, откровенно говоря, довольно скучной. Молодым людям, при всем уважении к оратору, трудно было удержаться от того, чтобы не оглянуться по сторонам, не взглянуть на своих соседей.

Но Ощепков уже знал, что сзади за ними пристально следят преподаватели Кодокана.

И каждое движение абитуриентов расценивается ими как невнимание и даже недостаточное уважение к великому гроссмейстеру дзюдо. Василий все еще как следует не привык сидеть по-японски: без стула, на собственных пятках. Затекие ноги невыносимо ныли, мучительно хотелось вытащить их из-под себя и выпрямить, ну, хотя бы, просто чуть пошевелить ногами, но он по-прежнему сидел совсем неподвижно. А когда к нему подошли и сказали, что он принят в Кодокан, Ощепков попытался встать на совершенно онемевшие ноги, но так и не смог этого сделать, а только повалился на бок»^[75].

Скорее всего, эту историю Василий Сергеевич рассказал спустя много лет своей жене Анне Ивановне, а она несколько десятилетий спустя поведала ее спортивному журналисту Михаилу Лукашеву. И только в этой версии она похожа на правду. Несмотря на то что семинаристы к тому времени уже четыре года каждый день сидели, как это принято в Японии, на коленях или скрестив ноги, далеко не все русские, в силу отличия сложения европейцев от японцев, смогли к этому привыкнуть и адаптироваться настолько, чтобы считать такое положение комфортным. Довольно крупный и тяжелый Василий вряд ли испытывал удовольствие от сидения в позе сэйдза. Но, в отличие от других авторов, позже тиражировавших и раскрашивавших эту историю, Лукашев ничего не говорит об Ощепкове как о маленьком мальчике, предупрежденном о «коварстве» оратора Кано своим тренером по дзюдо. Василию на момент сдачи экзамена было почти 17 лет, и он уже прекрасно понимал, где находится и что ждет его впереди. Ничего не говорится в этой истории о Трофиме Попилеве (хотя «новобранцы» везде упоминаются во множественном числе), но на то могли быть самые разные причины — от советского умения не вспоминать о друзьях за границей «на всякий случай», до — кто знает? — возможно, неприязненных отношений, которые могли сложиться между Василием и Трофимом позднее. Какая версия верна? Не знаю, и гадать тут бессмысленно.

Учеба и жизнь в Токийской православной духовной семинарии были строго регламентированы. Ректор И. Сэнума и глава миссии владыка Николай старались поддерживать среди учеников строгую дисциплину, и им это в основном удавалось. Не менее серьезно относились к порядку и в Кодокане, но сами по себе тренировки шли в нем практически целый день без какого-либо строго расписания. Это значит, что Ощепков и Попилев могли посещать занятия в главной школе дзюдо, если на то было соответствующее разрешение ректора семинарии и благословение архиепископа. Например, они могли использовать для этого часы, отведенные для занятий по дзюдо в самой семинарии и уходить в город как «совершенствующие». Так или иначе, но можно говорить о том, что на занятия дзюдо (уж, конечно, не о самбо идет речь, как пишут некоторые авторы!) первых русских семинаристов благословил Николай Японский. Учитывая уровень авторитаризма в руководстве семинарии, ему, вероятно, было доложено о том, что Василий и Трофим показали себя перспективными борцами, и владыка не стал чинить им препятствий, отчасти определив таким образом дальнейшую судьбу Ощепкова и всей мировой борьбы в целом.

Что ждало Василия в Кодокане? Вопрос сложный и по причинам политкорректности редко задаваемый. Вот что писал об этом М.Н. Лукашев: «Василий в полном объеме познал всю суровую школу дзюдо тех лет. Даже в наши дни японские специалисты считают, что практикуемая в Японии тренировка дзюдоистов непосильна для европейцев. Тогда же система обучения была особенно жесткой и совершенно безжалостной. К тому же это было время, когда еще чувствовались отзвуки недавней Русскояпонской войны, и русского парня особенно охотно выбирали в качестве партнера. В нем видели не условно-спортивного, а реального противника. Еще недостаточно умелого Ощепкова более опытные борцы беспощадно швыряли на жесткий татами, душили и выламывали руки, а он, по дзюдоистскому обычаю, благодарил их за науку смиренным поклоном даже тогда, когда у него оказалось сломанное ребро. Вскоре, однако, с ним уже стало не так-то просто бороться даже искушенным дзюдоистам. Никто из поступавших вместе с Василием товарищей не выдержал суровых дзюдоистских испытаний: все оставили Кодокан. А он не только успешно овладевал борцовской наукой, но и стал претендовать на получение мастерского звания»^[76]. Написано как будто со слов Василия Сергеевича—возможно, и об этом успела рассказать его вдова Анна Ивановна Казем-Бек. А вот что рассказывают о японском дзюдо сегодня.

В начале 2013 года глава Всеяпонской федерации дзюдо Уэмура

Харуки покинул свой пост после череды скандальных разоблачений, которыми поделились с журналистами маститые спортсмены—уникальный для японцев поступок. Стало известно, что в наши дни в элитных клубах японского дзюдо применялись методы тренировки, достойные самурайского средневековья. Учеников били, над ними всячески издевались и даже кандидаты на получение 1-го дана и, соответственно, черного пояса — символа мастерской степени в восточных единоборствах, — сначала должны были пройти через испытание удушением. Претендентов самым натуральным образом душили до потери сознания тем самым черным поясом, а потом с помощью традиционных методов реанимации возвращали к жизни. Как выглядели тренировки в дзюдо сто лет назад, да еще когда один из партнеров являлся представителем страны вероятного противника, сложно себе представить. Нельзя забывать и о том, что в Кодокане учились многие японские военные, разведчики, диверсанты, сражавшиеся против нас в Русско-японскую войну, братья и сыновья погибших на русском фронте японских солдат и офицеров. И тут —русский на татами. Подарок судьбы, предназначенный для мести. Помните слова Д.М. Позднеева о подозрениях японцев в шпионаже архиепископа Николая? Это были не пустые слова: приехавшего вскоре после войны на родину преподавателя японского языка в Восточном институте Владивостока Маэда Сэйдзи посреди Токио зарезал ультраправый фанатик, а корреспондент крупнейшей газеты фиксировал происходящее для прессы. В православной миссии об этом знали, да японцы и не давали забыть. В десяти минутах ходьбы от семинарии, перед станцией Мансэйбаси, после войны был открыт грандиозный памятник обожествленному разведчику и выпускнику Кодокана, обладателю 4-го дана капитану Хиросэ Та-кэо, которому оторвало голову русским снарядом во время попытки совершения диверсии под Порт-Артуром. Василий должен был не раз проходить мимо этого памятника и наверняка задумывался о том, где он — русский парень с Сахалина — находится, зачем и какова будет его дальнейшая судьба, кто друзья, а кто — враги... Но с фантастическим упорством снова и снова шел в Кодокан, чтобы бороться и побеждать.

15 июня 1913 года, за неделю до выпуска из семинарии, Василий Сергеевич Ощепков стал первым известным нам русским и четвертым европейцем в истории, получившим начальную мастерскую степень — 1-й дан (седан) по системе Кодокан-дзюдо. М.Н. Лукашев рассказывает, что Ощепков долгие годы хранил вырезку из японского журнала со статьей, где было сказано: «Русский медведь добился своей цели». И даже на родине

героя одна приморская газета посвятила этому подвигу несколько строк: «...Благодаря своим выдающимся способностям, отмеченным самим основателем школы Кано Дзигоро, чрезвычайно быстро, в шесть месяцев, достиг звания “сёдана”, то есть учителя первой степени, и получил отличительный знак “черный пояс”»^[77].

Василий Великолепный

Позже, 4 октября 1917 года, будучи в командировке в Японии, Ощепков сдал экзамен и на более высокий — 2-й дан. Цели и задачи той командировки нам неизвестны—после окончания семинарии и до Октябрьского переворота в России Василий Ощепков служил в разведке и контрразведке в Хабаровске, Харбине и Владивостоке. В архивах штабов Приамурского и Заамурского округов, Владивостокской крепости должно храниться ещё немало документов, способных пролить свет на его деятельность как «унтер-офицера контрразведочного отделения». Известно, что всё это время он продолжал заниматься дзюдо — и как борец, и как тренер, и как пропагандист. В 1915 году спортивный журнал «Геркулес», выходивший в Петрограде, писал о новостях из Владивостока: «Правление [местного спортивного] Общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы “джиу-джитсу” г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимают за изучение одного из самых распространенных видов спорта в Японии»^[78]. Ощепков просьбу спортивного общества удовлетворил и до 1920 года руководил действовавшим во Владивостоке кружком дзюдо в известном здании на Корабельной набережной, 21, где сейчас размещается спортклуб Тихоокеанского флота и которое почти скрылось под опорами одного из знаменитых владивостокских мостов над проливами. Тогда же, 4 июля 1917 года, он провёл в этом городе первые в мировой истории международные командные соревнования по дзюдо, пригласив для этого в Россию дзюдоистов из Коммерческого училища города Отару с самого северного японского острова Хоккайдо.

После революции Ощепков оказывался на службе у адмирала Колчака — скорее всего, был мобилизован как переводчик с востребованного тогда японского языка. Сохранился документ, подтверждающий его службу в таком же качестве и в Управлении военно-полевых сообщений японского экспедиционного корпуса, расквартированного во Владивостоке. Не

похоже, чтобы служба ему нравилась: сахалинский характер не давал покоя. Параллельно Василий частным образом пытался преподавать японский язык и зарабатывать деньги в качестве коммерсанта. В его следственном деле сохранилась справка о ввозе на его имя во Владивосток нескольких пудов обуви из Японии. Но свернуть с однажды выбранного не им пути Ощепкову уже не удалось. Должность, образование и активность молодого сахалинца привлекали внимание красного подполья — политическая и военная спецслужбы были тогда объединены в так называемую «большевистскую разведку» с общим бюджетом и штатами. Семинарский друг и будущий доцент Института востоковедения Трофим Юркевич, действовавший во Владивостоке как агент красных и служивший вместе с Ощепковым у японцев, рекомендовал Василия для работы в военной разведке красных, и разведотдел 5-й армии большевиков с 1920 года наладил сотрудничество с русским дзюдоистом. Так Василий вернулся к своей работе против японцев, и делал это с некоторой лихостью, используя в своей работе в том числе и борцовские навыки. Нет, он не душил японских секретноносителей, принуждая их поделиться тайнами с большевистским подпольем. Он использовал болевые приемы, чтобы завоевать уважение и дружбу — японцы всегда особенно ценили силу. Историк борьбы А.М. Горбылев нашел уникальные документы, свидетельствующие о том, какого уровня контакты мог организовывать Ощепков как разведчик: 23 февраля 1918 года выходившая во Владивостоке газета «Урадзю нигаю» («Ежедневная владивостокская газета») напыщенным слогом сообщила: «Под эгидой владивостокского общества спорта пройдут соревнования по дзюдо и боксу. Соревнования начнутся сегодня в 3 часа пополудни. Спортсмены — храбрецы с японских и английских военных кораблей»^[79]. И в этот же день командир 5-й японской бригады кораблей, занявшей бухту Золотой Рог, контрадмирал Като Хирохару, сам в прошлом дзюдоист, записал в своем дневнике: «Смотрел дзюдо в [обществе] “Спорт”. Василий великолепен! Заставил меня продемонстрировать вместе с ним парное ката (то есть канонические упражнения дзюдо. —А.К.)»^[80]. О каком «великолепном Василии» из общества «Спорт» идет речь, понятно. А на следующий день адмирал продолжил: «Приходил Василий, 2-й дан». А.М. Горбылев справедливо замечает, что приходил Ощепков к японскому флотоводцу не куда-нибудь, а на флагман 5-й бригады, и контр-адмирал Като лично показывал русскому разведчику гордость своей эскадры. Что ж, у большевиков были причины для вербовки Василия Великолепного, и она состоялась. Первым

оперативным псевдонимом Ощепкова стал Японец — фантазии у почти неграмотных энтузиастов большевистской разведки не хватало даже на то, чтобы понять, что потаким кличкам враг может легко вычислить самого агента, и такое действительно нередко происходило.

Необходимость в усилении большевистской разведки встала особенно остро в октябре 1921 года, когда меркуловская контрразведка раскрыла подпольную организацию и целая группа секретных сотрудников была арестована. Взяли меркуловцы и Трофима Юркевича. Он легко отделался — был всего лишь выслан за пределы Дальневосточного края, но ручеек информации из японского штаба ослаб. Но и Ощепков уже не мог его подпитать. Мы не знаем, было это сделано по его инициативе или его попросили «товарищи из Центра», но в том же 1921 году Василий покинул Владивосток. Купив кинопроектор «Пауэрс», аккумуляторные батареи и несколько коробок с фильмами, он уехал на родной остров, чтобы показывать там кино местным жителям и японским солдатам, занявшим год назад весь Сахалин. По некоторым данным, в декабре 1921 года псевдоним Японец был заменен на другой — Д.Д., то есть «дзюу-до», как писали в то время это слово в России... Уже после прекращения существования Дальневосточной республики и присоединения Приморья к Советской России, 1 октября 1923 года, дело на секретного сотрудника Д.Д. было официально оформлено в Отделе агентурной разведки 5-й армии, на который было возложено наблюдение за Японией. В дело была подшита и «Подписка на агента»:

«Я, нижеподписавшийся, Василий Сергеевич Ощепков, поступивший в Отдел Агентурной разведки 5-й Армии, даю постоянную подписку в том, что:

1. Все возложенные ею на меня обязанности я обязуюсь точно и скоро выполнять.
2. Не разглашать никаких полученных сведений.
3. Все сведения после тщательной проверки обязуюсь передавать моему начальнику или лицу, указанному им.
4. Не выдавать товарищей — сотрудников и служащих Отдела Агентурной разведки хотя бы под угрозой смерти.
5. Не разглашать о деятельности Отдела, а также о штате служащих вообще и не произносить слов “Агентурная разведка”.
6. Признаю только советскую власть и буду работать только на укрепление добытой кровью трудового народа Революции.
7. Мне объявлено, что в случае неисполнения указанного в подписке моя семья будет преследоваться наравне с семьями белогвардейцев и

контрреволюционеров.

8. Требую смертного приговора для себя, если разглашу какие-либо сведения и буду действовать во вред советской власти, о чем и подписываюсь...

Подпись: *Ощепков*»^[81].

Текст удивителен по ощущению времени, которое он передает, по жесткости и бескомпромиссности позиции. С высот сегодняшнего дня может возникнуть вопрос: зачем все это было надо Василию Великолепному, который со своим знанием японского языка, дзюдо и связями среди японских военных уж как-нибудь да мог бы устроиться в стороне от войны — хоть в Токио, хоть где-нибудь в японской глубинке? Может быть, мастером вербовки был «товарищ Аркадий» — завагентурой разведки 5-й армии, а в прошлом шеф Василия по большевистской разведке Леонид Аркадьевич Бурлаков? Об этом человеке уже пишут книги историки спецслужб, но я скажу лишь, что вербовщик был на восемь лет моложе Василия, имел два класса образования, а трудовая биография его ограничивалась должностью младшего мастерского. Денег в красной разведке тогда агентам почти не платили. Компрометирующих материалов на Василия Ощепкова не обнаружено. Значит, завербован он был на идеологической основе. Но тут младший мастерской, каким бы страстным пропагандистом он ни был, ничего не смог бы сделать с Ощепковым, который вырос на каторге, прошел суровую школу в Японии, а до вербовки несколько лет успел прослужить в царской разведке. Нет, не «товарищ Аркадий» завербовал Василия Ощепкова. Работать против японцев его заставили воспоминания о семинарии, которую он во всех документах потом будет именовать «японской школой», воспоминания о триумфе Японии после войны с Россией, о Кодокане и четкое осознание того, как будет строить свои отношения Япония с его родиной в ближайшие годы. Ощепков, проведя полжизни в Японии, понимал, что война будет—не может не быть. И в подготовке к этой войне он сразу выбрал свою сторону баррикад, как и большинство его товарищей. Этот выбор и привел его на родной Северный Сахалин, уже занятый к тому времени японскими — вражескими — войсками.

В центре внимания Ощепкова оказались японские гарнизоны в северной части Сахалина, которые он посещать как кинопрокатчик. По японским законам того времени он обязан был давать в воинских частях бесплатные сеансы и, как разведчик, очень дорожил этой обязанностью. Свободно владеющий японским языком, имеющий опыт жизни в Токио, Василий Сергеевич легко сходилась с японскими офицерами, а для солдат

выполнял во время киносеансов функции переводчика, растолковывая им содержание кинокартин — по большей части европейских и американских. Почему именно он?

Бэнси из Владивостока

Строго говоря, японский Великий немой никогда немым не был. К 1896 году, когда в эту страну попала первая кинолента, история островного театра уже насчитывала столетия, а его устои были неколебимы. Особенности же подачи материала в жанрах японского театра Кабуки и Бунраку предполагали наличие особой профессии: гидаю или бэнси. Вот, например, как об этом рассказывал современник Ощепкова (может быть, они даже были знакомы) — поэт и переводчик с японского языка, потомственный востоковед Венедикт Март, вспоминая свои путешествия по Стране восходящего солнца в 1918 году: «...Специфически японское кино далеко не “великий немой”. Достаточно сказать, что свежий европеец после просмотра чисто японской картины выходит из кино буквально оглушенным от чрезмерной “нагрузки” барабанной перепонки... При самом входе в японское кино европеец попадает в совершенно отличную от нашей атмосферу. Прежде всего, купленный билетик — дощечка, оказывается, имеет отношение к... обуви посетителя. У входа в зрительный зал вместе с билетами предъявляются и ботинки. В зрительный зал пускают лишь в носках или чулках. В кино, как и в театрах, японцы обычно располагаются целыми семьями, курят, едят, пьют... Японская публика в кинематографе чувствует себя как дома и иногда располагается в ложах чуть ли не на сутки. При оглушительных ударах гонга перед полотном появляется совершенно неизвестный нашему зрителю неизменный персонаж японского кино. Это кинорассказчик, живое либретто кинокартины. Тушится свет, и откуда-то из тьмы неугомонно несется патетическая речь артиста-рассказчика. Параллельно с ходом кинодействия он образно рассказывает его содержание. Японцы, которые с такой жадностью вбирают в себя все иностранное, в то же время на редкость бережно относятся ко всему национальному, к своей старине... Обычные японские картины по характеру и содержанию — героические... Европейские и американские трюки в этих картинах заменяются эпизодами битв, искусных воинственных схваток самураев и пр., причем киноартист для национальных фильмов должен быть обязательно искуснейшим акробатом и исчерпывающе знать древние приемы фехтования, а иногда и весь

полный ритуал самурайского харакири...»^[82]

Если убрать японскую экзотику, то покажется, что бэнси — это герой Данелия из фильма «Мимино», синхронно переводящий на понятный зрителям язык содержание картины. Но фокус в том, что японскую экзотику из мастерства бэнси убрать как раз и нельзя — не случайно ведь ни в какой другой стране эта профессия не прижилась. В Японии же, наоборот, бэнси были столь же известны и любимы, как и сами актеры. Фильмы, дублированные лучшими бэнси, можно найти в Интернете и сегодня — поверьте, эти немые картины стоит не только посмотреть, но и послушать! Причем при демонстрации особо сложных и популярных лент могли быть задействованы сразу несколько бэнси — вплоть до моделирования своеобразного дубляжа героев фильма вживую. При слабой еще в раннем японском кино роли режиссера именно от бэнси зависел успех проката каждой конкретной картины. Настолько, что на самых лучших бэнси ходили в кинематограф, как на концерт сегодняшних поп-звезд или писателей-сатириков, — послушать их комментарии. А в случае с сахалинскими гарнизонами, где других бэнси попросту не было, Василий Ощепков силою обстоятельств вынужден был стать местной звездой, знаменитостью кино клубов «каторжной столицы». Кстати, а что он показывал и что смотрели японские военные?

Смотрели, прежде всего, детективы, затем — проверенную временем классику. В 1914 году, например, было экранизировано «Воскресение» Льва Толстого, вышедшее в японский прокат под названием «Катюша». Ко времени, когда Ощепков прибыл на Сахалин, хитами стали фильмы Чарли Чаплина. Военным по долгу службы и в связи с особым восприятием мира требовались фильмы патриотические, духоподъемные. Все еще пользовались популярностью после 1905 года хроники прошедшей Русско-японской войны. Озвучивать и эти фильмы приходилось бэнси — представьте себе чувства Василия Сергеевича во время кинопоказов в японских гарнизонах. Причем работать ему приходилось с оглядкой на цензуру в области охраны верноподданнических чувств. Чуть позже, в 1926 году, было даже принято специальное постановление Министерства внутренних дел о сохранении достоинства правящей императорской фамилии, авторитета военных и недопущении эротики и «левизны». Приказ распространялся и на иностранные картины, так что тут бэнси приходилось применять чудеса изворотливости, чтобы донести до зрителей идею какого-нибудь искромсанного цензурой европейского фильма. Именно на иностранные ленты делал упор Ощепков как бэнси-иностранец. Сохранился один из его запросов взводотдел 5-й армии, в котором он

перечисляет фильмы, пользующиеся наибольшим успехом у японских военных: «Подбор сюжетов должен быть следующий:

3 драмы из жизни сыска, расследование какого-нибудь запутанного уголовного преступления;

3 — лирического содержания (как картина “Родные души” в исполнении русских артистов: Коралли);

3 — из жизни какого-нибудь патриота, героя, отличившегося на войне на пользу отечества (для демонстр, в воинских частях);

3 — сказки Гримма, Гауфа, Андерсона, фонОшенбаха, Вег-нора (в общем, такую как картина “Сказка о 7 лебедях” в 7 или 8 частях, шедшая в “Глобусе”);

3 — из жизни диких племен (как картина “Пламя “Сахары”).

К каждой драме должна принадлежать комическая в 2 отд. с участием Чарли Чаплина или толстяка “фети...” (неразборчиво. —А.К.) и одна или две видовых, а если есть... (неразборчиво), то одну ... (неразборчиво) и одну видовую.

Картины должны быть если не новые, то во всяком случае вполне целые по своему содержанию и перфорации.

Следовательно, 15 программ будут составлять приблизительно 180 отделений.

К каждой картине пришлите рекламный материал и содержание картины...»

М.Н. Лукашев в своей книги подробно описывает фантастические с сегодняшней точки зрения трудности, возникавшие перед военной разведкой в деле добычи требуемых лент. Складывается впечатление, что необходимость бесперебойно снабжать своего резидента на Сахалине кинокартинами вызвала у его начальников ненависть к нему на долгие годы вперед. Налицо было полное непонимание того, с помощью какой «крыши» работает их разведчик и зачем вообще все это нужно.

Сахалин и немножко любви

Активное общение русского бэнси с японскими военными давало тем временем обильный урожай разведывательной информации. Донесения Ощепкова с Сахалина обширны, но точны и детальны. По своему характеру и организации они точно соответствуют схемам подачи материала, изложенным в книгах теоретиков русской разведки В.Н. Клембовского и П.Ф. Рябикова^[83], в специальных методичках, издававшихся до революции

разведывательными отделами Сибирского и Заамурского военных округов. В донесениях Ощепкова с Сахалина есть информация о дислокации и вооружении воинских частей: «В г. Александровске: Две роты пехоты—4-я и 3-я численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы Гочкиса без щитов и легкого типа (ружейного обрезания) с прикладом, при каждом пулемете 4 номера прислуги. Казармы расположены в центре города (фот. № 40). 5 орудий 3” калибра, дальность стрельбы IV версты (в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления). Никаких укреплений нет. Кавалерии нет»; о важных экономических объектах: «Каменноугольный рудник Ф.Е.М. Петровского. Работал зиму 1922 года. Продажа исключительно частная и на электрическую станцию. Цена угля с доставкой 16 йен тонна. Рудник расположен в 6 верстах от города»; и подробнейшая информация о крупных военных чинах: биография, родственные и карьерные связи, послужные списки, личные качества и фотографии японских генералов, служащих на Сахалине^[84].

Несведущему человеку трудно сегодня оценить важность и качественный уровень передававшейся В.С. Ощепковым информации, поэтому я обратился за комментариями к нашим специалистам в области «военного шпионства» и предложил им «вслепую», без знания источника, места и времени действия, оценить имеющиеся материалы. Вот какой ответ был от них получен: «Имеющиеся в нашем распоряжении материалы являются фрагментом информационноаналитического справочного документа, по сути представляющего собой аналог раздела современной разведывательной сводки по военно-политической обстановке, составу и дислокации сил и средств вероятного противника в отдельно взятом регионе. Документ... написан четким и лаконичным языком без излишней детализации, что наиболее характерно для документов, предназначенных для доклада руководству оперативно-тактического звена управления и выше. Учитывая, что в тот исторический период, которым датируется данный документ, органы военной разведки РККА находились в стадии формирования, а структура табельных разведывательных документов только разрабатывалась, есть основание полагать, что в его основе были использованы шаблоны старых документов Генерального Штаба царской армии. **Отдельно следует отметить характер изложения материала, отличающийся высоким, даже с позиции сегодняшнего дня, уровнем военной, политической и экономической грамотности** (выделено мной. —А.К.). Принимая во внимание общий уровень подготовки сотрудников РККА того времени, можно также предположить, что человек, непосредственно исполнявший (сводивший) документ, имел специальную

информационно-аналитическую подготовку и, вероятнее всего, являлся кадровым сотрудником органов военной разведки еще дореволюционного периода.

Изложенные в документе сведения представляют собой обобщенную и структурированную информацию, которая была получена из различных источников: агентурных, в том числе и документальных, непосредственного наблюдения, опроса местных жителей, анализа данных из средств массовой и экономической (биржевой) информации. Наряду с информацией сугубо военного характера (состав, основное вооружение и дислокация частей и подразделений) в документе содержатся сведения об органах военно-административного управления, состоянии ключевых элементов инфраструктуры, в числе которых указаны объекты разработки нефтяных месторождений, районы проведения и результаты геологоразведочных работ в северо-восточной части острова Сахалин. В материалах присутствуют ссылки на фотографии и карты. Учитывая наличие на оккупированной территории определенного режима и ограничений на перемещение (упоминание об этом также имеется в тексте), фотографирование объектов и сбор сведений для нанесения обстановки на карту должны были потребовать значительного времени и сил...»^[85]

Полнота поставляемых сведений, судя по всему, удовлетворила и тогдашнее начальство агента Д.Д. Оно приказывает ему перебраться на давно уже японский Южный Сахалин. Но самого Ощепкова явно не удовлетворяло отношение к нему командования, явно не соответствующего тем требованиям, которые разведка предъявляет к руководителям тайной службы. О многих перипетиях работы Ощепкова на Сахалине вы можете прочитать в книге М.Н. Лукашева, где со ссылкой на документы воспроизведены истории с пьяными курьерами, недопустимостью хранения агентом секретных материалов, совершенно нелепая затея с переводом японских уставов на русский язык (не ученым в тиши библиотеки, где имеются все необходимые словари, и такие переводчики у армии были, а резидентом в расположении противника!), задания в 68 пунктов, хотя любое пособие по разведывательной работе в царской армии отмечало, что более 10 поставленных вопросов заводят агента в тупик и лишают его возможности работать вообще, и многое другое.

«Только совершенно мудрый может быть руководителем шпионов», — писал Сунь-Цзы в своем знаменитом трактате «Искусство войны», но не было таких людей в 5-й армии на советском Дальнем Востоке. Ощепков рвался из сил, чтобы выполнить все задачи, что-то выполнял, что-то не мог

выполнить, но командование начинало верить в его возможность сделать абсолютно все. В 1924 году агент Д.Д. получил потрясающее сообщение: «...при сем препровождаю вам программное задание по разведывательной работе на Сахалине в частности и вообще по Японии как на ее территории, так и в ее колониях — Корее, Формозе и Южном Сахалине. Максимум внимания уделите следующим вопросам, связанным с добыванием сведений о японской армии...»^[86] Находившийся в поселке Александровский пост в пустынной части Северного Сахалина, крутивший кино в избе посреди заброшенного гарнизона, Ощепков должен был, по мысли Бурлакова и других своих командиров, собрать разведывательную информацию по Японии и ее колониям, включая Формозу (Тайвань) и Корею. Василий отказался, но, верный долгу, предложил взамен другую командировку — в Токио, откуда он уехал всего 6 лет назад, где ему многое и многие знакомы. Весь план работы, легенду (кинопрокатчик из Харбина, работавший на Сахалине), детали прикрытия Ощепков разработал сам. Начальство же не сразу, но дало себя уговорить.

В октябре 1924 года Ощепков оказался в столице Русского Китая — Харбине. Там он остановился у своего однокашника по семинарии Исидора Незнайко и познакомился со своей землячкой Марией. Официально он был к тому времени женат. Но сама по себе история с его первыми двумя вступлениями в брак до сих пор окутана тайной. Дело в том, что 1 октября 1923 года, оформляя анкету секретного сотрудника, Ощепков в графе «семейное положение» написал странную фразу: «Холост и одинок». Долгие годы она вводила тех исследователей, которые ее вообще замечали, в сентиментальные размышления: уж очень глубокой тоской наполнено это выражение... Холост и одинок... Мне тоже так казалось, пока я не встретил эту же формулировку в... картотеке Антона Павловича Чехова, собранной им на Сахалине. Дело в том, что ссыльнопоселенцам, как мы помним, разрешалось вступать в некоторое подобие гражданского брака для облегчения совместного ведения хозяйства в условиях каторги. Именно такой брак был заключен между родителями Ощепкова. При этом на материке у каторжных мужа или жены могла оставаться венчанная супруга или супруг. Для того чтобы различить, кто в каком браке состоит, администрация каторги и придумала двойную формулировку, в которой супружеские узы подтверждались дважды. «Холост и одинок» означало не тоску по семейной жизни, а отсутствие уз брака в обоих случаях — и на материке, и на острове. Выросший и получивший начальное образование в условиях каторжной администрации, Василий Ощепков невольно перенял и применял и некоторые островные канцеляризмы, которые преследовали

его еще долгое время.

Итак, 1 октября 1923 года он был «холост и одинок», а спустя ровно год обратился в харбинский епархиальный совет с просьбой расторгнуть его брак с гражданкой Журавлевой Екатериной Николаевной, и просьба его немедленно была удовлетворена. Странно? Ничуть, если предположить, что Екатерина Николаевна Журавлева была родной сестрой товарища Ощепкова по семинарии и тоже сахалинца Гавриила Николаевича Журавлева, а женитьба на ней понадобилась Василию для получения японских документов, необходимых для въезда в страну, которые он теперь, вступив в брак с местной жительницей, мог получить как островитянин. И харбинское епархиальное управление в 1923 году легко могло пойти навстречу кинопрокатчику, если он объяснил необходимость заключения фиктивного брака страхом перед большевиками и желанием уехать подальше от них — в Японию. Так это или нет, мы пока не знаем: до сих пор эта информация почему-то считается секретной.

Увы, девичья фамилия второй жены Ощепкова — тоже уроженки Сахалина Марии Григорьевны — такая же военная тайна. Мы знаем только, что ей в 1924 году было семнадцать лет и что она была прелесть как хороша — это видно по ее фотографиям.

Немедленно зарегистрировав брак с Марией, глава только что созданной кинопрокатной конторы «Slivy-Film» Ощепков отправляется через Шанхай в столицу уже «Русской Японии» — Кобэ, куца и прибывает 24 ноября. Место прибытия и начала жизни Ощепковых в Японии было выбрано если даже и неосознанно, то очень удачно. После Великого землетрясения Канто, разрушившего до основания Токио и Йокогаму 1 сентября 1923 года (сгорел и «Никорай-до»), Кобэ стал точкой сосредоточения большинства иностранных диаспор Японии. Крупнейший ввозной порт сумел растворить в себе и сделать востребованными довольно большое для Японии количество иностранцев — только русских, по оценке эксперта по изучению русской диаспоры в Японии профессора П.Э. Подалко, там проживало более 300 человек — необыкновенно много для такой закрытой страны, какой была Япония 1920-х годов. В Кобэ до сих пор сохранились остатки «русского квартала» в престижном районе Накаяматэ, где в доме номер 137 Ощепковы прожили около 7—8 месяцев — до середины лета 1925 года, когда они перебрались в Токио. За это время Василий Сергеевич сумел полностью легализоваться в этой стране, получить надежные документы и предложение стать официальным представителем там германской кинокомпании «Вести». Разведывательные возможности в Кобэ вряд ли могли удовлетворить Центр — ничего

особенно ценного эмигранты сообщить не могли. Токио сулил новые перспективы, и, перебравшись туда, Ощепков постарался доказать, что ожидания могут быть оправданы.

Снова в Токио

Прежде чем вернуться в Восточную столицу (так переводится на русский язык слово ‘Токио’), Василий Ощепков составил план работы в японской столице:

«1) Прежде всего, установить, в каких учреждениях служат учившиеся со мной в японской школе японцы.

2) Найти подходящую квартиру вблизи расположения какого-либо полка.

3) Записаться членом спортивного клуба Дзю-дзюцу в районе расположения полка.

4) Завязать знакомства с теми студентами, в семье которых имеется кто-нибудь из военных.

5) Завязать знакомство с фотографом, выполняющим работу для полка.

6) В случае необходимости поручить жене открыть курсы русского языка.

7) Установить время и место регулярного свидания с сотрудником Чепчиным (японец К.).

8) Наладить связь с Плешаковым, который служил в Центросоюзе в Хакодате, через которого была единственная возможность сдавать материалы для отправки во Владивосток или Харбин.

9) Познакомиться с русским служащим в интересных для меня учреждениях.

10) Чаще встречаться с товарищем по школе Сазоновым, который являлся правой рукой атамана Семёнова, и через него познакомиться с лицами из политических и военных кругов Японии»^[87].

Резидент Монах (новый оперативный псевдоним Ощепкова еще конкретнее указывал на прошлое своего обладателя) сумел выполнить почти всё намеченное, в том числе те пункты, в которых прослеживается его опыт службы в контрразведке — расселение вблизи воинских частей и дружба с фотографами были излюбленными методами работы японской разведки в России. Впрочем, топографические особенности работы Василия Ощепкова и других наших разведчиков в Токио — тема отдельного исследования.

Помимо «сотрудника Чепчина» — однокашника Ощепкова по семинарии, ставшего преподавателем одного из токийских военных училищ и давшего согласие работать на русских, Василий Сергеевич установил связь ещё с несколькими бывшими семинаристами, занявшими интересные для разведки посты. Владимир Плешаков оказал помощь старому другу, наладились отношения со Степаном Сазоновым, нашёлся и «русский служащий в интересном учреждении» — в компании «Мицубиси». Казалось, что советская тайная служба в Японии разворачивает сеть, которая принесёт в скором времени долгожданный богатый улов. Ведь прошло чуть больше года с начала работы. Этого едва ли достаточно нелегалу, чтобы устроиться на новом месте, освоиться, обжиться, особенно если это место — Япония. Вспомните — Рихард Зорге прожил в Японии восемь лет! Однако крупные «специалисты» рабочекрестьянского шпионажа, руководившие Ощепковым, по-прежнему оставались недовольны работой своего сотрудника и требовали результата «здесь и сейчас». Результат был. По мнению экспертов, результат уровня значительно выше среднего для той ситуации, в которой оказался Василий Сергеевич, — почти все время находящийся под гласным и негласным полицейским наблюдением, да еще и почти лишенный финансирования своим преступным в необразованности и нежелании учиться командованием.

Два начальника—Бабичев и Заколоткин—быстро обвинили Василия Сергеевича в плохой работе, нецелевом расходовании бюджетных средств и предложили возвратиться в Советский Союз, чтобы вернуть деньги и... пройти разведывательную подготовку. Ощепков недоумевал: «Ведь должна быть груда ценных материалов, если они переведены на русский язык»^[88] (выделено мной. — А.К.), но военно-бюрократическая машина работала безотказно: 15 апреля 1926 года первый нелегальный резидент советской военной разведки в Японии был назначен переводчиком разведывательного отдела штаба Сибирского военного округа. Фактически Ощепков навсегда покинул Японию, чтобы переводить те секретные материалы, которые перед этим он сам же отправлял в Центр из Токио. По воле начальства покинул настолько спешно, что страдавшая от чахотки жена была оставлена в Токио и добиралась на родину сама.

В архиве японского министерства иностранных дел мне удалось обнаружить донесение агента секретной полиции Токко, обнаружившего внезапное исчезновение «подозрительного русского»: «... 16 апреля Ощепков отправился в деловую поездку в Кобэ, однако выяснилось, что на данный момент он находится во Владивостоке, к тому же он вызвал туда

свою жену Марию, находившуюся тогда в Токио. Мария уехала из Токио 7 мая и отправилась во Владивосток через г. Цуруга. Внезапная поездка Ощепкова во Владивосток показалась неестественной, так как до этого он жаловался, что у него большие трудности с получением советского паспорта. Кроме того, близкие к нему люди, в том числе сотрудники «Фильма», и его домашний персонал, полагали, что на данный момент он находится в Кобэ. Исходя из этой подозрительной ситуации мы провели разведывательные действия».

Мария [Ощепкова]:

«Поскольку японской публике не очень нравятся европейские (английские, французские и пр.) фильмы, которые абсолютно не конкурентоспособны перед американскими продуктами, мой муж в последнее время стал серьезно изучать русскую литературу с тем расчетом, что от показов русских кинофильмов в Японии можно ожидать больших успехов. И, так как цель его визита во Владивосток заключалась в деловых переговорах с советской кинокомпанией, вопреки ожиданиям ему сразу выдали паспорт, а также разрешение на выезд из пределов Японии. После этого в своем письме он приказал мне тоже отправиться во Владивосток.

В письме не было никаких подробностей, но я предполагаю, что там, во Владивостоке, рассчитывают, что мой муж мог бы принести пользу, поскольку он в совершенстве владеет японским языком».

Итиро Кобаяси и Хидэкити (Эйкити?) Кимура, сотрудники компании «Фильм»:

«Ощепков уехал туда без предупреждения, и мало того, он в своем последнем письме приказывает нам обсудить...вопрос о дальнейшем существовании компании, ссылаясь на то, что он не в состоянии вернуться в Японию в течение ближайшего времени. Мы глубоко смущены и подозреваем, что все это лишь оправдание: он до этого говорил, что готов устроиться в советскую кинокомпанию в зависимости от размера гонорара. Мы предполагаем, что, скорее всего, он уже устроился туда, и считаем его оправдания неуместными»^[89].

Спустя всего полтора года новый, сменивший Заколкина (тот через десять лет будет расстрелян по обвинению в попытке организовать бомбардировку Кремля), начальник разведки округа докладывал в Москву: «Я хочу выразить глубокое возмущение по поводу снятия с работы Ощепкова, этот факт не лезет ни в какие ворота... Я глубоко убежден, что если бы в своё время было дано надлежащее руководство, он во сто крат окупил бы затраты на него... Это тип, которого нам едва ли придётся иметь когда-либо... Я полагаю, что если бы вы дали нам Ощепкова сейчас, мы

сделали бы из него работника такого, о котором может быть не позволяем себе и думать»^[90].

Создавая самбо

Ощепкова в разведку больше не «дали», да это, как мы теперь знаем, было бы и бессмысленно — объяснить в Токио внезапное исчезновение подозрительного русского, долгое его присутствие в Советском Союзе и последовавшее за этим «чудесное возвращение» в Японии всё равно не удалось бы. В 1927 году Василий Сергеевич переехал в Новосибирск, где тогда был расквартирован штаб округа, и продолжил службу переводчиком. Как всегда, он немедленно приступил к пропаганде своего любимого дзюдо, но не среди любителей-спортсменов и милиционеров, как делал это в дореволюционном Владивостоке, а среди военных. В этом решении видны и опыт жизни в столь же милитаризованной Японии, и профессиональная принадлежность, и безысходность. Дело в том, что, если верить сообщению В.И. Лота, в Новосибирске для Ощепкова закрылись окончательно перспективы разведывательной и контрразведывательной работы. В том, что он такую возможность еще видел, свидетельствует письмо Василия Сергеевича Заколадкину: «Если я в настоящее время буду скрыт от официальной службы переводчика при штабе военного округа, то в перспективе можно рассчитывать на успех». Однако 24 апреля 1927 года в десятом часу вечера Ощепков и группа его учеников, в том числе сотрудники ОГЛУ и военные в форме, зашли после тренировки в ресторан Делового клуба Новосибирска. Там же оказались и трое японцев, в том числе сотрудник консульства этой страны. Он узнал Ощепкова, под руководством которого занимался дзюдо во Владивостоке, а Василий Сергеевич вспомнил его^[91]. Оба сразу определили профессиональную принадлежность друг друга, и на этом карьера Василия Сергеевича Ощепкова как нелегала окончилась, и началась карьера основателя самбо.

В том же году в окружной газете появилась большая статья под заголовком “Джиу-Джицу” в Новосибирске: «На собрании ячейки ОСО при штабе СибВО состоялся интересный доклад тов. Ощепкова о японской самозащите — “Джиу-Джицу” и был показан ряд её приемов...». Как японист, Василий Сергеевич давал в статье лингвистический комментарий: «Слово “Джиу-Джицу” или вернее, “Дзюу-Дзюцу” (в Японии говорят “Дзюу Доо”) в переводе на русский язык означает “искусство ловкости-гибкости”...» Ощепков настаивал на введении преподавания дзюдо в армии,

мотивируя это тем, что «Джиу-Джицу» преподают уже в войсках Англии, Франции и Америки. Понятно, что в Новосибирске принятие настолько глобальных решений было невозможно, но интересно, что сразу после доклада Ощепкова в городе были созданы сразу две группы по изучению дзюдо — мужская и женская, а Василий Сергеевич даже устраивал PR-шоу: «В целях популяризации самозащиты японской системы “Джиу-Джицу”, тов. Ощепков предполагает выступать в местном цирке, где он продемонстрирует приемы “Джиу-Джицу” и устроит показательное соревнование, выпустив против себя 5—10 нападающих»^[92]. Это был успех. О докладе Ощепкова написали и другие газеты, его цитировали и ждали новых выступлений, но... Василия Сергеевича это уже не радовало. В женскую группу не записалась его жена — чахотка доконала её в сибирском климате, и, похоронив супругу, Ощепков в отчаянии обращается к своим московским друзьям с просьбой помочь ему выбраться наконец из Сибири.

В октябре 1929 года мечта Василия Сергеевича сбылась—он в Москве. Более того, мастер востребован Инспекцией физической подготовки РККА и лично ее руководителем — Б.А. Каль-пусом для участия в разработке нового наставления по рукопашному бою как обязательной части физической подготовки красноармейцев (дочь Кальпуса со временем станет ученицей Ощепкова). Почти сразу Василий Сергеевич назначается на должность инструктора дзюдо в Центральный дом Красной армии (ЦЦКА) и преподавателя дзюдо в Государственный центральный институт физической культуры имени Сталина (ГЦИФК). Наконец, вскоре после переезда в Москву, он знакомится с молодой вдовой, вернувшейся после смерти мужа из Казани, — Анной Казем-Бек. Живший некоторое время в Харбине, Ощепков вполне мог слышать о ее родственнике — лучшем русском враче этого города В.А. Казем-Беке, и это могло стать темой для сближения только что потерявших своих супругов людей. Через некоторое время Василий и Анна начинают жить вместе в комнате в коммуналке напротив Страстного монастыря и по соседству со старым другом — Трофимом Юркевичем.

Ощепковский стиль в пропаганде дзюдо к тому времени уже полностью сложился — молниеносный и осуществляемый из любого служебного положения в любой точке страны. Он только-только прибыл в столицу, а уже декабрьский номер «Физкультуры и спорта» пишет об открытии в ЦЦКА группы дзюдо: «В программу занятий войдут: 1) броски, рычаги, удары руками и ногами и удушения; 2) приёмы самозащиты невооруженного против вооруженного винтовкой, револьвером, саблей,

ножом или другим холодным оружием ближнего боя; 3) приёмы схватки двух невооруженных. За основу будет принята японская система самозащиты “дзюдо”, как наиболее проработанная, а главное, представляющая собой уже готовый комплекс различных приёмов самозащиты... курсами будет руководить инструктор т. Ощепков, окончивший институт «Кодокан-дзюу-до» в Японии (в Токио)»^[93]. Став штатным преподавателем ГЦИФКа, Василий Сергеевич «пробивает» дзюдо как обязательную дисциплину для всех студентов. Автору этих строк посчастливилось застать в живых некоторых из них, и они, уже почти столетние старики, с восхищением вспоминали, как восемьдесят лет назад бегали на занятия к Ощепкову и как «самый интеллигентный из всех преподавателей» легко «выдергивал их из борцовского ковра»^[94]. В инфизкульте разрабатывают легендарный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне». Японист и настоящий, а не натужный патриот Ощепков, зная, что в Японии такой уже есть, добивается введения в ГТО приемов самозащиты и обезоруживания.

Ограниченный в изучении дзюдо, вынужденный вариться в собственном—советском—соку, лишенный возможности общения с иностранными инструкторами и спортсменами, Ощепков вносит в родное ему Кодокан-дзюдо одно изменение за другим. Подробнейший анализ этого долгого, практического и одновременно очень научного процесса выполнен А.М. Горбылевым, к работам которого я и отсылаю заинтересованного читателя^[95]. Сам же скажу только о самом очевидном для неспециалистов в области борьбы. В СССР, конечно, не было и неоткуда было взять татами, и Ощепков заменил его привычным борцовским ковром. От этого сразу же меняется стойка борцов, она становится ниже, больше напоминая позицию цирковых борцов, стимулируя их уход туда, что увеличило приемов в партере. О ковер ломаются пальцы ног, и Ощепков вводит специальную обувь — борцовки, тем более что многих студентов — недавних крестьян лучше было обуть, чем разуть, — из чисто эстетических соображений. Не прижилась и японская форма — кэйкоги. Трудно сказать почему, но возможно, что белые — «исподние» — штаны слишком напоминали кальсоны, и ученики Ощепкова начинали бороться в спортивных трусах и в белой куртке. Со временем куртка становится приталенной, как одежда борцов Северного Китая, которую Василий Сергеевич мог видеть во время службы в Маньчжурии, а в поясную часть вшиваются специальные проймы — складывается внешний вид того, что после войны назовут словом «самбо». Пока же новое единоборство называют в учебном плане на

1934/35 год «борьбой вольного стиля (дзюу-до)». Кстати, тогда же, в 1934 году, Ощепков открывает первую спортивную секцию по дзюдо в Москве — в обществе «Крылья Советов», и через несколько месяцев её аналоги появляются в Ленинграде и Харькове. В марте следующего года проходят первенства Москвы и Ленинграда по борьбе вольного стиля (дзюдо), а в 1936 года Василий Сергеевич ещё успел создать и Всесоюзную федерацию этого вида единоборств, начал писать книгу, подготовил большую статью о необходимости преподавания дзюдо в армии, но упоминания о Японии в его статьях и выступлениях звучат всё реже по мере того, как меняется общая тональность политического имиджа этой страны в СССР^[96].

Если в 1929 году журнал «Физкультура и спорт» писал о дзюдо с явным уважением, то в 1936-м его точка зрения изменилась до неузнаваемости: «Что такое дзюдо? Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенции — Япония имеет систему физического воспитания, предназначенную исполнять классовые заказы японских империалистов. Эта система носит название дзюдо»^[97]. Всего двумя годами раньше Ощепков без опасения, хотя и придерживаясь советской стилистики, рассказывал о дзюдо и своей квалификации в нём: «Дзюдо — это система физического воспитания, сложившаяся в Японии более 50 лет тому назад, представляет собой как бы квинтэссенцию из весьма разнообразных и многочисленных систем самозащиты, каковыми были дзюу-дзюцу, тэнзинсиньорю, киторю и другие... Современную систему дзюдо я изучил в Японии в Центральном Институте Кодокан-дзюудо в Токио, который закончил в 1913 г. в звании мастера 2-й ступени, пробыв в названном институте около пяти лет... Японский империализм, стремясь к оснащению своей армии передовой техникой, придаёт огромное значение дзюудо, которая вооружает её личный состав приемами ловкости, гибкости, умения нападать и защищаться не только с оружием, но и без оружия. Для бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии освоение приемов искусства дзюудо должно стать боевой задачей дня, ибо Красная Армия, защищающая границы единственного в мире государства трудящихся, не может отставать от возможных врагов своих ни в технической вооруженности, ни в физической подготовленности»^[98]. Теперь — в условиях начинавшегося Большого террора — эти слова звучали обвинительным заключением их автору. В довершение всего центральные советские газеты ополчились на церковь, напрямую связывая ее воспитанников с иностранными разведками, в том числе японскими»^[99].

Впрочем, вся жизнь Василия Ощепкова выглядела исполнением

какого-то странного приговора. Родившийся и выживший на сахалинской каторге — там, куда отправляли умирать, он попал в Японию — под крыло святого Николая Японского, под сияющий над Токио крест «Никорай-до» на холме Суругадай, стал учеником самого основателя дзюдо Кано Дзигоро. Не раз рисковал жизнью в раздираемом Гражданской войной и бесконечными мятежами Приморье. Согласился стать разведчиком, и снова рисковал жизнью на Сахалине, и вновь вернулся в Японию, в очередной раз увеличивая степень этого смертельного риска. Что ждало бы его в Японии, проработай он там, как Зорге, 7—8 лет? Сегодня сложно об этом судить, но разве знали бы мы сегодня о том же Зорге, если бы его начальство вернуло его через год после начала командировки в Японии, как это произошло с Ощепковым? Но ведь и Зорге погиб. Точно известно только одно: вернувшись в Советский Союз и отдавая все силы изучению той части японской культуры, которая сейчас получила восторженное признание во всем мире, Василий Сергеевич Ощепков разделил судьбу большинства отечественных японистов.

Третий крест

20 сентября 1937 года народным комиссаром внутренних дел СССР Н. Ежовым был подписан приказ № 00593 — так называемый «приказ о харбинцах»: «Органами НКВД учтено до 25 000 человек, так называемых “харбинцев” (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза. Учётные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности»^[100].

Ощепков был харбинцем — он прожил в этом городе около двух лет, не раз бывал там, и харбинский след в его биографии прослеживался вполне очевидно. Территориальные органы НКВД вели учет харбинцев, возвращавшихся в СССР, и брали на карандаш любого — будь он хоть трижды советский разведчик. Более того, в прошлом Ощепков был сотрудником царской контрразведки, в терминологии того времени —

жандармом, он служил в японской армии, служил у Колчака и, наконец, долго жил в Японии, хотя и маскировал идеологически невыдержанную семинарию термином «японская школа». В довершение всего в его характеристике в личном деле Разведупра навсегда осталась запись: «По убеждению Ощепков — сменовеховец устряловского толка»^[101]. Николай Устрялов — глава колчаковского «агитпропа», идеолог «национал-большевизма» и лояльный к советской власти служащий КВЖД, по представлениям 1937 года, да и последующих семи десятилетий, был лидером одной из «антисоветских политических партий», связанных к тому же, в силу своего географического нахождения в дальневосточном центре русской белоэмиграции — Харбине, со многими антисоветскими организациями. Одна из критических книг Устрялова стала источником вдохновения для главы Всероссийской фашистской партии К. Родзаевского. Устрялов был расстрелян 14 сентября 1937 года. Так что «сменовеховец устряловского толка» — это не характеристика, это — приговор.

Ордер об аресте Ощепкова был подписан 29 сентября, а сам арест произошел в ночь с 1 на 2 октября 1937 года. Одновременно с Василием Сергеевичем были схвачены такие корифеи отечественного японоведения, как профессора Д.М. Позднеев и Н.А. Невский, много других, менее известных японистов, но, судя по степени организованности «изъятий», давно находившихся в поле зрения НКВД как подлежащие аресту в соответствии с п. За приказа № 00593. Ощепков попал под молот, уничтоживший почти до основания отечественную школу японоведения, но в его следственном деле нет ни одного протокола допроса. Выдающийся спортсмен и тренер давно страдал от стенокардии и не расставался с нитроглицерином. В 46-й камере 7-го коридора Бутырской тюрьмы, куда его доставили после ареста, никаких таблеток, конечно, держать не разрешалось, и в 18 часов 50 минут 10 октября 1937 года Василий Сергеевич Ощепков скончался от приступа, как тогда говорили, «грудной жабы». На этот день Василию Сергеевичу и Анне Ивановне удалось достать билеты на «Дни Турбиных», шедшие на малой сцене МХАТа, — спектакль о таких же «золотопогонниках» и «сменовеховцах», каким был сам наш герой...

Судя по всему, тело Ощепкова сразу перенесли в тюремную больницу Бутырок, которая располагалась в бывшем тюремном храме Покрова Пресвятой Богородицы — он существует и сегодня. Там, скорее всего, был составлен акт о его смерти, и под этим крестом закончилась земная жизнь разведчика, японоведа и борца. Человек, начавший свой земной путь в недостроенной сахалинской церкви, получивший образование и

прошедший школу жизни под крестом над Токио, окончил свой путь тоже под крестом. Он был верующим — жена вспоминала, что даже в страшных 30-х годах они ходили в один из немногочисленных московских храмов — Воскресения Словущего на Успенском Вражке...

Сегодня можно, как ни кощунственно это звучит, порадоваться тому, что Ощепкову удалось избежать пыток и издевательств, предварявших короткую дорогу к расстрельному рву—бывшего посла СССР во Франции Х.Г. Раковского под пытками заставили, например, признаться в том, что он «вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона». Смерть дзюдоиста не только оборвала возможную ощепковскую нить следствия — в соответствии с п. 5 приказа № 00593 можно было не сомневаться, что такую нить лубянские следователи из Ощепкова вытянули бы, как вытягивали практически из всех, кто попадал в «ежовые рукавицы» НКВД, но и спасла его третью жену—Анну Ивановну Ощепкову. В декабре (точная дата не указана) 1937 года, то есть примерно через два месяца после смерти Василия Сергеевича, старший лейтенант госбезопасности Вольфсон и капитан госбезопасности Сорокин подписали «Постановление о прекращении уголовного дела № 2641 по обвинению Ощепкова В.С. в шпионской деятельности в пользу Японии», а сержант госбезопасности Воденко сдал его в архив. Прекращение дела означало, что он не попал в утвержденные списки репрессированных, а значит, в другие аналогичные списки не попала и его семья.

Как ни удивительно, но это постановление от 1937 года работает и сегодня. Несмотря на то что в 1957 году Василий Сергеевич Ощепков был полностью реабилитирован, его фамилия не попала в списки репрессированных в годы сталинского террора. Нет его пока и в списках жертв сталинских репрессий, хотя в архиве общества «Мемориал» хранятся переданные туда автором копии наиболее важных материалов его архивно-следственного дела. Ощепков не значится среди японоведов — ни как один из первых практиков и преподавателей японского языка, окончивших Токийскую семинарию, ни как жертва «чисток среди японоведов» (трое его соучеников — Г.Н. Журавлев, В.Д. Плешаков, Т.С. Юркевич в эти списки попали). Японист и разведчик — Василий Ощепков как будто бы исчез. Его помнят только спортсмены, хотя здесь речь может идти скорее о легендарном образе, своеобразном «православном ниндзя», чем о реальном человеке, — проводятся соревнования по дзюдо и самбо памяти Василия Ощепкова, в Подмоскowie есть школа самбо его имени. На его родине, в Александровске, в 2013 году открылась памятная доска, посвященная знаменитому сахалинцу, годом раньше в одном из

спорткомплексов Владивостока появился бюст первого дзюдоиста России, поставленный там на японские деньги, снимаются фильмы и ставятся спектакли о нем. Но... о нем ли? Для большинства людей Василий Сергеевич Ощепков пока так и остаётся легендой, человеком из ниоткуда, шагнувшим в никуда. Но крест на этом ставить рано.

Глава 3. ТРОФИМ ЮРКЕВИЧ — АГЕНТ «Р»

*...Я вижу край, где вновь и вновь Несется стон и
льется кровь,
И не несут душе утех И эта песнь, и этот смех.*

Николай Матвеев. На чужбине (Япония, 1919)

Трофим Степанович Юркевич — еще один воспитанник святителя Николая Японского, по неизвестным причинам не окончивший Токийскую православную семинарию, — сначала был одним из безвестных офицеров-восточников, а позже стал одним из первых признанных советских востоковедов-лингвистов. По сравнению с судьбами большинства его однокашников, о жизни Юркевича известно довольно много. В то же время почти все, что мы знаем о нем сегодня, — материалы лишь одного следственного дела...

В отличие от основной массы русских семинаристов, обучавшихся в Токио после Русско-японской войны, Трофим Юркевич не был сыном казака, присланным для подготовки в качестве военного переводчика за счет русской военной разведки. 17-летнего Трофима вместе с его младшим братом Федором в августе или сентябре 1906 года с Сахалина в Токио привез отец — Степан Юркевич, сам по себе персонаж, достойный отдельного упоминания.

Степан (или Стефан) Григорьевич Юркевич — бывший сахалинский каторжанин — известен нам еще по переписным карточкам А.П. Чехова, оформленным в 1890 году — тем самым, в которых не удалось найти никаких упоминаний о Марии Ощепковой и Сергее Плисаке. С Юркевичем же Чехов встречался и записал: «Степан Григорьев Юркевич. Хозяин (то есть владелец собственного крестьянского хозяйства. — А.К.). Тымовский округ, селение Рыковское, номер дома—63. Звание—поселенец. Возраст—30 лет. Вероисповедания православного. Из Екатери-нославской губернии (современная Днепропетровская область Украины. — А.К.). Год прибытия на Сахалин — 1880. Грамотен. Семейное состояние — на Сахалине (то есть женат только на острове, и на материке семьи не имеет. — А.К.).

Юркевичи — фамилия громкая, польская, дворянская. Историю, как попал на каторгу потомок польских шляхтичей, ставший после освобождения школьным учителем, сохранил для нас другой бывший

сахалинский каторжанин — народоволец и отец известного когда-то писателя и поэта Даниила Хармса Иван Ювачев (И.П. Миролубов) в своей книге «Восемь лет на Сахалине»: «Учителем этой школы с самого ее основания состоял предприимчивый энергичный малоросс, Ст. Гр. Юркевич. Шестнадцатилетним мальчиком он поступил в почтовую контору в одном из южных городов России. Вскоре за что-то почтмейстер рассердился на него и стал его публично ругать. Вспыльчивый, горячий юноша страшно разобиделся и в запальчивости схватил случившийся тут же револьвер почтальона и не прицеливаясь выстрелил в своего начальника. Пуля угодила прямо в сердце. Мальчик ошалел. Сознание, что он убийца, пугало и мучило его больше, чем последующий суд, тюрьма и каторга. Юркевича приговорили в ссылку на очень короткое время, так что не успел он приехать на Сахалин, как срок каторги уже окончился. ...На первое время Юркевич оказался для ссыльных детей превосходным учителем. Без всякого принуждения... или инспекции со стороны, один без помощника, почти без всяких учебных пособий, за самое ничтожное вознаграждение он умело справлялся с громадной оравой неграмотных детей. Под его руководством они удивительно скоро усваивали грамоту по звуковому методу. Впоследствии я видел его учеников... телеграфными чиновниками, с благодарностью вспоминаящих своего учителя. Вместе с мальчиками Юркевич обучал и девочек. На одной из своих учениц он женился, завел свой дом и полное крестьянское хозяйство. Летом он пахал, боронил, косил, жал и вообще сам лично справлял все крестьянские работы и считался примерным хозяином... С годами население Рыковского увеличилось, и вместе с тем увеличился и наплыв ребят в школу. Две комнаты... не могли вместить их всех, и Юркевич с болью в сердце вынужден был отказывать наиболее молодым (а приводили даже шестнадцатилетних детей). Наконец, тюремное начальство решило построить специальное большое здание для школы, выпisać из России дипломированного учителя, купить учебные пособия и вообще поставить обучение ребят насколько возможно лучше. Кроме постоянных казенных сумм и частных пожертвований из России для Рыковской школы (книги, письменные принадлежности, одежда, обувь и прочее), начальник округа со своей стороны нашел возможным отпускать ежедневно из тюремной экономии чай, хлеб и соленую рыбу на завтрак учащимся ребятам. И вот Степан Григорьевич принужден был уступить свое излюбленное место учителя другим. Хотя Бутаков назначил его тюремным надзирателем с высшим окладом жалованья, но его не удовлетворяла эта новая должность: с одной стороны, он должен был бросить свое любимое занятие —

сельское хозяйство; с другой, надо было подчиняться часто несправедливым требованиям зрителей и возиться с арестантами. Однако, ради своей семьи, он потолкался при тюрьме еще года четыре, а затем уехал на материк, где и работал в качестве десятника при постройке Уссурийской железной дороги»^[102]. В 1891 году автор этих записок крестил и родившегося в селе Рыковском на Северном Сахалине первенца Юркевичей — Трофима. Представитель своеобразной и очень энергичной сахалинской интеллигенции, Степан Юркевич желал дать детям лучшее образование. Токио и Владивосток были при этом ближайшими к Сахалину (судя по всему, Степан Юркевич к 1906 году вернулся на остров) и примерно одинаково достигаемыми крупными культурными и образовательными центрами. Так и очутились братья Юркевич в центре японской столицы, на холме Суруга в православной семинарии архиепископа Николая^[103]. Впрочем, младший, Федор, вскоре был отчислен «по неспособности к обучению» и отправлен с отцом домой. О его судьбе больше ничего не известно^[104].

Прибыв в Японию, братья неожиданно оказались в центре внимания японских средств массовой информации. Февральский, 1907 года, номер журнала «Сэйнэн» («Юношество») упоминал о них в статье о русских семинаристах, которых впервые в Японии училось так много (16 человек на тот момент): «...Трофим Юркевич и Федор Юркевич — братья. Они прибыли в Японию в прошлом году в сентябре...Из каких же сословий общества эти ученики? Братья Юркевич и Волков Александр из купеческого... все знают более или менее по-китайски Юркевич и Дзимбатов дошли до третьего класса гимназии^[105]... Среди них Юркевич говорит по-китайски особенно хорошо...»^[106].

Когда и где кто-то из Юркевичей овладел китайским языком — еще одна загадка, которая, скорее всего, имеет простую отгадку: японский журналист, готовя насыщенный великодержавным пафосом материал, просто спутал одного из братьев с кем-то из маньчжурских «казачат», возможно действительно говоривших по-китайски.

Трофим Юркевич проучился в семинарии четыре года и не был отмечен в дневниках святителя Николая никак — ни с хорошей стороны, ни с плохой. Зато он попал в статью высокопреосвященного как пример добросовестного овладения японским языком: «В прошлом году, в одно воскресенье, маршал маркиз Ояма, главнокомандующий японских войск в минувшую войну, прислал в миссию пригласить одного из русских воспитанников в гости к своему сыну кадету; Т. Юркевич, хорошо

говорящий по-японски, отпущен был и провел день в доме маркиза, в дружеском общении с его сыном»^[107]. Трофим Юркевич оказался принят в доме человека, всего пару-тройку лет назад вызывавшего ужас в сердце рядового русского обывателя. Про японского героя одна наша газета во время войны писала так: «Среди мелкорослых японцев Ойяма также выделяется и ростом, и физическим сложением. Рассказывают, что Ойяма вовсе даже не японец, а попал в Японию в качестве “странствующего атлета” и японцы, обуреваемые шовинизмом, сразу предложили ему сделаться из акробата — японским полковником. Ойяма отличается еще больше жестокостью, чем пресловутый Того. По-японски Ойяма — значит людоед. Его жестокость вошла в Японию в поговорку: он, во время восстания в Сацуме, некоторым из главных инсургентов самолично, живым, отгрызал головы»^[108]. Излишне сегодня пояснять, что Ойяма по-японски вовсе не означает «людоед» и, хотя маршал князь Ойяма Ивао действительно отличался крупной фигурой, одновременно он слыл и большим эстетом: говорил на нескольких европейских языках, построил дом на окраине Токио в немецком стиле и стал первым японцем, купившим чемодан от «Луи Витон». Однако таким его не знал почти никто из русских, и, возможно, именно юный Трофим Юркевич мог быть одним из немногих представителей бывшей вражеской страны, кто имел возможность наблюдать в быту легендарного победителя русской армии.

Итак, Трофим успешно учился или, во всяком случае, овладевал японским языком. Судя по приведенному примеру с дружбой с сыном маршала Ойяма^[109], он пользовался доверием архиепископа Николая. Если так, то совершенно непонятно, почему уже в 1910 году Юркевич резко изменил свою судьбу и покинул Токио, вернувшись на родину. Можно было бы объяснить этот поступок желанием уйти из семинарии просто потому, что это была именно семинария, а не светское училище, или, например, стремлением вернуться на родину, чтобы помочь отцу, начинавшему новое дело на материке. Но нет, вместо этого Трофим Юркевич поступил в Иркутскую духовную семинарию, которую успешно окончил в 1912 году^[110]. Может быть, действительно хотел стать священником, но служить не в Японии, а дома, в России? Устал от Японии? Не подошел климат? Не уверен, что мы когда-нибудь узнаем ответы на эти вопросы.

Трофим Юркевич, учившийся за счет отца, мог, в отличие от большинства одноклассников — «казачат», определять свою судьбу сам. Он и пытался это сделать, хотя ему не сразу удалось найти себя. Окончив Иркутскую семинарию^[111], Трофим снова вернулся в Приморье, где

поступил в Восточный институт, чтобы продолжить японоведческое образование^[112]. Он учился у известных специалистов того времени — В.М. Мендрина (кадрового офицера, казачьего есаула и ветерана Русско-японской войны) и «звезды приморского японоведения» Е.Г. Спальвина. Теперь, казалось бы, Юркевич окончательно сделал выбор в пользу востоковедения, и, уж во всяком случае, его жизненный путь, в отличие от однокашников-«казачат», должен был стать сугубо мирным, но... началась война.

Окончив в 1916 году Восточный институт, Трофим Юркевич поступил в Оренбургское военное казачье училище, выпускником которого, кстати говоря, был еще один знаменитый дальневосточник и ровесник Трофима — будущий атаман Григорий Семенов. Сын сахалинского учителя с Украины, ученик Николая Японского, выпускник духовной семинарии стал одновременно японоведом и казачьим сотником и в таком странном профессиональном симбиозе встретил страшную русскую революцию.

Из протокола допроса Т.С. Юркевича от 11 апреля 1938 года:

«Вопрос: Где Вы находились во время Гражданской войны, т.е. с 1918 по 1922 год?

Ответ: Примерно с мая до октября 1918 г. я находился на родине (остров Сахалин), занимался в этот период вместе с родителями сельским хозяйством. В конце 1918 г. выехал в г. Владивосток, где добровольно поступил в белогвардейский отряд штаба приамурских войск армии Колчака и служил офицером в должности пом. ст. адъютанта приамурских войск по казачьим делам. В начале ноября 1918г. перешел в военную цензуру—военным цензором, где находился до марта 1919 г. В марте 1919 г. поступил в японский главный штаб экспедиционных войск в качестве переводчика, где проработал до августа 1922 г., т.е. до момента разгрома белой армии. После этого выехал обратно на родину на остров Сахалин (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — А.К.).

Вопрос: Следствием установлено, что Вы в 1921 г. арестовывались колчаковской контрразведкой. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да.

Вопрос: Расскажите об этом? (так! — А.К.)

Ответ: Будучи во Владивостоке в 1921 г. я был арестован колчаковской контрразведкой и допрашивался поручиком контрразведки (фамилия неразборчиво. —А.К.), который во время допроса предлагал мне заняться разведывательной деятельностью в пользу колчаковской армии.

Вопрос: Вы дали свое согласие?

Ответ: Нет, я сообщил, что нахожусь на службе в японском главном

штабе и меня освободили»^[113].

Удивительная на первый взгляд история: следователя НКГБ нисколько не заинтересовало, почему обвиняемый был арестован колчаковской, то есть вражеской, контрразведкой! Он не спросил Юркевича о причинах ареста, не поинтересовался, какие претензии возникли у спецслужб белогвардейского меркуловского правительства к бывшему казачьему сотнику. Во всяком случае, эти вопросы не нашли отражения в материалах следственного дела. Но внимательное изучение многих аналогичных дел 1937 года наглядно показывает, что палачей не интересовали подобные «детали». Они не запрашивали личных дел арестованных разведчиков, если на то не было особого указания сверху, не интересовались степенью реальной вины арестованных, не ставили сами перед собой задачу выяснения правды. Зачем? Люди арестовывались не для следствия, а для наказания. Их приговоры предусматривались изначально — до ареста, как мы видели это на примере того самого приказа НКВД № 00593 «О харбинцах», по которому был арестован и Юркевич. Он был харбинцем, должен был быть за это наказан смертью, а остальное было делом пыточной техники.

То, что следователь знал о самом факте ареста Юркевича во время службы во Владивостоке, неудивительно, и для этого от сотрудника НКВД не требовалось никаких усилий. В анкете последнего, заполненной, видимо, сразу после «взятия», записано: «В 1921 г. Приморским окружным судом приговорен к высылке из пределов Приморья. В 1934 г. арестовывался органами НКВД в обв. по ст. 58 п. 2,10 и II^[114], после 4,5 месяца освобожден»^[115]. Поэтому создается впечатление, что вопрос об аресте меркуловцами был задан только для того, чтобы уточнить, услышать от самого обвиняемого, что он служил у японцев. На эту мысль наводит и то обстоятельство, что следующий вопрос касался уже непосредственно обвинения в шпионаже. А между тем в той же анкете есть еще одна интересная запись — в графе «Служба в Красной армии» Юркевич сообщает: «В 1923 г. работал (неразборчиво) по линии Разведупра»^[116].

«Разведупр» — это Разведывательное управление Красной армии, будущее IV управление Генерального штаба РККА, а затем ГРУ Генерального штаба Вооруженных сил СССР — та самая организация, к которой принадлежал и Василий Ощепков. Трофим Степанович Юркевич при заполнении анкеты честно и откровенно признался, что он был агентом советской военной разведки, но и это, похоже, не вызвало интереса

следователей. Что ж, попробуем мы, хоть и с непростительным опозданием, разобраться, в чем тут дело.

М.Н. Лукашев, видевший во времена гласности в архиве ГРУ личные дела Василия Ощепкова, утверждает, что последний уже в 1919 году оказался связан с большевистским подпольем во Владивостоке именно через «своего старого, еще семинарского приятеля Трофима Юркевича, переводчика Главного штаба японских экспедиционных войск и нашего разведчика». Лукашев считает, что в дальнейшем Ощепков был завербован советской разведкой тоже «по рекомендации того же Юркевича, поручившегося за своего старого товарища»^[117]. К сожалению, сегодня дело Ощепкова вновь недоступно для исследователей без погон, и мы можем для подтверждения или опровержения этой версии обратиться лишь к открытым материалам, но они, к счастью, есть. В частности, историк О.В. Шинин несколько раз упоминает нашего героя во вполне определенном контексте в своей работе «Большевистская “партийная” разведка в период существования в Приморской области буржуазных правительств (май 1921 г. — октябрь 1922 г.)»^[118]. Автор статьи называет подпольщиков поименно (со ссылкой на архивы Дальнего Востока, УФСБ по Приморскому краю и по Омской области): «В число секретных сотрудников осведотдела^[119] входили Надежда Семеновна Буторина (“Надя”), журналист Петр Сигизмундович Домбровский, машинистка Судебной палаты ВПП Алла Лукинична Слонова-Трубецкая (“Ж”), Дмитрий Васильевич Цой (“К”), Нина Андреевна Чукашева (“Нина”), Мечислав Карлович Шмидт (“Десятое”), сотрудник милицейско-инспекторского отдела (МИО) МВД ВПП И. Берг, служащий японской жандармерии Сергей Булановский (“Лидэ”), сотрудник штаба Дальневосточной армии подполковник Константин Павлович Новиков (“Орлов”), переводчик при главном штабе японских войск Трофим Степанович Юркевич (“Р”) и др. ...“Р” получал данные о настроениях в штабе японских войск и консульском корпусе, а также переводил статьи из японских газет»^[120]. Возможно, к числу заслуг агента «Р» можно отнести вот это, например: «Наш агент, работающий в японштабе, сообщает, что японкомандование ищет предлога для ввода своих войск в Хабаровск, и поэтому предупреждает, что нужно быть осторожными в обращении с японмиссией, находящейся в Хабаровске...» или вот это (относительно позиции японцев на переговорах с ДВР в Дайрене в августе 1921 года): «Из имеющихся у нас документов, полученных из японских штабов, видно, что японцы считают правительство ДВР коммунистическим, а поэтому нежелательным для них,

но все же намерены вести с ним переговоры, поддерживая одновременно антикоммунистические группировки. Если переговоры будут для них неблагоприятны, то они выдадут Приамурскому правительству оружие и дадут большую поддержку антикоммунистическим силам... Сообщите интересующие вас сведения, и мы будем их добывать». В августе 1921 года большевистская разведка в Приморье имела широкую сеть агентуры, благодаря которой в том числе «регулярно проводились выемки японских документов и их фотографирование... кроме того, были созданы условия для инспирирования необходимых сведений»^[121]. Возможно...

Уверенное в успехе, в том числе основывающееся на данных своей разведки, красное подполье готовило восстание в октябре 1921 года против правительства Меркулова, но все оказалось не так-то просто. Не исключено, что среди самих подпольщиков находился глубоко законспирированный «крот» белогвардейцев. Заговор был раскрыт белой контрразведкой. В период с 10 по 20 октября по Владивостоку прокатилась волна арестов и казней подпольщиков. Всего в тюрьму попало более двухсот человек. Некоторые из них были утоплены или сожжены живьем в крематории — между прочим, первом в России и построенном японцами — первом японо-российском совместном предприятии. В числе прочих арестован был и Трофим Юркевич, следствие по делу которого шло с 17 октября по 22 ноября^[122]. Приговор известен, и, возможно, его очевидная мягкость действительно объяснялась службой Юркевича в японском штабе, с которым меркуловское правительство не могло не считаться.

Куда отправился Трофим Степанович после приговора — неизвестно. Но, учитывая, что после разгрома подполья восстанавливать его деятельность было поручено тому самому Л.Я. Бурлакову, что примерно в это же время завербовал В.С. Ощепкова, похоже, что Приморский край Юркевич так и не покинул. Эту версию подтверждают и слова самого Юркевича из процитированного выше протокола допроса о том, что он находился на службе у японцев до августа 1922 года. Получается, что меркуловское правительство не торопилось преследовать переводчика из штаба японского экспедиционного корпуса, а он не спешил скрываться. В списке сотрудников партийной разведки, работавших в это время во Владивостоке, агент «Р» не значится, но из этого не следует, что Трофим Юркевич оставил подпольную деятельность. Как мы помним, например, у Ощеп-кова было несколько рабочих псевдонимов: Д.Д., Дядя, Монах, Японец. Сколько кличек было у Юркевича, мы не знаем. Известно только, что в августе 1922 года, с формированием в Приморье Земской рати и

усилением белого террора, он все же предпочел отправиться домой, на Сахалин, полностью оккупированный в то время японскими войсками. Наконец, запись в следственном деле о работе на Разведупр в 1923 году — в то же самое время, когда у военной разведки Красной армии появился новый резидент Д.Д. на Сахалине — В.С. Ощепков, свидетельствует о том, что, начав преподавательскую работу в Восточном институте, Юркевич оставался связан с советскими спецслужбами.

Официальные источники указывают, что в институте Трофим Степанович уже с 1921 года преподавал японский язык и экономическую географию стран Дальнего Востока^[123]. Исходя из хронологии событий можно предположить, что начал преподавание он еще служа у японцев и работая против них в качестве агента «Р», а потом на некоторое время прерывал его, отправляясь зачем-то на Сахалин.

Так или иначе, но именно в это время Трофим Юркевич написал несколько научных работ, в том числе «Пособие к изучению японского разговорного языка для начинающих» (1923), «Борьба за обладание Сахалином», «Современная Япония: Экономикогеографический обзор по новейшим японским источникам» (1925). Судя по датам выхода работ — с 1923 по 1929 год, Юркевич в этот период приступил к активной научной деятельности и к преподаванию японского языка во владивостокской альма-матер.

Однако в 1930 году Трофим Степанович оставляет Приморье и вслед за Ощепковым перебирается в столицу, в Московский институт востоковедения (МИВ) имени Нариманова — прообраз будущего Института востоковедения Академии наук СССР. Почему Юркевич снова решил круто поменять свою судьбу, доподлинно неизвестно. Возможно, что просто-напросто хотел сменить место жительства. В 1923 году он женился на Антонине Львовне Смирновой — «педагоге», как она названа в его следственном деле. Квартира, в которой арестовали Юркевича, принадлежала сестре его жены, которая, как персональная пенсионерка и член партии большевиков с 1919 года, имела право на жилплощадь в элитном доме Нирнзее, где, к слову сказать, в подъезде с персональным лифтом жил Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский.

С 1931 года к работе Т.С. Юркевича в Московском институте востоковедения добавилось преподавание японского языка в Коммунистическом институте трудящихся Востока — весьма своеобразном учебном заведении Коминтерна, функционировавшем в Москве с 1921 по 1938 год и готовившем кадры для развития коммунистического движения в странах Азии. Казалось бы, Юркевич вышел на новый виток своей научной

карьеры, но в 1933 году Трофим Степанович был уволен из Московского института востоковедения — «за непригодностью»^[124]. Формулировка и загадочная, и понятная одновременно, если только представить себе общую обстановку на «лингвистическом фронте» в те времена. Преподавание любого языка — хоть русского, хоть японского — необходимо было вести с точки зрения «непримиримой классовой борьбы», и неудивительно, что выпускник японской школы, духовной семинарии, казачьего военного училища вызывал стойкое подозрение у тех студентов и преподавателей, кто обладал ярко выраженным «большевистским чутьем».

Как можно было с помощью иероглифики бороться с советской властью, сформулировал, конечно с помощью следователя, на допросе в НКВД 1 февраля 1938 года во Владивостоке старый знакомый, коллега и начальник Юркевича по Восточному институту Николай Овидиев: «Юркевич Трофим Степанович, бывший доцент ДВГУ, проводил подрывную работу на японоведческом фронте во Владивостокском университете, а также на Хабаровских курсах военных переводчиков и в Москве. Был связан с Зобниным в Хабаровске, Мацокиным и Крыловым в Москве. При чтении курса японского языка узко объяснял грамматические правила, недостаточно иллюстрировал их примерами. При смысловом анализе иероглифов давал неточные объяснения значений последних. На практических занятиях по референтской работе не давал студентам тем для составления работ. Проводил глубокую работу по воспитанию у студентов японофильских фашистских убеждений. Использовал при занятиях фашистскую японофильскую литературу. Дважды составляя учебные пособия по японскому разговорному языку, оба раза вводил в них тексты с идеологически невыдержанным содержанием»^[125].

Уволившись из Института востоковедения, Юркевич в октябре 1933 года вернулся во Владивосток, где надеялся найти работу в Восточном институте, преобразованном в Государственный Дальневосточный университет. Сразу по возвращении он был арестован органами госбезопасности по обвинению в шпионаже. Это дело пока не найдено, и мы не можем рассказать, как и почему это произошло, равно как нам неизвестно, почему спустя четыре с половиной месяца Трофим Степанович все же вышел на свободу. Замечу только, что с 1931 по 1934 год тюремный срок отбывал (и вышел досрочно!) Николай Петрович Мацокин—еще один коллега Юркевича по Восточному институту, профессор, известный лингвист, японовед и синолог, о котором еще пойдет речь в этой книге. Связаны между собой эти аресты или нет? Ответ на этот вопрос еще ждет

историков.

Выйдя на свободу, Трофим Степанович до 1937 года преподавал в Дальневосточном университете. В этот период он вновь оказался втянут в конфликт, связанный с классовым подходом к преподаванию японского языка и инициированный Мацокиным. Московские коллеги Юркевича, в том числе и по службе в Разведупре, П.А. Гуцко^[126] и Г.С. Горбунгейн^[127] опубликовали учебник японского языка, на который с чудовищными нападками и фатальными для того времени обвинениями в отсутствии классового чутья набросился Мацокин. По свидетельству В. Донского, опирающегося на документы НКВД, «...японская кафедра восточного факультета ДВГУ... предложила выехавшему в Москву доценту Юркевичу представлять на съезде японистов и солидаризироваться (поддержать) с профессором Мацокиным, который намечался на съезде в качестве одного из ответственных докладчиков, обязанных доказать правоту борьбы Владивостокской японоведческой школы. В случае успеха на съезде единомышленников Мацокина мыслилось, что последнему удастся возглавить кафедру японского языка в московском Институте востоковедения им. Нариманова. Подчинить в этом случае японское отделение института влиянию Владивостокской японоведческой школы, превратив... отделение института в школу для подготовки японских разведчиков. В данном случае руководство подрывной работой на японо-лингвистическом фронте должно перейти в центр в руки Мацокина»^[128]®. Неизвестно, принял предложение кафедры Юркевич или нет, но в Москву он поехал.

Современный читатель должен со всей ясностью понимать, что, какую бы сторону ни занял кто-либо из японоведов, участь всех их была предрешена. В августе 1937 года в 16-м номере партийного журнала «Большевик» появилась статья некоего К. Винокурова «Некоторые методы вражеской работы в печати и наши задачи». Значительная часть ее была посвящена злосчастному учебнику, который автор статьи прямо назвал «орудием шпионажа»^[129]. В начале сентября началось «обсуждение» статьи в японоведческих вузах, а 20 сентября был подписан уже хорошо знакомый нам приказ НКВД № 00593 «О харбинцах». Круг замкнулся.

Возможно, Трофим Юркевич в 1937 году приехал в Москву в тщетной надежде ускользнуть от травли японоведов, начавшейся во Владивостоке. Устроиться на работу он не успел. В его анкете в соответствующей графе стоит запись «около года без определенных занятий».

21 марта 1938 года замнаркома внутренних дел СССР Заковский

санкционировал арест Юркевича, «полностью изобличенного в том, что, проживая в СССР, тот занимается шпионской деятельностью в пользу Японии»^[130]. В справке на арест причины одного были раскрыты более подробно и в то же время противоречиво: «Юркевич учился примерно около 3-х лет в православной духовной миссии в Токио, затем учился в Иркутской духовной семинарии, в 1916 году учился в военном кавалерийском училище. Во время интервенции работал в Японском главном штабе во Владивостоке.

В Москве квартиру Юркевич посещает бывший Секретарь Японского посольства. Юркевич враждебно-настроен (так в документе. —А.К.) по отношению к Сов. власти, высказывает мысль о том, что убийство т. Кирова было совершено на почве ревности, так как жена убийцы работала секретарем Кирова.

Юркевич ведет подозрительный образ жизни, квартира его часто посещается неизвестными лицами. Юркевич подозревается в японском шпионаже.

На основании изложенного и приказа НКВД СССР за № 00593 от 20/09—37 г. Юркевич подлежит аресту»^[131]. Подписали справку капитан госбезопасности Сорокин и старший лейтенант Вольфсон.

Снова складывается впечатление, что чекисты арестовывали не на основании каких-то доказательств, хотя во всех постановлениях писали стандартное «полностью изобличен», а руководствуясь совокупностью директив, подозрений, несоответствием обвиняемого общепринятым классовым показателям, доносами. Собственно, так оно и было: я проштудировал все следственное дело Трофима Юркевича от первого слова до последнего, но, кроме упоминания в «Справке об аресте», не нашел больше ни одного упоминания об убийстве Кирова. Скептические высказывания Юркевича по этому поводу стали известны явно от кого-то из его ближнего окружения, а биография получена из «учетных органов». Первый протокол допроса датирован 25 марта. К тому времени большинство «фигурантов» его дела: Василий Ощепков, Владимир Плешаков, Николай Мацокин, Петр Гуцко, Григорий Горбунгейн, Николай Овидиев, Тэруко Бирич (возможно), Константин Феклин и Константин Харн-ский—были арестованы и почти все уже расстреляны. Причем об их судьбе Трофим Степанович знал довольно точно.

Из протокола допроса Т.С. Юркевича от 25 марта 1938 года:

«Вопрос: Вы арестованы за разведывательную деятельность на территории СССР в пользу Японии. Признаете ли себя в этом виновным?

Ответ: Да, признаю, что я до момента ареста занимался разведывательной деятельностью в пользу Японии (подпись).

Вопрос: Когда вы были завербованы для разведывательной деятельности?

Ответ: В 1929 (подпись).

Вопрос: Кем были завербованы?

Ответ: Ощепковым Василием Сергеевичем (подпись).

Вопрос: Кто такой Ощепков?

Ответ: Ощепков Василий Сергеевич, агент японской разведки, в 1937 арестован органами НКВД в Москве (подпись)^[132]».

Всего через два дня Юркевич изменит свои показания и будет утверждать, что его завербовал японский инженер Суйяма, а в это время во Владивостоке бывший начальник Юркевича Н.П. Овидиев рассказывал следователю, что это он завербовал Юркевича и не в 1929, а в 1933 году. Но это потом. Пока же следователю Вершинину нужно было первое признание, и он добился его от обвиняемого — в буквальном смысле слова. На странице 7 следственного дела — обычные вопросы о биографии арестованного, ответы, заверенные подписью: «Юркевич». На обороте: процитированный выше отрывок и пять подписей обвиняемого, лишь одна из них отдаленно напоминает роспись на 7-й странице. Остальные — по мере заполнения протокола — все меньше и меньше походят на записи, сделанные взрослым человеком. Сначала это уже шаткое, обрывистое, но еще понятное «Юркеви...», потом дрожащее, расплывающееся «Юрке...», затем краткое «Ю...» и, наконец, еле видимое, нацарапанное дрожащей рукой, все состоящее из отдельных тонких палочек и расплывающееся на две строки «Юрк...». Что было там, в камере для допросов, что произошло с этим взрослым, но, вероятно, сломленным еще в прошлый арест человеком, бывшим кавалерийским офицером и больным туберкулезом доцентом-лингвистом, мы можем только гадать, зная, по другим источникам, способы проведения допросов в НКВД. А. Хисамутдинов опубликовал рассказ одного из обвиняемых по делу «вредителей в Дальневосточном университете»: «Я лежал в тюремной больнице с арестованным Романюком из Тернея, который рассказывал мне, что во время допросов у Хренова последний посадил его задним проходом на ножку стула, продавил его, и ножка прошла через задний проход и вышла в живот. Романюк и сейчас жив, но он калека, он просил отравы, чтобы скорее умереть. Мимо меня проходило много жертв Мочалова (начальник отделения) и их группы. Арестованные рассказывали, что Хренов допрашивал их в пьяном виде. Мочалов—это садист, он жаждал крови, он

отрывал людям семенники. Серебряков говорил мне, что Мочалов вставлял ему в задний проход штепсель и говорил при этом, что не вытащит штепсель до тех пор, пока не закипит у него»^[133].

Следующий допрос состоялся 27 марта. Довольно длинный протокол наполнен зачеркиваниями, подчеркиваниями, исправлениями уже записанных показаний: видно, что следователь Вершинин старался подогнать полученные сведения под уже известную ему «линию». Ощепков в ней упоминается уже только единожды, да и то мимоходом. Теперь основной канвой обвинения становится «вредительская деятельность» Т.С. Юркевича и других японоведов во Владивостоке. Из еще живых обвиняемый называет двоих: уже арестованных Романа Ким и Мариам Цын. Почему — мы этого никогда не узнаем. Но сам протокол является теперь историческим свидетельством против преступлений сталинизма и доказательством сознательного уничтожения япо-новедения в СССР^[134].

Последний допрос Юркевича состоялся 18 апреля 1938 года. В него следователи собрали сведения из первых двух протоколов: по новой версии, Юркевича снова вербовал Ощепков, но уже при участии японца Юхаси. Агентами Ощепкова также названы японоведы Плешаков и Крылов — оба уже расстрелянные к тому времени, и японец «Тонегава». Версию о вредительстве на преподавательском фронте объединили с борьбой бывших колчаковцев против советской власти, добавили японского шпионажа, и 2 июня 1938 года сын сахалинского каторжника и учителя, крестник народовольца Ювачева, бывший агент большевистской разведки «Р» и один из первых высоких профессионалов советского японоведения, доцент Трофим Степанович Юркевич был приговорен к высшей мере наказания. 10 июля 1938 года он был расстрелян на Бутовском полигоне. Его реабилитацией занималась сестра жены, умершей в 1951 году, — та самая «член партии с 1919 года», и ей это удалось. Специальная комиссия провела дополнительное расследование и не нашла никаких свидетельств причастности Юркевича Т.С. к деятельности иностранных разведок, после чего в августе 1958 года он был реабилитирован.

Глава 4. ОФИЦЕР-ВОСТОЧНИК ВЛАДИМИР ПЛЕШАКОВ

*За рекой Ляохэ загорались огни,
Грозно пушки в ночи грохотали,
Сотни храбрых орлов
Из казачьих полков
На Инкоу в набег поскакали.*

*Из казачьей песни времен Русско-японской
войны*

Соученик Василия Ощепкова и Трофима Юркевича, семинарист первого «военного» набора Владимир Плешаков — еще один из тех, о ком мы знаем достаточно много, чтобы сказать, что знаем слишком мало. Как и в случае с Юркевичем, почти все, что известно об этом человеке, почерпнуто из его следственного дела, заведенного при аресте в 1937 году. Между тем, впрочем, как и большинство других героев этой книги, он мог бы рассказать очень много интересного, ибо всю свою жизнь связал с двумя странами — Россией и Японией, полностью посвятив ее службе в разведке — царской, белогвардейской, советской.

Владимир Дмитриевич Плешаков был арестован органами УГБ НКВД в период между 7 и 17 сентября 1937 года. Точная дата нам до сих пор неизвестна. Следственное дело заполнено небрежно, с пропусками и помарками. Постановление об аресте Плешакова подписано 7 сентября, «объявлено» арестованному 20 или 29 сентября (неразборчиво), но притом первый в следственном деле протокол допроса датирован 17 сентября^[135]. Получается, что допросили Владимира Дмитриевича в первый раз еще до предъявления обвинения? Есть и другие нестыковки. Например, в том же постановлении об аресте адрес Плешакова записан так: «Ст. Пушкино, 2-я Домбровская ул. (дом 10 или 9)». В анкете же арестованного указан адрес фактический: дом номер 2, 2-я Домбровская улица в довоенном дачном городке Пушкино к северу от Москвы — тихая улочка с садами вокруг небольших частных домиков и длинных казенных деревянных бараков. Дом номер 2 — один из таких бараков. Учитывая неправильно записанный адрес, получается, что чекистам пришлось перебудить чуть ли не половину улицы, чтобы найти квартиру Плешакова. Попробуйте представить себе

картину «взятия»: врывающихся среди ночи в один дом за другим сотрудников НКВД с дворниками в качестве понятых, ищущих «члена контрреволюционной шпионской террористической группы» (так в НКГБ сформулировали вину Плешакова) и, наконец, к облегчению одних местных жителей и к ужасу других, останавливающих свой выбор на доме № 2. И еще: арестовывали этого человека как «переводчика японского языка при НКВД», и лишь потом, в ходе оформления документов в Бутырской тюрьме, было названо его настоящее место службы: 9-й (шифровальный) отдел ГУГБ НКВД СССР. Как обычно — не знали, кого брали? Или он был настолько засекречен? Попробуем разобраться.

Как следует из показаний самого Владимира Плешакова, он родился в 1892 году в семье крестьянина-середняка, но, скорее всего, в семье казака в г. Баку. Почему именно казака? На это соображение наводит тот факт, что как раз казаков, а не русских крестьян в конце XIX века в нефтяной столице Закавказья было более чем предостаточно. Профессиональных военных казна и богатые промышленники привлекали тогда для охраны нефтяных месторождений и многочисленной русской колонии в Закавказье. Как ни удивительно, но и сегодня в Баку живут люди с фамилией Плешаков — возможно, дальние родственники нашего героя и, во всяком случае, потомки того же большого казачьего рода. Наконец, именно выходцев из казачьих семей рекомендовало на обучение в Токио военное командование Заамурского округа пограничной стражи. Отец же Плешакова — Дмитрий Яковлевич — отправился на строительство и охрану КВЖД в 1900 году, осел в Харбине, через два года перевезя туда семью. Владимир в 1904 году окончил там начальную школу и успел два года проработать в железнодорожных мастерских, прежде чем был отобран военным командованием для обучения на переводчика с японского языка в Токио. Получается, что в семинарию он попал одним из самых опытных подростков, успевшим и поучиться, и поработать, хотя и остальных «казачат» и сахалинцев белоручками назвать было никак нельзя.

О жизни Владимира Плешакова в семинарии нам ничего не известно, за исключением двух упоминаний о нем в разных источниках. Первый: известная статья в журнале «Сэйнэн» («Юношество») за 1907 год. Возможно, что упомянутый там «Персяков Владимир — сын музыканта» с учетом японского произношения и транслитерации и есть Владимир Плешаков. Что же касается разницы в социальном происхождении, то здесь тоже возможна путаница. Например, соученик Плешакова Исидор Незнайко был сыном ротного трубача, то есть одновременно и сыном казака, и сыном музыканта. Спутал японский корреспондент их или нет,

или, может быть, отец Плешакова тоже был каким-нибудь «ротным трубачом» — неизвестно, но, во всяком случае, семинарист Персяков больше не фигурирует больше нигде. Второе упоминание о Плешакове — в дневнике святителя Николая Японского — тоже выглядит несколько странно и даже загадочно: «Был на экзамене в Семинарии в младшем классе, где 24 учащихся, по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Из русских младшие 5 учились с ними; отвечали плоховато, кроме младшего Плешакова»^[136]. Исходя из текста, логично предположить, что Плешаковых было как минимум двое: старший и младший. Но так ли это на самом деле? В следственном деле Владимира значится его старший брат Иван, но тому в 1910 году, когда была сделана запись в дневнике, стукнуло уже 27 лет, и обучаться в семинарии он никак не мог. Был ли еще один Плешаков? Пока это неизвестно, но вряд ли. Может быть, стареющий автор дневниковой записи просто повторился, имея в виду младшую группу семинаристов? Не знаю.

Известно, что в 1912 году «наш» Плешаков окончил семинарию и следующие два года прослужил переводчиком штаба Заамурского округа пограничной стражи. С началом мировой войны молодой переводчик окончил школу прапорщиков (видимо, до этого времени имел чин унтер-офицера, как и Ощепков) и был отправлен на фронт, где в 1916 году стал подпоручиком. Документов о его службе там пока не обнаружено.

С окончанием войны, в 1918 году, Владимир Дмитриевич отправился домой, в Харбин, но доехал только до Омска, где в ноябре того же года адмирал Колчак сформировал свое правительство. Профессиональный военный Владимир Плешаков поступил на службу к Колчаку в качестве офицера-восточника^[137] разведывательного отдела. Эта специальность появилась в России в начале XX века. Офицеры-восточники, которых до революции успели подготовить около 500 человек, были включены в штаты приграничных воинских частей, соединений и войсковых объединений округа включительно. Эти люди были едва ли не исключительными носителями языка пограничных с Россией стран, специалистами по их вооруженным силам, политике, экономике, географии, лингвистике, археологии, этнографии...

Офицером-восточником был, к примеру, знаменитый путешественник Н.М. Пржевальский. Они внесли грандиозный вклад в сугубо мирное изучение Востока, оставили потрясающее научное наследие, исчисляющееся в тысячах томов исследований по всем возможным областям жизни азиатских стран. Но готовили их все-таки не к

гуманитарным исследованиям, а потому основная часть деятельности и наследия по-прежнему засекречена. Относится это и к службе восточников во времена Гражданской войны.

Само по себе понятие «белогвардейская разведка» у нас, чье представление о мире в общем и целом формировалось в годы советские и постсоветские, не вызывает практически никаких ассоциаций — настолько, что кажется, будто этой разведки вовсе никогда не существовало. Между тем это не так. Что касается армии Колчака, то разведывательная служба в ней была сформирована даже еще до того, как сам адмирал возглавил Верховное главнокомандование в Омске, когда шло только формирование войск одного из контрреволюционных региональных правительств — Уфимской директории. Структурно военное министерство Колчака контролировало три восстановленных после революционного распада округа: Омский, Иркутский и Приамурский. В каждом из них были свои разведывательные органы — военно-статистические отделения, нити руководства которых сходились в Омске — в руках начальника колчаковской разведки генерала П.Ф. Рябикова и подполковника Н.И. Масыгина. Оба, по признанию историков разведки, — блестящие профессионалы и интеллектуалы. Именно в подчинении Масыгина и оказался подпоручик, а затем поручик В.Д. Плешаков. Заняться ему было чем: Приамурский военный округ считал одним из главных направлений своей разведывательной деятельности Японию, для чего были даже организованы «командировки офицеров за границу с секретными заданиями... велась глубокая разведка в Советской России, Монголии, Китае, США и Японии — собирали сведения о военном потенциале, экономическом и политическом положении...»^[138] военно-статистическим отделением Приамурского округа руководил подполковник Александр Ильич Цепушелов — профессиональный разведчик-японист, участник войны с Японией, выпускник Восточного института, сам не работавший в секретных командировках в Японии. Неизвестно, бывал ли в таких командировках до революции делопроизводитель разведывательного отделения осведомительного отдела Главного штаба войск Колчака офицер-восточник Плешаков, но Владимир Дмитриевич точно не был новичком в разведке и хорошо знал, чем занимается.

Результаты этого знания оказались во многом судьбоносны для России. Известно, что Колчак не доверял японцам так же, как и они не доверяли ему, и, в конце концов, потерял их поддержку. Оснований для такого недоверия у адмирала было много, но, думается, одним из основных являлись рапорты его собственной разведслужбы о том, что «...недостатки

в стране (в Японии. — А.К.) ископаемых и сырья, необходимых для промышленности, и стремление к приобретению прочных рынков направляют внешнюю политику Японии к территориальным захватам в странах, богатых сырьем и со слабо развитой промышленностью (Китай, российский Дальний Восток и др.). Согласившись принять участие в борьбе с большевиками, Япония ввела войска и устремилась к захвату Сибири, интенсивно скупая крупные земельные участки, дома, копи, промышленные предприятия и открывая отделения банков для субсидирования своих предприятий. В целях беспрепятственного захвата нашего Дальнего Востока Япония стала поддерживать сепаратистские настроения казачьих атаманов... Борьба с большевиками является удобным предлогом для пребывания японских войск на чужой территории, а поддержка атаманов позволяет Японии эксплуатировать сырьевые ресурсы. Одним из способов приобретения главенствующего положения Японии являлось ведение панasiatской пропаганды... и стремление к расчленению России для создания в будущем азиатского союза под японским флагом»^[139]. Обратите внимание: это цитата не из пропагандистской статьи в «Правде», не из секретного отчета белогвардейской разведки, которую трудно упрекнуть в «классовом неприятии милитаристской Японии»! Именно знание такого положения дел на Дальнем Востоке, понимание планов Японии и осознание этой страны как вражеской на тот момент по отношению к интересам России не позволили Колчаку опираться на стену ее штыков. И наоборот: принятие атаманом Г.М. Семеновым условий игры, предложенных японцами, отрезало армию Колчака от людских и материальных ресурсов Дальнего Востока. Во многом именно это и привело в результате Сибирское правительство и его Верховного правителя к гибели, а значит, изменило судьбу нашей страны, всего мира.

Какое в точности отношение к получению информации о планах японской стороны имел Владимир Плешаков? Думаю, что мы об этом никогда не узнаем, а все то же, известное нам, следственное дело ситуацию не столько проясняет, сколько запутывает. Это касается и событий, произошедших после краха Сибирского правительства. Например, на допросе в НКГБ Плешаков дал показания о том, что еще в 1919 году перешел на службу к японцам, но произошло это якобы «после ареста Колчака». Однако Колчак был арестован лишь в конце января следующего, 1920 года. По каким причинам и каким образом состоялось перемещение поручика колчаковской разведки к японцам, совершенно непонятно, но новым местом службы офицера-восточника стала должность переводчика командира 11-го пехотного полка японской армии полковника Хондзё

Сигэру — будущего командующего Квантунской армией, адъютанта императора, барона и члена Тайного совета. После того как японские войска весной 1920 года оставили Забайкалье, Плешаков, все еще находясь на службе у японцев, оказался в хорошо знакомом ему Харбине, откуда скоро переехал во Владивосток, где его и застал приход советской власти. Удивительно, но колчаковский разведчик не эмигрировал, не бежал в Шанхай, а просто начал при красных новую жизнь. Какую?

Следователей НКГБ ответ на этот вопрос совершенно не интересовал. Жизнь их подследственного в период с 1922 по 1935 год, несмотря на то что вся она прошла за границей, в том числе в Японии, где, кстати говоря, некоторое время находился и его бывший шеф по службе в разведке генерал Рябиков, ставший официальным представителем атамана Семенова в Токио, не стала темой допросов на Лубянке, хотя неизбежно должна была бы. Сам же Плешаков на допросе ограничился краткой и ничего не объясняющей формулировкой: «...перешел работать в советские органы в качестве переводчика японского языка». Что это были за «органы» и почему он в них именно «перешел» после службы в японской армии — еще одна загадка офицера-восточника. Во всяком случае, в 1922—1923 годах Владимир Дмитриевич совершил вояжи в Харбин и Мукден, после чего вернулся во Владивосток и внезапно убыл оттуда в Хакодате в качестве переводчика местного отделения Центросоюза.

Центросоюз — крупнейшая в Советском Союзе организация потребительской кооперации. Чем она занималась в Японии, в Хакодате? Формально — проблемами рыбозаготовок с участием японских и советских рыболовецких хозяйств. Но... Не так давно французская исследовательница творчества советского писателя Б. Пильника Дани Савелии передала мне копию документа, попавшего к ней из архива МИД Японии в связи с делом другого русского семинариста — С. Сазонова. В докладной записке губернатора префектуры Фукуи (один из крупнейших портов страны — Цуруга—находился как раз на ее территории) от 18 марта 1926 года на имя министров иностранных и внутренних дел сообщается о въезде в Японию «опасного русского — Михаила Александровича Яхонтова» (написано азбукой катакана и продублировано по-русски). «Опасный человек» въехал в Японию, чтобы возглавить представительство Совторгфлота в Хакодате и... одновременно вести там дела Центросоюза. Вторым «опасным русским» назван его переводчик, фамилия которого, к сожалению, не читается. Но в том же архиве хранятся еще полтора десятка донесений агентов тайной полиции за В.Д. Плешаковым, в которых он предстает явно подозрительным, но не уличенным в шпионаже «советским русским»^[140].

А вот что пишет историк военной разведки Михаил Алексеев, рассказывая о Василии Ощепкове: «В первых числах марта 1926 г. состоялась встреча Монаха с одним из работников разведки — Бабичевым», и делает примечание: «Бабичев Михаил Агапович (Яхонтов) в Японии работал с 1925 г. под “крышей” Совторгфлота. Японского языка не знал, опыта зарубежной работы не имел, нуждался в постоянном руководстве»^[141]. Неудивительно, что в этой же статье мы находим и упоминание о Плешакове: «С Владимиром Дмитриевичем Плешаковым, окончившим семинарию первым учеником, Ощепкова связывала близкая и искренняя дружба. С мая 1923 года Плешаков был привлечен к сотрудничеству с разведкой и работал переводчиком в Центросоюзе в Хакодате, о чем знал Ощепков. Именно Плешакова Ощепков предлагал для связи с Центром»^[142]. Интересно, что в подтверждение своих слов автор статьи, имеющий доступ к архиву, который ныне не рекомендовано даже упоминать, приводит уже знакомый нам план работы Ощепкова в Японии, где под пунктом 8 значится: «Наладить связь с Плешаковым, который служил в Центросоюзе в Хакодате, через которого была единственная возможность сдавать материалы во Владивосток или Харбин»^[143]. М.Н. Лукашев, успевший увидеть дело Ощепкова до того, как его снова засекретили в начале 2000-х, цитирует одно из донесений Ощепкова в Центр с описанием опасного инцидента: «По поводу последней передачи я хотел бы высказаться отрицательно, так как, если бы не Митрич, случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой. В дальнейшем ни под каким видом не телеграфируйте мне... Связь—лишь через Митрича. Он — хоккайдскому консулу, а тот — своей связью»^[144]. Нетрудно догадаться, кто этот случайно оказавшийся в Токио «Митрич», имеющий прямую связь с советским консулом на Хоккайдо, а значит, где-то в недрах архива советской военной разведки хранится дело и на «Митрича» — Плешакова. Конечно, вряд ли мы это дело когда-нибудь увидим, но право на гипотезу пока никто не отнимал.

Как не украли атамана

Сразу скажу: никаких доказательств этой гипотезы у автора нет и, учитывая национальные особенности наших архивов, скорее всего, не будет. Но то, что известно по открытым источникам о попытке вывоза атамана Семенова в СССР в 1920-х годах, укладывается в общую картину работы советских спецслужб, как разрозненные поначалу пазлы

укладываются в большое панно. Судите сами...

Самая известная — благодаря советскому кино — попытка дезинформации лидеров белогвардейского движения для вывода их на советскую территорию — знаменитая чекистская операция «Трест», осуществленная в 1921—1926 годах. Итог — поимка в Москве, арест и казнь в 1925-м британского шпиона и «ярого врага советской власти» Сиднея Рейли. Составная часть «Треста» — операция «Синдикаг-2», посредством которой чекисты выманили из Парижа не менее серьезную фигуру — эсера-террориста Бориса Савинкова. Среди итогов промежуточных значатся уничтожение ячеек реальных контрреволюционных организаций, дискредитация самой идеи белогвардейского подполья в Советской России и сдерживание на некоторое время активности генерала Александра Кутепова, главы Русского Общевоинского Союза (РОВС). Впрочем, уже в 1927 году Кутепов отозвался на грандиозные провалы терактом в Ленинграде, но вскоре сам был похищен прямо из Парижа и убит чекистами по дороге в Москву. Его преемник в РОВС генерал Евгений Миллер тоже был вывезен из Парижа, но уже в 1937 году, а в 1939-м — расстрелян в Москве. Бесследно пропал в Париже в 1926-м помощник Кутепова генерал Николай Монкевиц.

Менее известны восточные варианты этой чекистской игры: в 1921 году после неудачной попытки выманить его из Китая в СССР застрелен атаман Александр Дутов. В 1924—1926 годах из Маньчжурии выкрали атаманов Ширяева и Анненкова. В 1932-м похищен в Китае атаман Топхаев. В 1935-м в результате однотипной с «Трестом» операции «Мечтатели» через дальневосточную границу в Советский Союз был выведен и расстрелян один из руководителей дальневосточного РОВС Иннокентий Кобылкин. Но признайтесь: кто сегодня помнит эти фамилии? А ведь был на Дальнем Востоке другой, куда более масштабный, интересный и известный кандидат в «вожди антибольшевистского движения» — генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семенов. Неужели его — яркого, непримиримого, да к тому же возможного обладателя части «колчаковского золота» — ни разу не пытались переместить через границу сотрудники Генриха Ягоды? Накопленные в последние годы материалы, как мне кажется, дают основания полагать, что пытались. И хотя, повторюсь, свидетельства эти косвенные, давайте попытаемся разложить их по порядку.

Атаман Семенов приехал в Японию из Китая в 1922 году и первое время жил в Нагасаки, после чего перебрался в Токио, тяготясь, по его собственному выражению, «праздностью жизни». В это же самое время на

островах оказался бывший глава тайной службы адмирала Колчака и легенда русской разведки генерал Павел Рябиков. В Японии Рябиков рекомендовался как «представитель атамана Семенова». В это же время и там же оказывается и бывший подчиненный Рябикова офицер-восточник поручик Владимир Плешаков. В Токио с ним оказался связан еще один выпускник Токийской семинарии — первый нелегальный резидент Разведупра РККА в Японии Василий Ощепков. В плане работы Ощепкова в Токио, помимо Плешакова упоминается еще один «товарищ по школе», то есть по семинарии, Степан Сазонов.

Об этом человеке очень мало что известно. По сообщению Ощепкова, Сазонов был личным секретарем, «правой рукой атамана Семёнова», и через него просматривалась возможность «познакомиться с лицами из политических и военных кругов Японии». Из Книги памяти Хабаровского края и ответа на мое обращение в Управление ФСБ РФ по Хабаровскому краю следует, что он родился 26 июля 1896 года в казачьей станице Иловлин-ской—нынешнем посёлке Иловля Волгоградской области. Окончил Токийскую духовную семинарию — вероятно, был одним из последних ее выпускников в 1917 году. К 1945 году проживал в Китае и числился переводчиком японского языка. 13 сентября 1945 года он был арестован в Харбине контрразведкой Смерш базы Краснознаменной Амурской флотилии по подозрению в проведении антисоветской деятельности, обвинен в «контактах с иностранным государством в контрреволюционных целях» и «активной борьбе против революционного движения, проявленной на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или контрреволюционных правительствах в период Гражданской войны». 20 ноября 1945 года Сазонов С.П. был приговорен судом военного трибунала к высшей мере наказания и расстрелян в Хабаровске 24 января 1946 года. 20 марта 1992-го Степан Сазонов был реабилитирован по заключению прокуратуры Хабаровского края по Закону РСФСР от 18 октября 1991 года^[145]. Его дело должно стать доступным исследователям в 2020 году...

О Сазонове вскользь упоминает французская исследовательница творчества советского писателя Бориса Пильняка, все в том же 1926 году путешествовавшего по Японии^[146], да в архиве МИД Японии сохранился один полицейский отчет по наблюдению за Сазоновым^[147]. Есть непроверенная информация о том, что в 1930-х годах в Маньчжурии С.П. Сазонов был редактором журнала «Друг полиции», издававшегося Союзом чинов полиции марионеточного государства Маньчжоу-Ди-Го^[148]. Если это

так, неудивительно, что Смерш не испытывал никаких иллюзий по поводу действительных занятий бывшего семинариста.

В 1926 году Сазоновым интересовался и Разведупр РККА, и Иностранный отдел ГПУ. Мог ли при этом военный разведчик Ощепков сотрудничать с разведкой политической, в чьей компетенции находилась борьба с белогвардейскими организациями за рубежом? Мог. Заметим, что, по данным М.Н. Лукашева, перед выездом в Японию Ощепков встретился в Китае с сотрудником ОГПУ «товарищем Егором», который фактически вынудил его дать согласие работать на обе советские разведки — военную и политическую.

В том же 1924 году на передний край борьбы с «дальневосточной белогвардейщиной и японским милитаризмом» — в харбинскую резидентуру ОГПУ был направлен один из активных участников операции по захвату Рейли и Савинкова, специалист по выводу на советскую территорию белых лидеров Василий Пудин. Пудина атаман Семенов не мог не интересоваться. О такой добыче чекисты могли только мечтать, и неслучайно для организованного десятилетия спустя его преемниками дела было выбрано символическое название: «Мечтатели», имея «в виду те сипы за рубежом и в стране, которые страстно и... совершенно тщетно мечтали восстановить в России прежний социально-экономический строй»^[149]. Генерал-лейтенант Григорий Семенов был самым ярким олицетворением такой силы на Дальнем Востоке. К тому же Семенов мог либо знать, где находится вывезенное из России «золото Колчака», либо, если оно действительно хранилось в японских банках, у него были некоторые шансы это золото получить. Во всяком случае, в этом был уверен сам Семенов, а возможность получения «бриллиантов дня диктатуры пролетариата» для ОГПУ была очень серьезным стимулом к решительным действиям против атамана, особенно когда вокруг него вертелась под видом секретарей и адъютантов целая «карусель» из бывших и действующих шпионов.

Бежавший позже на Запад Григорий Беседовский в 1926 году был поверенным в делах СССР в Японии. Он вспоминал: «Сверчевский (глава легальной резидентуры ОГПУ в Токио. — А.К.) заявил мне, что ему удалось вступить в контакт с атаманом Семеновым через одного из его адъютантов. Этот адъютант явился к Сверчевскому и заявил, что атаман Семенов склонен начать вести тайные переговоры с советским правительством о возвращении в СССР. Но он, Семенов, не хочет возвратиться как амнистированный преступник. Он желает возвратиться как герой... Сверчевский с восторгом рассказывал мне об этих переговорах. Он считал, что делает мировое дело, перетягивая Семенова на советскую

сторону»^[150]. Но Беседовского план Сверчевского не вдохновил: «...из японских кругов до меня стали доходить сведения, что семеновское окружение пускает слухи, что... вскоре предстоит сближение Семенова с Советским правительством и что Семенов сможет тогда... выхлопотать богатейшие концессии для японских предпринимателей на советской территории. Пока же под эти концессии семеновские адъютанты получают авансы у легковых японцев... Я предложил Сверчевскому немедленно прекратить “переговоры” с семеновским адъютантом».

Можно верить или не верить Беседовскому, но, как мне представляется, на пустом месте историю с попыткой контакта семеновцев с представителями СССР он придумать был не в силах, да и незачем. В свою очередь, адъютанты Семенова никогда не пошли бы на контакт без санкции атамана, а того никак нельзя было заподозрить в симпатиях к советской власти. Возвратиться в СССР, да еще с надеждой на какое-то мифическое влияние на большевиков? Это даже не риск, это самоубийство. Другое дело, если бы ему, испытывавшему в то время серьезные проблемы, кто-то подсказал бы такой вариант их решения: вернуться в Советскую Россию, приведя с собой японские инвестиции (а может, и привезя наличные), получив прощение, остаться на плаву, вернуться к военному командованию, остаться, в конце концов, настоящим генералом — с войсками, а не с судебными тяжбами. Японцев в таком случае можно и обмануть — не страшно. И этот кто-то должен был быть настолько убедительным источником информации для бывшего атамана, что тот согласился рискнуть. Но от кого могла исходить эта идея? И если из советских спецслужб, то почему о ней не знал резидент ОГПУ Владимир Сверчевский?

Во всех случаях развития событий по модели операции «Трест» легальные резидентуры ОГПУ либо не принимали в них участия, либо это участие сводили к минимуму. Выводом нужного лица на советскую территорию занимались агенты-нелегалы, к которым, по всей вероятности, относились и некоторые из круживших вокруг Семенова адъютантов. Курировать их мог человек с полномочиями из Москвы: например, все тот же участник вывода Савинкова Василий Пудин, находившийся в соседней с Японией Маньчжурии, или кто-то из его шефов. Однако Токио — не Париж, не Варшава и даже не Харбин. И сообщение с СССР здесь не такое интенсивное, и японская полиция работает совсем не так расслабленно, как французская или китайская, да к тому же видно любого иностранца буквально за версту. Да, помощь резидента Сверчевского могла пригодиться, но вот только зачем он рассказал о «переговорах»

Беседовскому? Загадка. Так или иначе, тайная операция стала достоянием гласности и была немедленно прекращена. Причем даже не очень понятно кем—ведь не Беседовский же мог запретить ОГПУ нелегальные контакты с представителями белой эмиграции! Тем не менее «трест» лопнул, и Семенов уже никогда не поверил бы большевикам. И вот что интересно: Василий Ощепков в нарушение всех правил конспирации был отозван в СССР еще до инцидента со Сверчевским, который тоже вскоре покинул Токио. Из Харбина немедленно вернулся в Москву Василий Пудин. Одновременно уволился из Центросоюза Владимир Плешаков и отбыл в неизвестном направлении. А вскоре Японию покинули и сам атаман Григорий Семенов вместе со своим секретарем Степаном Сазоновым.

Так была или нет попытка вывода на советскую территорию Григория Семенова? Уверен, что да, была. Она вычисляется примерно так же, как невидимые в телескоп звезды вычисляются математическим путем. Ответ, подкрепленный материалами, находится в каком-то из наших архивов. Пока что единственный из них, работающий с исследователями, — ЦА ФСБ — сообщил мне, что «сведениями о попытках вывода в 1926 г. на советскую территорию из Японии атамана Семенова Г.М. (в том числе о причастности к этому японистов-переводчиков Ощепкова В.С., Плешакова В.Д. и Сазонова С.П.) не располагает»...

Десятилетие спустя арестованный В.Д. Плешаков или ничего не сказал о своей работе в советской военной разведке, или, что скорее всего, это не было зафиксировано протоколом. Подследственный только констатировал, что проработал в Хакодате до 1928 года, после чего через Харбин выехал во Владивосток. Мы не знаем пока, чем он там занимался, но через два года он снова вернулся в Харбин, где на этот раз оставался, работая на железной дороге, до 1935 года, то есть до передачи КВЖД японцам, после чего, почему-то зарегистрировавшись сначала в Горьковской области и получив там паспорт, оказался в Москве.

То, что говорил Владимир Плешаков своему следователю дальше, представляло большой интерес для последнего, но, увы, не несет никакой полезной информации для нас: обычный самоговор и рассказы о «вредительской деятельности» в составе «контрреволюционной троцкистской террористической организации». Интересны, пожалуй, только списки японцев, которых Плешаков называет «работниками

полиции»; некоторые из них — его однокашники по семинарии.

Владимир Дмитриевич Плешаков признал себя виновным в «вооруженной борьбе с Сов. властью являясь офицером в чине подпоручика в штабе Колчака» и в том, что был завербован японской разведкой в 1935 году, хотя так и не подтвердил, что как-либо на эту разведку работал. «Кроме того, изобличается показаниями руководителя шпионско-террористической организации в СССР полковником Крыловым в том, что являлся членом шпионско-террористической организации и вел контрреволюционную троцкистскую пропаганду». Чекисты арестовали Плешакова, действительно не зная, что он их коллега, и не интересуясь его реальными возможностями в разведке. Снова мы приходим к выводу, что надо было набрать нужное количество людей, хоть как-то связанных с Японией, чтобы отчитаться о «широком троцкистском заговоре» с участием японских спецслужб — нагнетание враждебного отношения к Японии особенно усилилось летом 1937 года. А во времени ареста подоспел и приказ № 00593. Необходимость в придумывании троцкистского заговора отпала, и японоведов начали быстро и неуклонно уничтожать по стандартному обвинению в шпионаже в пользу Японии.

Владимир Дмитриевич Плешаков был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 14 октября 1937 года. Реабилитирован В.Д. Плешаков был 2 июля 1957 года. Но мы по-прежнему знаем об этом загадочном персонаже очень мало.

Глава 5. ИСИДОР НЕЗНАЙКО: «...СОСТОЯЛ СЕКРЕТНЫМ СВЯЗИСТОМ»

*Уплывают назад верстовые столбы
Вторят пары колесные струнам
Долог путь. Как уже далеко от Москвы,
Как еще далеко до Квантуна...*

Автор неизвестен

В начале XVIII века в Японии произошла история, которую знает сегодня весь мир. 47 самураев, оставшихся без хозяина, — ронинов совершили акт мести, отрубив голову обидчику их повелителя, из-за которого тот вынужден был расстаться с жизнью. Сами ронины тоже оказались приговорены к смерти и гибели, но... События эти известны нам в подробностях во многом благодаря тому, что одному из них удалось выжить и в конце жизни написать воспоминания. История о чуде спасшемся ронине всегда напоминает мне о деле Исидора Незнайко — единственного известного мне на сегодняшний день выпускника Токийской семинарии, окончившего свои дни не на расстрельном полигоне и не в тюремной камере, а дома — среди родных и близких ему людей. Благодаря этому, а также усилиями его внука Виктора Викторовича Незнайко в нашем распоряжении сегодня оказался целый ряд уникальных материалов, позволяющих в значительной мере восстановить жизненный путь еще одного воспитанника Николая Японского.

Внуку Исидора Незнайко, в дополнение к сохранившимся в семье личным документам деда, его фотографиям, вырезкам из газет, удалось получить некоторые материалы из архива БРЭМа — Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Ди-Го — японской организации, созданной в Маньчжурии в конце 1934 года для контроля над русскими эмигрантами. После прекращения деятельности БРЭМа в 1945 году его архив был вывезен в Советский Союз, сейчас является российской собственностью и хранится в Хабаровске. В нем сохранились десятки тысяч дел на русских, живших в Маньчжурии, главным образом вдоль КВЖД, том числе и на нашего героя.

Теперь благодаря документам, составленным советской военной контрразведкой Смерш при задержании И.Я. Незнайко в 1945 году в Китае,

мы можем документально подтвердить^[151], что Исидор Незнайко родился в кубанской станице Ахтырской 27 мая 1893 года. Когда мальчику было три года, далеко от Кубани, в Петербурге, принято решение о строительстве Китайско-Восточной железной дороги, а уже в 1898 году в Харбин, для охраны и обороны столицы Русской Маньчжурии от китайских разбойников — хунхузов, прибыл первый отряд кубанских казаков, в котором находился отец мальчика штаб-трубач (старшина) вахмистр Яков Федорович Незнайко. Семейство Незнайко в полном составе (мать, дочь и сын Исидор) переселилось в Харбин через год, но уже в 1902 году мальчика пришлось отправить на родину — в Харбине еще не хватало школ. Однако вскоре после Русско-японской войны Исидор вернулся в Маньчжурию и стал участником важных событий. В своей автобиографии Исидор Незнайко вспоминал об этом так: «...был командирован в Японию, город Токио, как стипендиат Штаба округа, специально для изучения японского языка, и был для этой цели определен, вместе с другими семью человеками, в Духовную семинарию при Российской духовной миссии в Токио, где изучал японский язык под руководством начальника миссии [ныне] покойного Архиепископа Николая до 1912 года. В июне 1912 года закончил образование и изучение японского языка вместе с другими двумя товарищами»^[152].

О недовольстве архиепископа Николая уровнем способностей присланных «казачат» мы помним из первой главы. В семье Незнайко сохранились предания о том, как их дед, будучи молодым семинаристом, оказывал помощь в переводах произведений Чехова и Пушкина супруге ректора семинарии Елене Сэнума, получившей широкую известность как поэтесса и переводчик русских классиков Сэнума Каё, и у нас нет причин сомневаться в правдивости этих рассказов (не об этом ли писал Е.Г. Спальвин?). Это означает, что уже в молодости Исидор Незнайко не относился к числу бесперспективных учеников, а был выбран в качестве помощника переводчика, способного сверять японский и русский тексты. Известно, правда, и о личных симпатиях жены ректора к некоторым русским студентам, и в семье Незнайко помнят, что их предок не был в этом смысле исключением.

Помним мы и о непростых отношениях между русскими и японскими учениками семинарии, о скандале, ставшем известным благодаря мадемуазель Горячковской, о словах Василия Ощепкова: «Я истинный русский патриот, воспитанный хотя и в японской школе. Но эта школа научила меня любить прежде всего свой народ и Россию...»^[153] Сегодня все

это можно списать на необходимость, на революционный пафос, на условия жестокого времени, когда они произносились: либо так, либо — конец. Но вот свидетельства человека, которого, по счастью, не коснулись ужасы большевизма, которого нельзя заподозрить в японофобии (иначе он не прожил и не прослужил бы в этой стране более полувека), но который признан как выдающийся японовед,—Николая Японского. Его дневники, особенно к концу жизни, когда опыт давал себя знать, пестрят записями подобного характера: «Но какая же дрянь этот народ—японцы!...Настоящие Иуды! Дай не 30, а 3 сребреника — Христа продадут!... Все — грош! И самим им всем цена—медный грош!» (1.01.1890); «По проповеди: все помешано на деньгах, все только просят денег. Кроме о. Павла Ниицума, не знаю ни единого христианина и служащего Церкви! Боже, с какой бы радостью бросил все и уехал, чтоб и ввек не слышать об Японии» (1893 г., без точной даты); «Япония — золотая середина. Трудно японцу воспарить вверх, пробив толстую кору самомнения» (1.10.1894). И вот новое свидетельство. В семье Незнайко бережно хранится аудиозапись, сделанная 27 мая 1959 года^[154]. На ней Исидор Яковлевич Незнайко рассказывает сыновьям и внукам о своей судьбе, по меркам сегодняшнего дня довольно выпендренно призывает любить родину, поет казачью песню. И только один раз голос старого казака срывается на рыдания — когда он вспоминает учебу в Токийской семинарии: «Тут тоже было для меня нелегко... И даже скажу — очень и очень тяжело! Оторванному от родины и от родителей. ..Ноя... крепился и пережил все трудности». Ни разу за весь рассказ—ни до, ни после—не слышно в голосе старого казака таких эмоций, такой боли, которыми наполнены короткие фразы об учебе в семинарии: «...очень и очень тяжело». Не тут ли разгадка вопроса о том, почему они, имевшие возможность выбрать, выбирали Россию, а не Японию?

Окончивший семинарию с отличным аттестатом и специальной карточкой «за очень хорошие успехи в учении и примерное поведение», Исидор Незнайко вспоминал: «По окончанию изучения японского языка я, как стипендиат Штаба Заамурского округа, обязан был служить только в Штабе округа и находиться в его распоряжении 6 лет. После возвращения в Харбин штаб округа откомандировал меня в качестве переводчика японского языка в распоряжение генерал-майора Добронравова, высочайше командированного в Маньчжурию для сооружения памятников русским воинам, павшим в Русско-японскую войну 1904—05 гг. Штаб-квартира генерала Добронравова находилась в городе Мукдене, но я больше всего находился в Дайрене и Порт-Артуре, где производились работы по

сооружению памятников и приведению в порядок русских кладбищ и перевозке из разных отдаленных районов прахов русских воинов.

Зимой 1912 года по окончании работ возвратился в Харбин в Штаб округа и был назначен на должность переводчика при Штабе округа одновременно совмещая обязанности преподавателя японского языка в Школе местных языков при Штабе округа.

В июле 1914 года был призван на военную службу и назначен в 1-й Заамурский конный полк, а затем был переведен в Штаб округа для исполнения обязанностей переводчика.

В 1915 году, в мае, был назначен переводчиком Гарнизона на станции Куаньченцзы (рядом с Чаньчунем). В 1916 году был откомандирован в Российское Генеральное Консульство в городе Мукдене (при Генконсуле Колоколове) и исполнял обязанности драгомана и делопроизводителя Консульства».

В архиве Незнайко сохранились документы о назначении молодого переводчика в 9-й конный казачий полк и удостоверение российского консула С. Колоколова о том, что «Исидор Яковлевич Незнайко, состоя на службе, отличался прекрасным усердием к исполнению своих обязанностей, знанием дела и отличным поведением». С другого места службы—из 563-й пешей Саратовской дружины — было получено похожее удостоверение в том, что И.Я. Незнайко исполнял «возлагаемые на него поручения с отличающей его старательностью, точностью и добросовестностью, проявляя во всех случаях (по отзывам японцев) прекрасное знание японского языка. Знает он так же хорошо и китайский язык. Ввиду его исполнительности, безукоризненного поведения, умения изъясняться на двух языках, а также ввиду его воспитанности и умения держать себя, он, Незнайко, является очень ценным и полезным служащим».

Незаурядные способности к языкам и «умение держать себя» всегда обращали внимание окружающих на И. Незнайко. Хорошо знавший семинаристов еще по Токио, не раз принимавший у них экзамены профессор Д.М. Позднеев, выполнявший в 1926 году в Маньчжурии поручения уже советской военной разведки, писал о коллеге: «В отношении японского языка дело поставлено еще слабее. На всю КВЖД имеется один работник Незнайко, который в постоянном разгоне и теперь давно уже отсутствует из переводческой комнаты, так как связан все время с Мукденскими конференциями»^[155].

Сам Исидор Яковлевич в своей автобиографии относит начало работы в разведке к советскому периоду: «В 1918 году перед закрытием

Консульства возвратился в Куаньченцзы и был назначен на должность Старшего переводчика Охранной Стражи КВЖД при гарнизоне в Куаньченцзы. Одновременно работал некоторое время в паспортном пропускном пункте по назначению К.Г.^[156] от Иркутского военного округа (правительства Колчака —А.К.), а затем постарался проникнуть в Комендантское управление (при коменданте станции). Занимался тайной информацией о японцах и их передвижению в Сибирь, работа была довольно опасная, приходилось необходимые записи условно делать на спичечных коробках. А затем расшифровывать и делать дома сводки донесений». Не исключено также, что, составляя свою автобиографию на допросе в Смерше, Незнайко сознательно скрыл факт своей работы на царскую разведку, догадываясь, что его друзья-соученики по семинарии поплатились за это жизнью.

Наоборот, Исидор Незнайко старательно выделяет в автобиографии тему свой преданности родине, упоминая при этом весьма любопытные исторические факты. Например: «В 1919 году... принимал участие в протесте и задержании служащими станции двух товарных вагонов (японского командования), погруженных белобандитом Семеновым в Чите русским золотом и увозимых японцами под видом урн (прахов) японских воинов. Однако все мы, не имея реальной силы, не могли осуществить нашего справедливого протеста, против нас были выставлены пулеметы, вместо сбежавшего нашего машиниста паровоза японцы посадили своего, и вагоны с русским золотом на наших глазах полным ходом были увезены в Чаньчунь для перегрузки в японские вагоны. Мы не могли ничего сделать, как только составить акт об увозе золота, что и было сделано в то время начальником ст. Куаньченцзы тов. Суббота в присутствии коменданта станции подполковника Толстокулакова и др.».

То, что судьба товарищей была ему известна, подтверждается полным отсутствием упоминаний о них в известных нам документах. Мы помним, что разведчик В. Ощепков в 1924 году жил у И. Незнайко в его доме в Харбине на Стрелковой улице. А Владимир Плешаков на предсмертном допросе в НКВД в октябре 1937 году называет Незнайко «сотрудником японской полиции» в Харбине и упоминает о своей связи с ним^[157]. К сожалению, такой предрасстрельный оговор был обычной практикой в те страшные годы, но, с другой стороны, во всех виденных мною документах, протоколах допросов бывшие семинаристы всегда «валили» на того, кто был вне досягаемости палачей из НКВД: Трофим Юр-кевич — на друга детства Василия Ощепкова, уже погибшего к тому времени в Бутырской

тюрьме, а Владимир Плешаков на Исидора Незнайко, находившегося на территории Китая.

В сопроводительных материалах к документам БРЭМ на Незнайко особо отмечено, что ряд их, «в том числе касающиеся работы И.Я. Незнайко в Маньчжурии в 1945—1954 гг., содержат агентурные сведения, донесения, ФИО офицеров контрразведки министерства государственной безопасности» и «выдаче не подлежат». А всего «заявителю не может быть отправлено больше 10% от дела». Так что о второй, тайной жизни воспитанника Николая Японского в Маньчжурии мы тоже знаем далеко не все и узнаем еще очень не скоро.

К счастью, нам уже довольно много известно о жизни Исидора Незнайко явной, но не менее, чем его секретная деятельность, достойной уважения и изучения. С 1920 и до 1935 года, то есть до передачи Китайско-Восточной железной дороги японской администрации, Незнайко служил старшим переводчиком японского языка при управлении КВЖД. И при белых, и при красных он был попросту незаменим, снова и снова совмещая функции переводчика и разведчика. «За время службы исполнял переводы на всех конференциях, всегда сопровождал Управляющих и представителей Правления при их поездках на юг и в Японию. Принимал участие при переговорах Генконсула СССР в Харбине М.М. Славуцкого с японскими военными и гражданскими представителями. За свою работу заслужил внимание и уважение.

До и после прибытия в Харбин представителей Советского Союза состоял секретным связистом по информации о японцах, в большинстве случаев без получения вознаграждения за свою работу, считая себя, как и на этот раз (выделено мною. —А.К.), обязанным перед Родиной. После передачи дороги японцам остался без службы с апреля 1935 года и тяжело заболел».

К. времени оккупации Маньчжурии японцами подданный СССР Исидор Незнайко был известным на КВЖД человеком, главой большой семьи, но вряд ли, как он сам пишет, «вынужден был, с тяжестью на душе, остаться в Харбине, не выехав в Советский Союз». Причины того, что он остался, нам понятны и лежат на поверхности. Наслышавшись о том, что происходит в Советском Союзе, Незнайко предпочел сохранить жизнь и себе, и своей семье и поступил мудро. В Харбине, в отличие от родины, его сопровождали не только «неоднократные обыски и придирки со стороны японской полиции и агентов жандармерии», но и уважение многочисленной русской колонии. Сохранившийся обрывок неизвестной эмигрантской газеты донес до нас дух того времени: «Исидор Яковлевич

Незнайко — сплошное “неизве-цио”. Его японская речь немедленно вызывает в представлении присутствующих пышные хризантемы и миндалевидные глазки прелестных гейш. Недаром, даже японцы, знакомясь с И.Я. на улице, в заключение беседы просят его снять шляпу, чтобы убедиться по цвету волос, что он не их соотечественник»^[158].

Поэтому без службы И.Я. Незнайко оставался недолго, заняв должность переводчика японского языка в Городском управлении и пробыв в ней до марта 1941 года. Еще раз дадим слово нашему герою: «Служба была, конечно, с японцами нелегкая, приходилось терпеть и стремиться всячески защищать соотечественников и русские дела. Ясно, я с самого начала и до конца симпатиями со стороны японцев не пользовался и повышения по службе не имел, да и не стремился искать их, так как знал, что от японцев это можно заслужить лишь в том случае, когда будешь служить японцам. Быть их агентом, продавать и предавать русских подобно Грибановскому^[159] (последние два слова вписаны в протокол другими чернилами. —А.К.)».

Кривил ли душой Исидор Незнайко перед следователями Смерша в 1945 году, рассказывая о своих сложных отношениях с японцами? Уверен, что нет. Достаточно вспомнить историю его обучения в Токийской семинарии, службу по перевозке прахов русских солдат, павших в войне с японцами, — все это вряд ли способствовало развитию в душе востоковеда столь модной ныне среди россиян беззаветной японофилии. Сейчас мало кто знает и вспоминает об отношениях русских и японцев в Маньчжурии после продажи КВЖД, но вот лишь несколько строк из большой статьи «Японская палка бьет так же больно, как и Сталинская»^[160]. Автор — поэтесса и публицист, сторонник фашистской партии Марианна Колосова^[161], которую даже самые злые языки не могли бы обвинить в симпатиях к Советской России. «Вспомним, прежде всего, те распростертые объятия, которыми встретила русская эмиграция, проживающая в Маньчжурии, пришедших туда завоевателей — японцев. О, как верило тогда большинство эмигрантов, что японцы идут бороться против — “мирового зла” — коммунизма, что следующий поход японцев на территорию России, для освобождения ее от власти коммунистов, закончится торжеством мировой справедливости». А скептиков среди русских эмигрантов, которые сомневались в бескорыстном благородстве японцев в отношении России и коммунизма, сами же эмигранты объявляли болыпевизанами и «советскими патриотами».

В 1935 году декорации изменились. Вместо «распростертых объятий»

русской эмиграции в адрес японцев показались конвульсивно сжатые кулаки, вместо приветственных криков «банзай» все чаще стали слышаться заглушенные проклятия.

Люди не меняют своих симпатий на антипатии ни с того ни с чего, для таких перемен, всегда имеются серьезные причины. А причины были серьезные. Унижение и оплевывание русского национального достоинства, ставка японцев на центробежные силы эмиграции, насильственное подчинение всей патриотической русской эмиграции органу, выполняющему функции жандармерии, — Бюро по делам русских эмигрантов, насильственное навязывание в «водители» эмиграции, ненавидимого и презираемого всей эмиграцией никчемного человека и продажного политика—атамана Семенова, насильственная мобилизационная запись всех эмигрантов, способных носить оружие, в «союз дальневосточных военных», который должен в недалеком будущем вести в поход на Россию «русских людей под желтым соусом а-ля борьба с коммунизмом».

Все события, описанные Колосовой, происходили не просто на глазах старшего переводчика управления КВЖД, но и при его участии, и, конечно, все это продолжало формировать в нем объективное понимание роли Японии тех лет на Дальнем Востоке, его позицию по отношению к своей второй родине.

Сохранилось немало вырезок из эмигрантских газет, подтверждающих совсем другие, не похожие на чувства к японцам отношения нашего героя с эмигрантской общиной: «Со стороны же русских и русских кругов я пользовался уважением, кроме бюро эмигрантов. Знаком уважения ко мне может служить теплая отзывчивость граждан и общественности при исполнении 25-лет. юбилея моей работы, в то время широко и тепло отмеченного в русской прессе.

В марте месяце 1941 года я решил уволиться со службы в Городском Управлении. Стремясь переехать в Шанхай, куца в 1940 году отправил двух сыновей с тем, чтобы они не попали под мобилизацию, проводимую японцами в то время для военной подготовки.

Причину моего увольнения я мотивировал тяжелой болезнью и необходимостью перемены климата и курортного лечения в Циндао. После увольнения полиция дала мне разрешение на выезд в Циндао сроком на 4 месяца.

Постарался быстро ликвидировать свое имущество, выехал, для отвода глаз, сначала в Циндао, а затем переехал в Шанхай в надежде, что там, наконец, моя душа и сердце, утомленные от японского гнета, отдохнут.

Но мои мечты не оправдались, так как их владычество и там появилось после объявления войны с Америкой.

В Шанхае, по-прежнему страдая недугом моей болезни, перенес тяжелую и сложную операцию, и после того как немного окреп, издал мой учебник японского языка. Решил пробраться обратно в Харбин, где, как считал, мне будет легче прожить, чем в Шанхае. Списался и получил вызов-приглашение не на государственную службу, а в акционерное общество газовых предприятий.

В октябре 1942 года возвратился в Харбин».

И еще. Было бы удивительно, если бы такой знаток японского языка и профессионал-практик, как Исидор Незнайко, не написал учебник. Пожалуй, это одно из самых экзотических по дате и месту выхода пособий по изучению японского языка: Шанхай. 1942 год. На светло-коричневой от времени обложке — фамилия автора, должность на японском языке и название: «Переводчик ниппонского языка. Учебник практического изучения ниппонского разговорного языка. С приложением практических разговоров и словарей».

В довольно длинном авторском предисловии несколько любопытных пассажей: «Настоящий скромный труд, предлагаемый в пособие жалающим (так в оригинале. —А.К.) изучать ниппонский язык, выпускается автором в свет в данный момент именно для указанной выше цели. Приурочив его выпуск в память исполняющегося в июне месяце сего года славного Тридцатилетнего Юбилея автора по случаю окончания им Духовной семинарии в Ниппон гор. Токио в 1921 году и непрерывной работы его на ниве взаимного понимания и сближения двух народов... При составлении настоящего учебника были использованы частично руководства по ниппонскому языку, выпущенные моим учителем и ректором Духовной Семинарии в Токио Иваном Акимовичем СЭНУМА, по которым я сам начал изучение ниппонского языка, за что считаю долгом выразить дорогому Ивану Акимовичу свою искреннюю благодарность и пользуясь этим случаем лишний раз свидетельствую ему свое уважение и благодарность за полученное воспитание и образование в Духовной Семинарии в Токио».

К сожалению, неизвестен тираж этого учебника, но, так или иначе, японские власти, по словам Незнайко, запретили ему продажу книги, равно как и ведение языковых курсов.

В 1943 году в Харбине был создан Комитет по переселению русских эмигрантов в Тогэнский район Маньчжурии, пригодный для земледелия и других видов сельского хозяйства, занятий подсобными промыслами,

пчеловодством. Это было вызвано тем, что в начале 1940-х годов многие российские эмигранты, жившие в Харбине и его окрестностях, столкнулись с продовольственными проблемами, безработицей. С целью оказания помощи этим людям, а заодно и отселения их из «столицы Русской Атлантиды», как они сами называли Харбин, в дикие, пустынные районы

Северного Китая комитет должен был регистрировать желавших переселиться в Тогэнский район, распределять переселенцев по поселкам и хуторам, оказывать неимущим и малоимущим переселенцам материальную помощь — под контролем... японской военной миссии. Деятельностью комитета руководил М.Н. Гордеев — заместитель начальника БРЭМа. Комитет прекратил свою деятельность в конце июля 1945 года. Исидор Незнайко был принят на работу в комитет в марте 1944-го, но уже в августе уволен — «за грубое отношение к японцам», после чего снова вернулся к частной переводческой практике.

Вступление в Маньчжурию Красной армии застало Исидора Яковлевича на посту «секретаря по русскому сектору правления Союза водочных и винодельческих предприятий». Одному из самых осведомленных людей в Русской Маньчжурии было что рассказать следователям из Смерша, и он, как мог, составлял свою автобиографию, вспоминая нужные эпизоды и забывая о лишнем, вворачивая созвучные времени обороты: «Как уже известно, ввиду того, что я являлся стипендиатом и воспитанником нашей Славной Армии, я всегда считал своим долгом в знак благодарности за полученное образование служить до конца своей жизни нашей дорогой Родине, а теперь тем более, нашей могучей Родине и ее народу, непоколебимо стоявшему на страже под высоким и мудрым водительством нашего великого и неутомимого Генералиссимуса Тов. Сталина, наших боевых Маршалов, Генералов и славных бойцов, идущих за правое дело во имя справедливости, свободы и процветания народов».

Отчетливо понимая, что он полностью в руках Смерша и чем это ему грозит, но все же надеясь выжить, Незнайко отважно заявляет, что его переводческая служба у виноделов закончена, он «свободен» и «теперь, наконец, наступил для меня момент свободной и плодотворной работы для нашей Родины. Имея 33-летний стаж по своей специальности, я владею в совершенстве разговорной речью японского языка, могу читать и писать, кроме того, за время долголетней жизни в Маньчжурии я овладел разговорным китайским языком в пределах повседневной жизни».

Удивительно, но Исидор Незнайко действительно выжил. Как один из 47 японских ронинов, он сумел избежать, казалось, неизбежного. Он не

вернулся в телячьем вагоне в Советский Союз в 1945-м, как многие его знакомые по КВЖД, не умер по пути в пересыльной тюрьме и не загнулся от лагерного пайка где-нибудь в Норильске. Почему—эту тайну хранят неизвестные нам 90 процентов его дела. Сын Виктор переехал из Шанхая в СССР в 1947 году, и никогда не подвергался репрессиям. Сам Исидор Яковлевич прожил в Маньчжурии до 1954 года, все это время работая старшим переводчиком Китайской-Чанчуньской железной дороги, и лишь после смерти Сталина вернулся в Советский Союз. Правда, не на Кубань, а сначала в землянку на целине, откуда через два года переехал в Караганду. Исидор Яковлевич Незнайко скончался в 1968 году, по словам его потомков, совершенно счастливый от того, что в конце жизни все-таки оказался на родине, и призывая сыновей и внуков любить ее так же, как это делал он. Прослужив десятилетия «секретным связистом» между Россией и Японией, он продолжает оставаться им и сегодня, оставляя нам возможность с помощью собранного им архива открыть глаза на историю собственной страны.

Часть II. ЛИЦО ЭПОХИ

Глава 6. ВАСИЛИЙ КРЫЛОВ: СПАСТИ И УНИЧТОЖИТЬ

*После меня —
Что останется в мире?
Вишни — весной,
Летом — песня кукушки,
Осенью — красные клены...*

Рёкан

В библиографическом словаре «Русские военные востоковеды»^[162] список опубликованных работ этого человека в два раз длиннее, чем биографическая справка на него, — обычная история, если речь заходит о японоведах в погонах, принявших на себя невыносимые удары судьбы в начале XX века. Сегодня настало время хоть немного узнать о Василии Крылове — уникальном специалисте и офицере-восточнике, вместе с десятками своих коллег ставшем жертвой сталинских репрессий. К сожалению, и в его случае главным источником информации пока остается его следственное дело, и по накалу драматизма никакая пьеса не сможет сравниться с тем, что хранится в этой пожелтевшей папке с надписью «Хранить вечно»^[163].

Василий Николаевич Крылов родился 20 февраля (по некоторым данным — 22 февраля) 1877 года в малюсеньком городке Боброве Воронежской губернии в семье мещан. 60 лет спустя неумолимая рука следователя зафиксировал в «анкете арестованного» недопустимо высокий для большевиков социальный статус Крыловых: «Отец имел дом из четырех комнат, корову и лошадь». О детстве и юности Василия Крылова неизвестно ничего, кроме того, что он кончил три класса местной прогимназии. 12 июня 1897 года Крылов добровольно пошел служить в царскую армию, поступив в Елизаветградское кавалерийское училище. Военный историк Константин Табачнев обнаружил данные о поручике В.Н. Крылове в наградных листах 17-го гусарского Черниговского полка и в «Списках генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чинам Заамурского Округа Отдельного Корпуса Пограничной Стражи» за 1914 год. Из них следует, что корнет Василий Крылов окончил училище по 2-му разряду (без особых успехов) и с 21 августа 1908 года был определен на

службу в 51 -й драгунский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны Черниговский полк. Однако до 25 июня 1904 года числился в запасе этого полка. Во время допроса в НКВД Василий Николаевич назвал именно эту дату в качестве начала своей военной службы, заявив, что в 1904 году он был мобилизован и отправлен на Русско-японскую войну. В составе своего полка Крылов участвовал в боевых действиях и 25 августа 1905 года стал поручиком. В том же году он был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны — тоже 3-й степени с мечами и бантом. В полку, вернувшись на постоянные квартиры в городе Орле, служил поручиком до 1908 года, но расставаться с Дальним Востоком Василию Крылову было еще рано.

8 февраля 1908 года он отказался от демобилизации и отправился на службу в Штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, предназначенного для охраны русских владений в Маньчжурии, куда прибыл через 6 дней и был включен в списки части. В ряде имеющихся до сих пор публикаций утверждается, что Крылов был самоучкой. Это не так, но истоки легенды уже понятны. Имевший ранее гимназическое и, вероятно, военное образование и изучавший японский язык по пособиям, поручик 8-го отряда Заамурского округа пограничной стражи Василий Крылов сдал экзамены на начальное знание японского языка и в октябре 1909 года поступил сразу на второй курс^[164] Восточного института во Владивостоке по японо-китайскому разряду в качестве «сверхштатного слушателя»^[165]. Совершенно ясно, что в то время Крылов видел себя практиком, а не ученым, а потому отказался от прослушивания полного институтского курса, выбрав лишь английский и японский языки, и в результате в 1912 году не получил свидетельства об окончании института. Почему это произошло? Нет сомнений в том, что образование требовалось для некоей секретной службы, на которой находился наш герой: в следственном деле дважды упоминается «военно-специальная школа», которую Крылов окончил в 1913 году^[166]. На деле речь идет об Офицерской подготовительной школе восточных языков (ОПШВЯ), формально числившейся при штабе Приамурского военного округа, но в реальности функционировавшей при Восточном институте во Владивостоке. Ее курсанты оканчивали восьмимесячный курс в стенах института, после чего на два года откомандировывались в страны изучения, а уже затем сдавали выпускной экзамен с присвоением квалификации «офицер-переводчик восточных языков» и получали соответствующие

дипломы и нагрудные знаки. Так как в Восточном институте Крылов, еще в 1910 году ставший штабс-ротмистром, диплома не получил, свидетельство об окончании ОПШВЯ служило ему в качестве документа о профессиональном образовании^[167].

Известно, что уже с 1909 года Крылов начал публиковаться: в это время его фамилия появляется в списке авторов Китайскорусского словаря военных терминов, изданного в Харбине, годом позже штаб округа публикует его работы «Русский солдат. Что о нем пишут» и «Кто побеждает на войне?». Октябрьскую революцию Крылов встретил в чине ротмистра (примерно соответствует современным воинским званиям капитана и майора), будучи членом Общества русских ориенталистов, и со значительным списком весьма специфических публикаций в профессиональном багаже: «Краткий алфавитный японско-русский словарь, пригодный для нижних чинов», изданный в 1914 году в Харбине и Хабаровске, стал явным следствием участия в войне с Японией и понимания автором возникших тогда проблем. Тогда же, главным образом в издательстве штаба округа, выходят работы, носящие не только прикладной, но и военно-академический характер: «Вопросы японской конницы. Справочник современной организации конницы в Японии с приложением общих сведений о японских сухопутных силах», Харбин, 1914; «Карта Кореи с японскими собственными именами», Харбин, 1914; «Словарь японских географических названий Кореи, ныне генерал-губернаторства Циосен. С картою, под ред. генерал-майора Генерального Штаба Володченко» (запомним эту фамилию! —А.К.), Харбин, 1914; «Краткие сведения о японских сухопутных войсках. С приложением географических и статистических данных о Японии. Под ред. ГШ генерал-майора Володченко», 1914; «Краткие сведения о вооруженных силах Японии. С приложением статистических данных общего характера. Под ред. ГШ генерал-майора Володченко», 1915; «Солдатские песни», 1915; «Вопросы японской армии в алфавитном порядке.^[168] Справочник современного устройства японских вооруженных сил», 1916^[169]. Понятно, что автором столь специфических трудов простой переводчик статей не мог. Помимо соответствующих опыта и образования для их написания нужны были возможности, которые могла дать, например, служба в российской военной разведке, где Крылов имел бы шанс заниматься анализом японских вооруженных сил, получая уникальные материалы о них, недоступные обычным исследователям. Был ли Василий Крылов русским военным разведчиком? Похоже, что именно так. Формально же с 1913 года он, как

кавалерист, числился в 3-м конном Заамурском полку, но был откомандирован для прохождения службы в Штаб Заамурского округа, а в 1914-м назначен военным цензором на станции Приграничная КВЖД, при этом неоднократно отправляясь в командировки в Японию и Корею^[170]. В том же году, по данным К. Табачнева, Василий Крылов был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

Политическое прошлое Василия Крылова в «анкете арестованного» определено просто и емко: «харбинец». Подробностей не слишком много: в период революции примкнул к партии социалистов-революционеров — тех самых эсеров, что делали революцию вместе с большевиками, а потом, в 1918-м, оказались их злейшими врагами. У Василия Крылова с эсерами дорожки тоже разошлись. В 1920—1921 годах он жил в Чите, где служил в частях белой армии атамана Семенова, дослужившись до подполковника. В какой должности? На допросе в НКВД много лет спустя он сумел об этом не сказать, но мы знаем: сначала помощником начальника, а затем — с 20 ноября 1919 года — временно исполняющим должность начальника контрразведывательного отделения штаба округа^[171]. Исходя из наших стереотипов о Гражданской войне и колчаковской контрразведке трудно представить себе службу, менее совместимую с наукой. Тем не менее, в указанный период у нашего героя выходят новые книги: «Библия японского солдата и матроса. К познанию японской армии», 1919; «Очерки японской армии», 1919; «Русско-японские практические разговоры. Вып. 1. Приветствия — айсацу. Разговоры, подстрочный словарь к ним и сведения из грамматики японского разговорного языка», 1920; «Русско-японские разговоры. С кратким русско-японским словарем», 1921. Поистине фантастическая плодовитость для автора, существующего в условиях Гражданской войны с двумя маленькими детьми на руках и, как сказано в его следственном деле, все это время ведущего «активную борьбу с Советской властью в районах Восточной Сибири»!

Еще менее ясным выглядит следующий период жизни Василия Николаевича — с 1921 по 1925 год. Мы не знаем, где он находился в это время и чем занимался. Есть неподтвержденная пока информация о том, что в 1921-м он заведывал библиотекой во Владивостоке (возможно, библиотекой Восточного института?), затем служил редактором двух журналов: «Армия и народ» и «Солнышко. Журнал для детей» (!). В 1923-м Крылов переехал в Харбин, где, вероятно, со следующего, 1924 года работал переводчиком в советском консульстве. Казалось бы, необычное место службы для бывшего разведчика и подполковника из

белогвардейской контрразведки. Но это если не брать во внимание тот факт, что генеральным консулом РСФСР в Харбине был в то время Д.Д. Киселев (Мощный) — сколь безграмотный, столь же и энергичный резидент Разведывательного управления (будущего ГРУ) вооруженных сил «молодой Советской республики», в прошлом левый эсэр, переполненный идеями о борьбе с мировой буржуазией, тесно сотрудничающий с резидентурой Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, но не сумевший окончить в школе курс даже русского языка, не говоря уже об иностранных. Для него в сложившейся ситуации грамотные драгомены были на вес золота, и, похоже, как раз в это время карьера Василия Крылова как разведчика возобновилась. Путь же ученого, исследователя он не прерывал никогда. В 1926 году в Харбине вышла его следующая книга — «Японская литература о Китае, Маньчжурии и Японии. Вып. 1. Журнальная литература». К этому же времени относится его случайная встреча на улице со старым знакомым по Владивостоку — японоведом Н.П. Мацокиным, которому Крылов предложил работу в консульстве, после чего Мацокин оказался на службе в резидентуре ИНО ОГПУ.

Относительно спокойная жизнь Василия Крылова в Харбине продолжалась до 1934 года. Он развивался как ученый-востоковед, исследователь и Японии и Китая, официально стал членом Общества исследователей Маньчжурского края. В 1926—1933 годах вышли его новые работы, в основном в виде журнальных статей в различных изданиях: «Литература на японском языке о Маньчжурии и сопредельных странах», 1928; «Издательская деятельность Харбинского торгового музея»; «Новые книги по китайской проблеме; Книга биографий деятелей современного Китая»; «Содержание японских журналов за текущий 1930 г., посвященных изучению стран Дальнего Востока»; «Обзор текущей периодики в Китае на японском языке»; «Книги и брошюры о Китае», «Маньчжурии и Внутренней Монголии»; «Административное деление Китая»; «Библиографический указатель японской журнальной литературы за 1932—1933 годы»; «Новая японская книга о Маньчжурии (*Фуцзимагари* С. Создание “Маньжоуго” и его естественные богатства)» и другие^[172]. Но однажды счастливая харбинская жизнь закончилась...

В каждом следственном деле из тех, что мне доводилось видеть в различных архивах, есть своя интрига, свой драматизм, свои загадки. В деле Василия Николаевича Крылова всего это — через край. В его аресте 1 сентября 1937 года не усматривается поначалу никаких «восточных мотивов», хотя востоковедов всех уровней из самых разных организаций «брали» с самого начала года. С началом японо-китайской войны 7 июля

1937 года волна арестов начала набирать мощь цунами, но общих для всех японоведов обвинений пока не выдвигалось, за исключением пропагандистских нападок в советской прессе^[173]. Большинство, конечно, было схвачено как «японские шпионы», но присутствовали и другие, более привычные для того времени обвинения — в троцкизме и контрреволюционной агитации. Постановление на арест Василия Николаевича Крылова было подготовлено 29 августа. В документе говорилось, что В.Н. Крылов «достаточно изобличается в том, что, будучи контрреволюционно настроен, высказывал троцкистские настроения по адресу вождя партии. Прибыл на территорию СССР как агент японских разведывательных органов со шпионскими заданиями»^[174]. Никаких доказательств и оснований для ареста, конечно, приведено не было — «достаточно изобличается», и все на этом. При этом о разведывательной, в пользу Японии, версии следователями было забыто сразу же и вплоть до вынесения предложений о передачи дела на рассмотрения Особого совещания (ОСО) — знаменитой «тройки».

Здесь надо заметить, что, помимо всего прочего, следственное дело Василия Крылова впервые позволяет нам более четко определить основных палачей московских японоведов страшного 1937 года. В делах, открытых позднее, после выхода приказа НКВД СССР № 00593 «О харбинцах», хорошо видно, что времени правильно оформлять документы у чрезвычайно загруженных «работой» чекистов не было — подписи стоят на положенных местах, а вот их расшифровки присутствуют не всегда. В конце августа 1937-го чекисты только начинали «работать по восточникам» и были аккуратнее. Теперь мы знаем, что постановления на арест Крылова, Ощепкова и многих других московских японоведов завизированы военным прокурором Московского военного округа Юлием Берманом (его самого расстреляют годом позже). Дела по большинству японоведов непосредственно вела тройка следователей и оперуполномоченных Московского областного управления НКВД в составе: Вольфсон, Наседкин, Воденко — это они лично избивали, пытали и уничтожали цвет столичного востоковедения.

Постановление об аресте подписано, это отчетливо видно, дрожащей рукой: шестидесятилетнего — старика по меркам тех лет — Крылова брали, видимо, ночью, в его квартире в доме номер 10 по 2-й Домбровской улице в городе Пушкине Московской области, куда Василий Николаевич вынужден был переехать из Москвы, будучи не в силах платить за квартиру в столице^[175]. Позже в этот же длинный деревянный барак (по старой

памяти?) ворвутся чекисты в поисках друга и соседа Василия Крылова — Владимира Плешакова. Сопутствующий аресту обыск ничего не дал: изъяли паспорт и два фото: «Крылова и китайца». Нечувствительные к настоящим разведывательным мелочам следователи личность «китайца» устанавливать не стали, и в деле это фото отсутствует. В доме осталась жена Крылова Зинаида Викторовна и сын Кирилл 18 лет. Старшая дочь — тоже Зинаида — была геологом и находилась в экспедиции.

Первый допрос состоялся 7 сентября в Бутырской тюрьме. Допрашивал помощник оперуполномоченного 3-го отдела НКВД по Московской области Воденко, и линия следствия очень скоро приняла довольно необычный для схваченных востоковедов характер. Поначалу Крылов сообщил уже известные нам биографические сведения. При этом он либо не раскрыл, либо Воденко не внес в протокол допроса информацию о своей связи с разведкой. Затем речь пошла о последнем периоде жизни арестованного: «В Москву я приехал из Харбина 18 июля 1934 года... После двух месяцев поступил работать в издательство “Советская энциклопедия” в качестве редактора японистских трудов... По сокращении работы в этом учреждении в конце 1935 года я уволился по собственному желанию. В 1936 году работал в Тихоокеанском кабинете^[176] японистом». После этого следователь потребовал сообщить о «знакомых по Харбину». И Крылов сообщил, назвав первым практически неизвестного сегодня япониста Баяна Петровича Матиасевича, работавшего с ним в Тихоокеанском кабинете^[177]. Следующие два листа дела посвящены развернутой характеристике Матиасевича как «непримиримого врага Советской власти». Никаких фактов вражеской деятельности коллеги Крылов, конечно, привести не мог, и в почти бессвязной гряде слов следователь жирным красным карандашом подчеркивал то, что хоть как-то могло помочь НКВД создать очередной липовый заговор: «Числа 20-го августа Матиасевич заехал ко мне на квартиру, высказал мне свои террористические настроения по отношению к руководителям партии и Советского правительства, которые, по его мнению, ведут страну к гибели».

Удовлетворенный следователь Воденко требует назвать остальных, и обессиленный Крылов продолжает: «Кроме Матиасевича в Харбине я находился в близких отношениях с братьями Нечаевыми — Федором^[178] и Василием^[179]. Молоптным Петром Прохоровичем^[180] и Плешаковым Владимиром Дмитриевичем (подчеркнуто простым карандашом. — А.К.)... Федор Нечаев несколько месяцев тому назад заявил о том, что очень

огорчен тем, что уволен из Разведывательного управления РККА (подчеркнуто красным карандашом и дважды отчеркнуто сбоку простым. —А.К.)...Плешаков Владимир Дмитриевич в Харбине работал переводчиком японского языка на КВЖД. В период 1921 года во Владивостоке находился на службе у Японской военной миссии. В СССР... прибыл в 1936 году, работает в НКВД переводчиком. Проживает рядом со мной в Пушкино. Заходит ко мне на квартиру. По своим политическим взглядам настроен враждебно к СССР».

Все следующие протоколы допросов Крылова, которые велись несколько дней, а возможно, и суток, представляют собой нагромождение явно на ходу придумываемых «враждебных» высказываний несчастного старика, вроде вот этого: «Воспевая хвалебные гимны Троцкому, я со злобой и ненавистью ругал С...»

Именно так — не Сталина, а «С...»—рука помощника оперуполномоченного Воденко не поднялась написать фамилию «вождя народов» целиком — как бы чего не вышло... Зато не дрогнуло горячее сердце чекиста примешать к заговору семьи уже обреченных востоковедов, и арестованный «признавался»: «Кроме того, к этой контрреволюционной террористической организации принадлежали все наши жены, как то: Крылова Зинаида Викторовна (моя жена), возраст ее около 50 лет (похоже, что Крылов находился в таком состоянии, что даже не мог вспомнить возраст супруги, с которой прожил четверть века. — А.К.), уроженка Варшавы, русская, иждивенка... Нечаева Анна Дмитриевна (возраст около 48 лет)^[181]... Нечаева Серафима Дмитриевна^[182]... Плешакова Мария Ильинична (лет 48)^[183]...» Какой вред могли нанести эти женщины в те годы Советскому государству? По версии следствия это выглядело так: «Практически контрреволюционные и террористические высказывания женщин — членов террористической организации проводились на улицах, в очередях и других людских скоплениях. Наиболее активную роль в этом направлении играла Плешакова Мария Ильинична... Плешаков Владимир Дмитриевич проживал со мной в Пушкино по соседству и часто заходил ко мне на квартиру. Одно время он работал где-то на заводе в Горьковской области и, возвратившись оттуда, очень возмущался порядками в стране, благодаря чему ему пришлось там работать не по специальности переводчика, а где-то в канцелярии^[184]. В июне Плешаков, подойдя к окну моего дома, пригласил меня пойти к нему в сад погулять. У меня в то время находился мой знакомый преподаватель японского языка Ануфриев^[185], мы все вместе отправились к Плешакову. Во время разговора Плешаков в

присутствии своей жены Марии Ильиничны, меня и моей жены, а также Ануфриева ругал Советскую власть. Говорил, что в СССР творится беззаконие. Всюду аресты. Около 80 процентов харбинцев арестованы без разбору “ни за что”^[186]. Жена его — Плешакова Мария Ильинична подтвердила слова своего мужа и добавила: “Да, в СССР такая жизнь, что, пожалуй, не нужно было бы ехать сюда. Нет никакой возможности прожить и дать образование детям”. Я и моя жена подтвердили их слова тем, что, действительно, жизнь в СССР очень тяжела, и вот мы находимся без работы, голодаем и не имеем жилплощади. После этого Плешакова стала часто бывать у нас в доме и говорила моей жене с плачем и злобой, что каждый день кого-нибудь да арестуют из ее знакомых, и вот опять арестовали какого-то профессора, у которого даже книги забрали при обыске, и теперь его жена обречена на мучения...»

Оторвемся от чтения протокола и зададимся вопросом: а зачем эти люди покинули более-менее сытый Харбин и вернулись в страшную, голодную, терроризируемую НКВД Советскую Россию? Для чего? Настолько не знали, что происходит на родине? И коща это произошло? Ответы не так просты, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, по своим политическим убеждениям все наши герои были не просто «харбинцами», как это записано в анкете у В.Н. Крылова, но и «сменовеховцами устряловского толка», как был определен характер политического настроения друга В.Д. Плешакова японоведа и разведчика Василия Ощепкова, снимавшего, кстати говоря, на лето дачу по соседству. Они были готовы работать где угодно и кем угодно, лишь бы служить родине. Служить стране, которая, как они верили, нуждается в их преданности, профессионализме, грамотности—нуждается остро, как никогда. И все они были этой родиной преданы с редкостным садизмом — с уничтожением семей, жен, детей...

С другой стороны, подавляющее большинство харбинцев, прибывших в Советский Союз в тридцатых годах, приняли это решение лишь в самый последний момент — после продажи 23 марта 1935 года КВЖД—основного места их службы—японцам. Множество русских лишилось работы, а такие, как В.Н. Крылов и его семья, имевшие советские паспорта, были фактически обречены на возвращение. Многие не хотели жить и работать «под японцами», и, по свидетельству задержавшихся, такие настроения крепили и ширились со временем — вспомним статью Марианны Колосовой. Но, как мы помним, Крыловы приехали из Харбина в Москву 18 июля 1934 года — за семь месяцев до продажи дороги. Да и работал Василий Николаевич не в правлении КВЖД, а в Генеральном

консульстве СССР — переход дороги в другие руки уж на нем-то должен был сказаться менее всего. Что же произошло? Что или кто заставил 57-летнего отца семейства бросить все и переехать в Москву, где он всего через год стал безработным и вел нищенское существование в бараке отдаленного пригорода столицы? Ответ на этот вопрос ждет нас впереди, а пока еще одна загадка: жены. Их-то за что? Ведь не за разговоры же о тяжелой доле на самом деле? И почему только в делах Крылова и Плешакова жены выступают едва ли не основными участниками мифического контрреволюционного заговора. Четкого ответа на этот вопрос у меня нет, но есть версия.

Василий Крылов был арестован 1 сентября 1937 года, а за две недели до этого — 15 августа — был подписан совершенно секретный Оперативный приказ НКВД СССР № 00486, начинавшийся фразой «С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионскодиверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1 августа 1936 года». Одно из самых страшных свидетельств сталинской эпохи подразумевало начало репрессий родственников (жен и детей от 3-х лет) тех, кто уже был арестован ранее. Похоже, следственная группа по делу Крылова решила постараться и, ревностно претворяя в жизнь новые требования партии большевиков, состряпала заговор, в который сразу «вовлечены» были и мужья и жены — как говорят в народе, чтобы два раза не ездить. Все арестованные жены были домохозяйками, никакого реального вреда причинить не могли, сколько бы ни жаловались на свою несчастную жизнь, но уж очень хотелось чекистам уничтожить побольше тех, кто знал другую — счастливую — жизнь...

Есть, конечно, в деле В.Н. Крылова и другие странности. Как объяснить, что он оклеветал своих лучших друзей: братьев Нечаевых, Плешакова и других? Почему фактически утащил их на тот свет? Уж если на то пошло, мог ведь устроить неприятности врагам, а не друзьям. Но... «Кроме указанных лиц, я вел контрреволюционные и террористические разговоры в семье своего знакомого — Мацокина, профессора японского языка. Сочувствия с его стороны на мои высказывания я не встречал. С Мацокиным я за последнее время поссорился и до своего ареста месяца три с ним не встречался». Крылов и не мог с ним встречаться — с июля 1937 года Мацокин находился в тюрьме и был расстрелян 10 октября того же года как «японский шпион». А может, Василий Николаевич знал, что Мацокин арестован? Может быть, это о нем говорила Зинаида Викторовна

Крылова, упоминая арест «знакомого профессора», и Крылов таким образом пытался помочь Мацокину? Кто знает... Но недруга выгораживал.

Нет сомнений, что дело Крылова велось с применением пыток — достаточно взглянуть на подписи старого япониста в протоколах допросов — хуже их я видел только каракули избитого доцента Трофима Юркевича. Что происходило в камере для допросов Бутырской тюрьмы, несложно себе представить, перечитав, например, солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Указание Политбюро ЦК ВКП(б) о применении к «врагам народа» методов физического воздействия было получено чекистами совсем недавно — в июле, и они выполняли его с тем же жаром, с той же беззаветной самоотдачей, с какой арестовывали жен обреченных. Но все люди разные, и не на всех можно было надавить даже так. 16 сентября чекисты устроили Крылову и его друзьям страшное испытание: была проведена очная ставка Василия Николаевича с арестованным и обвиненным им в терроризме Федором Ильичем Нечаевым. Ни одного обвинения Крылова Нечаев на очной ставке не признал и ни в чем не сознался. А Крылов снова подтвердил все.

10 октября 1937 года — в день расстрела Мацокина и смерти в камере Бутырской тюрьмы Ощепкова — было подписано обвинительное заключение ОСО: «Крылов Василий Николаевич, проживая в Харбине с 1904 по 1934 год, был связан исключительно с белоэмиграцией и лицами, близко стоявшими к японской разведке. В период Гражданской войны принимал активное участие в вооруженной борьбе против Соввласти, являясь офицером в чине полковника в армии генерала Семенова. Являясь непримиримым врагом Соввласти, еще проживая в Харбине, вел террористическую, антисоветскую пропаганду, направленную к необходимости свержения Соввласти и убийства руководителей ВКП(б) и Советского правительства. При отъезде в 1934 году из Харбина в СССР имел встречу с бывшим белым генералом, работающим начальником полицейского отряда при главном полицейском управлении г. Харбина Володченко^[187] (помните редактора крыловских трудов о японской армии? Крылов признал факт встречи с ним, но так и не подписал признания о сотрудничестве. — А.К.), от которого получил задание — по приезде в СССР сгруппировать вокруг себя врагов Соввласти и создать на территории СССР террористическую организацию... Виновным себя признал полностью»...

Здесь, казалось бы, и можно поставить точку в деле Василия Крылова, но перед выпиской из акта о расстреле обвиняемого 17 октября 1937 года на Бутовском полигоне оказались подшиты еще два — совершенно

неожиданных для меня — документа. Первый — протокол допроса 16 февраля 1935 (!) года аспиранта Института востоковедения и сотрудника издательства «Советская энциклопедия» Фомичева Виктора Евдокимовича, «из крестьян».

Протокол, скорее напоминающий донос: «... Наибольший интерес представляет из себя Крылов Василий Николаевич. За время совместной работы с ним мне удалось узнать о нем следующее:...он прекрасно владеет японским языком, особенно хорошо он усвоил военные термины и географические названия. Ведет себя весьма скрытно и о своем прошлом не распространяется... В разговоре с японоведом Поповым Александром Николаевичем последний заявил мне, что он довольно хорошо знает Крылова, причем указал, что в прошлом он был жандармским офицером и у него есть свои печатные труды. Живет Крылов в районе 2-й Мещанской».

Бывший жандарм, прекрасно знающий язык, показался чекистам подозрительным, и через два дня они допрашивали уже японоведа Попова^[188]: «Лично я его знал около 1915 года, но знакомство было шапочно, в городе Владивостоке. Он в то время был кадровым офицером в чине приблизительно штабс-ротмистра и служил, насколько можно заключить из его книг, в Заамурском округе пограничной охраны, в Харбине.

...Книгами Крылова я очень мало интересовался, т.к. они касались наименее интересной для меня отрасли японоведения, а именно — военного дела... Крылов в части японского языка был, кажется, учеником профессора Спальвина и слушателем Восточного института во Владивостоке... видно, что он является знатоком японской армии (эта фраза подчеркнута толстым синим карандашом. —А.К.) и с этой стороны, мне кажется, может быть полезен для соответствующих наших организаций (два раза отчеркнуто на полях. —А.К.).

На этом, кажется, дело Крылова точно уж можно было закрыть — оно кончилось расстрелом, но... дальше оказалось еще интереснее. 22 июня 1956 года «в связи с пересмотром дела Нечаева»: архивно-следственное дело нашего героя было запрошено из архива КГБ СССР офицером Главной военной прокуратуры, который вынес в порядке надзора следующее определение: «Данных, послуживших основанием дня ареста Крылова, нет. Никаких компрометирующих материалов ни на кого в этом деле нет». Ожидаемо. Но вот и неожиданное: появляется ответ на один из заданных нами вопросов: почему Крылов вернулся с КВЖД на год раньше остальных: «...наоборот, в деле имеется сообщение ГУГБ НКВД СССР от мая 1935 г., в котором указано: “Крылов... выполнял в Маньчжурии...

работу по заданиям Разведупра с 1926 г. по 1934 г. Был отправлен в СССР вследствие имевшихся сведений о наблюдении за ним... Работал неплохо»». Работал неплохо... В книге историка спецслужб М. Алексеева «Советская военная разведка в Китае и хроника “китайской смуты”» (1922—1929) встречается такой пассаж: «...не менее результативным был агент по кличке Степаничук. Сотрудничал с разведкой с 1921 г. Беспартийный. Русский. Бывший ротмистр, бывший адъютант Разведывательного отделения Заамурского военного округа. Хорошо знал Китай и Японию. Был чрезвычайно полезен, так как имел хорошее военное образование и опыт старого разведчика. Давал сведения по контрразведке, переводил секретные документы. Имел связи среди белогвардейцев, японцев местной колонии и других городов Маньчжурии и Кореи. Был известен в местных кругах как журналист, переводчик, военный. Через него было добыто много документальных материалов, получивших высокую оценку руководства разведорганов»^[189]. «Бывший ротмистр», журналист и «старый разведчик» — это, конечно, Василий Крылов — по уникальной биографии восстановить подлинное имя агента Степаничука совсем не сложно. Таким образом, с разведкой Крылов не порывал никогда, не изменял профессии, которая, как известно, в том, что «родину защищать». Он снял погоны ротмистра пограничной охраны Российской империи и полковника белой армии атамана Семенова, чтобы стать агентом советской военной разведки. Василий Крылов-Степаничук «работал неплохо», но попал в Харбине под наблюдение японских контрразведчиков и был выведен из под удара самым действенным способом: отправлен в Советский Союз вместе с семьей. Так получилось, что руководство Разведупра Красной армии спасло Крылова, чтобы через три года его расстреляли чекисты.

Дата указанной переписки спецслужб — май 1935 года — свидетельствует о том, что сообщения аспиранта Фомичева и преподавателя Попова не остались незамеченными. Сотрудники советской контрразведки выяснили, кто такой Крылов на самом деле, успокоились, но дело на него завели. Дело, ставшее в 1937 году приговором. Дело, в котором до сих пор в запечатанном и прошитом особым образом конверте хранится, видимо, та самая переписка, которой не суждено стать открытой.

Сотрудники же военной прокуратуры, занимавшиеся в 1956-м пересмотром изученных нами документов, отправили запросы во все советские архивы и выяснили, что «никаких компрометирующих материалов в отношении В.Н. Крылова не имеется. Более того, установлено, что бывший сотрудник УНКВ МО Вольфсон, принимавший участие в допросах и руководивший следствием по делу Крылова, осужден

за преступную деятельность в органах НКВД, в том числе и за фальсификации уголовных дел. Будучи допрошен 10 июля 1956 года, Вольфсон показал, что бывший его подчиненный сотрудник УНКВД Мочнов, так же принимавший участие в допросах Крылова, применял к арестованному физические меры воздействия».

К сухим строкам прокурорского расследования сегодня можно добавить фрагменты воспоминаний случайно уцелевшего «подопечного» Вольфсона — Аркадия Дмитриевича Евсюгина из его книги «Судьба, клейменная Гулагом»: «После обыска увели меня на второй этаж областного Управления НКВД к следователю Вольфсону. Он предложил сесть на табуретку... Вольфсон сообщил мне, что я арестован как враг народа, изменник Родины, троцкист-бухаринец, строго сказал:—Запомни это. Мы с тобой будем поступать как с врагом народа. Тебе, вероятно, известны слова писателя А.М. Горького: “Если враг не сдается, его уничтожают”. Этими словами Горького они внушали мне, что арестант у них — беззащитная личность, вне закона. После своего выступления Вольфсон предложил мне писать чистосердечное признание, убеждая меня, что чем раньше напишу, тем лучше для меня...

Когда я пришел в себя и почувствовал, что могу говорить, сказал Вольфсону:

— Я же не виноват, мне нечего и не о чем писать.

Вольфсон, как бешеный, вскочил, начал кричать, посыпалась брань и ругань, угрозы. Команда: “Встать!” Подошел ко мне, начал громко кричать в ухо. Появились сильная боль и шум в голове. Долго гарцевал он вокруг меня, ругался и кричал. Я стоял и молчал. Затем переходит к следующему отработанному приему, двумя пальцами сверху вниз сильно ударяет между ключицей и шеей, боль невероятная, искры из глаз посыпались, и изо рта пошла кровь. “Стоять!”

По-ихнему называется “конвейер”. Это один из приемов допроса. На конвейере могут держать сутками без сна, пищи и воды, только до тех пор, пока арестованный не потеряет сознания и согласится подписать все протоколы, что предложит следователь.

На конвейере я простоял без сна, пищи и воды трое суток. Вода стояла на столе, вызывала жажду. От бессонницы, физической и моральной усталости падал на пол. Величайшее удовольствие испытывал, когда лежал на полу. Долго лежать не давали, пинали в бок, обливали водой, приводили в сознание, командовали “Встать!” Одного дежурного сменял другой, такой же жестокий и безжалостный. Один раз дежурила женщина, кажется, Судакова. Назойливо твердила одно: “Пиши, пиши, легче будет.

Признаешься, мучить перестанут”. Я ей отвечаю: “Мне нечего писать. Я не виноват”. Она с иронией говорит: “Да, не виноват! Довольно ниточки на х... наматывать, мы вас знаем”.

За эти трое суток наслышался всякого. Из кабинета в ночное время слышались матерщина, ругань, крик: “Фашисты, гады! Убивайте! Придет время, будет управа над вами!” С мужским криком чередовался женский крик, истерика, слезы. Следователь Вольфсон приходил в кабинет, где я стоял, спрашивал другого: “Писать еще не соглашается? Нет?” Уходил и приказывал держать на “конвейере” по всей строгости или перевести в комнату, где допрашивали шпионов.

Вольфсон пришел злой, как зверь, подошел ко мне, под нос тычет бумажку: “На, смотри! Это ордер на арест твоей жены, а детей определим в детский приемник НКВД. Думай о жене и детях!”^[190]».

Напомню: Василию Крылову, когда он встретился с Вольфсоном и его подручными, было 60 лет. Сохранились фотографии Крылова и его жены, сделанные незадолго до их отъезда из Харбина в Москву. Есть и тюремные фото. Поверить, что на них изображены одни и те же люди, можно только зная, что между двумя съемками не три года, а полтора месяца существования в девяти кругах ада.

«Определение Верховного Суда СССР № 4н-02480. Секретно.

...на основании вышеизложенного прекратить дело в отношении Крылова Василия Николаевича за отсутствием состава преступления».

Ну вот, кажется, это страшное дело наконец-то можно закрыть и поставить точку в нашем расследовании. Но — нет. Прокуроры продолжали работу: «Секретно. В Военную коллегия Верховного Суда СССР. Сообщаем, что определение ВК ВС СССР о реабилитации Крылова Василия Николаевича нами не объявлялось, т.к. по сведениям Центрального адресного бюро его родственники в г. Москве и Московской области проживающими не значатся. 15 мая 1957 г.». Что это значит? Расстрелянный японовец и разведчик реабилитирован, но сообщить об этом некому. Его жена — Зинаида Викторовна пережила мужа ненадолго и была расстреляна на том же Бутовском полигоне 21 октября 1937-го. Сведений о детях в 1956 году найти не удалось. Конец? Снова — нет.

Я переворачиваю еще один лист и вижу рукописное заявление, написанное относительно недавно, по иронии судьбы — в праздник сотрудников госбезопасности — 20 декабря 1990 года: дочь Василия Николаевича Крылова Зинаида Васильевна обращается к начальнику УКГБ по Москве и Московской области с просьбой сообщить ей судьбу отца... В

ответ ей направляют справку о его судьбе и те самые фотографии.

Только теперь я могу со спокойной совестью перелистнуть последнюю страницу и расписаться в просмотре дела: «Использовал для научного исследования». Перелистнуть и... отправиться в архив Международного правозащитного общества «Мемориал», которое не только помогает нам восстановить многие судьбы репрессированных родственников и коллег, но и хранит бесчисленные воспоминания родственников репрессированных.

Интервью с дочерью нашего героя Зинаидой Васильевной Крыловой для проекта «Рельсы судьбы» записала 28 июня 2007 года волонтер «Мемориала» Ольга Оболенская. Возраст Зинаиды Васильевны давал себя знать, и она нередко путалась в датах, но все же перед нами уникальное свидетельство очевидца тех событий:

«Моя мама Зинаида Васильевна Крылова (Родзевич) родилась в 1890 году в Варшаве. Учительница. Папа — Крылов Василий Николаевич, 1890 года рождения, окончил Восточный институт во Владивостоке по японскому отделению. Я родилась 16 августа 1913 года во Владивостоке. Февральская революция 1917-го застала нас в Харбине. В 1915 году в Харбине родился брат — Кирилл.

Папа работал переводчиком-японоведом в Штабе Заамур-ского округа пограничной стражи. С 1920 года папа заведовал во Владивостоке библиотекой, и в 1923-м уехал переводчиком в советское консульство в Харбин. В 1925-м мы переехали в Пекин, где папа работал переводчиком в полпредстве, а мама там же, машинисткой.

Еще через полгода его командировали в Правление КВЖД, а мы после этого жили в Харбине до 1934 года. В 1931-м папа работал в генконсульстве СССР в качестве драгомана при консуле Мельникове^[191].

В июле 1934-го мы вернулись в Москву. В Москве папа работал в Государственном словарном энциклопедическом издательстве в качестве научного работника. Писал книгу “Быт, нравы и обычаи Китая”, составлял словарь географических названий Маньчжурии и Монголии.

Он был арестован 1 сентября 1937 года. 17 октября он был расстрелян. Но мы об этом узнали только 16 апреля 1957-го, когда он и мама были реабилитированы постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Маму арестовали 11 сентября, а расстреляли 21 октября по обвинению в шпионаже в пользу Японии, как и папу.

У мамы было 3 сестры, мама—старшая. Средняя—Евгения умерла в Харбине. Младшая — Елизавета вышла замуж за поляка и уехала в Варшаву. Бабушка переехала к ним в Варшаву из Харбина. А дед погиб в

плени у немцев в мировую войну.

В Харбине мы жили рядом с кинотеатром “Желсо”, в 1932 году пострадали от наводнения. В 1929-м после конфликта с китайцами все служащие ушли из Правления КВЖД в знак солидарности с советскими. Папа стал работать в советском журнале “Вестник Маньчжурии”. Рядом жили два брата — Федор и Василий Нечаевы, Рассохины. Мы у них по очереди собирались.

Мы ничего не знали о том, что здесь происходит, а папа очень хотел вернуться. Хотел на родину, в Бобров съездить. Когда японцы заняли Харбин, папа боялся, что они его заграбастают.

Я работала геологом, по 8—9 месяцев в экспедициях. Когда папу с мамой арестовали, я тоже была в экспедиции, в командировке и не знала ничего. Арестовали их очень поздно. Я приехала с поля, мама дома еще была: “папа арестован”. Вид у нее был ужасный. Через три дня я снова уехала, а когда вернулась, мамы уже не было...

Вернулась домой, а там чемоданы открытые стоят. Всю ночь я просидела. Задремала и увидела сон: как будто мы с мамой в густом сосновом лесу. Темно. И вдруг сосны все начинают падать. А мама говорит: “теперь все на меня скажут, что это я сделала”.

Мой брат пытался их найти, но ему сказали, что они арестованы и высланы без права переписки. Мы не представляли, что все это Сталин сделал. Мы все за него были...

В документах папа реабилитирован дважды: 16.04 и 2.07.1957 года.

Папа рвался в Москву, хотел узнать, что с родными. А я все время вспоминала Харбин — это самое счастливое время было. Я не скрывала, что мои родители арестованы, но отношение ко мне никак не изменилось. Мне собирались только орден Ленина дать, но не дали...»

Вот теперь все. По крайней мере, пока.

Глава 7. НИКОЛАЙ МАЦОКИН: КЛИЧКА ПРОФЕССОР

*Сколько раз они меня заставят
Жизнь мою трясти-перетряхать.
И уйдут. И одного оставят,
А потом, как червяка, раздавят
Тысячепудовым: расстрелять!*

А. Несмелову. Моим судьям

В августе 1931 года московские чекисты, следившие за сотрудниками посольства Японии, установили многократные и подозрительные контакты переводчика Юхаси Сигэто, числящегося установленным сотрудником японской разведки, с эффектной дамой лет сорока, недавно приехавшей в Москву из Владивостока—Лютгардой Теодоровной Пашковской. Интернациональная парочка встречалась в самых разных местах и в разное время, в том числе среди ночи на Центральном телеграфе, на квартирах японских дипломатов, оставалась на ночь на посольской даче в Краскове. Агентурная разработка показала, что собственного жилья в Москве у Пашковской не было и она остановилась в пятикомнатной квартире своего знакомого по Владивостоку — профессора японоведения Николая Мацокина.

Временное пристанище прекрасной дальневосточницы вскоре начали посещать и Юхаси, и другие японцы. 5 сентября служба наружного наблюдения зафиксировала как Мацокин, Пашковская и сопровождавший их китаец Чжао Юнь Фу, прихватив с собой несколько чемоданов с вещами, внезапно отравились на Ярославский вокзал. Там они купили билеты (два в одно купе, а один в соседний вагон), сели в курьерский поезд № 2, следовавший до Владивостока (профессор с Пашковской вместе, китаец отдельно) и отправились «на Восток». Представители ОГПУ по трассе следования получили приказ задержать всех троих, но выполнить его сумели лишь частично: в Свердловске чекисты ворвались в купе, где ехал китаец, но не нашли его там. Чжао взяли вместе с Пашковской в ее купе. Однако Мацокина в поезде не оказалось вовсе — выяснилось, что он внезапно сошел в Вятке (до какого пункта назначения был куплен билет, из материалов дела неясно, однако, судя по тому, что ждали его в Свердловске,

чекисты имели основания думать, что профессор должен был продолжить поездку^[192]).

Первоначальный осмотр багажа путешественников ничего не дал, но за подложкой бритвенного футляра Чжао оперативники нашли квитанцию еще на один чемодан, отравленный отдельно. Багаж успели перехватить в Ачинске и обнаружили в нем огромную по тем временам сумму валюты — 8 тысяч американских долларов и золото — в слитках и монетах царской чеканки. Как выяснилось в ходе следствия, это был китайский «общак», отправленный во Владивосток маршрут-агентом китайской мафии в Москве — бывшим поваром Мацокина, которого искали, но не нашли в поезде в Свердловске. Впрочем, профессор был арестован очень скоро — 11 сентября. Во время ареста у него изъяли еще 850 долларов и «револьвер системы Браунинг».

Дело поручили вести нашему старому знакомому по Харбину Василию Пудину. Причиной же особого внимания советской контрразведки к этой истории стало то, что Мацокин был не просто профессором, он являлся действующим сотрудником Иностранного отдела ОГПУ, допущенным к святой святых этой спецслужбы, но допустившим несанкционированные контакты с японцами^[193].

Николай Петрович Мацокин родился 10 декабря (по старому стилю) 1886 года в Киеве в семье надворного советника врача-венеролога П.Г. Мацокина. Учился в Харькове и Гродно, но окончил гимназию во Владикавказе. В 1905 году поступил в Харьковский университет, за год сменил два факультета, но вскоре уехал во Францию, в Дижон, «для изучения французского языка частным порядком». Любовь к французскому языку Мацокин пронес через всю жизнь: обе его жены были француженками. В 1908 году он поступил в Восточный институт во Владивостоке «на китайскояпонский разряд», где изучал еще и тибетский язык, и успешно окончил обучение в 1912-м. Тем не менее диплом Мацокин смог получить лишь четыре года спустя — «из-за обостренных отношений с профессурой»^[194]. Уровень его научных работ при этом сомнений не вызывал. Еще в 1909-м он опубликовал любопытную работу под названием «Отношения полов до брака в некоторых малороссийских деревнях», материал для которой собрал лично еще до поступления в институт, а позже подготовил серьезнейшее исследование на уровне диссертации — «Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии...»^[195].

Неаттестованный, но, безусловно, знающий и весьма талантливый

востоковед, любимый ученик профессора Спальвина легко устроился на службу драгоманом на КВЖД в Харбине, а с 1917 года занял пост помощника редактора газеты «Юань Дунь Бао», издававшейся управлением дороги. В 1919 году Мацокин был уволен «за помещение в газете “Новости жизни” статьи, критикующей финансовую политику КВЖД». Выражаясь современным журналистским языком, имевший доступ к конфиденциальной информации помредактора «слил» в чужую газету компромат, в результате чего оказался вынужден на время покинуть Маньчжурию. Полгода он проработал в Иркутском университете, после чего вернулся в Харбин, забрал остававшееся там личное имущество и в мае 1920-го убыл во Владивосток в качестве доцента Восточного института, где немедленно выступил сразу в двух газетах с критикой «реакционной и монархической профессуры» — той самой, что восемь лет назад не выдала ему диплом. Столь же незамедлительно был уволен — «по политическим мотивам». Впрочем, незлопамятная «профессура» по ходатайству профессора Спальвина разрешила Мацокину читать лекции в институте по японскому языку, что он и делал около года.

В феврале 1922 года бывший доцент оказался в Японии, где занял в Йокогаме должность помощника заведующего отделением Дальневосточного телеграфного агентства ДАЛЬТА (позже Российского телеграфного агентства — РОСТА, ныне ИТАР-ТАСС), но в августе следующего года новый глава корпункта немедленно уволил Мацокина. Николай Петрович вернулся во Владивосток, где вновь был рекомендован Е.Г. Спальвиным в качестве доцента в Дальневосточный университет. Мацокина приняли и на этот раз, но теперь он не приехал сам, сославшись на отсутствие командировочных, а на самом деле «рассорившись с ректором университета Огородниковым», после чего вновь уехал в Харбин, где поступил переводчиком в частную контору, из которой его тоже попросили три месяца спустя...

На этот раз жизнь несостоявшегося доцента изменилась особенно круто. Какое-то время — очень незначительное — Мацокин сотрудничал с резидентурой советской военной разведки, повстречав на улице Харбина своего знакомого по Владивостоку Василия Николаевича Крылова. В анкете Мацокина запись о встрече с Крыловым оказалась на последней строчке листа, и заканчивается она словами: «... который предложил мне работу». Следующий лист закрыт плотной белой бумагой с надписью «Не вскрывать!», но догадаться о том, что там написано, несложно, собрав воедино другие документы.

Хотя, к сожалению, по-прежнему засекречено личное дело Мацокина

как сотрудника ИНО, из дел уголовных известно, что он прослужил в резидентуре ОГЛУ в Харбине до середины 1927 года. В это же самое время Василий Пудин — тот самый, что спустя несколько лет будет вести дело Мацокина в качестве следователя. Официальный сайт Службы внешней разведки России о службе Пудина в Маньчжурии пишет так: «В Харбине В.И. Пудин установил обширные связи в кругах антисоветской эмиграции, приобрел ценную агентуру. ...В.И. Пудину удалось подобрать ключ к японским секретам. В процессе работы он пришел к выводу о том, что японские чиновники и военные... считают; что японский язык недоступен для понимания европейцев и в этой связи готовы поделиться с разведчиком японскими шифрами в расчете на то, что все равно никто не сможет понять текст шифротелеграмм. За время работы в Китае и других странах В.И. Пудин через агентуру и путем личных негласных выемок добыл сотни ценных секретных документов, получил около 20 японских и китайских шифров»^[196].

Даже если отбросить откровенно бредовую фразу относительно желания японских шифровальщиков добровольно делиться государственными тайнами с иностранными разведчиками, роль Пудина выглядит былинно преувеличенной. Каким образом «молодому чекисту» оказались доступны для понимания японский язык и шифры, в СВР уточнить отказались, но ответ на поверхности. Точнее, в материалах уголовных дел Мацокина Впервые обвиненный в 1931 году в шпионаже в пользу Японии, Николай Петрович непрерывно писал жалобы и заявления, в которых мы находим такие, например, детали: «...если бы я действительно сообщал какие-либо сведения названному посольству, то сотрудники ИНО не смогли бы доставать не только официальную почту наисекретнейшего характера, но также обрывки или целые части всевозможных писем, как частных, так и официальных документов, записок и т.д., похищенных низшими служащими миссии в Х. (речь, очевидно, идет о японской миссии в Харбине. — А.К.) и передаваемых им (сотрудникам ИНО) в настоящее время. Этот факт сам по себе свидетельствует о том, что начальник миссии в Х. и вообще лица, ответственные за работу миссии, даже не подозревают о том, что низшие служащие миссии занимаются хищением и передачей названных материалов, подлежащих уничтожению, сотрудникам ИНО»^[197].

Василий Пудин иногда называется одним из главных героев «добычи» в Харбине «меморандума Танака» — плана агрессии Японии в Азии, долгое время остававшегося основной пропагандистской страшилкой Дальнего Востока. Сегодня историками и востоковедами убедительно

доказано, что советские разведчики за огромные деньги купили (одновременно—в Харбине и в Сеуле!) умело сфабрикованную фальшивку. Так называемый «меморандум» был опубликован после смерти того самого Танака Гиити, а история его обнаружения вкратце выглядит так: «Некий китайский книготорговец из Гонконга, приглашенный неким японцем (идентифицировать его по фамилии не удалось) в императорский дворец (!) для реставрации неких китайских рукописей в придворной библиотеке (!), случайно (!) обнаружил там копию меморандума (!), переписал его (!) и передал китайским патриотам...»^[198]. Такая версия обнаружения дурно смотрелась даже в те годы ожесточенной идеологической борьбы— настолько, что в 1946 году во время Токийского процесса советская сторона не стала его использовать в качестве документа обвинения и запретила делать это дружественной монгольской стороне. И все же по сей день остается и еще будет долго оставаться немало сторонников традиционной, советской версии происхождения этого документа. В качестве одного из главных доказательств подлинности добытого документа они приводят следующий аргумент: «В харбинской резидентуре был профессор-японовед Макин, специалист высочайшей квалификации, отлично знакомый с секретной японской документацией. Исследовав текст меморандума, он обратил внимание разведчиков на ряд признаков подлинности этого документа». Проблема в том, что отечественному востоковедению неизвестен не только профессор, но и вообще японовед по фамилии Макин —таковых просто никогда не существовало (японоведение — узкая отрасль науки, и все специалисты тут знают друг друга хотя бы по фамилиям), а вот наш знакомый дважды почти доцент Николай Мацокин за этой историей просматривается совершенно явно. Не случайно, думается, Мацокин покинул Харбин вслед за Василием Пудиным и перебрался во Владивосток в 1927 году — одновременно с покупкой псевдодокумента. Кстати, перед отъездом был награжден высшим чекистским органом — Коллегией ОГПУ — золотыми часами. Таких наград не получал и служивший по «параллельному» ведомству Зорге...

То, что Мацокин был не просто переводчиком в политической разведке, подтверждает еще одна его жалоба из тюрьмы: «...Никто из товарищей из ИНО не будет отрицать, что моя искренняя и честная работа имела большое значение для принятия правильной линии в дальневосточной политике СССР, что она имела огромное значение и для обороны страны...»^[199] Вот так — ни больше ни меньше «для принятия правильной линии в дальневосточной политике СССР...». Это тянет не

просто на похищение японских шифров из корзины с бумагами, а на нечто более весомое, политическое: например, на удостоверение подлинности «меморандума Танака», так нужного тогда СССР и Китаю для документально подтвержденного обвинения Японии в милитаризме. Скоро, впрочем, Япония так активно проявила себя в Маньчжурии, что надобность в «меморандуме» отпала сама собой — одновременно с нуждой в специалистах по его расшифровке.

Нельзя не заметить, что, несмотря на весьма своеобразный характер и специфическую область деятельности, в Харбине Н.П. Мацокин не прекращал заниматься и наукой. Его работоспособность просто поражает. «...иностранная пресса служила для него важнейшим источником оперативной информации для оценки международной политико-экономической ситуации. Прежде всего, его интересовали различные аспекты внутренней и внешней политики Японии, конфликты между трудом и капиталом, рабочее движение, аграрные конфликты, место России и Китая во внешней политике японского правительства. Он анализирует различные аспекты экономической и политической ситуации в Японии, оценивает военный и экономический потенциал страны, а также военную доктрину Японии, основываясь на сведениях, почерпнутых из иностранных газет и журналов. Японская печать, особенно журналы по экономике, политике, социологии, становятся для него предметом постоянного внимания и анализа. Он следит за самой разнообразной научной, научно-популярной и политико-пропагандистской литературой. Оценивает отношение к российским событиям в японской прессе. В середине 1920-х гг. его внимание концентрируется на японской политике в Китае. Николай Петрович самым тщательным образом анализирует различные аспекты японской экономики и состояния ее вооруженных сил. Он живо откликается на текущие события в Японии, а также на самые разнообразные публикации японских авторов. Кроме событий в мире экономики и политики, филологии и социологии его интересуют и отношение японцев к проблемам животноводства в Китае, и перспективы решения продовольственной проблемы Японии за счет развития рисоводства в Приморье», — пишет о нем профессор А.С. Дыбовский из университета Осаки ^[200] и видит причины возможного влияния Мацокина на дальневосточную политику СССР в научной компетенции автора, а не в государственных и военных тайнах, добываемых и придумываемых с его помощью.

Откомандированный в 1927 году во Владивосток, Николай Петрович продолжает выполнять свои обязанности в спецслужбе. В книге А.М.

Буякова и О.Н. Шинина «Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922—1941 годах» (М., 2013) упоминается эпизод с использованием конспиративной квартиры ИНО ОГПУ во Владивостоке: «С самого начала, с сентября 1927 года, три машинистки (одна из них стенографистка) работали во время поступления материала японского источника с двумя переводчиками японского языка—крупным японоведом Профессором и Павлом...»^[201]

Излишне упоминать, что и во Владивостоке «профессор» Мацокин продолжает заниматься научной деятельностью и... симпатизировать дамам, говорящим по-русски с легким акцентом. Именно там он начал часто встречаться с подругой жены, еще до революции преподававшей вместе с ней в гимназии, Лютгардой Пашковской. Когда же в августе 1930 года японовед был переведен в распоряжение центрального аппарата ИНО ОГПУ в Москве, вместе с ним переехала и жена, и работавший у него с 1923 года повар — китаец Чжао Юнь Фу. Китайца в Москве Мацокин уволил, наняв неграмотную крестьянку из Курской области (протокол ее допроса «подписан» тремя жирными красными крестами), но Чжао время от времени приносил бывшему хозяину продукты питания, а возможно, и не только их. Во всяком случае, 850 долларов, изъятых у Мацокина при аресте, — сумма огромная по тем временам, а бывший повар нашел себе работу в качестве курьера китайских преступных группировок, существовавших в то время в Москве.

В октябре 1930 года, продолжая состоять на службе в ИНО, Мацокин становится профессором японского языка в Московском институте востоковедения. Но уже через пять месяцев покидает его «из-за разногласий по вопросам лабораторноэкспериментального метода в применении к изучению японского языка». Как раз в это время с женой Мацокина списалась Лютгарда Пашковская и попросила приюта на время поиска работы в столице. 21 июля 1931 года она прибыла в Москву и сразу же затеяла чрезвычайно активное общение не только с сотрудниками японского посольства, которых, как выяснилось на следствии, знала по их службе во Владивостоке в 1923 году, но и с мужем своей подруги. До отъезда «на Восток» в курьерском поезде № 2 Мацокин и Пашковская успели совершить прогулки «в парк ЦЦКА, в фотографии, по городу и т.д., на автомобиле по Ленинградскому шоссе и в Останкино. В общей сложности 6—8 раз»^[202], но в основном встречались дома. Неудивительно, что жена Мацокина быстро все поняла и устроила скандал, в результате которого Пашковская вынуждена была провести одну ночь у другого

знакомого (установлен, допрошен, непричастен), но уже на следующий день все повторилось. Разумеется, контрразведчиков встревожил не сам адюльтер, а то, что в результате него японские разведчики^[203] стали частыми гостями Мацокина, о чем тот не обмолвился на Лубянке ни словом.

Тем временем Пашковская окончательно решила развести Мацокина с законной супругой и отправилась во Владивосток за вещами. Случайно зашедший за несколько дней до ее отъезда уже уволенный хозяином повар Чжао оказался попутчиком, а Мацокин, провожавший любовницу на вокзал, не смог с ней расстаться и купил последний остававшийся билет — в соседний вагон.

То, что произошло дальше, вы уже знаете: всех их ждал скорый арест и суд. Дело Чжао было выделено в отдельное производство, а о событиях, произошедших с Мацокиным, следователь — тот самый Василий Пудин — доложил в самые высокие инстанции: прокурору СССР Акулову, первому зампреду ОГЛУ Ягоде, начальнику ИНО ОШУ Артузову. Адюльтер и возможное предательство Мацоки-на стали делом государственной важности, возможно, еще и потому, что именно в это время готовилась публикация русского перевода (нетрудно догадаться, кто был автором) «меморандума Танака».

Обнародование состоялось в журнале «Коммунистический интернационал» в конце 1931 года и прошло без осложнений. Доказательств работы Мацокина на японцев следствием обнаружено не было, а револьвер и доллары профессору, как своему, списали на «легкие шалости». Хотя Мацокин и Пашковская обвинялись в шпионаже (и сроки в результате получили за него), но вину свою они тогда не признали. Для суда налицо оказалась только подозрительная активность в общении с иностранцами (Пашковская) и преступная халатность сотрудника разведки (Мацокин), не доложившего об этом общении, результатом которых стал приговор от 19 января 1932-го: 3 года концлагеря для Пашковской и 10 — для Мацокина.

Наказание стало шоком для японоведа, во время допросов не только отрицавшего связь с японской разведкой, но и непрерывно каявшегося в супружеской неверности, винившего во всем Пашковскую и признававшегося в любви к жене. И тут: «...вдруг получил десять лет концлагеря — да это до сих пор не укладывается в моей голове!»^[204] Но в концлагерь «профессор Макин» так и не попал. Отсидку полностью провел во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, где продолжал выполнять свои

обязанности переводчика ИНО ОГПУ, а в начале 1934 года оказался на свободе. Все это время он получал жалованье, а при выходе на волю ему были компенсированы и потерянные четыре месяца оплачиваемого отпуска. Впрочем, тюрьма есть тюрьма, и 1 ноября 1934 года прослуживший 10 лет в советской разведке профессор Мацокин был уволен «в связи с ослаблением зрения», после чего окончательно обратился к науке. Вероятно, к этому времени относятся неточные, но единственные сохранившиеся в истории воспоминания о нем одной из учениц: «...высокий, но плотный мужчина лет сорока пяти. Бритый, небрежно одетый в какую-то фуфайку; общительный, энергичный. Он жил в захолустном, сплошь деревянном Самарском переулке, за парком ЦЦКА: с одной стороны длиннейший забор парка на пригорке, с другой коричневые домики с садами; их старые деревья смыкались над переулком, как над тихой речкой. На первом этаже одного домика, в просторной, почти не обставленной, но полной книг комнате жили вдвоем Мацокин и его жена—француженка Эрнестина Коффруа^[205], красивая брюнетка, получившая образование в Сорбонне. Занимался он со мной вдохновенно, то тем, то другим, охотно отвечал на филологические вопросы и рассказывал о Японии, где ему удалось побывать до революции^[206]. Тогда и возникло во мне первое увлечение языком, занятия были интересные, эффективные... но длились недолго, с февраля до мая 1933 г.^[207]; их прервал сокрушительный роман: Мацокин влюбился в другую француженку, молодую и веселую Леонтину^[208], блондинку, родом из нормандской деревни. Она была не то прислужкой, не то официанткой в кафе. Тут уж было не до уроков. Он сразу бросил жену, и оскорбленная Эрнестина уехала в Париж. Через двадцать лет я узнала, что Мацокин был арестован, сослан в Магадан и скоро там погиб. Леонтину отправили в Вятлаг на 10 лет за то, что встречалась с ним полгода»^[209].

Н.П. Мацокин преподавал японский язык в «Комбинате иноязыков» в Москве (был и такой вуз в те годы), в энергетическом и антропологическом институтах. Много переводил, занимался критикой, пытался преподавать японский язык «с марксистских позиций» и активно боролся с коллегами, не разделяющими его воззрений. Почти всех их расстреляли в 1937 году. Он же навсегда остался в истории востоковедения не только как выдающийся ученый, но и как человек, не брезговавший в борьбе за место под солнцем самыми подлыми методами. Профессор А.С. Дыбовский в своей работе особо отметил последние три рецензии Мацокина, относящиеся к 1935 году: «Они характеризуются высокой

политизированностью и приближаются по своему стилю к распространенному в советской прессе того времен жанру “политического доноса, с навешиванием ярлыков и стремлением уличить кого-то в отклонении от принципов классовости, партийности или иных вредительских действиях”»^[210]. Психологически раздавленный отсидкой, лишенный пятикомнатной квартиры и живший теперь то в каком-то бараке, то в доме вполне добротном, но прямо напротив следственного изолятора «Матросская тишина», где днем и ночью он слышал, как открываются массивные металлические ворота, впуская очередной «воронок» с жертвами, Мацокин стал напуган и агрессивен. Его статьи наполняются «праведным гневом» и риторикой, усвоенной, должно быть, еще на работе в харбинском консульстве. Рецензия «профессора Макина» на учебник японского языка специалистов из военной разведки П.А. Гущо и Г.С. Горбштейна вызвала возмущение большинства советских востоковедов. Придираясь к сугубо терминологическим и научным деталям, Мацокин обвинил авторов учебника в игнорировании советского подхода в лингвистике, протаскивании в советском учебнике грамматической системы «явно феодального происхождения» и в политических провокациях. Например, использование записи японских слов латиницей счел способом укрепления британского империализма. 37 ведущих востоковедов страны выступили тогда против, обвинив во вредительстве самого Мацокина. Николай Петрович, однако, не успокоился и раскритиковал примерно по ста (!) позициям «Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов» А.А. Лейферта (тоже сотрудника военной разведки), сделав в конце неожиданный вывод о... полезности словаря. Наконец, Н.П. Мацокину попала в руки антология китайской и японской средневековой литературы, составленная профессором Н.И. Конрадом. Последний был уличен рецензентом в неправильных принципах отбора, из-за которых в антологию оказались включены синтоистские молитвословия норито, служащие, по мнению Мацокина, «средством угнетения и эксплуатации» японского трудового народа^[211]...

Вновь арестованный по обвинению в шпионаже в пользу Японии в июле 1937 год, Н.П. Мацокин сразу же назвал на допросе пятерых «японских агентов», в том числе Н.И. Конрада («предатель»), Н.А. Невского, П.А. Гущо и Г.С. Горбштейна («вредители»)..^[212]

На новом следствии Мацокин быстро заметил разницу между методами ведения дознания в «травоядном» 1931-м и теперь — в 1937 году

и незамедлительно «признался», что был завербован японцами еще в 1913-м в Харбине, довольно подробно рассказал о работе представительства ДАЛЬТА в Японии. Однако следствие особенно интересовало, что именно Мацокин мог передать японцам во время своей службы в харбинской резидентуре, когда ему было «оказано определенное доверие органов ОГПУ» и он «выполнял важнейшие поручения ОГЛУ по переводам имевшихся в распоряжении ОГПУ документов на японском языке»^[213]. «Я сообщал о тех материалах, над которыми работал в ИНО как переводчик японского языка, а именно о переводимых мною документах японского Генштаба и японский военных миссий в Харбине»^[214], — ответил Мацокин. То, что материалы, к которым он был допущен, оценены следствием как «специально охраняемая государственная тайна», снова заставляет вспомнить о «меморандуме Танака». Если бы речь шла о документах японского Генерального штаба, то как раз они-то были самым японцам прекрасно известны, а вот «меморандум» стал для них настоящим сюрпризом. Не случайно поэтому дело Мацокина, в отличие от дел подавляющего большинства репрессированных японоведов, рассматривалось в особом порядке Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР. Обвинителем выступил прокурор Союза Вышинский, а вел процесс председатель ВК ВС СССР Ульрих. Заседание 8 октября 1937 года длилось 20 минут, за которые Мацокин успел признать себя виновным, заявить в последнем слове, что «сожалеет, что так произошло», и попросить дать ему «возможность быть полезным Советской власти». В тот же день он был расстрелян на Донском кладбище в Москве. На память о нем остались научные труды да странное эссе под интригующим названием «Дерзновения»^[215]...

12 мая 1992 года Комиссия по реабилитации определила, что Мацокин Николай Петрович, 1886 года рождения, русский, был осужден необоснованно, и реабилитировала его. Шестью днями позже была реабилитирована расстрелянная осенью 1937 года в Куйбышеве Грентцаль-Пашковская Луиттгарда Теодоровна, 1891 года рождения, немка, преподаватель немецкого языка Куйбышевского пединститута.

Глава 8. РОМАН КИМ — НИНДЗЯ С ЛУБЯНКИ

*...Пикет обойди кругом,
Чей облик он принял, открой,
Стал ли он комаром
Иль на реке мошкаррой?
Сором, что всюду лежит,
Крысой, бегущей вон,
Плевком среди уличных плит —
Вот твое дело, шпион!..*

Р Киплинг. Марш шпионов.

Биографии большинства советских японоведов 20-х годов прошлого века полны загадок, драматических поворотов и трагических развязок. Но даже на их фоне жизненный путь Романа Николаевича Кима ошеломляет своей необычностью и авантюрной, совершенно «фан-фан-тюльпановской» яркостью. Едва начав изучать судьбу этого человека, я почти сразу получил три относительно полных жизнеописания своего героя, а грани его таланта — от исследований ниндзюцу до борьбы за «мир во всем мире» — так засверкали в необычных ракурсах реальности, что приходится только удивляться, как они могли соединяться в одном человеке. Это был настоящий ниндзя — человек из тени, шпион и ловец шпионов, сумевший спасти себе жизнь с помощью столь необычной стратагемы, что сам великий Сунь-Цзы, если бы мог узнать о его хитростях, долго в восхищении цокал бы языком и щурил бы мудрые глаза. В этой главе можно было свести воедино все, что автор узнал о Романи Киме, но я не смог отказать себе в удовольствии восстановить для читателя весь ход расследования...

Биография № 1: японовед, писатель, переводчик

Согласно официальной версии, будущий «русский советский писатель, автор популярных шпионских романов»^[216] Роман Николаевич Ким родился во Владивостоке в 1899 году. В те времена на Дальнем Востоке довольно много корейцев переселялись в пределы Российской империи, крестились и

принимали русские имена и фамилии. В энциклопедиях отмечено, что свое детство — с 1907 по 1917 год — Роман Ким провел в японской столице, где учился в некоем колледже. В 1923 году он окончил восточный факультет Государственного Дальневосточного университета (бывшего Восточного института и будущего ДВГУ). Судя по его дальнейшей карьере, специализировался Ким на изучении японского языка. Непонятно, правда, зачем ему надо было учиться в русском университете, если, проведя все детство и юность в Японии, окончив колледж в Токио, он наверняка в достаточной степени освоил японский? Ведь дети учатся быстро... Ответ на этот вопрос прост, если предположить, что молодой кореец из Токио очень хотел вернуться в Россию и планировал строить свою карьеру тут. Если так, то ему нужен был диплом о высшем образовании, чтобы начать новую жизнь как специалисту-востоковеду. Пусть даже пришлось потратить на это четыре года. Но давайте вспомним, какие это были годы. Ким окончил институт в 1923 году, значит, поступил в 1919-м — в самый разгар Гражданской войны. В городе то и дело менялась власть, но ее политический цвет был главным образом разными оттенками белого — Колчак, мятежные, в прошлом пленные, белочехи, японский десант, американский десант, буржуазное правительство Меркулова, наконец, в 1922 году — красные. А до этого — партизанская война в Приморье, большевистское подполье и большевистские мятежи в городе, аресты, проводимые контрразведками Колчака, Семенова, Меркулова, японцами.

По окончании института Ким был рекомендован профессорами Н.В. Кюннером и Е.Г. Спальвиным на должность научного сотрудника кафедры экономики стран Восточной Азии «с поручением вести занятия по японскому языку». Такая рекомендация дорогого стоит, но уже летом того же года перспективный японовед был приглашен в Москву, где стал доцентом Московского института востоковедения. Именно там, в столице, Роман Ким начал активно заниматься научной работой и литературным переводом с японского. В 1923 году выходит его статья «Японский фашизм: (Письмо из Японии)», а в 1924-м — рецензия на книгу Сергея Елисеева «L'epinture contemporaine au Japon». Следом появляется публикация «О китайском студенчестве» и первые переводы рассказов Акутагава Рюносукэ. Начинается жизнь нормального советского востоковеда, специализирующегося в основном, близких к современности (возможно — по необходимости советской действительности) темах. В 1925 и 1926 годах у Кима последовательно выходят статьи «О современной китайской интеллигенции», «О современной японской литературе», рецензия на книгу профессора Тадзаки «Экономическая мысль и экономический строй

древнего Китая», перевод очередного, едва ли не самого знаменитого рассказа Акутагава — «В бамбуковой чаше» («В чаше»), ставшего десятилетия спустя основой для куросавовского шедевра «Расёмон». В 1927 году происходит особенно важное событие: выходит книга знаменитого в те годы советского писателя Бориса Пильняка «Корни японского солнца». Я и сегодня настоятельно рекомендую внимательно прочесть ее каждому уважающему себя японоведа или энтузиасту, изучающему эту страну. «Корни. ...» читаются легко, на одном дыхании, и, хотя автор отнюдь не востоковед, а лишь талантливый литератор, именно из этих «Корней ...» выросла потом миллионнотиражная «Ветка сакуры» Всеволода Овчинникова. Кроме того, Пильняк повел себя весьма мудро, обратившись для лучшего понимания Японии к специалистам. Одним из них стал молодой ученый Роман Ким. Им были написаны своеобразные примечания (глоссы) к книге Пильняка. Некоторую самостоятельность своих глоссов по отношению к «Корням японского солнца» Ким выразил (а Пильняк согласился с этим), дав им отдельное название: «Ноги к змее». Едва ли не самое примечательное в глоссах—предисловие Кима, выражающее прямо противоположную только что приведенному тезису о самостоятельности идею^[217] и заканчивающееся примечательной фразой: «На объективность не претендую, ибо корейцу, так же как и ирландцу, трудно быть непогрешимо объективным, когда речь идет о соседних островитянах-покорителях», и дата: «1 декабря 16 года Корейской Диаспоры».

В 1927 году, когда Корея была японской колонией, а сама Япония — потенциальным противником СССР, такой нажим на свое корейское происхождение со стороны автора глоссов был «классово объясним». Но все же что-то очень личное, далекое от присущего обычным примечаниям сухого справочного стиля сквозит в словах молодого ученого, живущего в Москве в 16-м году по летоисчислению корейской диаспоры, то есть 16 лет спустя после подписания в августе 1910 года японо-корейского договора, согласно которому его родина утратила независимость.

В 1928 году сотрудничество Кима с Пильняком продолжилось. Вышла их большая совместная статья «Японская пролетарская литература», само название которой четко указывало на круг интересов Кима как литератора и японоведа. А дальше наступил период довольно долгого молчания, после которого лишь в 1933 году в одном из литературных журналов появляется его памфлет «Три дома напротив, соседних два», посвященный все той же современной японской литературе. В 1934 году в ленинградском военном журнале, или, как тогда говорили, «журнале оборонной литературы», —

«Залп» публикуется большой материал нашего героя: «Военно-шовинистическая пропаганда в японской литературе и задачи советских оборонных писателей». Снова все в духе времени и с учетом требований «текущего момента». ..И в том же 1934-м появляется перевод на русский язык рассказа Куросима Дэндзи «Головной дозор» в литературном журнале «Знамя». Во время японской интервенции на Дальнем Востоке японский писатель служил в экспедиционном корпусе, вошедшем во Владивосток как раз тогда, когда его будущий переводчик учился там в институте. После выхода этого перевода библиография Романа Кима прерывается на много лет.

Словарь определяет эту временную лакуну привычно просто: «На протяжении многих лет [Ким] — сотрудник НКВД (разведки). Арестован, по некоторым сведениям, 2 апреля 1937 года. 9 июля 1940 осужден Военной коллегией Верховного суда (ВК ВС) СССР по статье 58—1а (в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года с учетом обновлений — измена родине, наказание расстрел с конфискацией имущества или 10 лет лишения свобод с конфискацией имущества. —А.К.) УК РСФСР на 20 лет лишения свободы. Работал в переводческо-спецпропагандистской “шарашке” в Куйбышеве. Определением ВК ВС СССР от 10 сентября 1945 года осужден Особым совещанием при НКВД СССР “за злоупотребление служебным положением” на 8 лет 9 месяцев лишения свободы. Освобожден 29 декабря 1945 года. По этому делу реабилитирован в феврале 1959 года».

В этой короткой справке есть странности. Например, Ким был осужден по ст. 58—1а, не предусматривающей наказание в виде лишения свободы на 20 лет, но получил почему-то именно «двадцатку». Он был арестован как сотрудник НКВД, то есть военнослужащий, человек, если и не носящий форму каждый день, то, во всяком случае, сфотографированный в ней на служебное удостоверение. Но в таком случае он не мог быть осужден по ст. 58—1а, которая относилась лишь к гражданским лицам. Для военных был предусмотрен пункт 16, мера наказания в котором существовала одна—расстрел. Спишем это на неразбериху, царившую в те годы в «правовой» системе Советского государства, увлеченно карающего «врагов народа», не обращая внимания на юридические тонкости.

Приговор Р.Н. Киму был вынесен Военной коллегией Верховного суда СССР — высшим судебным органом, рассматривавшего «дела исключительной важности в отношении высшего начальствующего состава армии и флота, от командира корпуса и выше, а также обвиняемых в измене Родине и контрреволюционной деятельности»^[218]. Абсолютное

большинство японоведов (а в 1937—1938 годах они были уничтожены почти все) получили свои расстрельные приговоры или тюремные срок из рук ОСО — особых совещаний, действовавших в Москве при следственных изоляторах, областных управлениях НКВД. Ким — одно из немногих исключений, объяснимых, если иметь в виду, что он был высокопоставленным сотрудником НКВД или, как Н.П. Мацокин, знал что-то слишком важное для простого японоведа.

Любопытен и срок ведения следствия: со 2 апреля 1937 по 9 июля 1940 года, то есть два года, три месяца и семь дней. Мне довелось изучить немало следственных дел наших японоведов — мало с кем тянули дольше двух месяцев. Были случаи, когда дело продолжалось более года, но чтобы два с лишним... Это, мягко говоря, странно.

Срок Роман Ким отбывал, скорее всего, во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке и в Лефортово (такое уже встречалось нам в случае с Н.П.Мацокиным, тоже сидевшим на Лубянке, но все-таки расстрелянным по приговору ВК ВС СССР), а затем действительно в «шарашке» в Куйбышеве. Именно в этом городе, нынешней Самаре, с октября 1941 по август 1943 года располагалось эвакуированное из Москвы посольство Японии в СССР. Если служба Кима в НКВД была как-то связана, например, с наблюдением за посольством, то его перемещение в Куйбышев вполне мотивированно, а нам оно слегка приоткрывает завесу тайны над сферой его интересов в НКВД. Точно так же, как и внезапный пересмотр его дела и освобождение в гонце 1945 года, — колонны пленных солдат и офицеров разгромленной Квантунской армии заняли места дислокаций в лагерях от Красногорска до Владивостока, и ведомству понадобились квалифицированные переводчики. Брать их особо было негде. Тех, что были, еще до войны пустили «в распыл», молодое поколение ограничивалось единицами способных японистов, и, чтобы закрыть дыры, органы брали на службу эмигрантскую молодежь из Харбина и других городов Китая, с радостью согласившуюся помочь родине. Восемью годами раньше все они могли рассчитывать только на расстрел.

Роман Ким был женат. Имя его супруги широко известно среди востоковедов. Эго Мариам (Марианна) Самойловна Цын — ученица будущего академика-японоведа Н.И. Конрада и сама выдающийся специалист-филолог^[219]. Преподававшая японский язык в НКВД и устроенная туда, возможно, хлопотами мужа, вслед за ним она была и арестована, получив как «член семьи изменника родине» 8 лет лагерей.

В 1996 году Мариам Самойловна написала воспоминания под названием «Ухтарка. Моя жизнь в сталинских тюрьмах и лагерях. 1937—

1943»^[220], хранящиеся ныне в архиве Сахаров-ского центра в Москве. Есть в них строки и о муже, и о сыне: «19 апреля 1937 г., через 17 дней после ареста мужа — Кима Романа Николаевича—высококвалифицированного япониста и литератора, я была арестована. Мой срок заключения 8 лет ИТЛ, статья 58—6 (шпионаж), разумеется, в пользу Японии...

...я радостная и счастливая, у меня в кармане бушлата письмо от мамы с фотографией ее и моего сынишки, от которого меня увезли, когда ему только что (12 апреля) исполнилось 5 лет! Вот он уже пишет сам печатными буквами: “Приезжай скорей, я жду тебя, мамочка, каждый день. Твой сын Вива, который любит тебя больше всех на свете”».

Это поистине страшная история. Сын Романа Кима и Мариам Цын — Вива никогда больше не увидел своего отца, да и с мамой, вернувшейся благодаря хлопотам все еще сидевшего мужа, прожил совсем недолго. В 1944 году мальчик умер. За год до смерти он написал рассказ «Школа», в котором описал войну, эвакуацию, учебу в советской школе. Стиль его рассказа назовут «лагерным»...

Самое удивительное, что о жизни Романа Николаевича Кима после 1945 года мы знаем едва ли не меньше, чем о его довоенных приключениях. Неизвестно даже точно, вернулся ли он после заключения к Мариам Цын. Говорят, Роман Ким работал в Советском обществе дружбы с зарубежными странами, где, естественно, в сфере его интересов была Япония, но запомнился не этим. Он стал писателем — автором детективных романов, шпионских боевиков с резко, а на сегодняшний взгляд — чрезмерно выделенной политической составляющей и обилием мелких, непонятно для чего нужных деталей. Его герои так активно боролись за мир, что сегодня это читать очень скучно. Но к Киму как писателю мы еще вернемся, а пока несколько слов о нем, как о нашем почти современнике. Роман Николаевич умер 14 мая 1967 года в Москве. О нем сохранилось несколько воспоминаний писателей-детективщиков, японоведов. К счастью, есть еще люди, которые помнят его по совместной работе или отдельным встречам, и первое, что приходит к ним на память при воспоминании о Киме,—его внешность. Например, заместитель директора Института востоковедения РАН профессор Э.В. Моло-дякова и доктор исторических наук С.Б. Маркарьян встречались с ним, будучи молоденькими студентками, и необычный образ остался в их памяти: «Он прекрасно говорил по-японски, просто прекрасно! Не совсем обычно — для тех лет — одевался: всегда в отличном темном костюме, с бабочкой, с ярко-красным платком в нагрудном кармане пиджака. Он производил

впечатление человека немножко “не отсюда”»^[221].

Детективщик Василий Ардаматский был знаком с Кимом тоже после войны: «Никогда я не видел Романа Николаевича “не в форме”... Вот он идет мне навстречу в жаркий летний день. Серый его костюм так отглажен, что кажется, будто он хрустит на сгибах. Узконосые ботинки отражают солнце. Крахмальный воротничок с черной “бабочкой” плотно обхватывает шею. В руках пузатый портфель. На голове—берет. За толстыми стеклами очков — добрые, умные глаза..»^[222]

Похоже, но еще более трогательно и романтично звучат воспоминания о встрече с Кимом литературоведа Анатолия Мамонова, ставшие частью его книги «Встречи на берегах Ёдогавы»: «Однажды в гостях у Романа Николаевича Кима, первого “красного профессора”—японоведа, тогда уже безнадежно больного, я услышал стихи, о которых хозяин дома восхищенно сказал: “Почти Басё!” Не помню, чьи это были строки, кажется, сочинил их монах-отшельник, живший в начале XIX века. Помню только большой, в толстом переплете старинный фолиант, тисненый золотыми иероглифами, который достал вдруг с полки Роман Николаевич и раскрыл в нужном месте, о чем свидетельствовала единственная малиновая закладка. Он прочитал стихотворение вслух. Коротенькое трехстишие по-японски звучит еще короче, чем по-русски, но целый мир порою вмещают в себя эти семнадцать слогов, составляющих хайку.

Отшельник, или опальный поэт, уединившись в горах, вдали от людей, вел свой дневник. По прошествии дня он сделал в нем запись:

И всего-то событий за день —

Еловая шишка

С ветки упала!

Тогда же в кабинете Кима я перебрал несколько вариантов, перелагая миниатюру на русский, пока с его одобрения не остановился на этой редакции.

Роман Николаевич знал, что смертельно болен, но виду не подавал. Он был из породы “железных” людей. Смеялся, шутил, пересыпал свою быструю речь то русскими (если говорил по-японски), то японскими (если говорил по-русски) словами, язвил по поводу каких-то незадачливых западных “фантастов-мизантропов”, которые претили ему антигуманизмом своих творческих концепций. Но одно выдавало его подлинное, тщательно скрываемое от посторонних глаз душевное состояние — слегка помятая единственная закладка в толстом фолианте с золотым тиснением. Стихи отшельника, “почти Басё”, говорили ему, томившемуся в четырех стенах, о

чем-то неизмеримо большем, чем мог услышать я, молодой и здоровый. И все же я запомнил их на всю жизнь — как память о встрече с замечательным человеком»^[223]...

А.М. Горбылев, учившийся в 1990-х годах в Институте Азии и Африки при МГУ, сохранил для нас очень интересные воспоминания своего преподавателя—Валентины Федоровны Кирилленко: «Роман Ким происходил из княжеской корейской семьи. Воспитывался в Японии в семье хранителя императорской библиотеки. В двадцатых—тридцатых годах он был сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. Затем, как многие, оказался репрессирован, сидел в одной тюрьме с Николаем Иосифовичем Конрадом. Во время Великой Отечественной войны его перевели из лагеря в специальную “шарашку” для репрессированных, но выживших сотрудников разведки. Жене его Марье Самойловне было сказано, что он умер, и когда он вышел из тюрьмы, оказалось, что она повторно вышла замуж. После войны Ким привлекался КГБ к работе по “японской линии”, в частности, при выемке документов из посольства Японии для срочного перевода. Владел он японским языком хорошо, но не блестяще: например, не брался переводить синхронно кинофильмы. Владел английским и, наверное, другими европейскими языками. Любил этим козырнуть, например, при посторонних любил говорить по телефону, меняя языки. Всегда шикарно и исключительно опрятно одевался. Читал лекции в обществе “Знание”. Имел огромную эрудицию».

Эти воспоминания не слишком удачно стыкуются с уже известными нам фактами. Попробуем разобраться, в чем именно и почему. Во-первых, мы впервые встречаем информацию о «княжеской семье» и «хранителе императорской библиотеки». Если это правда, то разведчиков с таким аристократическим прошлым нам встречать еще не приходилось — возьмем себе на заметку. Во-вторых, заметим, что Мариам Цын вспоминала, что из лагеря была освобождена стараниями мужа. Значит, если ей и сказали, что он умер, то это произошло только после того, как она оказалась на свободе в 1943 году. Или если по каким-то причинам супруги после войны не стали или не смогли жить вместе, то Роман Ким, зная подлинную причину, для чужих людей рассказывал вполне правдоподобную легенду. Позже мы еще убедимся, что по части придумывания таких историй он был великим мастером. В-третьих, укажем на странную нестыковку относительно его языковых способностей. По воспоминаниям В.Ф. Кирилленко, Кима привлекали для перевода срочных документов, полученных нелегальным путем в японском посольстве. Сам по себе факт уволенного и репрессированного бывшего сотрудника, то есть

не просто ничем не обязанного органам, но и априори обиженного на них, для секретных операций выглядит несколько странно. Это еще можно как-то представить себе в сталинские времена, но КГБ — Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР — был создан в марте 1954 года—в совершенно других исторических реалиях, нежели сталинские. Может, это было не после, а до войны? И зачем привлекать для важного и срочного (!) перевода человека, «не блестяще» знающего язык? Судя даже по официальной биографии, около полувека Роман Ким читал, говорил и писал по-японски так часто, что вполне можно было считать, что японский — его второй родной язык. «Помятая закладка» в старинном фолианте с хайку — понятно, что не на русском языке... И вдруг — «не блестяще»... Очень странно, не правда ли? Если только не допустить, что Ким, человек, судя по всему, любящий всякого рода умолчания и мистификации, и в этот раз придумал о себе кусочек легенды, не берясь за синхронный перевод по какой-то другой причине. Например, ему просто не хотелось этим заниматься. Мотивация, признаюсь, слабая, но в жизни бывает всякое. Почему бы не предположить и такое?

Что же в сухом остатке? Роман Николаевич Ким, как и многие советские японоведы, оказался сотрудником нашей разведки, был репрессирован, но — уже как немногие — выжил и умер своей смертью, став после освобождения известен как писатель. Писатель не простой. О его детективах Лев Славин, знавший Кима с 1930-х годов,^[224] писал, что «личный опыт и специальная эрудиция автора сообщает [им] неопровержимую достоверность».

Что еще заметно отличает Кима от прочих помимо самого факта выживания, так это рассказы о княжеском происхождении, им самим тщательно подчеркиваемый внешний лоск и странные отношения с иностранными языками: одни люди помнят его знатоком японского и европейских языков, другие — человеком с весьма средними знаниями, но выполняющего исключительно ответственную работу. Но все это еще укладывается в довольно привычную биографию востоковеда начала XX века—это было достаточно необычное время, чтобы в нем можно было незаметно раствориться человеку экзотической профессии. И можно было бы дело Романа Кима закрыть, если бы внезапно не появилась новая, а вернее — хорошо забытая старая — версия его жизни.

В 2012 году в издательстве «Родина МЕДИА», аффилированном с историческим журналом «Родина», учредителем которого, в свою очередь, выступили Администрация Президента и Правительство Российской Федерации, вышла книга доктора исторических наук О.Б. Мозохина «Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918—1945)». Статус автора—полковника ФСБ в отставке, участвовавшего ранее в работе по поиску мест массовых захоронений жертв политических репрессий и публикации «расстрельных списков», как и самого издательства, априори предполагал к книге особое внимание специалистов. Думаю, что только на профессионалов оно и было рассчитано, ибо издание так и не поступило в розничную продажу в магазины, а жаль. Монография содержит массу интереснейших сведений о работе друг против друга разведок и контрразведок Советского Союза и Японии в указанный период, но в данном случае нас она сейчас интересует тем, что в главе IV «Органы госбезопасности против спецслужб Японии», в подглавке «Разоблачение японской агентуры в НКВД», страницы с 333-й по 339-ю посвящены «Делу Кима»^[225]. Предваряется же «дело» фразой, из которой заранее становится понятен вывод: «Преследуя цели создания разведывательных позиций на территории советского Дальнего Востока, японцы смогли внедриться в спецслужбы СССР».

«Дело Кима» написано О.Б. Мозохиним на основании материалов архивно-следственного дела (АСД), хранящегося в Центральном архиве ФСБ РФ и недоступном для исследователя. Поэтому все приведенные в книге данные имеют особую ценность для нас — простых смертных, увлеченных отечественной историей и лишенных доступа в святая святых спецслужб. Однако в нашем распоряжении уже есть некоторые сведения о биографии Романа Николаевича общего характера, а потому мы можем сличать их с данными, приведенными в книге.

Итак, нам известно, что Р.Н. Ким был арестован 2 апреля 1937 года. Теперь, по сведениям О.Б. Мозохина, к этому можно добавить, что 21 мая того же года о факте ареста было доложено самому Сталину. Случай беспрецедентный. До сих высшая инстанция, попадавшаяся мне в расследованиях арестов японистов, — прокурор СССР и высшее руководство НКВД («дело Мацоккина»). Что заставило чекистов рассказать о Киме самому Сталину? Вероятно, именно к 21 мая он сказал на следствии нечто настолько важное, что его дальнейшую судьбу мог решить только диктатор. Что же именно? По версии О.Б. Мозохина, Ким был завербован в 1922 году генеральным консулом Японии во Владивостоке Ватанабэ, которого чекисты определили как «резидента японского Генерального

штаба». В действительности Ватанабэ Риэ в указанное время был просто консулом^[226], о его второй жизни нам сегодня ничего не известно, но согласимся с тем, что для такого дела это не так уж и важно. Ким рассказал, что поступил на службу в ОГПУ по заданию Ватанабэ, правда, не открыл, как ему удалось это сделать. На протяжении двенадцати лет (очевидно, с 1925 года) он «поддерживал в Москве связь с японскими разведчиками», среди которых были военные атташе и работники посольства Японии в Москве. Будучи одним из ведущих контрразведчиков на японском направлении, он якобы передавал им материалы по «вопросам, связанным с контрразведывательной работой ОГПУ—НКВД против японцев». Точнее, «Ким, участвуя с 1932 года в технических операциях по выемкам документов из сейфов японского военного атташата в Москве, проводил их по предварительной договоренности с японцами и таким образом снабжал органы ОГПУ—НКВД дезинформационными материалами». Более того (и это, думается, главное!): «Ким, по национальности японец, был сыном бывшего японского посла в царской России. Он скрывал это, выдавая себя за корейца^[227]».

19 мая 1937 года арестованный Ким Роман Николаевич, 1899 года рождения, уроженец города Владивостока, гражданин СССР, беспартийный, старший лейтенант государственной безопасности (специальное звание, примерно равное армейскому майору. — А.К.), подтвердил факт своего внедрения в органы ОГПУ—НКВД японским Генеральным штабом для ведения разведывательной работы.

Будучи агентом негласного представителя японского Генштаба Ватанабэ, осуществлявшего функции японского генерального консула во Владивостоке, Ким внедрился сначала в негласный (то есть стал агентом. — А.К.), а впоследствии, в 1932 году, и в гласный (получил штатную должность. — А.К.) аппарат ОГПУ—НКВД. Таким образом, находясь на руководящей оперативной работе, он занимался разведкой в пользу Японии вплоть до своего ареста.

Настоящее имя Кима было Кинго Мотоно. Ким был внебрачным сыном японского дипломата Ичиро Мотоно, бывшего послом в России в годы империалистической войны и впоследствии министра иностранных дел при кабинете Ямамото^[228]».

Что ж, такое признание дорогого стоит! Не просто «японский шпион» в сердце НКВД, а сын министра иностранных дел, специально заброшенный в Советскую Россию, чтобы стать агентом в сердце вражеской контрразведки — такого еще не бывало в мировой истории.

Неудивительно, что об аресте Кима доложили Сталину—только он мог решить, какую комбинацию в этой игре предлагать японцам.

В ходе следствия Роман Ким (или уже Мотоно Кинго?) рассказал, что получил образование в «японском императорском лицее», куда принимали только детей аристократов новой Японии. Министр Мотоно был не только министром и одним из богатейших людей страны, но и бароном. По его ходатайству внебрачного сына приняли в колледж, записав под именем Кинго Саори, так как мать мальчика звали Саори. Окончив лицей в 1917 году, Кинго должен был сдать необходимый для поступления на службу в японский МИД экзамен, но отказался от него и вместо этого почему-то выехал в воюющую, революционную Россию. Здесь он поступил в Восточный институт во Владивостоке — «хотел заниматься филологией», который окончил в 1923 году—аккурат ко времени вербовки консулом Ватанабэ, знавшим, по словам Кима, его с детства. Колчаковской мобилизации в 1919 году Киму удалось избежать при помощи японцев, после чего консул Ватанабэ «заявил, что Ким у него теперь в долгу», и в декабре 1922 года предложил вернуть и личный, и национальный долг, поступив на службу в организуемый в это время аппарат Приморского ГПУ. Ким согласился, и, опять же по версии следствия, с этого времени японская разведка помогала ему подниматься по служебной лестнице в советской контрразведке.

В середине марта 1923 году Ким по поручению Ватанабэ встретился со своим однокашником по Восточному институту китаистом и сотрудником Госполитохраны Владимиром Богдановым^[229], которого попросил «помочь с работой». Богданов предложил стать Киму секретным агентом Приморского ГПУ и «освещать» жизнь японской колонии во Владивостоке. Ким согласился и на квартире Богданова дал подписку как «сексот»—секретный сотрудник ГПУ, получив одобрение своих действий у консула Ватанабэ.

В апреле 1923 года Ким навсегда покинул Дальний Восток, перебравшись в Москву в качестве секретаря представителя японского телеграфного агентства «Тохо» Отакэ Хирокити (у О. Мо-зохина — Отаке), числившегося на учете в ГПУ в качестве «нелегального резидента японского Генерального штаба». Судя по всему, Ким уже ранее работал с ним, так как предложение поехать в Москву он принял от некоего Хироока, с которым «ранее вместе работал в “Тохо”». Богданов одобрил японский план, после чего Хироока вручил Киму 2000 рублей золотом (!) на расходы в путешествии, а консульство Японии выдало «охранную грамоту». Ким рассказал, что в консульстве его принял японец Вакаса — «доверенное

лицо Ватанабэ», во время японской интервенции в Приморье носивший офицерскую форму. Вакаса передал ему, что Ватанабэ возлагает на него большие надежды в деле стратегического внедрения в центральный аппарат ГПУ в Москве, после чего Ким отправился в Читу, где встретил Отакэ, прибывшего туда по КВЖД через Маньчжурию. Далее они вместе доехали до Москвы, где вначале жили в гостинице «Княжий двор»^[230], а затем Ким — по поручению Отакэ — купил себе квартиру на Трифоновской улице, неподалеку от Лазаревского кладбища. Гостиница «Княжий двор», и даже некоторые ее номера отдельно, были оснащены телефонной связью. Туда Киму, вскоре после его прибытия в Москву, по предварительной договоренности с Богдановым, достигнутой во Владивостоке, позвонил представитель 5-го контрразведывательного отделения ГПУ и назначил встречу у Большого театра. Здесь у О.Б. Мозохина явная путаница: 5-м отделом контрразведки ГПУ руководил не Шпигельглаз (правильно — С.М. Шпигельглас), а И.Ф. Тубала. Отдел был сформирован 28 июля 1923 года на базе бывшего 7-го отделения КРО, которое занималось борьбой со шпионажем Китая, Японии и Кореи и с белогвардейскими эмигрантскими группировками на их территории^[231]. Но вернемся к следственному делу Романа Кима. «Работая в качестве секретаря Отакэ, Ким одновременно поддерживал негласную связь с ОГПУ. В целях завоевания авторитета и доверия перед последними по предварительной договоренности с Отакэ он представлял в ОГПУ освещение его деятельности. Преследуя цель внедрения в органы ОГПУ, он с согласия Отакэ выдал ряд его связей: Попова М.Г., впоследствии расстрелянного за шпионаж^[232]; Шенберга, бывшего секретного сотрудника КРО, двойственную роль которого Ким “разоблачил” перед органами ОГПУ; японского коммуниста Кодаму^[233], бежавшего в Японию через финляндскую границу, и других. Все это предпринималось по согласованию с Отакэ для того, чтобы создать благоприятные условия и предпосылки внедрения Кима в аппарат ОГПУ».

Здесь наше внимание невольно обращается к личности самого господина Отакэ, который, по версии чекистов, много лет умело водил их за нос. Известные исследователи японской диаспоры в Приморье А.С. Дыбовский и З.Ф. Моргун опубликовали в ноябре 2012 года статью «Профессор Е.Г. Спальвин и журнал «Восточная студия», в которой содержится упоминание и об Отакэ: «В годы Гражданской войны и иностранной интервенции во Владивостоке работали корреспонденты нескольких иностранных информационных агентств. Среди них был и

будущий создатель японской фирмы «Наука» Отакэ Хирокити. Он приехал во Владивосток с целью совершенствования в русском языке, поступил в Восточный институт и сделался ассистентом проф. Е.Г. Спальвина по кафедре японской словесности. Х. Отакэ являлся также сотрудником газеты «Урадзю Ниппо». После отъезда Х. Отакэ в Москву в качестве лектора восточного факультета ГДУ (Государственного Дальневосточного университета—бывшего Восточного института —А.К.) его сменил Хироока Мицуцзи. М. Хироока прибыл во Владивосток в 1919 г., и, выполняя обязанности спецкора, возглавил представительство информационного агентства «Тохо цусинся»^[234]. Заодно, как видим, выяснилось, за что Хироока передал Киму 2000 рублей золотом перед отъездом того в Москву.

Книготорговая фирма «Наука» ныне прекрасно известна всем японоведам и большинству русских, живущих в Японии. В ее главном магазине в Токио, неподалеку от православного собора Воскресения Христова, потрясающий выбор книг о России, русских писателей на русском языке. Заказать их можно и по Интернету. «Наука» сегодня — один из немногих культурных и филологических мостиков, крепко связывающих наши страны. Неужели ее основатель был сотрудником японской военной разведки? Кто знает... С одной стороны, многие японцы-русофилы, особенно переводчики и ученые, довольно легко совмещали любовь к нашей стране с разведкой против нее — таковы особенности островного менталитета. Среди известных ныне имен основоположников японской русистики, друзей и переводчиков корифеев великой русской литературы агентов японской разведки — подавляющее большинство. С другой — известно, что Отакэ Хирокити был журналистом, симпатизирующим новой России, и даже подвергался преследованиям японской полиции за активные призывы к выводу японских войск с территории России. В своих воспоминаниях корреспондент «Владиво-ниппо» (она же «Урадзю-ниппо». —А.К.) Отакэ... писал: «Почти все японцы под крики “жизнь в опасности” и с помощью армии покинули Владивосток... Я из окна своего дома вместе с женой смог лицезреть тот исторический момент, когда русская (Красная) армия входила в город... Всю ночь по Светланской с грохотом везли пушки. Японские военные утверждали, что их всего 6, а их оказалось аж 200. В небе с самолета разбрасывали листовки»^[235]. Получается, что либо чекисты ошибались, либо Отакэ был очень хорошим разведчиком. На японском языке вышло несколько книг об Отакэ, но о его второй жизни, если такова имела место, в них ни слова...

В любом случае в 1925 году Ким был «передан на связь» второму

секретарю посольства Японии в Москве Сасаки Сэйго, которого в ОГПУ считали полковником японской армии. Их с Кимом встречи проходили на квартире Отакэ, и Сасаки особенно пристально интересовался карьерой Кима в ОГПУ и перспективами его служебного роста. Судя по материалам следствия, поведение Сасаки было стандартным для проверяющего: он передал Киму «привет от Ватанабэ», предложил добиваться доверия в ОГПУ, продолжая сообщать чекистам интересующую их информацию, просеянную сквозь сито японской разведки. «Вместе с тем он рекомендовал действовать с чрезвычайной осторожностью и не предпринимать что-либо, что могло нарушить и свести на нет намеченный план внедрения в органы ОГПУ, так как японский Генеральный штаб на Кима возлагал большие надежды». Осторожность и еще раз осторожность — вот лейтмотив «напутствий» полковника Сасаки своему агенту, с которым он, по данным АСД, был связан с 1925 по 1927 год. Но здесь снова нестыковка: Сасаки Сэйго покинул Москву в середине 1926 года и следующие семь лет прослужил генеральным консулом Японии в Александровске—на Сахалине! Вне зависимости от того, был он полковником разведки или не был, поддерживать в указанное время связь с Романом Кимом в Москве он не мог никак.

Тем не менее «установки, которые были даны резидентами японского Генерального штаба Отаке и Сасаки в интересах внедрения Кима в контрразведывательный аппарат ОГПУ, в значительной мере облегчили выполнение поставленной перед ним задачи. Его деятельность как секретного сотрудника КРО ОГПУ, внешне казавшаяся безупречной, “инициатива”, проявленная в деле освещения Отаке и т.д., безусловно способствовали укреплению его доверия (так! — А.К.) у оперативных работников ОГПУ, с которыми он поддерживал связь. В результате Ким постепенно стал продвигаться. Ему стали поручать ответственную и строго секретную работу (разве то, чем он занимался ранее, таковой не являлось? — А.К.). Так, в 1927 году он был привлечен чрезвычайно секретным подразделением ОГПУ — Спецотделом для работы над шифрами, а в 1928 году стал штатным переводчиком ОГПУ, так как к этому времени началась систематическая перлюстрация японской дипломатической почты. В этом же году он стал принимать участие в особо секретных операциях по японской линии. И, наконец, в 1932 году его перевели в гласный аппарат ОГПУ на руководящую контрразведывательную работу по японской линии. В результате основная задача, поставленная перед Кимом японским Генштабом, была достигнута».

Все это выглядит вроде бы вполне убедительно, но что-то в биографии

Романа Кима как японского шпиона заставляет все время сомневаться в правдивости изложенного. Например, согласно его показаниям на следствии, в 1927—1928 годах он установил связь с японским военным атташом в Москве, что несколько странно, если Ким был связан со Спецотделом. Японскую армию в нашей стране тогда представлял полковник Комацубара (у Мозохина — Комацубаро) Мититаро. Комацубара и Ким встречались в Москве дважды, в том числе на даче у секретаря-переводчика посольства Юхаси Сигэто. Потом была еще одна встреча. Ким докладывал военному атташе о своей карьере в ОГПУ, о характере службы, а Комацубара, в свою очередь, посоветовал быть ему крайне осторожным, но последовательно добиваться «внедрения в контрразведывательную часть ОГПУ, непосредственно занимающуюся делами по японцам». Но если принять на веру то, что Ким был японским шпионом, странно, что он при встрече не оповестил Комацубара об операции Бюро по дезинформации ОГПУ, которое подставило военному атташе «генерала из Генерального штаба РККА, который исправно снабжал “дезой” и Комацубара, и его преемников»^[236]. И почему Комацубара не заинтересовали шифры? С тем же подставленным НКВД «генералом» держали связь, возможно — с помощью Кима, и следующие военные атташе: Касахара, Кавабэ, Хата, Кавамото. То, что сам Роман Ким все время находился в контакте с ними, следует опять же из материалов следствия. Более того, он раскрыл очень убедительные детали этой связи. Например, с помощником военного атташе Ямаока Ким назначал свидания трижды в 1932—1933 годах: «чтобы избежать провала, Ким и Ямаока встречались у здания “Межрабпомфильма”^[237] около Петровского парка. При появлении Кима на месте встречи Ямаока, видя его, шел вперед, в лес и там ожидал.

Организовывались встречи следующим образом. В день встречи Киму на службу звонила женщина, что-то говорила, затем вешала трубку, и спустя некоторое время снова звонок. Мужской голос говорил по-английски: “пять часов” или “шесть часов” и т.д., а потом: “Это что, больница? Ах нет, извините”. Было условлено, что встреча происходила всегда на три часа позже времени, назначенного по телефону». На О.Б. Мозохина четкое изложение деталей связи с Ямаокой произвело очень сильное впечатление, видимо, заставившее его склониться к версии, что Ким — японский разведчик. Но...

Е.А. Горбунов в книге «Схватка с Черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке» приводит такой эпизод: «...во второй половине 1920-х годов, когда начали “разрабатывать” сотрудников японского военного

атташата в Москве, действовали по уже хорошо проверенной методике. Одному из помощников, а может быть, секретарей военного атташе, подставили молодую и красивую учительницу русского языка, конечно агента ОГПУ. Одновременно с уроками начались и развлечения: походы в рестораны, загородные прогулки, встречи на частных квартирах и т.д. Все эти “развлечения” фиксировались, и когда компромата набралось достаточно, то дипломата пригласили на беседу. В общем, в ОГПУ действовали по хорошо отработанной во многих странах методике. Вербовка состоялась, и у ОГПУ появился ценнейший источник получения военной и военно-политической информации в японском посольстве в Москве.

А дальше события развивались так: в июле 1931 года в японском посольстве в Москве произошла знаменательная встреча, которой суждено было войти в историю и японской разведки, и японо-советских отношений. Посол Хирота принял у себя военного атташе подполковника Касахару и генерал-майор Хараду. Генерал был командирован в Европу японским Генштабом с особыми заданиями, связанными с подготовкой к выступлению в Маньчжурии... Беседа была откровенной, и все присутствующие высказывались без всяких недомолвок, называя вещи своими именами. После беседы Касахара составил два документа. Он написал памятную записку о мнении японского посла Хирота и отправил ее начальнику Генерального штаба Японии. Вторым документом был конспект доклада, представленного генерал-майору Харада, в котором военный атташе высказал свое мнение о положении в Советском Союзе, о вооруженных силах и о перспективах возможной войны между Японией и СССР.

Сотрудник японского военного атташата, завербованный ОГПУ, сфотографировал документы и передал пленку в НКВД. Там сделали перевод, который пролежал в сейфе, дожидаясь своего часа, до декабря. В конце года, когда стало ясно, что японская агрессия в Маньчжурии продолжает расширяться, продвигаясь на Север, Сталин, очевидно, затребовал информацию от своих разведок о дальнейших планах Японии и ее действиях на азиатском материке. И руководство ОГПУ 19 декабря 1931 года представило ему имевшуюся в Особом отделе информацию. Сопроводительное письмо за № 4183, подписанное зампредом ОГПУ Балицким, начиналось фразой: “Просьба лично ознакомиться с чрезвычайно важными подлинными японскими материалами, касающимися войны с СССР”. Документы были представлены с грифами “Совершенно секретно, документально, перевод с японского”... Первым

документом было резюме беседы посла Хирота с генерал-майором Харада от 1 июля 1931 года. Этот короткий документ стоит привести полностью: “Посол Хирота просит передать его мнение начальнику Генштаба Японии относительно государственной политики Японии:

“По вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент.

Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Сов. Дальним Востоком и Восточной Сибирью”... Конспект доклада Касахара, представленный генералу на восьми страницах, также был тщательно прочитан и изучен, если судить по многочисленным пометкам Сталина...

4 марта 1932 года в советском официозе — газете “Известия” была опубликована передовая статья “Советский Союз и Япония”. В статье стандартные фразы о миролюбии Страны Советов, о росте японских провокаций. В качестве антисоветской интриги было представлено заявление представителя японского МИДа о неизбежности военного столкновения между Советским Союзом и Японией. Статья отмечала рост агрессивных намерений японских милитаристских кругов и предостерегала любителей военных авантур, заявляя: “Советское правительство вело, ведет и будет вести твердую политику мира и невмешательства в происходящие в Китае события..Это была бы обычная передовица, в которой говорилось о миролюбии, если бы не одно обстоятельство.

Для доказательства агрессивной политики Японии в Маньчжурии в статье цитировались два документа. Именно те два документа, которые были добыты политической разведкой и легли на стол Сталина. Оба абзаца, отмеченные генсеком, полностью вошли в статью. Резюме посла было опубликовано полностью...»[\[238\]](#)

Так не этого ли загадочного источника в японском военном атташате, информация от которого ложилась на стол Сталину, курировал агент ОГПУ, а позже лейтенант госбезопасности Р.Н. Ким, принятый в штат... одновременно со скандальной публикацией «Известий»? А потому в 1937-м и докладывать об аресте тогда уже старшего лейтенанта ГБ пришлось Самому? Ким «вел» японцев, вел «дело Хирота—Касахара», он все знал. Может быть, даже больше чем остальные?

В 1937 году чекисты были уверены, что все было наоборот. По их версии, это Ким получал задания от японских военных атташе, и задания эти ничем особенным не отличались: отвлечь внимание советской

контрразведки от настоящих разведчиков, подбросить дезинформацию, добыть какую-то ценную информацию по текущему моменту. Роман Ким назвал три особенно интересовавшие японцев темы: 1) какие операции разрабатывались против японцев в Маньчжурии; 2) за кем из японцев и русских, связанных с военными атташе, велось наблюдение; 3) состояние дела арестованного Иванова-Перекреста (где находится арестованный и кто еще задержан по его делу)^[239].

Помимо этого, Ямаока сообщал Киму о высокой оценке его работы японской разведкой и обещал не чинить препятствий при выемке секретных документов из сейфов военного атташата. Кроме того, Киму дали гарантии содействия в вербовке любого японца, если его кандидатура будет предварительно согласована с японской стороной, а также «по линии ОГПУ... предлагалось завести дезинформационные комбинации на японского военного атташе и всемерно развивать их».

В свою очередь, по утверждению следствия, Роман Ким передал Ямаока список агентуры советской контрразведки по японскому направлению, сообщил структуру органов ОГПУ, рассказал о системе и методах работы советской контрразведки, передал список объектов, находящихся под наблюдением ОГПУ, а также некоторые материалы по корейскому направлению. По версии следствия, которую Роман Ким подтвердил на допросах, он информировал японцев об оперативных разработках против них за пределами Москвы, «передал содержание ряда ориентировок по японским и корейским делам, ряд секретных приказов ОГПУ, отрывочные дислокационные данные по РККА, о характере ряда ликвидированных дел, а также характер агентурных данных, представлявшихся негласной сетью по японской линии». Сталину было доложено также, что в случае войны Ким должен был руководить «большим по размаху участком работы и завербованной агентурой, в том числе для парализации контрразведывательной деятельности НКВД против японцев»^[240].

На этом шокирующие подробности «дела Кима» в книге Олега Мозохина заканчиваются, оставляя читателя с ворохом вопросов, часть из которых возникла сразу по прочтении того или иного эпизода, часть осталась на потом. Почему все-таки следствие по его делу шло чуть ли не три года, когда его бывших коллег расстреливали без особой задумчивости в течение нескольких дней после ареста? Допустим, Сталина заинтересовала история происхождения японского разведчика из аристократической семьи. Но в следующие восемь лет эта комбинация так

и не была разыграна — Ким сидел в «шарашке», занимался, судя по всему, переводами, и в конце концов был освобожден. Не менее именитых узников Лубянки, того же Рауля Валленберга, Сталин убрать не постеснялся. Почему О.Б. Мозохин написал эту главу, не упомянув ни словом о реабилитации Романа Кима и оставив полное ощущение его виновности? С этим вопросом я обратился к автору и получил ответ: «Прямых доказательств вины Кима действительно нет. Все обвинение—с его слов. Я не делаю однозначных выводов о его виновности. В данном случае я просто констатирую факты. Можно рассуждать о невиновности, но смущает обилие фактов. Я видел многие тысячи фальсифицированных уголовных дел, там нет такой изощренности и изобретательности в описании «преступлений». И второе — временной фактор: с одной стороны, у руководства стоит Ежов. С другой стороны, это не начало массовых необоснованных репрессий»^[241].

Но, если Роман Ким на самом деле японец по имени Мотоно Кинго, во что, во всяком случае, поверили и следователи НКВД, и, возможно, сам Сталин, то:

- 1) Где и когда он родился на самом деле?
- 2) Что мог делать юный этнический японец в России с 1899 по 1907 год?
- 3) Кто его мать — Саори, и как и где она могла пересечься в 1898—1899 году с Мотоно Итиро, если тот в это время служил в Брюсселе? И как она потом оказалась во Владивостоке?
- 4) Если он японец, то где он изучил русский язык настолько хорошо, что в 1917 году смог сойти за корейца из Владивостока, поступить и учиться в Восточном институте? А потом писал статьи, переводил Акутагава и так далее? Ведь Акутагава был переведен им уже в 1923 году, и современный переводчик, кандидат филологических наук Е.М. Дьяконова отзывалась о них следующим образом: «Чудный, душистый перевод! Сомневаюсь, что иностранец мог так перевести на русский язык!»^[242]
- 5) Наконец, как в это могли поверить следователи НКВД? Феерическая фантазия и приговор, даже не предусмотренный Уголовным кодексом, — 10 лет? Или это все-таки не фантазия?

С другой стороны, происхождение Кима как сына Мотоно могло бы объяснить его обучение в «императорском лицее». Кстати, что это за лицей? Императорским в прямом смысле слова можно назвать частную школу и университет Гакусюин, где учились, да и сейчас учатся представители японской императорской фамилии и дети элиты японского

общества. Если Ким — выпускник Гакусю-ин, то это объясняет его близость к Отакэ, к высокопоставленным японским военным в Москве и их доверие к нему, на которое не мог рассчитывать безродный кореец, каким представляет Роман Николаевич Ким в первом — официальном — варианте своей биографии. Значит, все-таки японский разведчик?

Действующий сотрудник контрразведки ФСБ РФ, не пожелавший назвать свое имя, в ответ на мою просьбу высказать свою профессиональную оценку изложенного, ответил так: «Судя по книге Мозохина, сотрудником НКВД Ким был хорошим. Если верить тем деяниям, которые там перечислены: разоблачение японских шпионов (пусть даже подставных, об этом уже только при его аресте узнали), выемки из сейфа посольства и прочему, работал он качественно. Тогда неясно: где награды за все эти подвиги? По меркам тех лет он заслужил орден. Уж во всяком случае, грамота от Наркома внутренних дел у него должна быть не одна, или именной маузер. Не вполне понятен его переход из негласного аппарата в гласный. Какова была легенда для японцев? Ведь не каждый же японец в Москве знал про Кима, что он “свой”? Почему в своих произведениях он ни разу не дает малейшего намека на свою прошлую работу в НКВД? Времена “холодной войны” не позволяли? Почему приговор по нему так и не был исполнен? И, наконец, почему, если Ким действительно был японским шпионом, он не уехал в Японию после освобождения, а добивался реабилитации и остался жить в СССР? Зачем? Какой-то необъективный, я бы сказал, обвинительный подход у Мозохина к Киму. Бездоказательно обвинительный»^[243].

Добавим к перечисленным еще несколько вопросов: а что же родственники Кима по японской линии, если он действительно был Мотоно Кинго? Неужели они не знали о нем? Не искали? Вообще, вся эта история сильно напоминает роман Бориса Акунина «Шпион», с засылкой в «органы» подростка, который со временем должен вырасти в «крота». Но не слишком ли романтично и авантюрно для советской действительности? И как еще можно проверить версию Кима о его японском происхождении?

Биография № 3: агент Мартэн

Как это нередко бывает даже в самых запутанных криминальных, исторических или журналистских расследованиях, «истина находилась где-то рядом», и надо было просто найти человека, который мог бы точно указать место. Мне посчастливилось обнаружить такого знатока —

исследователя из Владивостока, историка отечественных спецслужб Алексея Михайловича Буякова. На мой вопрос о Киме он неожиданно ответил, что не в курсе версий его следственного дела, но зато хорошо знаком с подлинной биографией^[244]...

Ким Роман Николаевич, он же Мотоно Кинго, родился 1 августа по старому, 14 августа — по новому стилю 1899 года во Владивостоке в семье богатого купца из Кореи. Имя отца Роман Ким приводит в анкете, и оно полностью совпадает с его собственным: Ким Пен Хак (в русском подданстве — Ким Николай Николаевич). Свою мать Роман называет «корейской дворянкой из семьи Мин», и Ким, возможно, действительно был потомком знатного корейского рода, как он рассказывал об этом на склоне лет немногим близким людям, но имя матери нам известно только в русском варианте — Надежда Тимофеевна.

Родители Романа Кима, по всей вероятности, ушли из северокорейской деревни Пукчен, где они жили, в конце XIX века, когда там обострилась политическая напряженность, начался голод и замаячила угроза скорой японской оккупации. Людями они были зажиточными, имели накопления, и даже после революции — вплоть до 1923 года, отец Кима жил на свои вклады в Русско-Азиатском банке Владивостока. Это несмотря на то, что он, разбогатев на строительных подрядах, в 1911 году обанкротился и снова начал свою карьеру с должности десятника на стройке. Были ли у Романа братья или сестры — из анкеты неясно. Точно так же непонятно, чем руководствовались его родители, когда в 1906 году, фактически сразу после Русскояпонской войны, отдали своего сына в семью крупного японского промышленника Сугиура Рюкити, владевшего во Владивостоке крупной торговой компанией «Тайсё Ёко», входящей в состав знаменитого холдинга «Мицуи», существующего и сегодня. Отдали в семью своих врагов — зачем? С какой целью? Может, и правда, хотели вырастить настоящего корейского ниндзя, чтобы отомстить за колонизацию их родины? Вспомним слова Романа Кима из предисловия к глоссам о невозможности спокойного отношения к японцам...

Так или иначе, но, по версии теперь уже личного дела, мальчик был усыновлен Сугиура Рюкити под именем Киндзи и отправлен на учебу в Токио, в начальную школу Ётися, входившую в состав образовательной группы (наряду с колледжем) престижного университета Кэйо. Это именно его имел в виду Роман Ким, когда на следствии в 1937 году «признавался» в том, что учился в «императорском колледже». Кэйо не так элитарен, как Гакусюин или Токийский императорский университет, но все же это действительно довольно престижное учебное заведение, и японское

образование молодой кореец из России получил завидное. Итак, вопрос о его владении японским языком снят: Ким вырос в Японии.

Все это время — с 1906 по 1918 (в некоторых документах — с 1907 по 1917) год — Ким был гражданином Японии. В 1917 году он вернулся домой, во Владивосток, где в 1918 году поступил и экстерном окончил мужскую гимназию. Для легализации в России ему нужно было российское образование, и он целенаправленно шел к диплому, осенью 1919 года поступил на японское отделение Восточного института (с 1920 года — японское отделение восточного факультета Государственного Дальневосточного университета). В это время колчаковское правительство объявило в Приморье мобилизацию, и Ким, как студент-восточник, подлежал отправке в войска.

Из автобиографии Романа Кима, написанной им в 1935 году: «Я был в университете, куда при поступлении сдал документы, что я сын Кима Николая (русского подданного, иначе меня не приняли бы)... По мобилизации студентов-восточников назначен чиновником военного времени в штаб округа... Я обратился в японское генконсульство, которое подтвердило, что я приемный сын Сугиура и являюсь японцем, таким образом, мне удалось уклониться от мобилизации и числиться слушателем университета. ...Все студенты-восточники и востоковеды состояли в военно-статистическом отделе (разведывательном) штаба Приамурского военного округа в качестве референтов, экспертов (этот отдел механически остался после перехода власти в крае в руки Советов и после чехословацкого переворота, так как занимался специальной работой по собиранию сведений о Китае и Японии). Чтобы избежать направления в строевую часть (я, как студент, подлежал отправлению в военную школу), я подал заявление в военно-статистический отдел. Во главе отдела стоял полковник Цепушелов (кореевед), в отделе работали в качестве официальных экспертов-консультантов профессор Спальвин и ряд других японистов, китаистов, монголоведов. Ряд востоковедов, состоящих в этом отделе, теперь члены ВКП(б).

Немного спустя отдел был расформирован (надобность разведки в отношении Японии и Китая отпала), и я был отправлен в качестве чиновника военного времени в отделение культурно-просветительское и печати. Здесь моя работа заключалась в составлении обзоров английской и японской прессы, хотя официально я именовался делопроизводителем культурно-просветительского отделения. Параллельно я работал в качестве обозревателя иностранной прессы в газете “Эхо”, которая вела оппозиционную линию в отношении Омского правительства и была потом

закрыта.

В ноябре 1919 года было восстание Гайды, поддержанное комитетом большевиков. После этого восстания я дезертировал из штаба. В январе партизаны заняли Владивосток, и я был назначен заведующим иностранным отделом телеграфного агентства Приморского правительства (коалиция эсеров и большевиков). Переводы японской и английской прессы делаются моей специальностью. Работал в телеграфном агентстве, которое потом было переименовано в ДАЛЬТА после Меркуловского переворота в 1921 году. После переворота (оно продолжало существовать) я стал работать в тех органах, которые были легально оппозиционные в отношении меркуловского правительства — в газете “Голос Родины” (орган кадетов) и “Воле” (орган эсеров) — по японской прессе. Затем поступил в отделение японского телеграфного-агентства “Тохо” во Владивостоке (по рекомендации профессора Спальвина — ныне секретаря нашего полпредства в Токио) — в качестве переводчика. Тохо (агентство японского МИД) в противоположность штабу японских экспедиционных войск стало вести кампанию за эвакуацию японовойск, и поэтому его бюллетени бойкотировались правой прессой (монархистской), и Отакэ получал угрозы от японских военных и русских».

Ким писал, что дважды арестовывался японской жандармерией за работу в ДАЛЬТА, и этот факт привлек пристальное внимание НКВД в 1935 году — во время таких арестов японцы нередко вербовали агентуру, ломая арестованных шантажом или насилием, но... проведенная проверка факта этих арестов не подтвердила вообще, хотя, по воспоминаниям Отакэ, военная полиция — кэм-пэйтай — действительно задерживал Кима. Зато было подтверждено, что Роман Ким «подвергался в декабре 1922 г., в январе и феврале 1923 г. окончательным испытаниям в Государственной Восточной Испытательной комиссии, причем постановлением названной комиссии от 15 февраля 1923 г. признан выдержавшим названные испытания с отличным успехом (окончил полный курс японского отделения восточного факультета ГДУ). Выдано временное удостоверение об окончании за подписями — Председателя Государственной Восточной Испытательной комиссии профессора Н. Кюнера, декана восточного факультета профессора А. Гребенщикова, делопроизводителя восточного факультета Ширшова». Началась его научная карьера, сразу обратившая на себя внимание маститых ученых. Вот фраза из отзыва профессора Гребенщикова о лекции Романа Кима в Государственном Дальневосточном университете от 10 мая 1923 года: «Серьезное знакомство с первоисточниками по японскому и китайскому языкам, умение

располагаться материалами, правильный научный подход к таковым, наличие критического отношения к источникам, вот те основные элементы подготовленности Р.Н. Кима, выявленные им в своей пробной лекции. Считаю, что лекция проведена весьма удовлетворительно и что в лице Р.Н. Кима Восточный Факультет приобретает вдумчивого и серьезного работника». На этом же карьере Кима в ГДУ и закончилась — к тому времени он уже был агентом советской контрразведки.

Роман Николаевич Ким был завербован одним из руководителей Приморского государственного политического управления (ГПУ) Владимиром Богдановым 15 ноября 1922 года во Владивостоке. Именно по заданию Богданова Ким получил рекомендацию профессора Спальвина и отправился к главе представительства японского официального агентства «Тохо» Отакэ, которому открыл свое японское имя, и немедленно был принят на должность личного секретаря. 15 июня 1923 года Роман Ким был снят с учета как негласный сотрудник Приморского ГПУ и отправился к новому месту службы в Москву.

В столице Ким поступил на работу в Московский институт востоковедения в качестве преподавателя японского языка и истории Дальнего Востока. Он сохранял за собой эту должность в течение пяти лет — до 1928 года, а с 1925-го числился уже профессором.

С того же 1925 года и до конца 1930-го он одновременно преподавал японский язык слушателям Военной академии РККА. Как мы уже знаем из его «Биографии № 1», он много занимался переводами, писал критику, стал научным сотрудником 1-го разряда Государственной академии художественных наук, а с 1926 года — Института народов Востока.

И все это время не прерывался его «чекистский стаж». С 15 июня 1923 года Ким числился секретным сотрудником, переводчиком 5-го отделения Контрразведывательного отдела (КРО), а затем 4-го отделения Особого отдела (ОО) ОГПУ. В своей автобиографии он писал: «...В июне 1923 г. прибыл в Москву в распоряжение 5 КРО ОГПУ и определен на работу согласно указания тов. Дзержинского, который был уже осведомлен о моем прошлом...»

Прошлое помнил не только Дзержинский. Определенным этапом, на котором изменилось отношение к Киму, стало снятие с учета «бывших белых офицеров», то есть потенциально подозрительных и опасных для советской власти лиц. Это произошло только в 1927 году, когда наш герой уже достаточно зарекомендовал себя как преданный сотрудник органов госбезопасности. Следующей долгожданной ступенью карьерного роста стало принятие в штат ОГПУ на должность оперуполномоченного 4-го

отделения ОО ОГПУ. Это случилось 1 марта 1932 года—за четыре дня до публикации в «Известиях» информации о беседе Хирота и Касахара, а 1 декабря 1934 года—в день убийства Кирова — он был назначен сотрудником для особых поручений 6-го отделения 1 -го отдела, а затем 3-го отдела ОО ГУГБ НКВД СССР. 26 марта 1935 года приказом наркома внутренних дел Р.Н. Киму, с 1 января того же года, было присвоено звание «оперативный переводчик ГУГБ НКВД». Тогда же был составлен отзыв о его деятельности: «...Отношение к выполняемой работе вполне добросовестное, большая работоспособность и интенсивность работы, отмечается углубленная проработка вопросов, имеет склонность к агентурной работе. В работе не теряется, сообразителен, находчив, наблюдателен, точен и умеет ориентироваться. Хорошо ориентирован в дальневосточных вопросах.

Участвовал в операциях сугубо чекистского порядка с прекрасными результатами (по контрразведывательной линии). Операции требовали большой чекистской выдержки и оперативной сноровки».

Роман Ким надел чекистскую форму. Об этом вспомнила много десятилетий спустя Н.Е. Семпер-Соколова: «Самой авторитетной личностью... был кореец Роман Николаевич Ким, военный с “ромбом”, сотрудник НКВД, притом оригинальный писатель. Мы все только что прочитали вышедшую тогда его книжку “Три дома, напротив соседних два”, о характере японской литературы; мне очень понравился его острый, лаконический стиль и слог. Р.Н. Ким был всегда подтянут, холоден, вечно занят, так что виделись редко. У него было бледно-желтое интеллигентное лицо, тонкие черты... он жил в большой, неудобной квартире против библиотеки имени Тургенева, женат был на внешне типичной еврейке, поэтому трехлетний сын его имел самую неопределенную внешность»^[245].

Помните вопросы о семейном положении и недоумение современного оперативного сотрудника по поводу отсутствия наград у столь успешного чекиста? Анкета отвечает и на них: «Имею два наградных оружия и Знак почетного чекиста (Почетный работник ВЧК—ГПУ (XV)—награжден 8 апреля 1934 года —А. К.), дважды именован боевым оружием от Коллегии ОГПУ (в 1936 году получил еще и орден Красной Звезды. —А.К.).

Женат во второй раз. Имею двоих детей, сына 12 лет, дочь 3 года.

Состою в Союзе работников просвещения до 1921 г., с 1921 по 1935 г. — в Союзе совслужащих. С 1935 г. в Союзе служащих административных учреждений.

Жена — Цын Марианна (Марианн) Самойловна, еврейка, беспартийная, 30 лет. Сын Атик, 1923 г. р. Дочь...(неразборчиво. — А.К.). С

1930 г. работает в ОГПУ в качестве переводчика. Первая жена — Зоя Яковлевна Биллевич, разведен».

Как уже не раз случалось, новые ответы вызвали новые вопросы. Эта анкета — единственное упоминание о первой жене Кима — Зое Биллевич, и об их сыне Атаке. Кто они? Какова их судьба? Этого мы не знаем. Точно так, как и не знаем, почему сына В иву Ким назвал дочерью...

История ареста Романа Николаевича нам уже известна из двух первых его биографий. 26 апреля отстранен от занимаемой должности с 1 апреля как находящийся под следствием, а 8 июля уволен из органов НКВД с исключением с учета. В апреле 1937 года Ким привлекался к расследованию дела Тухачевского. Исследователь И. Просветов установил очень интересные подробности этого эпизода. В 1964 году Ким допрашивался специальной комиссией ЦК КПСС по этому делу и подтвердил фальсификацию обвинения против Тухачевского со стороны японской разведки. 9 июля 1940 года Ким был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58—1а УК РСФСР к 20 годам заключения в исправительно-трудовом лагере с поражением в политических правах на 5 лет (то, что Солженицын метко называл «и пять по рогам») и конфискацией имущества. Но вот кое-что новое: А.М. Буяков указывает, что в августе 1945 года (когда началась война с Японией) по протесту председателя Верховного суда СССР (!) Военная коллегия ВС СССР своим определением от 10 сентября 1945 года указанный выше приговор отменила с направлением его дела на новое рассмотрение со стадией предварительного следствия. В результате Р.Н. Ким был привлечен к ответственности по ст. 193—17а УК РСФСР и, по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1945 года, лишен свободы на срок 8 лет и 9 месяцев, считая со дня ареста. Поэтому уже 29 декабря 1945 года Роман Николаевич Ким вышел на свободу.

Реабилитирован Ким был 2 февраля 1959 года, но только приказом КГБ при СМ СССР № 246 от 22 июня 1959 года он был уволен из органов КГБ по выслуге обязательных сроков обязательной военной службы в отставку, то есть до этого времени, нереабилитированный, он продолжал числиться сотрудником органов, а значит, В.Ф. Кирилленко не ошибалась?

Биография № 4: влюбленный Кин Кирю

Японские исследователи давно уже обратили внимание на таинственную фигуру Романа Кима и посвятили ему немало статей и

очерков. Основной исследователь его биографии историк Кимура Хироси, сопоставив данные, полученные из СССР и имеющиеся в японских архивах, восстановил жизненный путь нашего героя^[246].

По японской версии, Роман Николаевич Ким родился 20 июля (по новому стилю — 1 августа) 1899 года во Владивостоке. Корейское имя его отца Ким Сюнхак, а самого Романа — Ким Яньён. Ким-старший был корейским политиком антияпонской ориентации и до последнего боролся против слияния Японии и Кореи. Когда же стало понятно, что Корея неизбежно станет японской колонией, отправился в политическую эмиграцию в Российскую империю. Мать Романа, по его словам, окончила католический женский колледж в Пекине и хорошо говорила по-французски. Когда Роман учился в начальной школе при университете Кэйо, она иногда приходила в школу вместе с ним, и старые школьные приятели Романа вспоминали, как в школу приходила его «матушка, одетая по-европейски», что было относительной редкостью в те времена.

Обстоятельства, предшествовавшие поступлению Романа в японскую школу 13 сентября 1906 года, оказались следующими. Отец Романа считал, что «единственная возможность узнать Японию как страну-противника Кореи — это получить там образование». И когда сыну пришло время идти в школу, отец решил отправить его в Японию, чтобы именно там вырастить борца против японского колониализма. Николай Ким, как богатый, преуспевающий делец азиатского происхождения, имел во Владивостоке связи с японским торговым домом, которым руководил Сугиура Рюкити. К нему и обратился с просьбой о содействии в отправке сына в Японию Николай Ким. Сугиура же, в свою очередь, переадресовал просьбу своему родственнику — ученому и философу националистического толка Сугиура Дзюго.

Сугиура Дзюго в указанный период был смотрителем «учебного кабинета» принца Хигаси-но-мия и воспитателем наследного принца Хирохито—будущего императора Сева, смотрителем дворцовой библиотеки — это высокая аристократическая должность. Неудивительно, что маленький Рома Ким был принят в престижную школу университета Кэйо. Какое-то время он жил в общежитии при «детской школе» Кэйо по адресу: Кодзимати-ку, Хиракава-тё, 5—26, и при поступлении в графе «имя опекуна» был вписан отец Романа — Ким Сюнхак. Затем место жительства сменилось на Усигомэ-ку, Вакамия-тё, 32, а имя опекуна — на Сугиура Рюкити.

С переходом в школу второй ступени (в Японии школы трехступенчатые) жизнь Кима внезапно осложнилась. Одна из семей,

родственная семье Сугиура по женской линии и не имевшая своих детей, завела речь о том, чтобы усыновить Романа, который отлично успевал и был очень смышленным юношей. Когда семья Сугиура заговорила об этом с отцом Романа, тот поинтересовался у сына, что он сам об этом думает. И Роман ответил, что «совершенно влюбился в Японию и будет рад стать японцем, коль скоро такая возможность представилась», тем более что он... влюбился в дочь Сугиура Дзюго.

Потом Роман Ким вспоминал, что, услышав этот ответ, отец «аж вспыхнул от гнева» и приказал ему немедленно возвращаться домой. Его политические убеждения и ненависть к Японии за прошедшие годы никак не изменились. Есть версия, что Ким Сюнъхак в России оставался одним из лидеров антияпонского движения и убийца премьер-министра Ито Хиробуми—Ан Чун-гын, 26 октября 1909 года застреливший его на вокзале в Харбине, был послан именно той группой, к которой принадлежал отец Романа. Маленький Ким запомнил лицо Ан Чунгына, приходившего к отцу. Когда стало известно, что покушение прошло успешно, в усадьбе Кимов во Владивостоке устроили роскошный пир, который продолжался три дня и три ночи. Впрочем, то время сам Роман находился в Японии, и о покушении он узнал, вероятно, во время одного из приездов во Владивосток на каникулы.

В Японии тоже сохранилось немало воспоминаний о Романи Киме, написанных людьми, которые работали с ним или учились. Из них можно узнать и о других именах нашего героя, и о его поведении в быту, среди сверстников. О детских годах Кима, проведенных в Кэйо, его одноклассник Сига Наодзо (младший брат популярного писателя Сига Наоя) писал в своей автобиографии «Биография болвана» («Ахо дэн»): «Пацаном, который твердил мне о запрете курить какие-либо сигареты, кроме тех, у которых был яблочный аромат, был Кин Кирю. Я слышал, что отец Кин Кирю был корейским патриотом и в силу каких-то обстоятельств эмигрировал в Россию, а мать его, как говорили, была русская (это очевидная ошибка или результат сплетни. — А.К), но сам он не был похож на метиса. Кин Кирю был развит не по годам и выглядел старше нас и уже во втором или третьем классе “общего отделения” (средней школы) влюбился безответной любовью. И угораздило-то его влюбиться в дочку Сугиура Дзюго. Это была первая его девушка, и она, похоже, ни о чем не догадывалась. Когда же он делился с нами о своих горестях неразделенной любви, хотя это были обычные чистые детские разговоры, мы все, его приятели, слушали их со смешанными чувствами, испытывая, по меньшей мере, зависть и ревность.

Он вел себя как настоящий токиец, со всеми характерными для токийцев привычками и вкусами, рассказывал об улочках с забегаловками, где стоя едят суси, и очаровывал нас своими подражаниями знаменитому рассказчику кайданов (историй о привидениях) Данъу. В сумо он был для нас как могучий Татияма, и ни я сам, ни Табо не могли оказать ему ни малейшего сопротивления и буквально улетали от его толчка-тэппо.

Когда мы учились во втором или третьем классе общего отделения, он принес показать нам журнал по искусству очень большого формата на русском языке, сказав, что его прислал ему отец. В журнале были помещены многочисленные работы примитивистов: Гогена, Сезанна, Шагала и других. Я даже сейчас помню, как недоумевал тогда, почему это “не напечатали Ван Гога”? Хорошо помню я еще и то, как таращил от удивления глаза, рассматривая работы Шагала, полные загадочного и удивительного очарования.

Кин Кирю иногда резал на дереве для разовой печати гравюры довольно фривольного содержания. Это было возможно, наверное, потому, что господин Сугиура Дзюго как смотритель “учебного кабинета” принца Хигасиномия был слишком занят, чтобы заглядывать в комнатку своего ученика, находившуюся сбоку от входа в дом.

Позднее Кин Кирю бросил школу и уехал то ли в Корею, то ли в Россию. При этом одну из этих двух гравюр он оставил мне на память. Это портрет обнаженной женщины, сидящей на стуле. Эта гравюра висит у меня в комнате на притолоке. Я не могу сказать, что она мне как-то особенно нравится, повесил я ее у себя просто в память о своем приятеле. Но помню, однажды ко мне пришел мой старший брат. Долго он ходил вокруг этой картины, а потом как рявкнет: “Эта картина вызывает у меня какое-то неприятное ощущение. Привкус от нее плохой. Сними ее!” — и вышел из комнаты».

«Крёстный отец» Штирлица

Писатель Роман Ким возник в 1951 году. В самый разгар корейской войны в пятом номере журнала «Новый мир» вышла его повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне», написанная в форме отчета японского разведчика, работавшего в конце Второй мировой и в начале корейской войн. В 1954 году в журнале «Октябрь» с продолжениями печаталась повесть «Девушка из Хиросимы». В 1956-м под этим названием в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая его книга. Сборники издавались не раз. В них

включали все новые и новые произведения «маститого советского автора приключенческой прозы»: повести «Агент особого назначения» и «Кобра под подушкой», впервые опубликованные «Советским писателем» в 1962 году; «По прочтении сжечь» (первая публикация в журнале «Наш современник», № 1 и 2 за 1962 год); «Кто украл Пуннакана?» (журнал «Октябрь», № 10, 1963 год); «Школа призраков» («Наш современник», № 8—10, 1965 год); «Дело об убийстве Шерлока Холмса» («Наш современник», № 4, 1966 год).

После смерти писателя все эти произведения несколько раз переиздавались в разной компоновке различными советскими издательствами. Причина внимания понятна. Почти ничего не зная о прозі автора, редакторы видели одну и ту же аннотацию, переходившую от сборника к сборнику: «Все эти повести, относящиеся к приключенческому жанру, разоблачают подрывные махинации империалистических разведок, злобные происки врагов мира. Многие произведения писателя не только переведены на языки народов нашей страны, но и издавались в ряде стран Европы и Азии. Основной жанр его произведений — политический детектив, основанный преимущественно на фактическом материале».

Но может быть, эти редакторы были слепы и не замечали чего-то необычного, романтически-героического в книгах Кима, но написанного тонко, между строк, полупонамеком? Очень хочется так думать, но, положив руку на сердце, приходится признать, что редакторов можно понять. К сожалению, большинство рассказов и повестей Романа Николаевича Кима, наверное, очень злободневные для эпохи их создания, сегодня можно читать только через силу — настолько сухо, картонно и по-советски конформистски они написаны. Впрочем, сюжеты в них действительно бывают, что называется, «лихо закручены», несколько компенсируя бесцветность и невыразительность персонажей экзотикой представленных коллизий, но, если отбросить режущую глаз политическую ангажированность автора и его героев, кажется, что достоверности катастрофически не хватает не только персонажам, но и ситуациям, в которых автор предлагает им существовать. Это очень странно — ведь теперь-то мы знаем, как богат был жизненный и профессиональный опыт самого Романа Кима! Почему он не привнес ничего из своей жизни, из своих многочисленных биографий в судьбы героев? Сотрудник контрразведки ФСБ, по моей просьбе с огромным трудом одолевший в отпуске несколько повестей Кима, вынужден был констатировать: «По стилю — обычный писатель детективных романов с учетом специфики 50

—60-х годов. Не чувствуется в нем человек, который в реальной жизни занимался контрразведывательной или разведывательной работой (как, например, Любимов^[247] и некоторые другие). Если бы не предварительное знакомство с его биографией, я бы достаточно уверенно мог заявить, что, судя по книгам, Ким никогда не имел отношения к оперативной работе. Или же... он это тщательно скрывал, учитывая времена “холодной войны”».

Мне ближе второй вариант. В некоторых произведениях Кима перегруженность деталями и фактами приводит не только к падению литературного качества, но и к мысли о том, что автор упорно пытается донести до нас какую-то дополнительную информацию, своеобразную литературную шифровку. Иногда это стремление почти не улавливается (может, мы плохие дешифровщики?), а иногда выражено совершенно прямо, как, например, в рассказе «Тайна ультиматума»—практически документальной истории оккупации японцами Владивостока, или в романе «По прочтении сжечь», где описание приемов шифрования японской разведки в предвоенные годы с помощью детективного чтения не выглядит шуткой, особенно когда знаешь настоящую специальность автора.

В литературной деятельности Кима была еще одна важная особенность — помимо, может быть, не слишком удачной попытки развлечь читателя. На протяжении нескольких лет Роман Николаевич с увлечением изучал мировую детективную прозу, пытаясь, очевидно, постичь законы жанра, его продвижения на рынке, сопряженность с пропагандой в условиях глобальной холодной войны и вне их, понять сам смысл его существования и вкладывая свои мысли в уста героев своих повестей: «Я думаю о продукции писак типа Флеминга и Ааронза... Их описания злодеяний красных шпионов организовано проталкиваются на книжные рынки Европы, Латинской Америки, Азии, Ближнего и Среднего Востока, Африки. И миллионы читателей всех возрастов зачитываются этими книжками. Они написаны так, что от них трудно оторваться. В сознании читателей постепенно закрепляются образы разведчиков из стран “железного занавеса”, растет уверенность, что все описанное в увлекательных книжках — правда и страны коммунистического лагеря в самом деле засылают во все части света убийц. Таких, как доктор Но, Грант, полковник Васильев... И читатели многих стран исподволь начинают верить в мифическую экспансию красных правительств. Шпионский детектив — очень действенное оружие в психологической войне, сфера его влияния и сила воздействия поистине огромны. Мне непонятно одно: почему советские детективные писатели не отвечают Флемингу и его коллегам? Почему уступают без боя книжные рынки зарубежных стран?

Ведь советским авторам не надо придумывать похождения выдуманных шпионов. Они могут рассказывать о реальных “подвигах” американских и английских разведчиков—о “полосатом заговоре” в Сирии, о махинациях Кохрена, Камминга и Аллисона в Индонезии, Доновена в Таиланде, Бэйрда на Цейлоне. Кеннона в Японии, Тимберлейка в Конго, Пьюрифоя в Гватемале и так далее. Советским авторам не надо высасывать факты из пальца, как это приходится делать авторам англо-американских шпионских боевиков»^[248].

И снова, зная биографию автора, фразу «ведь советским авторам не надо придумывать похождения выдуманных шпионов» понимаешь совершенно не в том ключе, в котором продолжает развивать ее Ким. Кажется, не о подвигах западных шпионов хочет сказать автор, а о своих подвигах, о своих разведчиках... Хочет, но не может. И конечно, творчество не только западных детективщиков исследовал Роман Николаевич.

При чтении повести «Кобра под подушкой» (1962) бросается в глаза схожесть главного героя — советского журналиста Мухина, мастерски и мимоходом обыгрывающего все разведки мира, действующие против него, с другим советским журналистом, несущим сходную миссию и впервые появившимся на страницах советской печати примерно в то же время — в 1965 году, когда ворвавшийся в мир советского детектива Юлиан Семенов впервые вывел свое альтер-эго — Дмитрия Степанова на страницах повести «Дунеч-ка и Никита». Степанов намного человечнее Мухина, характер шторою практически не читается у Кима, рельефнее, но также одержим борьбой за мир во всем мире, находчив, хладнокровен и—формально—не связан с советскими спецслужбами. Случайно ли это совпадение? Может быть, и нет. Известно, что Юлиан Семенов и Роман Ким были хорошо знакомы друг с другом. Они наверняка обменивались мыслями о роли детективной литературы, о необходимости создания образа советского супергероя, об имидже советского журналиста-международника. И это были не просто досужие разговоры двух беллетристов.

Первый, по развитию сюжета, роман из цикла «о Штирлице» —«Бриллианты для диктатуры пролетариата»—был написан в 1971 году. Основой для него стали похождения знаменитого убийцы посла Мирбаха Якова Блюмкина, расследующего по заданию Дзержинского хищения бриллиантов из Гохрана. В романе действует главный герой — молодой чекист Всеволод Владимиров —будущий Отто фон Штирлиц. Все, конечно, помнят, что его оперативное имя—Максим Максимович Исаев, и вот тут надо обратить внимание на то, что «Бриллианты...» написаны позже романа «Пароль не нужен», в котором действует тот же герой—Исаев, но

хронологически события происходят после операции в Гохране. «Пароль не нужен» опубликован Юлианом Семеновым в 1966 году, еще при жизни Романа Кима, и вот какое интересное воспоминание оставил нам автор эпопеи о Штирлице: «Летом 1921 года в редакциях нескольких владивостокских газет — а их там было великое множество — после контрреволюционного переворота братьев Меркуловых, которые опирались на японо-американские штыки и соединения китайских милитаристов, появился молодой человек. Было ему года двадцать три, он великолепно владел английским и немецким, был смешлив, элегантен, умел умно слушать, в спорах был доказателен, но никогда не унижал собеседника. Главными его страстями — он не скрывал этого — были кони, плавание и живопись. Человек этот начал работать в газете. Репортером он оказался отменным, круг его знакомств был широкий: японские коммерсанты, американские газетчики и офицеры из миссии, китайские торговцы наркотиками и крайние монархисты, связанные с бандами атамана Семенова. Покойный писатель Роман Ким, бывший в ту пору комсомольцем-подпольщиком, знал этого газетчика под именем Максима Максимовича. В Хабаровском краевом архиве я нашел записочку П.П. Постышева Блюхеру. Он писал о том, что переправил во Владивосток к белым “чудесного молодого товарища”. Несколько раз в его записках потом упоминается о “товарище, работающем во Владивостоке очень успешно”. По воспоминаниям Романа Кима, юноша, работавший под обличьем белогвардейского журналиста, имел канал связи с П.П. Постышевым... Когда Меркуловы были изгнаны из “нашенского города”, Максим Максимович однажды появился в форме ВЧК—вместе с И. Уборевичем. А потом исчез. Вот, собственно, с этого и начался мой герой — Максим Максимович Исаев, который из романа “Пароль не нужен” перешел в роман “Майор Вихрь”... а уж потом из “Майора Вихря”—в роман “Семнадцать мгновений весны” и затем в роман “Бриллианты для диктатуры пролетариата”»^[249].

Помните описание внешности Романа Николаевича Кима, данное Э.В. Молодяковой и С.Б. Маркарьян? Настоящим франтом запомнили они этого человека, и, вероятно, таким же видел его и Юлиан Семенов. А теперь посмотрим, как выглядит связной Максима Исаева Марейкис-Чен в романе «Пароль не нужен»:

«Из-за пакгауза выскочил Чен — как обычно франтоват, в руке тросточка с золотым набалдашником, пальто — короткое, как сейчас вошло в моду в Америке, островерхая японская шапка оторочена блестящим мехом нерпы, лицо лоснится: видно, с утра получил в парикмахерской

массаж с кремом-вытяжкой из железы кабарги — кожа делается пахучей, эластичной, и морщины исчезают. А откуда у Чена морщинам взяться, когда ему двадцать четыре года. Хотя морщинки у него под тазами есть: как-никак четыре года он работает в белом тылу, когда ночью каждый шорох кажется грохотом, а днем в любом, идущем сзади, видишь филера. Чен подскочил к унтер-офицеру, что-то сказал ему по-японски, быстрым жестом сунул в руку зелененькую банкноту, унтер отвернулся, и Чен провел Исаева с Сашенькой сквозь строй японских солдат».

Конечно, можно счесть это мелочью, совпадением, литературным домыслом, но именно из таких мелочей, тонких нитей и запоминающихся нюансов и ткut писатели кружево своих произведений. А писателю-детективщику особенно важно не просто получать информацию из источника, заслуживающего доверие, но и видеть этот источник, а потом иметь возможность представить его нам — пусть и в несколько измененном виде. Сюжеты порой меняются до неузнаваемости, а в образах литературных героев нелегко бывает разглядеть лики реальных прототипов, которых обычно в одном персонаже собирается несколько. Нелегко, но возможно.

Кстати, история же с Марейкисом-Ченом вообще никак не объясняется с точки зрения здравого смысла. Чекист, говорящий по-японски, выглядящий как кореец, но носящий совершенно не корейскую фамилию Марейкис, выглядит несколько фантаσμαгорично. Представить себе такого героя в реальности почти невозможно. Это только ниндзя могли так менять внешность, чтобы их не могли узнать ни друзья, ни знакомые, и полностью вживаться в окружающую их обстановку, органично растворяясь в ней. Но... почему бы нет?

Ниндзюцу

Вся крайне запутанная судьба Романа Кима с его многочисленными биографиями, внутри каждой из которых, как мы выяснили, мирно сосуществовали непримиримые узлы противоречий, неизбежно наводит на мысль о том, что этот человек был значительно умнее, хитрее и более приспособлен к жизни, чем это казалось всем, кто имел возможность наблюдать за его судьбой со стороны. Притворяясь то одним, то другим лицом, свой истинный лик Ким всегда как будто прикрывал черной, непроницаемой маской, из-под которой нестерпимо ярким блеском горели его черные глаза. Несмотря на то что мы получили массу информации о

нем, нам так и не удалось выяснить, кем был Роман Ким на самом деле. Несмотря на множество ответов на постоянно возникающие вопросы, которые мы получили в ходе нашего расследования, самое главное осталось неизвестным. Почему юный Ким Пен Хак стал Сугиурой Киндзи? Для чего он уехал в Японию? И самое главное, почему он вернулся, снова обратившись Романом Николаевичем Кимом? Версий, гипотез, догадок здесь может быть множество, но правду мы, похоже, не узнаем никогда. Трудно отделаться от мысли, что он был настоящим ниндзя, но только не в традиционном нашем представлении—в черном облегающем костюме и со средневековыми орудиями убийства в руках, а в понимании ниндзюцу как высшей формы организации перевоплощения и шпионажа. В том понимании, в каком он сам употреблял это слово, используя перевод из словаря Куцумата: «Ниндзюцу—искусство быть невидимым», то есть неотличимым от среды. И Роман Ким всегда выглядел как один из тех, среди кого жил — будь он японским школьником в элитарном колледже, корейцем-чекистом на советском Дальнем Востоке, внедренным в ОГПУ японцем среди японской агентуры в Москве или опытным японоведом для коллег из Института востоковедения. Он настолько сумел убедить в своей исключительности не склонных к иллюзиям и фантазиям костоломов из НКВД, что его версии, переданной ими Сталину, поверил и усатый вождь. А ведь Роман Николаевич Ким действительно много знал о ниндзюцу. И не только знал, но и пытался об этом рассказать современникам.

Его странная, как обычно, очень политизированная повесть «Школа призраков» (еще одно из определений ниндзя) начинается вынесенным в эпиграф переводом слова «ниндзюцу» из только что процитированного словаря Кацумата. Многие фразы из повести, в том числе цитируемые отрывки из произведений других авторов, с высот сегодняшнего дня тоже выглядят как завуалированные попытки рассказать о себе («...великолепно знает японский, учился в Токио, в университете Кэйо, обладает незаурядными лингвистическими способностями, светлая голова...») и о том, почему и как он пишет («пусть твои писания напоминают беллетристические фрагменты, чем деловые доклады»). Многие — как описание реально существующих приемов физиогномики и кудетологии—науки о заговорах (не там ли кроются ответы на главные вопросы биографии Кима?). Но и конечно, ниндзюцу в привычном нам понимании —маскировка, наблюдение, шпионаж и диверсии. Уж не окончил ли он в Японии не только колледж Кэйо, но и какое-то другое—неведомое нам—учебное заведение, где учился вскрывать сейфы и бегать по потолку? Дадим слово специалистам.

Автор книги «Путь невидимых. Подлинная история ниндзюцу» А.М. Горбылев считает; что «Ким почти во всех своих произведениях так или иначе касается ниндзюцу, иногда даже очень искусственно его притягивает. Мне кажется, его очень привлекала эта тема, и он очень много размышлял над тем, могло ли ниндзюцу кануть в Лету бесследно и каким должно могло бы быть современное ниндзюцу. При чтении “Школы призраков” у меня создается стойкое ощущение, что он очень хотел представить свое видение модернизированного ниндзюцу и придумал эту странную повесть, в которой сюжетная линия — это всего лишь рамка, в которую втиснут конспект школы современного ниндзюцу—Ким-рю (“школа Кима”. — А.К.). Кстати, характеристика ниндзюцу, данная Кимом в “Ногах к змее”—самая ранняя известная мне сравнительно развернутая характеристика ниндзюцу в литературе на европейских языках. Она написана человеком, который держал в поле зрения всю доступную ему литературу по ниндзюцу —от энциклопедических словарей и японских “повестей” кодан до специальных работ по японскому шпионажу на европейских языках (на французском и польском). Например, в “Школе призраков” Ким упоминает реальные довоенные публикации по ниндзюцу Фуцзиты Сэйко и Ито Гингэцу.

И не удивлюсь, если выяснится, что все работы, которые он упоминает в повести, например, по кудетологии (кудетология переводится с французского как “наука об ударе”. Это наука о планировании, организации и проведению операции, имеющий целью полный или частичный политический переворот в другой стране или даже группе стран. Курсы по этой науке читаются в разведшколах различных государств), реально существуют. Ну и, конечно, нужно понимать, что с ниндзюцу он был знаком, конечно, только по литературе».

Российский исследователь будо Федор Кубасов, изучавший историю ниндзюцу в университете Миэ, вторит коллеге: «Насчёт Ким-ниндзюцу (определение, аналогичное Ким-рю. —А.К.) сложно сказать что-либо определённое. Во всяком случае, связывать эту тему с его службой в разведке у меня оснований точно нет. Любопытно, что оба они с Пильняком считают ниндзюцу частью не только прошлого, но и настоящего современной им Японии. Так Пильняк пишет именно “есть целая наука...”, а не “была”. Из выписок, приводимых Кимом (имеются в виду “Ноги к змее”. — А.К), советский читатель тоже, вероятно, должен был бы сделать вывод, что в Японии 20-х годов ниндзюцу как таковое ещё практиковалось. Любопытно, что книги о благородных разбойниках Нэдзуми-кодзо и Дзираяя, на которые ссылается Ким, — это тот пласт

японской литературы, который у нас в переводах по сей день никак не представлен. Да и на Западе, насколько я знаю, тоже».

В представленных мнениях обоих экспертов речь идет о научном комментарии Кима к следующим словам Бориса Пильняка: «В морали европейских народов, несмотря на их присутствие, аморальными считались и почитаются — сыск, отслеживание, шпионаж: в Японии это не только) почетно, — но там есть целая наука, называемая Синоби или Ниндзюцу, — наука незамеченным залезать в дома, в лагеря противника, шпионить, соглядатайствовать...»^[250]

Кажется, Борис Пильняк, как писатель, понимал о Романи Киме немножко больше, чем мы, но это понимание не спасло его от расстрела в 1938 году как «японского шпиона». Он-то точно не был ниндзя. А вот был ли им Роман Николаевич Ким — мы не узнаем никогда.

Глава 9. ДИССИДЕНТ ИЗ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДШКОЛЫ

*Нынче ветер с востока на запад,
И по мёрзлой маньчжурской земле
Начинает позёмка царапать
И бежит, исчезая во мгле
С этим ветром, холодным и колким,
Что в окно начинает стучать, —
К зауральским серебряным елкам
Хорошо бы сегодня умчать...*

А. Несмелов

Восстанавливая биографии наших японоведов, работавших на Дальнем Востоке в начале прошлого века, приходится обращаться к самым разным архивам: и отечественным, и иностранным. Однажды мое внимание привлекла презентация целой серии неизданных воспоминаний бывших политзаключенных, проведенная правозащитным обществом «Мемориал», у которого есть свой, и преинтереснейший, архив. В числе представленных книг была названа рукопись И.К. Ковальчука-Коваль (1913—1984) «Свидание с памятью». Рукопись, удивительная своей непредвзятостью — не поверить написанному в ней нельзя, потому что автора никак не получится обвинить в симпатиях какой-либо из описываемых сторон. Свидетельство тому—его биография, ведь «свой среди чужих и чужой среди своих» — это про него.

Игорь Константинович Ковальчук-Коваль родился в 1913 году в Харбине в семье служащего КВЖД. Раннее детство провел на Камчатке, куда получил назначение его отец, а после революции и Гражданской войны вновь оказался на родине — в Харбине. Молодость будущего автора записок прошла в Маньчжурии и Южном Китае, а его занятия порой были настолько противоположны друг другу, что даже удивительно, как столь разные интересы уживались в одном человеке. Он окончил советскую школу-семилетку при управлении КВЖД, доучивался до «полного среднего» сам, а потом вдруг отправился в Шанхай, где два года прослужил в Шанхайском Русском Полку (SVC)^[251], оставив замечательные воспоминания о жизни молодежи из русской диаспоры в городе, где

сталкивались разные культуры, разные общественные формации и никогда не прекращалась острая политическая борьба. В условиях Шанхая велась она в основном средствами пропаганды: «...На сэттльменте бойко работал советский гастронм. Ассортимент его продуктов был огромен, всё отличного качества и, конечно, по самым низким ценам. В один прекрасный летний день 1932 года ко мне подошли молодые люди с плакатом на русском, английском и китайском языках: “Жители Шанхая! Не покупайте советского масла, молока, яиц и других продуктов! Все это большевики отняли у своего голодающего народа!”. Тут же входящим вручались листовки, рассказывающие об ужасном голоде в СССР.

...Второй случай, но уже более скандальный для советского представительства в Шанхае, произошел в одну из дат Октября у самого входа в консульство СССР. Здесь несколько русских девушек из «Национального трудового союза нового поколения» раздавали подъезжающим иностранным гостям, послам и консулам проспекты. Обложка с красиво оформленным гербом СССР не вызывала подозрения. Содержание «проспектов» выяснилось при их дальнейшем рассмотрении, а это произошло уже во время парадного обеда в присутствии сотрудников советского консульства. Первые страницы состояли из цифр достижений советской экономики, строительства и благосостояния трудящихся. Дальше — страница с колючей проволокой, за которой шли иные цифры, фотоснимки бесконечных очередей и трупы умерших от голода»^[252].

Положенный ему отпуск молодой военный использовал для путешествий по джунглям Южного Китая, где собирал этнографические коллекции. Увлечение казалось на тот момент самым важным в жизни, и этнография победила здравый смысл. Вернувшись по окончании службы в 1934 году в Харбин, Игорь Ковальчук-Коваль поступил на работу в местный краеведческий музей. По уже через год в Харбин пришли японские войска, и Игорь вместе с другими молодыми людьми отправился в японскую школу учить язык — иначе было нельзя: «...Первое слово, с которым нас знакомили, было “Ниппон” (Япония). При этом требовалось ученикам повторять его громко, четко, много раз и даже с выражением. Приятного в этом деле для нас, русских, было, конечно, мало»^[253]. После участия в нескольких конфликтах с преподавателями-японцами, открыто домогавшимися русских учениц, Ковальчук-Коваль покинул Харбин и двинулся в маньчжурскую тайгу на лесоповал, где, однако, пробыл недолго, снова предпочтя сражениям с гнусом и хунхузами городскую жизнь. Как будто чувствовал, что лагерной жизни в его биографии будет еще немало...

С работой, однако, в городе оказалось туго, особенно если у тебя две специальности: военный и этнограф. Последним на жизнь заработать оказалось невозможно, и Игорь решил использовать для этого свой армейский опыт. В 1938 году он предложил свои услуги сотрудникам Японской военной миссии в Харбине, которых очень интересовали энергичные молодые люди, готовые бороться против Советской России с оружием в руках. Глава миссии и бывший куратор Романа Кима полковник Комацубара Мититаро 18 января 1933 года докладывал в Токио: «Ненависть белых русских к Советской России и к коммунизму превосходит все наши предположения... Они готовы на любые материальные жертвы и принимаются с радостью за любые опасные предприятия для того, чтобы ставить преграды революционной работе, и для того, чтобы уничтожить коммунизм. С риском для собственной жизни и не жалея энергии, они с большим рвением берутся за шпионскую работу против СССР»^[254]. С этого же времени различные белоэмигрантские организации, располагавшиеся в Китае и, прежде всего, в Харбине и Маньчжурии, приступили к созданию под японским контролем разведывательно-диверсионных школ, действовавших под прикрытием разного рода технических курсов («Интернационал», «Славия», «Прага», «Экспорт»). К 1938 году в этих школах было подготовлено две сотни диверсантов из числа бывших белых офицеров и их детей, переброшенных затем на территорию СССР. Они изучали советский образ жизни, саперное дело, приемы организации и проведения разведки и диверсий, обучались владению холодным и огнестрельным оружием, навыкам борьбы без оружия—на случай столкновения с пограничниками, агентами ОГПУ, в свою очередь, совершавшими глубокие рейды на территорию Китая, или для проведения терактов.^[255]

Так что история из знаменитого романа В. Богомолова «Момент истины» про особо опасного немецкого диверсанта Мищенко, выросшего и получившего специальное разведывательное образование в Харбине, поклявшегося на шашке отомстить за смерть отца, убитого пограничниками, абсолютно реальна.

Характерной особенностью японского подхода к подготовке разведчиков был упор на функцию наблюдения за противником: по маршруту следования на задании, на остановках, при организации пикников вблизи интересующих спецслужбы объектов, и, конечно, особое значение придавалось наблюдению за сопредельной советской территорией с целью сбора информации об организации, тактике действий,

оборонительных укреплениях наших пограничников и частей Красной армии. Велось такое наблюдение со специально оборудованных пунктов вдоль границы или с крейсирующих по пограничным рекам пароходов и катеров, с рыболовных судов.

Вот и ладящий, благодаря предыдущим местам работы, с военной техникой, разбирающийся в фото- и радиоделе, Игорь Ковальчук-Коваль был назначен на японскую станцию подслушивания переговоров советских пограничников на южном берегу Амура. Служба ему нравилась, а сами переговоры стали первым знакомством с реалиями настоящей, а не пропагандируемой советской жизни. Сегодня в это трудно поверить, но эти самые реалии не вызвали у нашего героя отторжения — может быть, жизнь в Маньчжурии при японцах тоже была не так уж хороша? Или давала знать себя русская кровь? Тянуло на родину, которая казалось близкой, но недоступной, а оттого особенно притягательной и загадочной? Наверное, все вместе. А тут еще и сами японцы подлили масла в огонь. 18 февраля 1939 года Игорь Константинович Ковальчук-Коваль внезапно был отозван в Харбин и арестован японской контрразведкой как «советский шпион»: «Я очутился в подвале Военной миссии... Меня лупили резинами, но это оказалось “прелюдией”. Последовали “чайники”.

Что это такое? “Допрашиваемого” валят навзничь на длинную скамью, опутывают веревками. Запрокинутая голова свисает со скамьи. Орудием пытки служит обычный чайник, из которого медленно льют в нос теплую подперченную воду. Состояние? Будто, захлебываясь, начинаешь тонуть... Потерявшему сознание давят на живот. Вода бьет фонтаном из носа, горла и ушей»^[256].

Молодому разведчику не в чем было признаваться, а симпатии к Советам он сумел скрыть. Это спасло ему жизнь: арест был проверкой на преданность делу Великой Японии. Подобные эпизоды после войны любили включать во всякие шпионские боевики, но так было и на самом деле...

Ковальчук-Коваль успешно прошел испытания, убедив японцев в своей преданности делу островной империи, а потому снова был отправлен служить на границу, но ненадолго — лишь в ожидании повышения. На границу он приехал внутренне изменившимся — полученный от японцев урок только усилил тягу к русскому национализму, вообще сильно развитую тогда среди молодых харбинцев, но раскрашенную в разные цвета — от коричневого до белого. Возможность получать информацию о событиях вокруг Маньчжурии не только из японских источников, но и с советской стороны, постепенно, но неуклонно изменила взгляды

Ковальчука на мир и уже не позволяла всерьез воспринимать методы пропагандистской борьбы японской миссии за души советских пограничников. Одним из распространенных приемов было разбрасывание над советской территорией агитационных листовок. Ковальчук-Коваль вспоминал потом с иронией: «Паспорт на счастливое проживание в Маньчжоу-Ди-Го» — жирным шрифтом значилось на одной стороне, а на обратной текст: «Товарищи бойцы и командиры!!! Судьба ненавистной вам Советской власти решена! Великий Ниппон — Ваш друг, защитник и учитель. Переходите добровольно на жительство в Маньчжоу-Ди-Го! Здесь счастливо живут уже тысячи ваших братьев. Хлебом и солью они встретят вас! Сдавайтесь и переходите! Другого выхода у вас нет и не будет. Красная армия на Халхин-Голе разбита и спасается бегством! Соппротивление для вас смерти подобно!!! В этом случае все вы будете уничтожены! Ваши трупы будут клевать вороны, в вашем мясе будут копошиться черви! Подумайте и сдавайтесь!!!» Впоследствии мы узнали, что автором этого «замечательного» воззвания был сотрудник Харбинской японской военной миссии, некто Акаги-сан, который считался «специалистом» по так называемому «русскому вопросу» и «большим знатоком психологии русского человека»^[257]. Да, советские граждане границу время от времени переходили. Вот только вряд ли они решались на это под влиянием японских листовок — НКВД тут сделал для эмиграции значительно больше, выталкивая в объятия японских спецслужб население приграничных областей — от контрабандистов до своего представителя на Дальнем Востоке Германа Люшкова. Точно так же японская контрразведка и японская пропаганда прививала ненависть к японцам и неприятие их методов молодым харбинцам: Ковальчук-Коваль и некоторые его друзья пришли к выводу о необходимости поддержки русскими русских, даже если те находятся по другую сторону границы. Но для этого требовалось покинуть таежную палатку и вернуться в город. Самый простой способ был известен: стать... японским шпионом.

По решению уже формировавшейся подпольной группы просоветски настроенных военных Игорь Константинович отправился учиться на «загадочные политические курсы», поступить куда помогла только что успешно пройденная проверка в пыточном подвале Японской военной миссии: «Указанное учебное заведение расшифровывалось: “Особо-секретные курсы для белых русских при Харбинской Ниппонской военной миссии”, а короче, точнее и правильнее: разведпропагандистская школа. Цель курсов — подготовка разведчиков, диверсантов и пропагандистов для борьбы против Советского Союза... Упомянутые курсы находились в

прямом подчинении Учебного подотдела отдела контрразведки Военной миссии и размещались в старинном, красивом двухэтажном особняке по адресу: Цицикарская, 14»^[258].

Вообще, воспоминания Ковальчука-Ковалья о японской разведшколе — ценнейший документ, потенциально доступный, в отличие от донные засекреченных материалов на эту тему, обычному читателю. Актуальность его тем более велика, что сегодня существует некоторый интерес к жизни «Русской Атлантиды» — нашей диаспоры в Китае, прежде всего в Харбине, который удовлетворяется в основном мемуарами харбинцев — еще живых или недавно почивших. Для большинства из них жизнь в Маньчжурии — яркое воспоминание детства, далекое от политики, войны, или, по крайности, задетое ими лишь чуть-чуть и опосредованно — через родителей, знакомых, друзей. Идеологический маятник, неудержимо качнувшийся после 1991-го в противоположную советским воззрениям сторону, тоже не добавляет объективности в понимании реальной обстановки в предвоенной Маньчжурии. В результате этого «качания», например, член Российской фашистской партии А.И. Митропольский воспринимается сегодня исключительно как талантливейший поэт Русского зарубежья Арсений Несмелое и как безвинная жертва советского режима, замученный в застенках НКВД. Он действительно умер в тюрьме. Но так ли все было просто? Дадим слово нашему герою, оставшемуся по окончании японской разведшколы преподавателем в ней: «Должность русского инспектора занимал в прошлом начальник военного отдела Всероссийского фашистского союза С.И. Долгов, его помощником был бывший телохранитель главы Всероссийской фашистской партии Л.П. Охотин...

Фамилии инструкторов, псевдонимы большинства, предметы, которые они вели, помню:

А. Бруй — ВКП (б); Ю.Е. Вигвицкий («Громов») — Ораторское искусство; И.Н. Волков — Советская печать; С.И. Долгов (кажется, «Солнцев») — Военное дело; Н.Д. Биккаревич («Егоров») — Религиозно-нравственное воспитание и НКВД; В.И. Кузьмин («Галченков») — РККА и Военная разведка; И.К. Ковальчук-Коваль («Камнев») — фотодело; Н. Кучин («Ростовцев», курсанты прозвали его «ЖЭК») — Советский быт; Е. Любавин — Машинопись; Н. Мызников («Лавров») — Диверсия; Н.Д. Морозов («Переходченко») — Военная подготовка и обращение с оружием; А.И. Митропольский («Несмелое») — Художественная пропаганда и агитация; В.К. Обухов («Шеншин») — Идеологическое воспитание; Л.П. Охотин («Львов») — География Дальневосточного края и

Административно-территориальное деление СССР.

Г.С. Наумов читал лекции по трем предметам и по каждому имел свой псевдоним: 1 — Опрос беженцев (“Байкалов”); 2—Подготовка разведчика (“Степанов”) и 3—Контрразведка (“Вагин”). Профессор Н.И. Никифоров—Марксизм и его критика и История философскополитических течений. Часоводов — География СССР.

Кроме лекций, каждый инструктор работал над книгой-учебником по своему предмету»^[259].

Произведения поэта Несмелова сегодня общедоступны и широко известны, некоторые его стихи стали песнями и звучат с экрана^[260]. Но как интересно было бы почитать «Наставление» инструктора Несмелова по «художественной пропаганде и агитации». Уверен, оно не менее талантливо и интересно написано и, во всяком случае, помогло бы составить более ясное представление и о его личности и о реальном, а не лубочном русском зарубежье!

Игорь Ковальчук-Коваль оставил службу в разведшколе только в 1944 года, войдя в подпольную организацию русских эмигрантов на КВЖД, ставящих целью содействие скорейшему приходу Красной армии. И та пришла. 23 августа 1945-го автор воспоминаний был арестован военной контрразведкой Смерш и отправлен в Москву, где, как японский шпион, был осужден по пяти пунктам ст. 58 и получил 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Но и там наш герой не оставил подпольной работы, создав на этот раз антисоветскую организацию, ориентированную на Народно-трудовой союз — НТГ. Несмотря на навыки конспирации, полученные бывшим инструктором в японской разведшколе, организация была быстро раскрыта МТБ, а из лагерных тайников извлекли 11 411 (!) записок Ковальчука-Ковалья, которые приобщили к делу... Он был осужден повторно и вышел на свободу только в 1966 году, после чего еще 12 лет снова использовал результаты своего обучения, но уже совсем по-другому: работая в фотолаборатории Московской патриархии. До своей смерти в 1984 году Игорь Константинович Ковальчук-Коваль успел сделать еще одно очень важное дело: восстановить и дописать свои воспоминания, по большей части касающиеся совсем не маньчжурского, а советского—лагерного — периода. Жаль, что мы до сих пор не можем увидеть их напечатанными.

Глава 10. «ИДЕАЛОМ ДЛЯ НЕГО ЯВЛЯЕТСЯ ТИГР»

*...Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.*

А. Ахматова. Защитникам Сталина.

Василий Ощепков, с истории о котором началась эта книга, за свою короткую жизнь преуспел во многих областях, испытал успех и горе. Но ужас эпохи, в которую довелось жить и умереть этому человеку, заключался еще и в том, что и среди его учеников были те, кто сам пытал и убивал таких людей, как Ощепков. Один из них — Валерий Дмитриевич Щеголев — рефлексирующий интеллигент с высшим образованием, музыкант и одновременно сотрудник овеянной страшными легендами токсигологической «Лаборатории Х» доктора Майрановского, специалист по ядам, блестящий спортсмен и мастер рукопашного боя с явными садистскими наклонностями и признаками шизофрении.

В отличие от многих сталинских специалистов по тайным убийствам, о Щеголеве почти ничего не известно из официальных источников, о нем не написаны книги (да и статья всего одна!), но зато сохранились многочисленные свидетельства его спортивных воспитанников, друзей и просто знакомых. Молодой рабочий, сын «врага народа» и начинающий дзюдоист Андрей Будзинский, которому благоволил уже страдавшей стенокардией Ощепков, познакомился с Валерием Щеголевым в сентябре 1935 года в спортивном зале клуба «Крылья Советов». Он сразу заметил в своем новом знакомом что-то странное: «Мужчина лет 35—40, лысый, с овальным лицом и крючковатым носом, одет был во все серое. Фигура не спортивная. А в облике лица было что-то иезуитское». Будзинский увидел, что Щеголева, или, как называли его друзья, Балерина, побаивается тренер — Анатолий Харлампиев, и скоро узнал причину: «Валерий Дмитриевич работал научным сотрудником НКВД, но не только научная работа интересовала его»^[261].

Для молодых сильных парней, какими были тогда Будзинский и его друзья, Щеголев стал интересен сразу же, как только выяснилось, что и на

борцовском ковре, и за его пределами он даст фору самым крепким из них. Он оказался фантастически силен, мастерски владел дзюдо, ножевым боем, обучал молодых коллег по клубу приемам драки с использованием бутылок, трости, стула и других подручных предметов. Еще с середины 1920-х Щеголев был инструктором системы самозащиты В.А. Спиридонова, затем прошел обучение дзюдо, предположительно под руководством ученика В.С. Ощепкова — В.Г. Кузовлёва. В 1933—1934 годах уже сам преподавал дзюдо в Ленинградском институте физкультуры им. П.Ф. Лесгафта и в двух местных спортивных клубах^[262].

Ко времени, когда с ним познакомился Андрей Будзинский, Щеголев вместе с другим учеником В.С. Ощепкова—А.А. Хар-лампиевым преподавал в Москве, в спортивном клубе «Крылья Советов», боевой раздел дзюдо, рукопашный бой и приемы бытовой самообороны. Позже он стал участником Вторых Общемосковских соревнований по дзюдо и был особо отмечен Ощепковым за «замечательное искусство», а в 1938 году завоевал звание чемпиона Москвы в полутяжелом весе.

Те, кто встречался с ним на ковре и в жизни, подмечали интересную, но зловещую особенность: особеннолюбил Щеголев удушающие приемы, сворачивание шейных позвонков — в июле 1938 года он даже планировал сделать два доклада: «Биологические обоснования борьбы вольного стиля» и «Физиологические обоснования удушающих захватов», но прочитаны они не были. Бороться же с Валеричем было страшно — мало кто уходил с ковра без небольших травм. «В экстазе борьбы он забывал все, лицо его было страшное, обнажались клыки зубов, глаза блестели желтым огнем, — вспоминал Будзинский, которого Щеголев скоро стал особо выделять из числа друзей. — В одну из бесед один на один он поделился со мной, что нет большего наслаждения в единоборстве, как прикончить противника, а если подвернется-лучай, то хорошо бы и выпиться зубами в горло. А вообще идеалом для него является тигр, и ему часто снится, что он в джунглях нападает на всякую живность, приканчивая ее».

Беседовать с молодежью Валерий любил. На долгом пути из спортзала домой (от Ленинградского шоссе до Якиманки) он рассказывал ребятам разные истории. Будзинскому особенно запомнился рассказ о том, как Щеголев, возвращаясь с территории Маньчжурии после подрывов японских военных объектов близ Харбина, попал в тайге в охотничий капкан и насилу добрался до советской территории. Но не только байками о своем героическом прошлом пленил Щеголев молодежь. «Кроме рассказов, он задавал нам криминалистические загадки-задания, которые мы должны были разгадать... Валерий Дмитриевич хорошо декламировал и наизусть

знал много стихотворений. Наиболее любимыми у него были “Баллада” Тургенева, “Мой приют”, “Не плачьте над трупами павших бойцов”. Целый ряд стихотворений Алексея Толстого, Бальмонта, Майкова, Кольцова, Пушкина и Лермонтова он знал в совершенстве».

Похоже, что именно сочетание звериной сущности с высокой для тех времен и тех слоев общества, в которых жили молодые дзюдоисты, образованностью, и привлекало молодых спортсменов к Валерину. По воспоминаниям Будзинского, Щеголев читал ноты, хорошо пел, аккомпанируя себе на рояле, говорил на английском, немецком, хуже — на французском языках. В обще-нии с людьми был вежлив и предупредителен настолько, что это казалось неестественным. А однажды в случайной драке, когда Валерии по дороге с тренировки усмирил верзилу-хулигана и едва не задушил его, Андрей Будзинский воочию наблюдал сочетание несочетаемых качеств: «Глаза Валерина широко открыты, горят желтым огнем, зубы обнажены, как у хищника. Поверженный хрипит, глаза вылезают из орбит. Мне пришлось напомнить своему учителю, что мы на улице Горького, а не в джунглях... Что характерно, Валерии во время драки и конвоирования противника (который, кстати, орал благим матом — ему было больно) не терял хладнокровия и все время говорил на “вы”: “Не вопите, хуже будет, не безумствуйте” и так далее». Понятно, почему ребятам «казалось, что Валерию Дмитриевичу нет равных ни в чем. Нетрудно себе представить, что за короткий срок он в нашем лице приобрел своих учеников, готовых идти за ним в огонь и воду». Кстати, поверженного буяна Щеголев сдал в милицию, где предъявил красную книжечку НКВД («дежурный вытянулся, откозыряли ждал приказаний»).

Выпускник Ленинградского химического института, Щеголев не скрывал от друзей, что работает в НКВД — «в области прикладной микробиологии». Более того, самому близкому другу, Андрею Будзинскому, Валерии рассказывал то, что может и сегодня серьезно поколебать представления о времени функционирования секретной токсикологической «Лаборатории-Х» доктора Майрановского^[263]. Так, еще в 1936 году Щеголев говорил Будзинскому, что у него уже на счету 30—40 человек — «собственноручно ликвидированных врагов народа». По официальным данным, лаборатория Майрановского начала работать только в 1937 году, и годом раньше никаких массовых опытов проводиться теоретически не могло. Но это только теоретически. Будзинский, четко отсчитывавший даты по различным соревнованиям, повторяет вновь и вновь: разговор со Щеголевым состоялся до «Большого террора» — в 1936 году! А в том, что речь шла именно об этой работе, сомневаться не приходится.

Дело в том, что Щеголев решил составить протекцию Будзинскому и устроить его в НКВД. Воспоминания о вербовочной беседе заслуживают того, чтобы процитировать их почти полностью: «...после тренировки Валерий Дмитриевич пригласил меня в Варсонофьевский переулок, открыл ключами дверь, мы вошли в какую-то квартиру со старинной мебелью, где никого не было. Бросилось в глаза то, что все было перевернуто вверх дном. Валерий Дмитриевич объяснил, что сегодня в этой квартире был обыск, хозяев изолировали и он пока здесь распоряжается. Мы расположились на полуразломанной тахте — крабы, ветчина, черная икра, шпроты украсили наш импровизированный стол. Ну, конечно, появились и бутылки с каким-то вином... Как в этот вечер, так и в последующих беседах Валерий Дмитриевич внушал мне мысль, что цинизм — это основной закон жизни в настоящее время... доказывал, что блестящие результаты для индивидуума даст сочетание двух качеств: с одной стороны, цинизма во всем, безжалостности, отсутствие самоанализа и неверие ни во что — это касается духовного содержания; с другой стороны, отличные физические качества — сила, ловкость, выносливость и обязательно стремление к уничтожению всего живого, причем желательно собственноручно... для тренировки воли и ликвидации жалости необходимо удушить или свернуть шейные позвонки у нескольких собак».

Собак Щеголев ненавидел и душил лично. Во время одной из «просветительских» бесед он поведал Будзинскому, что «его место работы находится в конспиративной квартире-лаборатории на 2-й Мещанской, 24 — 26, где содержатся собаки для опытов, а также куда привозят людей, на которых можно проводить опыты со смертельным исходом». И тех, и других Валерий не просто убивал. Похоже, что он любил это делать. Булгаковское «уж мы их душили, душили...» — это про него.

Надо отдать должное Андрею Будзинскому — от службы на Лубянке (или на 2-й Мещанской) он сумел отказаться, хотя с удовольствием работал с людьми из спецслужб, но по другому профилю: «В том же 1936 году в осенний день Валерий Дмитриевич объявил, что по выходным дням нас будут посещать несколько товарищей из НКВД, а мы должны их обучить хорошо защищаться и нападать. Мне же по секрету он сообщил, что эти люди готовятся для заброски за кордон... Теперь, когда прошло несколько десятков лет, вспоминая этих людей, у меня каждый раз всплывают в памяти их мужественные, симпатичные лица авантюристов с природным юмором...»

Будзинский сравнивает этих людей с такими разведчиками, как Зорге, но помнил он всю жизнь и о совсем других сотрудниках тайного ведомства,

с которыми ему довелось тесно общаться на учебе в Институте физкультуры: «Некто Георгий Александрович Игнатошвили (видимо, речь идет о Георгии Эгнатошвили. — А.К.), состоявший в личной охране Шверника (советский партийный функционер высокого ранга. — А.К.), занимался борьбой классического стиля в тяжелом весе... В дальнейшем я не раз слышал его фамилию вдругом “виде спорта” — со слов Валерия Дмитриевича. В один из вечеров... Валерич под секретом сообщил мне, что в их особняк привезли очередного смертника и что после всяких “процедур” он отдал богу душу, а у группы людей, присутствовавших при этом, возник «интересный» вопрос: можно ли без подручных средств оторвать у человека голову? Все перепробовали, но безуспешно — голова крепко держалась на сухожилиях и вращалась в обратную сторону, как на мокрых пеньковых веревках. В финале Игнатошвили плясал на трупе и пел “Аршин мал алан”. Мертвый был “врагом народа”. Все присутствовавшие были, конечно, “под сильным градусом”»...

Среди особенно любимых Валеричем поэтических произведений была «Баллада» Тургенева. Забытое сейчас, это стихотворение искажалось еще царской цензурой, но удивительно не это. Написанное в 1841 году, почти за столетие до сталинского ужаса, оно настолько точно воспроизводило обстановку допроса, что совершенно непонятно, как оно не было запрещено цензурой сталинской, неврастенично чуткой к тончайшим намекам на реальность:

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил — сумрачно глядит.
С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.
Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!
Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!., видно, время доброе прошло.
«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенёта волк не забегал!
Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;
Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь»...

Неудивительно, почему это стихотворение так любил Валерий Щеголев: ведь оно про *работу*! Признанный всеми классик русской литературы почти сто лет назад написал стихи про его *работу*, и логика

проста: *это* было, *это* — можно, *это* — правильно! Ведь классик же...

Служба, допросы, пытки, эксперименты с ядами и «сывороткой правды», видимо, переходили в момент декламации в подсознании Щеголева в сферу эпического подвига, когда не обреченный безвинно человек стоял перед ним, истекая кровью, а «сумрачно насупивший голову» разбойник не обращал внимания на кровь, струящуюся из широких ран. Разбойник, а не жертва, а значит — он, палач, прав, он — *на работе!* Все чинно, красиво, благородно — все так, как не было и не могло быть в жизни, но как очень хотелось бывшему студенту-химику.

Кстати говоря, очень любил Щеголев и «REQUIEM» вовсе нынче забытого Диодора Пальмина:

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах.
Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!
С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени, достойной борца!

Возможно, читая эти стихи, Щеголев вспоминал, как уходил по маньчжурской тайге от преследователей с капканом на ноге, видел себя народным героем, идущим сквозь тяжкие испытания к новой, лучшей жизни. А что на пути становится все больше и больше трупов, в том числе тех, кто только что был рядом с ним и кого непонятно кем считать — то ли «павшим борцом», то ли «врагом народа», так это не так уж и важно: *«Шагайте вперед по мертвым телам»*. Не важно, по чьим — лишь бы по мертвым.

Со временем Андрей Будзинский все больше втягивался в спортивную жизнь, завоевывая новые призовые места в создававшемся тогда новом виде спорта — борьбе вольного стиля, после войны получившей название «самбо». Валерии же, наоборот, погружался в деятельность спецлаборатории и постепенно охладевал к своему несостоявшемуся воспитаннику, который к тому же никак не хотел пробуждать в себе звериные инстинкты, да еще столь экзотическими способами, как поедание сырого мяса и рычание на луну. Правда дружеские отношения сохранялись,

а как-то раз перед большими соревнованиями Щеголев в качестве допинга снабдил друзей-спортсменов таблетками бензедрина. Один из парней таблетки принял, но не до соревнований, а после—чтобы караулить всю ночь вещи в поезде Ленинград—Москва...

В 20-х числах апреля 1940 года Щеголев и Будзинский остались ночевать в гостях у их друга Виктора Салмина. «Поужинали, выпили, мы — умеренно, а Валерии — изрядно. И вот уже 12 часов, куранты бьют по радио, затем гимн. Валерия до этого уже лег спать, а тут встал, надел халат, встал по стойке смирно, затем с серьезным лицом поднял правую руку вверх, указывая куда-то в вышину. Ну, мы с Виктором переглядываемся, дескать, пьяное чудачество. Стали его уговаривать лечь спать. Он присел и говорит: «Я скоро умру. Так вот, завещаю тебе все книги, какие у меня есть: учебники французского бокса, дзюдо и так далее. А тебе — золотые часы и коллекцию драгоценных камней в футляре». Все это мы восприняли как пьяный бред, как могли, уговорили его лечь и заснуть. Наутро этот разговор не упоминался. А 24 апреля... было решено позвонить Валеричу. Звоню. Трубку взял Александр Александрович Григорович (сотрудник «Лаборатории-Х», упоминавшийся в 1950-х года на допросах Майрановского. — А. К.) и на мой вопрос о Валериче объявил: “Валерий Дмитриевич умер. Поехал в командировку и в вагоне умер. Похоронен на Крестовском кладбище, могила номер...”

В этот день или на другой мы поехали на кладбище, и верно — под этим номером обнаружили свежую могилу. Притащили здоровенную каменную плиту, положили в изголовье, постояли и... ушли. В дальнейшем, уже после войны, тот же Александр Александрович сообщил мне, что Валерия отравился, составив себе какой-то яд, и, хотя к нему подбежали, спасти не смогли...

Этот человек остался для меня памятен на всю жизнь, да и не только для меня, а для всех, знавших его. Я совершенно не имею намерения восторгаться им и обелять его дикие атавистические повадки или садизм. Удивляет и поражает другое: как могли у человека, в высшей степени образованного, начитанного и, я бы даже сказал, талантливое, уживаться качества, совершенно противоположные, которые можно назвать одним словом: “человеконенавистничество”».

Душитель-неврастеник Щеголев любил еще одно стихотворение, повествующее о его несбыточной мечте. Это «Мой приют» Спиридона Дрожжина:

Люблю я сельский мой приют,
Мой огород и сад тенистый,

Где вечером, окончив труд,
Сажусь под липою душистой;
Смотрю, как облачко плывёт,
Как тихо зорька догорает;
Жена мне ужин подаёт
Иль чай горячий наливает,
А ночь свой полог опускает
И на покой меня зовёт.

Но у палача не было и не могло быть приюта, жены и покоя, и это правильно — в любую эпоху. Даже если он очень любил стихи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Японская пресса о русских семинаристах^[264]

«Господа! Как вы знаете, Россия является в мире сильным государством. Она хвасталась званием цивилизованной державы. Другие люди также соглашались с этим. Поэтому о таких делах, как командирование в Японию учеников для обучения, она даже во сне не грезила. Но Японо-русская война усилила блеск Японии. Вместе с этим Россия также, по-видимому, изумилась японской цивилизации и после заключения мира безостановочно начала посылать в Японию студентов для обучения. Она приказывает изучать всю организацию японской культуры начиная с языка, и поэтому русские мальчики от 14 до 18 лет присылаются в Японию. Я намерен здесь поговорить с моими молодыми читателями о целях и других обстоятельствах этих предприимчивых мальчиков.

...мы поместили фотографию 10 русских учеников, находящихся в Японии. Среди них Трофим Юркевич и Федор Юркевич — братья. Они прибыли в Японию в прошлом году в сентябре. Остальные же 8 человек прибыли в конце ноября.

Какие же мотивы их прибытия в Японию?

По этому поводу нужно сказать, что еще до Японо-русской войны в Православную Семинарию в Канда на Суругадай приехали два ученика: Романовский и Легасов и, обучаясь в Японии только четыре года, возвратились на родину. Романовский сделался переводчиком в армии, а Легасов переводчиком в рыбопромышленном обществе. Первый из них находится в Харбине, а второй в Хабаровске. Результаты их обучения оказались очень хорошими. Поэтому вышеназванные 10 учеников также приехали для обучения в Японию на четыре года. Г. Александр Вилямовский приезжал в качестве их проводника. Они поступили в интернат Православной Семинарии. Попечителем их является архиепископ Николай, а инспектором — ректор Православной Семинарии г. Сэнума Какусабуру. Для того чтобы они совершенно прониклись японскими нравами и обычаями, они, как видно на фотографии, одеты в японское платье и обувь (гэга) совершенно в японском стиле. Но так как японские широкие штаны (хакама) походят на русскую женскую юбку, то мальчики сначала очень неохотно их одевали, но потом привыкли. Стульев европейских и столов они совершенно не употребляют и одинаково с

японскими учениками садятся пред японскими столами, согнув колена. Они учатся, стройно сидя по-японски. Постели (футон) они употребляют также, как и говорят по-японски.

Из каких же сословий общества эти ученики? Братья Юркевич и Волков Александр из купеческого. Персяков Владимир—сын музыканта, другие все дети казаков и офицеров. Отсюда можно заключить, насколько русские дети, особенно казаки, после войны поняли фактическую силу Японии. Какое же воспитание получили эти мальчики на родине? Юркевич и Дзимбатов дошли до 3-го класса гимназии, другие же окончили низшую школу. Во время Японо-русской войны они жили в Маньчжурии и все знают более или менее по-китайски. Среди них Юркевич говорит по-китайски особенно хорошо. Теперь они едят совершенно одну японскую пищу. В январе они ели даже «зоони» (японские новогодние пирожки) и очень любят их. Они неподдельно говорили, что это вкусно. Русские все очень любят моги (пирожки из риса). Бывшие раньше в Японии Романовский и Легасов, как говорят; также очень любили моги. Русским не нравятся сырая рыба (сасими), улитки и осьминог; они называют эти блюда червями и содрогаются при одной мысли о еде их.

Интересно, какое впечатление произвела на этих мальчиков Япония, когда они приехали впервые. Братья Юркевичи, высадившись в Цуруга, изумлялись тесно построенным одним вблизи другого домам. Проезжая в Токио, в поезде при массе пассажиров они удивлялись тому, что их любезно спрашивали, куда они едут и все им объясняли. На их родине, если кто спросит дорогу, то люди с грубым и неприятным видом никогда не отвечают на вопрос.

Выехав из своей страны, переплыв через море 10 000 ри, не понимая ни востока, ни запада, приехав в чужое государство и увидев здесь людей, гораздо более любезных, нежели на их собственной родине, они в своем детском сердце обрадовались, и это, вероятно, также вызывает их изумление. Теперь они с радостью говорят об этом. Приехав в Токио, они очень удивлялись электрическому трамваю.

Из всего этого можно ясно понять, насколько их родина отстала от пути цивилизации.

Русские крестьяне, строя дома, накладывают горизонтально бревна одно на другое и из них делают стены. Крыша их устраивается также безобразно из бревен. Пропорционально затрачиваемому на постройку времени, красоты никакой не получается. В отличие от этого японская вертикальная постройка чрезвычайно удобна, поэтому ученики очень хвалят японские дома. В России не только нет запрещения курить табак

мальчикам, но дети считают курение табаку совершенно обыкновенным делом. Поэтому эти ученики, приехав в Японию, курили даже сигары, и в последнее время, покупая папиросы “Сикисима” и “Ямато”, иногда курят. Конечно, в Православной Семинарии курение табаку запрещено и поэтому они курят секретно, за что директор делает им выговоры. Отсюда также можно заключить о низкой степени цивилизации в России.

Русские школы стоят на очень низкой степени. Третий класс средней школы соответствует окончанию высшего отделения низшей японской школы. Дисциплины в русских школах совсем нет. Поэтому русские ученики чувствуют себя стесненными дисциплинарными нравами Православной Семинарии. Они всегда стремятся к тому, чтобы избежать надзора и контроля надзирателя, но в невинных живых шалостях они превосходят японских детей. В свободное от учения часы они вместе весело играют. Этот вид их очень привлекателен.

Хотя среди этих мальчиков есть любящие отцов и матерей и они постоянно ожидают от них писем, но по большей части они в чувстве сыновней любви испытывают недостаток. Во всяком случае, 14—15 лет, оставив родину, разлучаться с родителями и братьями и поехать в далекую иностранную землю это большая воля, и я думаю, что японская молодежь должна у них этому поучиться.

Скажу кстати: фамилии и лета мальчиков на фотографии, помещенной в начале этого номера журнала, следующие: Айсбрер Александр 16 лет Юркевич Трофим 17 лет Шишлов Иосиф 16 лет Родионов Емельян 15 лет Плешаков Владимир 14 лет Попилев Трофим 15 лет Юркевич Федор 14 лет Волков Александр Незнайко Исидор».

(Из февральского номера журнал «Сэйнэн» («Юношество») за 1907 год.)

«Вчера в 1 час пополудни в клуб Православного юношества в Суругадае пригласили русских мальчиков, приехавших учиться японскому языку в Православной Семинарии, и слушали от них, какое впечатление произвела на них Япония. Таких мальчиков всего 10. Они каждый через переводчика выразили свои впечатления и, между прочим, сказали следующее: “По прибытии в Японию прежде всего нам казалось приятным то, что везде все здесь содержится в чистоте и сады и дома. Затем дисциплинированность, приветливость и аккуратность всех японцев до прислуги включительно. А тяжелым нам кажется, это — сидеть по-японски, ходить в деревянной обуви, есть палочками, ходить по чрезвычайно многолюдным улицам Токио. Удивительным нам кажется: платье японцев, постройка домов, затем дзинрикша вместо лошади и

беспреданное наклонение головы со стороны прислуги. Самым приятным представилась дешевизна предметов и обилие фруктов. Интересным кажется зоологический сад и трофеи войны, находящиеся на дворцовой площади Маруноути. Не могли есть: соленую редьку и сасими (т.е. сырую свежую рыбу). Нам особенно хорошим в Японии казалось запрещение курить табак детям и то, что все относится без страха к учителям”.

Дети все смеются и много болтают. Например, Попилев (в дневниках Николая Японского — Попелев. —А.К.), Волков и Юркевич самые милые мальчики. В семинарии для них основан специальный класс, и начиная от пищи и платья их решительно во всем заставляют вести себя по-японски. Они приехали учиться именно в православную семинарию, потому что, во-первых, многие семинаристы, живущие в азиатской России, сравнительно с японскими учениками школы иностранных языков говорят по-русски гораздо лучше, во-вторых, в семинарии учились прежде два русских мальчика Федор Легасов и Андрей Романовский, которые теперь уже на службе в Маньчжурии и Куанченцзы и очень хорошо владеют японским языком, служат переводчиками и считаются важными людьми. Чтобы находиться в дружественных отношениях с Японией, Россия хочет распространить японский язык среди своих подданных и тем дать знать русским о Японии и японских обычаях. Русские власти прислали 10 мальчиков в Токио после разрешения преосвященного Николая».

(«Тюо симбун». 17 декабря 1906 года.)

Приложение 2. Русские воспитанники в Токийской семинарии

«В № 920, газеты “Россия”, от 20 ноября 1908 года, напечатана заметка Марии Г-ской: “Русские мальчики в православной японской миссии”. Сообщаемое в ней о мальчиках — сплошная выдумка, ни на чем не основанная. Вот правда об этих мальчиках, с самого начала до настоящего времени.

В феврале 1902 года главный начальник Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев из Порт-Артура спросил меня, может ли он прислать в миссийскую семинарию двух мальчиков для образования из них переводчиков японского языка? Я ответил готовностью принять мальчиков, с условием, чтобы они были не моложе 14 лет, способные, хорошего поведения и чтобы жили здесь среди японских воспитанников совершенно по-японски: питались японскою пищею, одевались в японское платье, сидели по-японски и соблюдали все прочие условия японской жизни, а равно и все правила семинарской инструкции. Послал, согласно запросу адм. Алексеева, и точный расчет, сколько будет стоить содержание мальчиков, без копейки в пользу миссии. В августе 1902 года два мальчика прибыли, помещены были отдельно друг от друга в среду японских учеников, и в продолжение года настолько освоились с японским языком, что могли дальше наравне с японскими сверстниками проходить предметы семинарского курса. Японские семинаристы по-братски приняли их в свою среду, всегда дружески и ласково обращались с ними. Трудное время войны пережили здесь русские воспитанники, но и в это время не видели дурного обращения от своих товарищей, а видели только их деликатность. К 1906 году оба воспитанника так усвоили японский язык, что им стало труднее говорить по-русски, чем по-японски; письменную часть японского языка они выучили с немалым успехом. Видя, что назначение, с которым присланы были эти воспитанники, исполнено, я снесся с командующим войсками на Дальнем Востоке генералом от инфантерии Н.Н. Гродековым и, согласно его распоряжению, в июне 1906 года воспитанники были отправлены, уже в качестве переводчиков военных штабов, один в Харбин, а другой в Хабаровск.

Видя такие результаты воспитания в семинарии, военное начальство из Харбина, в сентябре 1906 года, телеграммою, через здешнего военного агента полковника Самойлова, запросило: «не возьмется ли духовная

миссии воспитать 26 мальчиков, для обучения их японскому языку, на тех же основаниях, на каких воспитаны прежние два?» Я посоветовался с ректором и наставниками семинарии, и мы нашли, что 26 никак не можем принять, даже и поместить их негде, но что, хотя и с немалым стеснением для нас, 10 принять можем. В таком смысле чрез полковника Самойлова отвечено было в Харбин, и в 11 ч. ноября 1906 года от начальника Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, генерал-лейтенанта Н.М. Чичагова, с адъютантом штаба присланы были из Харбина в семинарию 8 мальчиков, — все дети казаков («казачата», как о них пишется в официальных бумагах).

Из Хабаровска военное начальство также попросило миссию принять несколько воспитанников; и миссия, в виду очевидной пользы для местностей, откуда просят, хотя и с стеснением для себя, приняла: в августе 1907 года трех и в декабре одного,—всех по представлению военного губернатора Приморской области и наказного атамана уссурийского казачьего войска, генерал-майора В.Е. Флуга. Из сих воспитанников трое также «казачата», и один значится сыном чиновника.

Выбор означенных 8 харбинских и 4 хабаровских воспитанников, к сожалению, не сделан был с должным вниманием. Трое из харбинских и один из хабаровских оказались неисправимыми нарушителями мира между своими и японскими товарищами и правил школьной дисциплины, а потому, к общей радости и русских и японских учеников, отосланы обратно: в Харбин двое 15 января 1907 года и один 20 июня того же года, в Хабаровск один 7 июля 1908 года. Что они возвращены после такой долгой жизни в школе, может служить ясным показанием того, что терпеливо употреблены были все меры к исправлению их.

Места выбывших воспитанников не остались праздными. Вот что писал мне генерал-лейтенант Н.М. Чичагов от 23 августа 1908 года, за № 728: «Одновременно с сим перевожу вам кредит на вторую половину учебного года, всего в сумме 1278 рублей, и посылаю, на замену убывших, трех новых учеников: Александра Плешакова (14 лет), Ивана Панпурина (13 лет) и Петра Перетолчина (13 лет). Они выбраны намеренно из числа самых молодых кандидатов, так как опыт приводит к заключению, что более взрослые воспитанники по своему поведению мало надежны и не подходят под режим, установленный в школе. Кроме того прошу считать пансионером округа воспитанника вашей школы Михаила Сокольского». '

Таким образом, всего будет наших учеников девять человек. Нарочно не довожу до разрешенного мне в 10 человек штата из опасения, как бы не выйти из установленного кредита, так как цены в Японии растут, а на

увеличение отпуска денег рассчитывать трудно. На обратный путь уволенным вами в отпуск (на каникулы) воспитанникам приказал выдать по 30 рублей, и они выезжают в Токио вместе с вновь посылаемыми мальчиками 29 августа нашего стиля.

Из Хабаровска также, вместо возвращенного воспитанника, прислан в семинарию после минувших каникул другой, более надежный.

Я говорю это о казенных русских воспитанниках в семинарии, которых из Харбина ныне 9 и из Хабаровска 4.

Но есть, кроме того, несколько воспитанников частных, попавших в семинарию совершенно неожиданно для нее.

1906 год. 27 августа является в миссию рыбопромышленник из селения Рыковского на Сахалине, С.Г. Юркевич, в сопровождении двух сыновей 15 и 12 лет, и убедительно просит принять их в семинарию. Приняли. Младшего сына Юркевич, по прошествии года, взял обратно, по малоспособное™ его к ученью; старший и теперь здесь учится.

1907 год. 24 августа ротмистр И.М. Комаровский из Харбина просил принять его племянника М. Сокольского, сына коллежского секретаря, в семинарию. Принят. Ныне он, как выше сказано, присоединен к казенным харбинским воспитанникам.

1907 год. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглый сирота, с письмом от своего опекуна, учителя новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств.почетного гражданина В.П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. Принят.

1908 год. 31 августа также совсем неожиданно явился с Сахалина мальчик Гавриил Журавлев, с прошением от своего отца, крестьянина Александровского поста, принять его в семинарию. Принят.

Всего частных воспитанников ныне в семинарии 3. И в будущем угрожает ей возрастание сего числа. Г. Костров от 24 августа 1908 года пишет мне: “воспитанник В. Ощепков после каникул снова возвращается в вашу обитель. Год, проведенный в духовной токийской семинарии, конечно, сказался. Мальчик своим корректным поведением и умением держать себя в кругу взрослых произвел очень хорошее впечатление на всех знакомых. Вообще он и Юркевич так расположили к себе сахалинцев, что многие думают у вас воспитывать своих детей. Слова эти не лесть, а дань того, что дает токийская семинария”.

Итак, ныне в семинарии всех русских воспитанников 16, при 54 японских. К счастью, все русские воспитанники ныне ведут себя вполне корректно; оттого между ними и японскими сверстниками не возникает

никаких недоразумений и столкновений, и живут все в полном мире и товарищеской дружбе.

Но я должен откровенно признаться, что русские воспитанники составляют для семинарии немалое неудобство. Семинария имеет свою строго специальную цель—воспитывать служителей церкви; программа преподавания в ней ответственна своей цели, корпорация наставников приспособлена к сему. И вдруг для тех же наставников совершенно постороннее дело: учить русских японскому языку и сопряженным с сим предметам — японской географии, истории, писанью китайских иероглифов и т.п.! Когда русские усвоят японский язык настолько, что их можно присоединить к соответствующему их знаниям классу японских учеников, тогда неудобство прекращается, уроки одинаковы для всех. Но ведь когда же они присоединятся, особенно при таком розничном поступлении в школу! Думаю, что указанное неудобство понятно для всех. Но прошу принять во внимание, что корпорация наставников семинарии не тяготится этим неудобством и не ропщет на него, а со всею готовностью делает для русских воспитанников все, что требуется, и это с единственною, ясно сознаваемою целью, насколько силы позволяют, делать дело несомненно полезное для России и для закрепления ее добрых отношений к Японии. Этим сознанием только и вознаграждается для наставников их труд, в материальном отношении можно сказать бескорыстный. Положено, правда, с воспитанников по 2 ены в месяц за специальные уроки для них; но эта малая сумма, разделенная на всех преподающих им учителей, разве может быть названа вознаграждением? В пользу же собственно миссии от всех воспитанников не поступает ровно ничего; скорее от миссии перепадает на них, при трудности с точностью рассчитать, по причине колебания цен, сколько именно составляет ежемесячное содержание каждого, а только это содержание и присылается на них, со включением того, что требуется на одежду, обувь и мелочи.

Теперь о том, как смотрят японцы на обучение русских воспитанников в здешней семинарии. Совершенно противоположно тому, что пишет о сем г-жа Г-ская: смотрят дружески, благоприятно. Никому из нас здесь не приходилось ни слышать, ни читать в газетах что-нибудь недружеское об этом; напротив, всегда и всеми выражается удовольствие, что вот и русские начинают изучать японский язык. Сколько раз и от скольких газет приходили репортеры повидаться с нашими мальчиками, расспросить их, как нравится им жизнь в Японии и т. под., и потом в самых симпатичных чертах описывали их и цель их обучения! Снимались с них фотографии и помещались в печати, и всегда с самыми добрыми речами о них, или по

поводу их. Раз только пришлось встретить в газете порицательный отзыв о русских учениках, но это по поводу дурных поступков вне школы тех учеников, которые потом были выключены из семинарии. Воспитанники японских школ, даже из провинций, вступают с ними в товарищескую переписку; кадеты хороших фамилий заводят знакомство с ними. В прошлом году, в одно воскресенье, маршал маркиз Ояма, главнокомандующий японских войск в минувшую войну, прислал в миссию пригласить одного из русских воспитанников в гости к своему сыну кадету; Т. Юркевич, хорошо говорящий по-японски, отпущен был и провел день в доме маркиза, в дружеском общении с его сыном, на что лучше доказательства, что японцы к русским воспитанникам в семинарии относятся так хорошо, что лучшего и желать нельзя?

Считаю нелишним исправить и следующие неверности.

Г-жа Г-ская пишет: “много поколений японцев выучились в миссии русскому языку”; “японцы смотрят на миссию благосклонно лишь потому, что она является школою русского языка”, и прочее в сем роде. Все это не соответствует истине. Миссийская семинария никогда не задавалась и не думала задаваться целью воспитывать знатоков русского языка. Русский язык в ней преподается, во-первых, потому, что духовные учебники до сих пор еще не все переведены на японский язык и ученики в старших классах должны готовить уроки по русским учебникам, хоть отвечают их по-японски; во-вторых, потому, что для служителей церкви здесь должна быть открыта русская духовная литература. И потому кончающие здесь курс семинарии русскую книгу читают, но говорить по-русски не могут. Если встречаются во Владивостоке и в других местах хорошо говорящие по-русски из учившихся в семинарии, то они приобрели это практикой, по оставлении семинарии или церковной службы, уже без всякого отношения к миссии и семинарии; но это редкие случайности — их можно перечесть по пальцам; и если бы только они составляли знатоков русского языка для Японии, то Япония не больше бы знала русский язык, чем Россия японский. Не от миссии здесь широкое знание русского языка, а главным образом от правительственной школы русского языка, существующей, кажется, с 1871 г.; по крайней мере, когда я поселился в Токио в 1872 году, эта школа уже была налицо и имела десятки учеников. С тех пор до настоящего времени она непрерывно действует, не переставая выпускать более или менее компетентных знатоков русского языка. Правительство всегда озабочивалось иметь для нее, кроме учителей японцев, способных преподавать русский язык, учителей из России и непременно с университетским образованием. Таков и ныне здесь главный профессор

русского языка и русской литературы в правительственной школе, имеющей 67 учеников. Затем, русский язык и до войны преподавался, а ныне усиленно преподается в военных заведениях: военной академии, артиллерийско-инженерном училище, юнкерском училище и кадетском корпусе; преподается он также в коммерческом училище, а в последнее время стал преподаваться и в университете. Словом, широкою волною вливается русский язык в Японию, но уж никак не чрез миссийскую семинарию.

“Выдача от миссии каждому православному японцу от 8 до 10 ен в месяц”, “громовая проповедь в церкви”, “отпадение от православия более 5000 японцев, по прекращении пособия от 8 до 10 ен”, — выдумки г-жи Г-ской, повергающие в изумление. Не японцам дается, а японцы дают: лишь только крестится японец, как он должен участвовать в расходах на церковь. По статистическому листу, приложенному к книжке протоколов собора нынешнего года, значит, что японские христиане за год, с собора прошлого года по собор нынешнего, дали на церковные нужды: 17 859 ен 76 сен. На 30 432 наших христианина это довольно значительная сумма.

Архиепископ Николай. Токио. 12 декабря 1908».

(Газета «Россия», № 953, 31 декабря 1908 года.).

Приложение 3. Из дневников святителя Николая Японского

25.01/7.02.1904. Воскресенье. Здесь в Семинарии учатся японскому языку два русских мальчика из Порт-Артура, чтобы быть потом переводчиками. Приходили спрашивать: «Им уезжать или оставаться?»

Но куда же уезжать? В Порт-Артур теперь и попасть трудно. Притом к кому им там? У одного (Легасова) родителей совсем нет — убиты были в Китайскую войну, а дядя уехал, кажется, в Россию; у другого (Романовского) родители вернулись в Россию. Оба они казачата. Они и сами больше склонны к тому, чтоб остаться и продолжать занятия. Конечно, им трудно будет. Сказал им терпеть и молчать, по пословице: «терпи, казак, атаманом, будешь»; улыбнулись и ушли.

8/21 декабря 1904. Среда. На экзамене в 3-м классе Семинарии по Гражданской Истории; 32 ученика и два русских. Класс хороший, много способных; отвечали хорошо почти все. Русские — Романовский и Легасов идут наравне с японцами; то же самое выучили и почти так же складно говорят, как они.

14/27 июня 1906. Среда. Утром отправлены во Владивосток, чрез Цуруга, из Семинарии воспитанники Феодор Легасов и Андрей Романовский, которых в 1902 г. прислал сюда из Порт-Артура 14-летними мальчиками, чтобы научиться японскому языку и сделаться переводчиками, Адмирал Евг. Ив. Алексеев. Они стали говорить по-японски совершенно как японцы; изучили и письменный язык до чтения газет и нетрудных книг; кроме того, со здешними семинаристами получали общее образование. По сношении моем с Генералом Ник. Ив. Тродековым, командующим войсками на Дальнем Востоке, они назначены переводчиками, один к штабу в Харбине; другой в Хабаровск. Присланы они сюда на два-три года, но пробыли четыре; хотел я довести их до окончания семинарского курса, но им уже наскучило здесь, хотя товарищи были с ними очень хорошо, даже и во время войны обращались с ними деликатно. Жили они здесь в школе совсем по-японски — в японском платье, на японской пище, и были всегда здоровы.

15/28 января 1908. Вторник Ректор Семинарии И.А. Сенума и два главных наставника, кандидаты, Арсений Ивасава и Марк Сайкайси, пришли коллективно просить удалить из Семинарии двух русских учеников из Харбина: Иосифа Шишлова и Александра Айсбренера — за слишком

дурное поведение: начинают ходить по непотребным домам. Все японские ученики возмущены этим и собираются все ко мне прийти требовать исключения их, если я не послушаюсь ректора и наставников. Нечего делать!

Шишлов и Айсбрер отосланы в Йокохаму к военному агенту Владимиру Константиновичу Самойлову, полковнику, для препровождения их в Харбин. Генералу Чичагову я написал, впрочем, что назначение, с которым присланы сюда эти ученики, наполовину исполнено: они могут служить толмачами для устных переводов с японцами.

27марта/9апреля 1908. Четверг. ...Поселилась недалеко от Миссии некая нелегальная русская, госпожа Конде, нравственности сомнительной. Прислала сегодня мне письмо весьма странное, из которого, однако, видно, что один из русских учеников, ныне находящийся в Семинарии, самый возрастной, кажется, развращен ею. Ответил ей, чтобы не принимала русских учеников, но едва ли будет польза. А как пресечь зло — не знаю. Не уследишь за учениками, особенно за отравленными.

16/29 июня 1908. Понедельник. ...В 8 часов мы с Преосвященным Сергием пошли в Семинарию на экзамен. ...экзаменовались 13 учеников русских по японскому языку, причем был Дмитрий Матвеевич Позднеев и о. Петр Булгаков; первый интересовался успехами их по поводу готовимой им брошюры о необходимости знакомства с японским языком у русских; успехи оказались плохими — подбор учеников совсем плохой. Военное начальство в Харбине и Хабаровске хочет приобрести переводчиков, даже и тратится на это, а чтобы прислать способных учеников — не подумало об этом.

18 июня/1 июля 1908. Среда. Был на экзамене Катехизаторской школы по Толкованию Апостольских Посланий и русских учеников по Японской Географии; для последнего приезжал из Йокохамы Дмитрий Матвеевич Позднеев, интересуясь, насколько русские ученики способны усвоить японскую географию на японском языке; оказалось, что очень способны; удивили своими превосходными ответами; изучали географию и отвечали только старшие из них, прибывшие в Семинарию в ноябре 1906 года.

19 июня/2 июля 1908. Четверг. ...В Россию, в Харбин, отправлен один из русских учеников, Владимир Зембатов, родом кавказец, лет 20 детина, исключенный из Семинарии за то, что не подчиняется дисциплине ее.

24 июня/7июля 1908. Вторник. ...Десять русских воспитанников, учащихся в Семинарии, отправлены на каникулы в Харбин, Хабаровск и на Сахалин.

31 августа/13 сентября 1908. Из Владивостока и Харбина военное

начальство не раз просило принять еще русских учеников в Семинарию, и я отвечал отказом; а из Сахалина сегодня является без всякой предварительной просьбы новый ученик, Гавриил Журавлев, прибывший вместе с прежде принятым Василием Ощепковым. Жаль стало отсылать назад. Принял; кажется, мальчик хороший, не наподобие некоторых харбинских и хабаровских сорванцов, которые и служат причиною, что приходится затворять дверь для дальнейших оттуда.

6/19 сентября 1908. Суббота. Как снег на голову — русские новые ученики, прибывающие сюда в Семинарию без всякого предварительного спроса и позволения; прежде один из Сахалина, сегодня трое из Харбина — прибыли вместе с бывшими здесь, возвратившимися после каникул. Нечего делать — надо принимать, хоть и неудобно с такою разнокалиберностью управляться в Семинарии.

28 сентября/11 октября 1908. ...Еще один русский ученик в Семинарию прибыл из Владивостока. Теперь всех 16, и, кажется, все мальчики смирные, не будут в разладе с японскими учениками.

3/16 октября 1908. Пятница. Два русских ученика пришли, плача, жаловаться, что японские ученики их обижают; бьют. Призвал обидчиков: Манабе, дрянного грубого юношу, и Каминага, от которого не ожидал этого, и с гневом выговорил им, что «они живут в русском доме, едят русский хлеб, купаются в благодеяниях России и не являют ни малейшего чувства благодарности за это, признаком чего служит их грубое обращение с русскими товарищами». Выразивши все это, что, кажется, в первый раз пришлось выразить в такой форме, прогнал их. Отвращение возбуждает эта неспособность японцев к благородным чувствам благодарности и подобного.

7/20 октября 1908. Вторник. ...Была опять Горячковская; боялся, что денег попросит в долг, как на днях, но она попросила совсем другого: рекомендаций в Россию к разным лицам (даже к Премьеру Столыпину), чтоб ее оставили корреспонденткой в Японии — будет-де она очень полезна для укрепления дружбы России с Японией. Я даже вознегодовал от такой нелепой просьбы. Кто же меня послушает!

Ивану Акимовичу Сенума сказал, чтобы он не позволял обижать русских учеников в Семинарии. Неделкатно это, но и ему заметил, что японские ученики содержатся здесь на счет, между прочим, родителей тех же учеников, которых они обижают; пусть не являются лишенными чувства благодарности.

8/21 декабря 1908. Понедельник....Едва кончил это письмо, как с поспешностью входит Преосвященный Сергей, бывший с утра на экзамене

в Семинарии по Евангелию, с двумя номерами газеты «Россия», полученными там же, в Семинарии, от Д.М. Позднеева, и взволнованный говорит:

— Нужно сейчас послать телеграмму в газету «Россия», что написанное Горячковской в ней о русских учениках в Семинарии — неправда.

— Что бы ни было там написано, но телеграммой опровергать статью не по средствам Миссии, — говорю я.

— Пусть будет телеграмма на мой счет.

— И вам тратиться не к чему. Оставьте газету; я прочитаю и посмотрю, что надо делать.

В 920-м номере, 20 ноября 1908, на первой странице статья, подписанная «М. Горячковская», под заглавием: «Русские мальчики в Православной Японской Миссии». В статье, действительно, ни слова правды; «мальчиков было 34, из них 23 исключены; японцы притесняют их. Японцы сносили Миссию только потому, что она доставляла им знатоков русского языка, но ныне встревожились тем, что она стала обучать русских японскому языку и прочее. Миссия дает каждому православному японцу в месяц от 8 до 10 ен; а так как в последнее время содержание Миссии из России уменьшили, то разом 5000 человек отпали от Православия». Словом, сплошная выдумка, поражающая изумлением. В следующем номере газеты 21 ноября, Лев Александрович Тихомиров защитил Миссию, нашедши сообщения Горячковской невероятными или маловероятными, но в конце статьи сказал: «Для русской публики было бы желательно получить возможно более подробные данные о Токийском инциденте». Под «инцидентом», очевидно, разумеет гонение на русских мальчиков; значит, и он отчасти верит гонению. Вызов доброго друга Миссии Льва Александровича и побудил меня написать опровержение выдумок Горячковской.

22 января/4 февраля 1909. Четверг. Издатель газеты «Россия», Сергей Николаевич Сыромятников, прислал мне номер 953, от 31 декабря 1908 года, где помещено мое письмо в газету: «Русские воспитанники в Токийской Семинарии». В опровержение выдумок Горячковской. В любезном письме, кроме того, полученном сегодня, господин Сыромятников извещает, что за статью мою и обычный гонорар посылает 40 рублей 20 копеек и приглашает еще писать в его газету, что делать. К сожалению, мне некогда. Приглашает он еще в этом письме господина Сенума писать для «России» «двухнедельные обзоры японской литературы и журналистики». Приглашение это я передал Ивану Акимовичу; но так

часто писать для газеты и у него, конечно, не найдется досуга; изредка же он может, тем более, что жена ему помогать отчасти; как сама писательница, литературу порядочно знает.

11/24 апреля 1909. Суббота. В 1 час пополудни семинаристы пригласили посмотреть их успехи в «дзюуцоо» (или дзюудзю-цу) — борьбе, которая преподается им приглашенным для того учителем, в гигиенических видах, как и гимнастика. Боролись сначала русские ученики, потом японские. Для зрителей мало занимательного, но для них очень полезно; действительно, такое упражнение для всех членов тела, что лучше быть не может. И есть приемы замечательные; например, один был задушен на несколько минут противником через стискивание живота ногами, точно клещами; но это не опасно; задушенного слегка поколотят по спине, и он оправляется.

22 мая/4 июня 1909. Пятница. Был господин Венцель, начальник нашей маньчжурской железной дороги; смотрел русских учеников из Харбина и остался доволен ими.

18 июня/1 июля 1909. Четверг. ...На все экзамены все время вместо меня ходит Преосвященный Сергей и экзаменует отлично — строже, чем я.

22 июня/5 июля 1909. Понедельник. Целый день писал денежные отчеты русских учеников для отправления в их места. 4 из русских учеников сегодня уехали домой, на каникулы. Двое остались здесь по неимению куда ехать.

3/16 июля 1909. Пятница. Внизу наткнулся на двух русских воспитанниц из Владивостока, просивших переводчика. Дал им Василия Ощепкова — в переводчики и провожатые по Токио.

7/20 августа 1909. Пятница. ...Оставшиеся здесь на каникулы двое русских учеников, Василий Ощепков и Трофим Попелев, сделали путешествие на «Фудзисан» и, вернувшись сегодня, преинтересно рассказывали о всем, что видели и испытали, иллюстрируя рассказ принесенными — картой, картинками, камешками лавы и прочее.

29 августа/II сентября 1909. Суббота....Еще просьба принять ученика в Семинарию: Харбинский Генеральный консул ходатайствует за одного. Отбою нет. Совсем надоели. Тотчас же послал отказ с указанием, что здешняя Семинария имеет специальное назначение — готовит служителей для Японской Церкви и что большое количество русских учеников в ней может мешать исполнению этого назначения.

8/21 декабря 1909. Вторник. Генерал Н.М. Чичагов из Харбина пишет, что хотел бы порадовать своих мальчиков (9 чел.), учащихся здесь в Семинарии, подарками в наступающие Рождественские праздники,

спрашивает, сообразно ли будет это с распорядками школы и что бы сделать для них? Я ответил благодарностью за мальчиков и что подарки будут сообразны с суммою, которую он пожалует на это; она будет разделена им поровну, и каждый пусть употребит свою часть как пожелает; будет наблюдено, чтобы все послужило им на пользу и невинное удовольствие.

9/22 февраля 1910. Вторник. До 12/25 февраля 1910. Пятница. Один из 15 учащихся здесь русских воспитанников, из которых 13 воспитываются на казенный счет, присланные сюда военными начальствами из Харбина и Хабаровска для образования из них переводчиков японского языка, — один из Хабаровских, Иван Попов, сын чиновника, учившийся вот уже два с половиною года, всегда прилежно и ведущий себя исправно, вдруг на днях, без всякой посторонней причины, молвил: «Не хочу учиться, надоело жить в рамках» — и бросил все. Сколько ни уговаривали его все мы одуматься и оставить свою затею, — ничто не помогает. Точно как с боровом: стал и ни с места, что ни делай с ним. Приходится выключить его из Семинарии и отправить домой, отписав начальству о сем казусе и неудачном выборе учеников сюда, потому что другой, по болезни, тоже отправится; уже несколько недель лежит и не учится; головокружения, мол, у меня, не могу учиться.

2/15 апреля 1910. Пятница. Уволил из Семинарии и отправил в Харбин одного из русских учеников Емельяна Родионова. Упорно не желает учиться и просится вон. Без должного выбора казачат понасылали.

21 мая/3 июня 1910. Пятница. Написал в Харбин к Генералу Чичагову и во Владивосток к есаулу Ефимьеву, что учащиеся здесь русские из Харбина 8 и из Хабаровска 2 просят на каникулы и просят денег на дорогу, первые по 30 рублей, вторые по 20 рублей, как было в прошлом году. Похвалил их поведение и прилежание и просил исполнить их просьбу. Но умолчал, что успехи их в изучении японского языка — для чего и живут здесь — не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка.

19 июня/2 июля 1910. Суббота. Когда я был на экзамене в Женской школе, по телефону из Посольства известили, что в половине 11-го часа приедет посол на экзамен. И приехал Николай Андреевич вместе с сыном, лицеистом; экзаменовал в Семинарии русских по Японской Географии и хвалил ответы...

22 июня/5 июля 1910. Вторник. Целый день составление приходно-расходных отчетов о содержании русских учеников здесь и отправление

сих отчетов в Харбин, Владивосток и на Сахалин.

Отправились и русские ученики на каникулы по домам. Утром неожиданно прибыл ученик Павел Кузнецов, уехавший в марте домой по болезни и которого я считал выключенным из Семинарии. Но вечером должен был отправиться обратно вместе с другими. Порядочная обуза эти русские ученики. И хоть бы выбирали хороших; почти все малоспособные, иные (как Михаил Сокольский) с дурными наклонностями.

23 сентября/6 октября 1910. Четверг. Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был, с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели посмотреть школы наши; показал Женскую школу и Семинарию, в штоторой ученики показали ему борьбу «дзюдзюцу»; время было после классов: больше видеть было нечего.

8/21 декабря 1910. Среда. Был на экзамене в Семинарии в младшем классе, где 24 учащихся, по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Из русских младшие 5 учились с ними; отвечали плоховато, кроме младшего Плешакова.

...В нынешнем году... в Семинарии 80 (из них русских 18) ...учащихся.

10/23 марта 1911. Четверг. Русских учеников ныне в Семинарии 13; и все ведут себя добропорядочно и учатся хорошо, кроме одного, Михаила Сокольского, с которым нет средств сладить: ничего не делает и постоянно нарушает школьные правила; а назначат наказание — не обращает на это внимания; сколько ни уговаривай — к стенке горох; над всем смеется, в таза лжет; называет школу адом, клянет своего дядю, ротмистра, который четыре года назад определил его сюда. Как ни жаль его и его матери и бабки, но, кажется, придется послушать Ивана Акимовича Сенума, который больше всех терпит от него, и отослать его в Харбин.

15/28 июня 1911. Среда. Утром экзаменовал 2-й класс Семинарии, 12 человек, по Священной Истории; все отвечали хорошо. Экзаменовались с ними и двое русских, из которых Скажутин так хорошо и таким правильным языком отвечал по-японски, что если не смотреть на него, а только слушать — не узнаешь, что говорит не японец.

16/29 июня 1911. Четверг. На экзамене в Семинарии 3-й класс по Церковной Истории преплохо отвечал; а русские ученики, трое, вместе с ними экзаменовавшиеся, совсем плохо. Жаль, что таких малоспособных присылает Харбинский военный штаб, если желает иметь хороших переводчиков; следовало бы выбрать таких, как вчера отвечавший Скажутин, из Хабаровска присланный.

25 июля/7 августа 1911. Понедельник. Послал отчет и свидетельства об успехах русских учеников в Харбин и Владивосток к начальствам их и

на Сахалин к отцу одного.

Приложение 4. Из интервью с учениками В.С. Ощепкова

Нина Филипповна Розанова:

—Сейчас могу что-то перепутать в датах, ведь столько времени прошло, но, по-моему, Василий Сергеевич пришел в институт в 1930 году. Это был потрясающе обаятельный, интеллигентнейший человек. В институте он как-то сразу выделился своей манерой общения — очень культурный был, воспитанный. Мы тогда не знали, что он жил за границей, такие вещи в те времена скрывались, но было видно, что Ощепков явно неординарный человек. Занятия он, кстати, проводил в японском белом костюме. Потом мы узнали, что это называется кимоно.

Я поступила в институт в 1931 году—во время его структурной перестройки. В институт тогда пришли военные. Воинских званий еще не было, но в современном понимании ректором стал генерал, а проректором полковник. Ввели военную дисциплину и войсковую подготовку. В том числе и для женщин: нас всех обучали футболу, хоккею, боксу, а Ощепков учил нас борьбе.

Жили мы все, включая москвичей, в общежитии, утром вставали на поверку, потом на зарядку, на завтрак, на занятия. У тех, кто учился на спортивных факультетах, была своя специализация, а я училась на педагогическом, и нас обучали всему подряд. И вот тут-то я увлеклась самбо и скажу, что личность Василия Сергеевича сыграла в этом определенную роль — с ним было очень приятно и интересно работать.

Познакомилась я с ним на уроке—мы построились, вошел новый преподаватель — очень приятное лицо, крепкий, лысоватый, солидный такой. Я стала тренироваться не только на занятиях, но и вечером ходила на дополнительные тренировки. Со мной было несколько девочек, среди которых самой сильной оказалась моя подруга Галя Шулятьева. Ощепков был с нами исключительно вежлив и внимателен, и мы, конечно, очень любили занятия у него.

...Василий Сергеевич очень много рассказывал о дзюдо всем желающим, популяризировал борьбу. Было видно, что он влюблен в свое дело.

Так прошло два года. Никакой аттестации у нас не было и никаких разрядов нам не присваивалось. Они, по-моему, году в 1935-м только появились... Я как раз тогда окончила институт и осталась в нем работать.

Занималась художественной гимнастикой — в те времена очень модными были парады с участием гимнасток. С Ощепковым мы встречались, конечно, где-то в коридорах института, здоровались, но на тренировки я не ходила — было просто некогда.

Это сейчас, наверно, трудно понять, но в том году арестовывали практически каждый день. В ГЦОЛИФКе были расстреляны почти все руководители, включая ректора. Декан нашего факультета Михаил Тимофеевич Окунев тоже был арестован и расстрелян. Многие писали доносы, и мы это знали. Мы с девочками пошли к одной даме в руководстве института и начали доказывать, что Окунев не мог быть врагом народа, на что она мне возразила: «Вы что-то слишком рьяно его защищаете. А может, вы с ним заодно?» Я оказалась на грани ареста, но в ту же ночь была арестована сама эта дама, и меня гроза миновала.

Такие были времена, и поэтому мы, честно говоря, не заметили, что Василий Сергеевич пропал.

Герц Адольфович Крупкин:

Я познакомился с Василием Сергеевичем Ощепковым в начале 1930-х годов, когда мы начали заниматься дзюдо у нас в институте.

Причем произошло это не в институте, а в какой-то милицейской школе, кажется. Где-то на Хитровке (в Центральной высшей школе рабоче-крестьянской милиции, располагавшейся в здании Ивановского монастыря близ Хитровки. —А.К). Он давал там уроки самозащиты милиционерам. Основным учеником Ощепкова и, как мне кажется, доверенным лицом, был Николай Галковский. Он был на курс старше меня, то есть выпускался в 1934 году, и в этой самой милицейской школе они преподавали вдвоём, и Галковский ассистировал Ощепкову. Наш курс был первым четырёхгодовичным после трехгодовичных, и набирали на него только пролетариев, невзирая на возраст, так что сорокалетние студенты были у нас совсем не редкостью. Были даже студенты — ровесники самого Ощепкова — 1890-х годов рождения. Естественно, курс был очень необразованным: с семью классами школы ребят было очень мало. Но это не учитывалось, главное, чтобы был рабоче-крестьянского происхождения. Более того, для неграмотных студентов в институте даже создали ликбез, как ни странно это звучит сегодня.

Я это вам рассказываю не случайно. Сами понимаете, спустя семьдесят лет Ощепкова я помню смутно, но вот впечатления от общения с ним очень живы, и впечатления эти превосходные! Василий Сергеевич даже внешне выделялся в нашем институте: стройный, подтянутый, с ярко выраженной интеллигентностью в облике. Он был роста выше среднего,

мощного телосложения, но резкий в движениях — завалить мог любого. Обладал очень большой физической силой. Я отчетливо помню, как он выдергивал меня из ковра в воздух одними руками. Резко делал захват, подсечку — и ты уже летишь в воздухе! Но самое главное, мне кажется, он был очень добрым человеком, исключительно вежливым, никогда никому не грубил и этим резко выделялся на «пролетарском фоне» института. Могу даже сказать, добродушный он был человек. Хотя, естественно, друзьями мы не были и особенно близко не общались.

... До встречи с вами, до тех пор, пока вы не рассказали мне о его судьбе, я был абсолютно уверен, что видел Ощепкова после войны. Помню, шло какое-то собрание в актовом зале. Я его там увидел и даже сказал кому-то об этом: вот, мол, Ощепкова выпустили! Наверно, ошибся...

Приложение 5. Из статьи Б. Кандидова «Церковные шпионы японского империализма»

Церковь, испытанный союзник и орудие всякой реакции и контрреволюции, является для иностранной, в частности японской, разведки одним из резервов ее шпионских и диверсантских «кадров».

В истории японского шпионажа особую роль выполняла и выполняет японская православная церковь, существующая в Японии с 1858 г. Она возникла в результате миссионерской деятельности православных попов, посланных царским правительством в Японию для шпионажа и укрепления влияния российского империализма.

Японское правительство вполне терпимо относилось к этой организации царского шпионажа, так как японские православные попы охотно «совместительствовали» в японской разведке, оказывая и ей свои шпионские услуги.

После победы советской власти их двойная служба окончилась, и они целиком «посвятили» себя японским хозяевам. Начиная с 1917 г. японские православные попы активно борются против советской власти и ведут гнуснейшую контрреволюционную и шпионскую работу.

По заданию епископа Сергия японский православный поп Симон Мий осенью 1917 года поехал в Россию, чтобы установить контакт с всероссийским церковным собором — главным центром антисоветской религиозной организации. Он передал пленуму собора пожелания успеха от японцев, а собор в свою очередь через японского попа приветствовал японскую церковь.

Несколько позже, когда японская военщина уже приступила к оккупации нашего Дальнего Востока, Симон Мий, этот шпион в православной рясе, вместе со своим сообщником, тоже японским попом Павлом Морита, приезжал в Сибирь по поручению японских капиталистов и военной разведки. Выполняя задание японской разведки, эти попы выпустили воззвание, опубликованное в ноябре 1918 года в церковном журнале «Известия по омской епархии». В этом воззвании шпионы заявляли, что они приехали с целью выразить всем православным «сердечное соболезнование» от имени японской церкви, оказать им «посильные услуги» и «послужить делу укрепления дружественных отношений». В какой же форме тогда выражались «дружественные отношения» японских генералов и их «посильные услуги» населению

Сибири? Еще в ноябре 1917 года японские крейсера вошли во Владивосток, 5 апреля 1918 года был высажен первый десант, 4 августа—второй десант. «Посильные услуги» японской военщины выразились в отправке сотысячной оккупационной армии, обильно снабженной пушками, снарядами, патронами, бомбами, гранатами.

Свою грабительскую политику интервенции в советской Сибири японская военщина прикрывала лживыми и лицемерными заверениями о своем желании «помочь святым элементам России объединиться против грабителя земли и души — немца—и восстановить на святой Руси мир и порядок».

Сейчас, когда германский и японский фашизм так трогательно подружились и закрепили эту дружбу особым официальным договором, японским генералам, вероятно, даже неприятно вспоминать о том, что устами своих шпионов они не так еще давно называли своих теперешних друзей — немцев — грабителями. Но ни для кого не секрет, что не в немцах было дело, когда японские империалисты пошли вооруженным походом против советской власти. Цель японской оккупации была совершенно определенная и ясная: империалистический грабеж и захват советской Сибири.

В тот период весь аппарат японской православной церкви проводил самую разнообразную антисоветскую и шпионскую работу, а глава миссии епископ Сергей давал тайной полиции сведения о приезжавших в Японию эмигрантах.

Очень многие японские православные церковники были мобилизованы для службы в частях оккупационной армии, действовавшей на территории Дальнего Востока.

Бывший белогвардейский генерал Болдырев, член Уфимской эсеровской директории, посетивший Японию в 1919 году и впоследствии служивший интервентам на Дальнем Востоке, в своих воспоминаниях пишет: «Воспитанники Суррагадайской семинарии, получившие образование за счет миссии... командированы переводчиками в японские полки, находящиеся в Сибири, где благодаря недурному знанию русского языка оказывают немалую услугу по изучению столь интересующего японцев материка».

В действительности услуги, которые японские церковники оказывали оккупационной армии, выражались не только в «изучении материка», но также в самой разнообразной шпионской деятельности и содействии войскам. Благодаря знанию русского языка и своему церковному званию японские православные попы устанавливали нужные связи, собирали

шпионские сведения, активно участвовали в борьбе с партизанским движением, помогали японским генералам в составлении и распространении лицемерных воззваний «о сочувствии». Сам начальник японского генерального штаба генерал Уехара говорил тогда Болдыреву, что в японской оккупационной армии духовенство выполняет «большую работу».

Японские попы участвовали в нападении японских войск на партизанские части 4—5 апреля 1920 года во Владивостоке, Нижне-Уссурийске, Хабаровске и многих других городах. Японские войска при участии попов устраивали в те дни кровавые погромы в рабочих кварталах, убили тысячи рабочих и крестьян Дальнего Востока.

Епископ Сергей имел тесную связь с атаманом Семеновым. Японские православные попы получали у Семенова деньги на японское православие и ездили к нему с различными поручениями от японских фирм.

На протяжении всей своей дальнейшей истории японское православное духовенство ведет гнусную работу продажных шпионов и разведчиков, широко пользуясь испытанным средством всякого шпионажа — ложью и лицемерием. Достаточно сказать, что после захвата японскими войсками Маньчжурии епископ Сергей возвестил открытие «земного рая» на маньчжурской земле. Этот «рай», как известно, строится пушками и кровью. В таком «строительстве» религиозные организации всегда помогают своим хозяевам.

Наряду с использованием японских православных попов японская разведка вербует шпионов и среди русских православных попов, считая их шпионскую работу особенно эффективной и ценной.

Свою вербовочную работу среди православных русских попов японская разведка проводит с начала текущего столетия. Уже тогда некоторые попы охотно служили ей в качестве шпионов. Знаменитый провокатор поп Талон, выполнял шпионские поручения японской разведки, которая оплачивала его «услуги» через японского военного атташе в Стокгольме.

После Великой пролетарской Октябрьской революции агенты японского империализма, организаторы шпионажа, встречали самое сочувственное отношение со стороны православного духовенства. Попы Симон Мий и Павел Морита получили от сибирских епископов и попов документ, в котором последние приветствовали выступление японских империалистов против советской власти, благословляли высадку японских войск на Дальнем Востоке и восхваляли «доблесть» японского оружия.

Вербовку в шпионы и организацию церковно-шпионских гнезд

японская агентура проводила очень тонко. В Японии был создан «Комитет по оказанию продовольственной помощи населению Сибири». Путем ничтожных подачек широко рекламировалось японское «благородство» и попутно устанавливались широкие агентурные связи. Сибирские православные попы, по поручению японского командования, раздавали населению по особым билетикам куски мыла, или носки, или по два кило сахарного песка. После раздачи попы произносили проповеди, в которых восхваляли «доброту» японского командования и советовали подчиниться оккупантам.

В Забайкалье во время японо-семеновской диктатуры местные попы стали шпионами семеновской контрразведки. Это было раскрыто органами ОГПУ в 1923 году, уже после установления советской власти на территории всего Дальнего Востока.

Газета «Дальневосточный край» (№ 11 за 1923 г.) в статье «Епископ и забайкальский епархиальный совет — семеновские контрразведчики» сообщала:

«Местным отделом ГПУ, арестованы епископ Сафроний (бывший протоиерей Сергей Старков) и секретарь забайкальского епархиального совета Анатолий Попов.

Арест вызван фактом участия Сафрония и Попова в работе семеновской контрразведки. Сафронию при аресте предъявлен был документ, подлинность которого ни он, ни секретарь епархиального совета не отрицают».

На суде выяснилось, что, по специальному распоряжению забайкальского епархиального совета, все духовенство в обязательном порядке привлекалось к делу сыска и белогвардейского террора. Были установлены специальные штаты, церковные инструкторы по политическому сыску разъезжали по епархии, давали указания попам-шпионам и собирали сведения для передачи японским оккупантам и семеновским бандитам. На основе этих сведений организовывались жестокие расправы, пытки и убийства восставших рабочих. Церковные богослужения и на этот раз служили только ширмой для контрреволюционной, шпионской деятельности православного духовенства.

В лице попов японские оккупанты имели своих послушных агентов. Это признали и сами обвиняемые.

Один из главных обвиняемых на вопрос судьи, признает ли он, что духовенство служило японским оккупантам и семенов-цам, ответил: «Признаю».

В свою очередь, агент японских палачей—атаман Семенов за свою белобандитскую деятельность получил высшую церковную награду: иерусалимский патриарх Дамиан наградил его званием «кавалера святого гроба господня» и прислал ему золотой крест «на александровской ленте с подлинной (!) частицей животворящего гроба господня». За золото японской разведки церковники окружали палача и бандита ореолом святости.

Бандит Семенов получил и другую награду; магометанское духовенство Аравии прислало Семенову в 1919 году «орден святого Магомета» и присвоило ему звание «святого защитника религии, науки и права».

Так японские оккупанты, иерусалимский патриарх, магометанское духовенство и православные попы дружным хором прославляли палача сибирских рабочих и крестьян.

После разгрома колчаковщины и освобождения Дальнего Востока от японских оккупантов около 100 тыс. белогвардейцев эмигрировало в Маньчжурию. Органы диктатуры рабочего класса изгнали из нашей страны вместе с бывшими офицерами, чиновниками, помещиками, купцами, кулаками, всевозможными бандитами и их церковных соратников — тех православных, старообрядческих, магометанских, ламаистских церковников и сектантских вожakov, которые принимали активное участие в борьбе против советской власти и Красной Армии и оказали немало услуг японским оккупантам.

Свой главный притон белые эмигранты устроили в Харбине. Несколько тысяч поселилось недалеко от советских границ, в районе Трехречья. Вся эта свора давала китайским и японским генералам столь нужные им кадры для проведения налетов на советские учреждения, для антисоветского шпионажа, террористических и диверсионных актов.

Церковные черносотенцы и погромщики, активные участники белогвардейских банд, занимали далеко не последнее место среди этой братии. Шпионаж, клевета, фабрикация фальшивок, распространение антисоветской литературы, проповедь с призывами к вооруженной борьбе против советской власти, религиозная подготовка вооруженных налетов и нападения на советских граждан — все эти средства пускают в ход церковные эмигранты в своей бандитской, контрреволюционной деятельности...

Неопровержимые факты и тщательное расследование показали, что церковники-эмигранты в Харбине и других частях Маньчжурии принимали и принимают живейшее участие в организации погромной работы

фашистов.

Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. церковники помогали продажным китайским генералам и белогвардейцам во всех их наглых, провокационных действиях против СССР, в закрытии советских учреждений, организации антисоветских банд, налетов и т.д. Епископ Мефодий участвовал в белогвардейском «Комитете действия». Во всех харбинских церквях служили молебны о «даровании победы» белогвардейским бандам. Духовенство организовывало фашистские отряды «крестоносцев» — налетчиков и бандитов. Старый японо-белогвардейский агент епископ Нестор объезжал линию КВЖД и призывал белогвардейцев к вооруженному походу против советской власти. Представитель епископа Нестора — протодиакон Матвеев приезжал в Трехречье и на привезенные деньги вербовал белобандитов — налетчиков и шпионов...

Что касается православного духовенства, то оно поспешило, по сообщению японского агентства «Ниппон Демпо», даже вести переговоры со штабом Квантунской армии (японской оккупационной армии в Маньчжурии) о создании этого вожделенного белогвардейского государства. Японо-белогвардейские планы, как известно, не осуществились. Руки оказались коротки!

«Религиозная программа» японской разведки встречала и встречает поддержку со стороны ряда церковников и сектантов, мечтающих о свержении советской власти и реставрации капитализма. Через своих агентов японская военщина много раз оказывала материальную под держку религиозным организациям, которые она совершенно правильно считает одним из надежнейших орудий реакции и контрреволюции...

Церковники и сектанты нашего Дальнего Востока оказывали и оказывают всяческое сопротивление мероприятиям советской власти по укреплению и развитию дела социализма.

Нападение японских войск на советские границы неоднократно сопровождалось антисоветской агитацией церковников, заявлявших, что скоро будет война с Японией, и призывавших крестьян срочно выписываться из колхозов...

Из всех этих фактов мы должны сделать четкие выводы. Надо помнить, что враги советского народа пользуются самыми разнообразными средствами для создания своей шпионской агентуры, для использования шпионских организаций в борьбе против страны социализма и советского народа. Наша бдительность должна быть во сто крат усилена также и на антирелигиозном фронте. Мы должны научиться распознавать и своевременно разоблачать шпионскую, диверсионную и вредительскую

работу церковников. Систематическая антирелигиозная работа — важнейший участок борьбы за новые победы социализма, за еще большее процветание нашей прекрасной родины.

(«Спутник агитатора» № 14 за 1937 г. С. 24—27.)

Приложение 6. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00593

гор. Москва 20 сентября 1937 г. № 00593

Органами НКВД учтено до 25 000 человек, так называемых «харбинцев» (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза.

Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности.

Доказательством этого могут служить также и следственные материалы. Например, на железнодорожном транспорте и промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность до 4500 харбинцев. Следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполнявшуюся работу японской разведки по организации на территории Советского Союза диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев.

Рассылая при настоящем приказе закрытое письмо о террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев, в целях разгрома насажденных на транспорте и в промышленности СССР шпионских кадров из харбинцев

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 1 октября 1937 года приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

2. Аресту подложат все харбинцы:

а) изобличенные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы Гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры,

меньшевики и др.);

г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований;

д) участники разных эмигрантских фашистских организаций («Российский общевойсковой союз», «Союз казачьих станиц», «Союз мушкетеров», «Желтый союз», «Черное кольцо», «Христианский союз молодых людей», «Русское студенческое общество», «Братство русской правды», «Трудовая крестьянская партия» и т.п.);

е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Маньчжурии японцами, так и после образования Маньчжоу-Го;

ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма ЧУРИНА и друг.);

з) окончившие в Харбине известные курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»;

и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.);

к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов;

л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство;

м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т.п.;

н) участники контрреволюционных сектантских группировок.

3. Аресты произвести в две очереди:

а) в первую очередь, арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

б) во вторую очередь — всех остальных харбинцев, работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч.

4. Харбинцев, не подпавших под перечисленные в пункте втором категории, независимо от наличия компрометирующих данных, немедленно удалить из железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также из промышленных предприятий, приняв одновременно меры к недопущению впредь на эти объекты.

5. Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и

групп.

Выявляемую в процессе следствия харбинцев новую сеть шпионов, вредителей и диверсантов — НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ.

6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:

а) к первой категории — отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу:

б) ко второй категории — всех остальных, менее активных харбинцев, подлежащих заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет.

7. На харбинцев, отнесенных в процессе следствия к первой и ко второй категории,—ежедекадно составлять альбом (отдельная справка на каждого арестованного), с конкретным изложением следственных и агентурных материалов, определяющих степень виновности арестованных.

Альбом направлять в НКВД СССР на утверждение.

Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производится на основании агентурных и следственных данных — Народным Комиссаром Внутренних Дел республики — начальником УНКВД, области или края, начальником ДТО ГУГБ НКВД совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги.

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение — НЕМЕДЛЕННО.

9. Освобождение из тюрем и лагерей ранее осужденных харбинцев, отбывающих наказание за шпионаж, диверсию и вредительство, — ПРЕКРАТИТЬ.

На этих лиц представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР.

10. Операцию по харбинцам использовать для приобретения, квалифицированной агентуры, приняв меры к недопущению в секретный аппарат двойников.

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года.

12. В отношении семей репресслируемых харбинцев руководствоваться моим приказом № 00486 от 15 августа 1937 года.

13. О ходе операции доносить мне по телеграфу каждые пять дней (5,10,15,20,25 и 30 числа каждого месяца).

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР — Генеральный Комиссар Государственной Безопасности ЕЖОВ

Приложение 7. Из допроса Юркевича Т.С.

Орфография и пунктуация оригинала. Выпущены отдельные зачеркнутые слова. Зачеркнутые предложения оставлены наравне с вписанными поверх них. Подчеркивания разной толщины и двойные подчеркивания — как в оригинале.

«Показания обвиняемого Юркевича Трофима Степановича. 27 марта 1938 г.

В 1929 г. я был завербован японцем Суйяма (фамилия в оригинале обведена — А.К.), инженер на Казанской железной дороге. Он просил сообщать сведения о политико-экономической жизни страны. Его интересовали вопросы: провозоспособность железных дорог, политические настроения и др. вопросы хозяйственной жизни. По первому вопросу эти сведения ему давались железнодорожниками, которые с ним работали на Казанской жел. дороге. По второму вопросу я давал ему сведения в виде отдельных сводок. В частности его интересовали вопросы ~~об отношении~~ населения к политике правительства. ~~О том, какое имеется среди населения~~ недовольство и чем оно вызвано. ~~Обеспеченность населения товарами и др.~~ продуктами. О емкости рынка. Обеспеченность рынка сырьевой базой. О возможности выхода на советский рынок японских товаров и возможности развития и укрепления советско-японских отношений торговых отношений.

Я сначала от этого отказывался, но после он все же привлек меня. Методом обработки была провокация. Воспользовавшись моей болтливостью, он запомнил некоторые факты сообщенные ему в разговоре (сюда относится сообщение о количестве студентов Наримановского Института). Я понял, что я уже в его руках и отступать поздно. Я согласился. Кроме того, Суйяма сообщил мне, что по вопросу диверсионного характера существует организация, созданная в Институте им. Нариманова возглавляемая корейцами-преподавателями—Тен (обведена в оригинале. —А.К.), и другими, Пак (обведена в оригинале. — А.К.) Павел^[265], Ли, хорошо известный и связанный с Суйяма (написано сверху. —А.К.), и чтобы я с ними связался, если мне потребуются помощники.

Я увязался в своей шпионской деятельности с преподават. Ощепковым, Плешаковым (дописано сверху. — А.К.), Пакком. Ли Павлом, Горбштейном и др. (дописано сверху. — А.К.). Они давали мне нужные

сведения по полученным мною шпионским заданиям (дописано сверху. — А.К.). Кроме того, мне оказывали в том же содействие Ким Роман Николаевич и его жена Пин Мария Самойловна. У них я бывал на квартире. За получением той же шпионской информации я бывал у некоего Крылова, б. офицера и его товарищей из Москвы (дописано сверху. — А.К.). Полученные от них шпионские сведения я иногда сам относил на квартиру Суйяма, а иногда за ними ко мне приходил на квартиру секретарь японского консульства посольства Юхаси непосредственно, с которым был связан и находился в подчинении Суйяма. Шпионская деятельность субсидировалась Юхаси и Суйяма в зависимости от ценности заключающихся в сведениях для них ценностью. Много получались от них деньги в 500 и 1000 рублей. Так продолжалось до 1933 года. В этом году меня отстранили за непригодностью от преподавания японского языка в Институте Нариманова. Узнав об этом, Суйяма предложил мне воспользоваться случаем и поехать на работу в Дальневосточный Университет, с тем, чтобы информировать его и по Дальневосточному краю. Будучи озлоблен против советской власти, я принял это предложение. Но вскоре же по приезде во Владивосток, я был арестован органами ОП1У. После моего освобождения я через некоторое время получил от Суйямы письмо, в котором он, угрожая мне раскрытием моей шпионской деятельности, требовал от меня продолжения ее. И указал, что сведения эти я должен передавать в японское консульство, что я и выполнял. Поскольку и здесь для получения тех или иных сведений нужны были соответствующие люди, мне пришлось и здесь кое кого завербовать. Так я завербовал Клюкина и Овидиева^[266] — антисоветски настроенных (дописано сверху. — А.К.) преподавателей Университета. Средства на это дело отпускались японским консульством. Кроме того, мне было предложено японским консульством приступить также к организации диверсионной группы по подрыву мостов и порче железной дороги и на производстве (дописано сверху. — А.К.). Мною были завербованы Для этой цели также антисоветски настроенные я занялся подыскиванием тоже соответствующих людей на соответствующих местах. Мною были завербованы Для этой цели этого Воронин- служащий Рыбного управления во Владивостоке, как человек антисоветски настроенный, бывший за границей в Японии. Зобнин, преподаватель яп. языка на курсах переподготовки комсостава, к нему я заходил и он выбалтывал мне нужные сведения (дописано сверху — Л.АГЛК) Кроме того, служащий магазина ГУМ Краенюшина. Им были даны директивы производить

диверсионные акты. Мною упущена в настоящем показании еще фамилия Бирич^[267]. жена коммуниста, работающего во Внешторге. Она своей болтливостью давала мне возможность использовать ее для получения нужных мне сведений. Кроме того, она бывала часто в доме Кима, где ее также обрабатывали и выуживали сведения по моей просьбе. Так продолжалось ... (неразборчиво), так напр. Было на IV курсе (курс был недостаточно подготовлен, но я его пичкал большим количеством материала и, естественно, он не справлялся с ним. В преподавании военной терминологии пользовался довольно устарелыми учебниками. Учебник *яп. языка* (дописано сверху. —А.К.) составлявшийся по заданию кафедры мною составил так *неудачно* (дописано сверху— А.К), что его забраковал Главлит г. Владивостока и он остался неизданным. К вредительской деятельности были привлечены и завел. Кафедрой *яп. языка* доп. Овидиев. Феклин^[268] (преподаватель), японка преподавательница Хопкинс^[269] (дописано сверху. —А.К). Вредительская деятельность на кафедре, проводимая доцентом Овидиевым выражалась в игнорировании многих из современных методов, которые могли бы дать гораздо больше эффекта в случае их применения. Кроме того, Овидиев сознательно тормозил составление и продвижение к печати учебников для японского отделения Восточного Факультета. Овидиев культивировал на факультете враждебные отношения к корейским нацменьшинствам. Кроме этого, на факультете были враждебно настроенные к советской власти преподаватели Маракуев^[270]. приехавший из Харбина. Харнский. бывший офицер^[271]. Они довершали общую картину вредительства на факультете. Сюда же следует отнести б. декана Войлошникова. как б. офицера и вредителя^[272].

~~...неразборчиво от 1937 г., когда я заболел и приехал лечиться в Москву: То так как Суйяма давно уже давно уехал из Москвы в Токио и связь с японским консульством оборвалась.~~

За это время мною было передано много материалов по линии поручений *экономического характера* (дописано сверху. — А.К), дававшихся непосредственно мне и добытых через всех вышепоименованных лиц, мною либо завербованных, либо использованных по причине их болтливости. ~~В частности были переданы~~ Что касается лично меня моей шпионской деятельности, то мною *лично* (дописано сверху. — А.К) были добыты ~~сведения~~ и переданы Суйяме сведения о ~~степени обеспеченности сырьевым рынком~~ емкости рынка и вытекающей из этого возможности торговых взаимоотношений между Японией СССР и Японией, составленных по материалам добытых

нелегальным путем через завербованных мною лиц. Работа по диверсии во Владивостоке ... (неразборчиво. — А.К.) ~~носила—еще—только~~ организационный характер, но в жизнь претворена не-была. Так, например; на ~~рыбных~~ управлениях (неразборчиво. —А.К.) ...носила подготовительный характер. Нужно было отыскать больше людей, но у меня было сравнительно мало времени, так как я попутно вел свою основную работу в Государственном Университете в качестве преподавателя японского языка и занимался вредительской деятельностью. Это выражалось в том, что я умышленно, напр.. загружал студентов требованиями, превосходившими их возможности.

На других факультетах: химическом, физико-математическом также были вредители, как например: преп. Юшкевич (химик)... *(неразборчиво. — А.К.)*, Грачев (химик) (оба по слухам арестованы).

~~Еще не~~ упомянул я о своей работе в качестве преподавателя японского языка на курсах переподготовки комсостава во Владивостоке. Здесь я был связан шпионской деятельностью с японцем Бадмаевым, который в свою очередь состоял агентом шпионом в пользу Японии. Здесь инициатива принадлежала ему. По выходным дням он собирал обычно у себя на квартире некоторых из курсантов, угощал их вином и незаметно выуживал из них нужные ему военные ~~знания~~ сведения (дописано сверху. —А.К). То же самое он проделывал и в классе во время уроков. По слухам он был арестован и больше я о нем никаких известий не имею. На этих курсах я пробыл до момента моего ареста органами ОГПУ в Владивостоке.

Подпись: Юркевич

Допросил: Зам. нач. 2 отд. 3 отд. УНКВД по МО

Лейтенант госуд. Безоп. И. Вершинин».

Приложение 8. Из статьи К. Винокурова «Некоторые методы вражеской работы в печати и наши задачи»

...На титульном листе учебника значится: «Одобрено в качестве учебного пособия кафедрой японского языка Институт востоковедения им. Н.Н. Нариманова». Во II части этого учебника 21—22-й уроки называются «Японская армия». В действительности в этом уроке, построена на диалоге двух японцев Симада и Танака, речь идет о Красной армии. Причем с первых же слов разговор переводится на узко специальные вопросы вооружения... Красной армии: в кавалерии, артиллерии, авиации и т.п. Приведем этот поучительный диалог, чтобы показать, к каким ухищрениям прибегает враг или пособник, используя печать в своих контрреволюционных целях:

«Симада. Я слышал, что механизированные части Красной армии первые в мире?»

Танака. Это правда. Не только механизированные части, но и воздушный флот и кавалерии первые в мире.

Симада. Разве, по словам недавнего докладчика, Красная армия НЕ устраивает на советско-маньчжурской границе крепостей, траншей и проволочных заграждений?

Танака. Так как японские империалисты очень часто нападают на границы Советского Союза, то укрепление его границ—обыкновенная вещь. Усиление Красной армии вовсе не означает агрессии. Она существует для мира, для обороны государства и для защиты диктатуры пролетариата. В противоположность этому усиление японским правительством армии и флота производится только потому, что оно намерений напасть на другие государства.

Симада. Если бы Красная армия была слаба, то (я) чувствовал бы себя беспокойно, но если считать, что она первая в мире, то тогда (я) действительно спокоен. Между прочим (кстати), говорят, в кавалерии имеются кавалерийские группы и дивизионная кавалерии. Каковы их задачи?

Танака. Кавалерийские группы используются (употребляются) главным образом стратегическими, они ведут разведку на большом расстоянии и, как большие быстро действующие войсковые группы, ведут

бой. В противоположность этому дивизионной кавалерии пользуются для разведки на близких расстояниях и небольшого конного боя, но вместе с тем в зависимости от обстановки дивизионная кавалерия принимает участие и в пешем бою так же, как пехота. Артиллерия делится на полевую, осадную и крепостную. В полевой артиллерии и орудий много, и ей предоставляется много случаев для боя. Тяжелая артиллерия как крепостная защищает морские крепости и главным образом ведет совместные боевые операции с флотом.

Симада. Между прочим, разве авиационная техника в СССР не делает очень больших успехов?

Танака. Это правда. Как я сказал раньше, воздушный флот советской Красной армии самый сильный в мире. Мои товарищи в Москве, на Красной площади, в день 1 Мая, как говорят, видели, что летали 700—800 самолетов, и что большие танки мчались со стремительной быстротой. Говорят, что когда видишь это, то действительно чувствуешь себя спокойным.

Симада. Хотелось бы поехать в Москву!

Танака. Нам обязательно необходимо знать организацию армии. Как-нибудь расскажу также и в флоте».

Итак, любознательный Симада (сиречь пробравшийся на кафедру шпион), пользуясь любезностью и болтливостью своего собеседника Танака (сиречь простодушного ученика), может получить секретные сведения о Красной армии, причем без особого труда и риска. В самом деле, шпион, маскирующийся преподавателем, заручившись таким учебником, использует эту легальную возможность для шпионажа и уже наверняка попытается расширить диалог в крайних пределах, дополняя его «невзначай», «между прочим» специальными вопросами. Разумеется, вопросы будут задаваться каждому ученику по-разному, с учетом степени болтливости собеседника. Но во всех случаях враг будет пускать в ход все свои коварные ухищрения и провокационные приемы. Скажем, преподаватель — разведчик, шпион, объясняют какой-нибудь военный термин, к примеру, блиндаж, рисует его на доске, причем рисует заведомо неправильно. Таким путем он умышленно вызывает дискуссию, провоцирует учеников, хорошо знающих военное дело, на возражения. Учащиеся начинают в порядке возражения доказывать и наглядно показывать, что, мол, у нас там-то блиндаж строят таким образом, а совсем не так, как показывает преподаватель. Не ясно ли, что описанный выше урок облегчает как нельзя лучше работу японского разведчика и почти полностью гарантирует ему маскировку, так как он целиком использует

легальные возможности для развернутой и оживленной беседы, даже с полемического оттенком, в тактике, стратегии и вооружения отнюдь не японской, а Красной армии?

Приведенные факты достаточно наглядно убеждают нас в том, что печать, как и пропаганда в целом (см. книгу Р. Роуан «Разведка и контрразведки»), может служить и в ряде случаев при нашем попустительстве служит средством, орудием шпионажа...

(«Большевик», 1937, № 16)

Приложение 9. Отчет секретной токийской полиции Токко о наблюдении за В.Д. Плешаковым

Архивный отдел МИД Департамент Америки и Европы Номер документа 5451

1926 г. Совершенно секретно, № 725

1 апреля 1926 г.

От начальника столичного полицейского управления Маса-хиро Ота
Министру внутренних дел Вакацуки Рэйдзиро
Министру иностранных дел барону Сидэхара Кидзюро
Губернаторам определенных префектур

О выезде подозреваемых русских граждан из Токио.

Переводчик отдела «Центросоюза» в Хакодате Владимир Плешаков жил в гостинице Маруноути в районе Кодзимати.

О приезде этого человека в столицу вместе с членом отделения «Центросоюза» в Хакодате Лышковым (Рыжковым?) уже сообщалось в секретном донесении № 649 от 25-го числа прошлого месяца. В префектуру Ибараки сообщено по телефону о выезде этого человека из Токио со станции Уэно в сторону Хакодате вчера в 10 часов вечера с тем, чтобы там на него обратили внимание.

Во время пребывания в Токио он постоянно посещал офис торгового атташе в посольстве и общался с Рокгином — представителем «Синдиката» во Владивостоке, живущим с ним в этой же гостинице. Высказывался о прибывающем писателе Пильняке и президенте Синдиката производителей масел и жиров Попове.

После пребывания в Токио обсудил вопрос продолжения сотрудничества с Янсоном в «Центросоюзе» в Хакодате и одновременно искал возможность перейти на работу в офис «Доброфлога» по личным мотивам, однако так и не смог решить оба вопроса.

Из-за того что надзор японской полиции за Пильняком был крайне строгим, посол Копп и сотрудники посольства сочувствовали ему и тепло его приняли. В 5 часов 31-го марта они провели мероприятие по чтению его произведения, пригласили его и мне тоже сообщили (здесь неясно, о ком идет речь, но, видимо, так переданы слова

самого Плешакова —А.К.). **Но мне не удалось принять участие на это мероприятие в связи с выездом** (выделено красным карандашом в оригинале. — А.К). В посольство с родины в ближайшее время должна приехать певица Яунзем. Но могу посочувствовать ей, потому что надзор столичной полиции против за ней будет таким же строгим, как и за Пильняком, и т.д.

Переводчик Владимир Дмитриевич Плешаков, 32 лет (на самом деле Плешакову в 1926 г. было 34 года. — А.К).

Мы обратили внимание на вышеуказанного человека в связи с телеграммой с Хоккайдо. В 9 часов 58 минут утра приехал в Цу-руга поездом из Токио. Зашел в местное консульство и отдыхал. В 3 часа дня отправился на Владивосток на судне «Кагимару». Пронес с собой 5 сумок и 4 чемодана. Ничего подозрительного обнаружено не было. Однако секретное расследование, учиненное по случаю его отъезда установило, что его отозвала штаб-квартира в Хабаровске по причине изменения статуса организации «Центросоюз», и ему неизвестно следующее место назначения.

Перевод: Тэрагути Рёити

Приложение 10. Отчет секретной токийской полиции Токко о наблюдении за С.П. Сазоновым

Бюро Европы и Америки (печать)

Тайная полиция № 4141

(чётко читаются только первая и последняя цифры)

15-й год Тайсё, 15 марта

Омори Китигоро, губернатор префектуры Ямагути

Большая печать: губернатор преф. Ямагути Малая печать: Матида

Министру внутренних дел, Г-ну Вакацуки Тоётаро Министру иностранных дел, Г-ну Сидэхара Кидзюро Господам начальникам соответствующих ведомств и префектур

Получено 25 марта 15 года Тайсе

По поводу проникновения на Восток подозрительных русских:

Секретарь генерала Семёнова, проживающий в г. Нагасаки. Подозрительный русский Сазонов 32 лет 14 числа сего месяца в 8.18 утра прибыл в Симоносэки на пароме Каммон (паром, соединявший города Симоносэки и Модзи. — Ф.К.).

Из префектуры Фукуока нас предупредили, что за ним нужно проследить. Во время слежки он немного передохнул на станции в помещении для ожидания, после чего отбыл в направлении Токио на поезде № 8, о чём мы и сообщили властям преф. Хиросима. Во время слежки вёл беседы, записанные ниже, больше ни в чём подозрительном замечен не был. О вышеизложенном почтительно докладываем:

1) В качестве секретаря генерала Семёнова я на протяжении последних трёх лет живу в Нагасаки и в связи с различными делами генерала часто езжу в разные уголки страны, но при этом местная полиция устанавливает за мной слежку, чем доставляет мне крайние неудобства, в то время, как я ни коим образом не совершаю, каких-либо действий, вредных для японского правительства. Сам я в первом году Тайсё поступил в семинарию при соборе арх. Николая в Токио и, окончив её в пятом году Тайсё, занимался проповедью православия и исследованием Японии. Затем я примкнул к войскам генерала Семёнова и даже вошёл к нему в доверие.

2) Генерал Семёнов действительно на днях посещал буддийское сообщество в Киото. Он планирует воодушевить буддийские организации и, объединив их усилия с ламаистскими и исламскими организациями, имеющими многочисленных последователей в Китае, Монголии и по всей

Юго-Восточной Азии, общими усилиями дать отпор опасным коммунистическим и экстремистским разрушительным учениям, стремясь к вечному миру на Дальнем Востоке. Из буддийских организаций он в первую очередь рассчитывает на влиятельный храм Нандзэндзи в Киото и на движение Дайдо-данкэцу, являющееся ветвью храма Ниси-Хонгандзи. В будущем, создав толерантную ассоциацию мировых религий, он планирует также заниматься пропагандой в Европе и Америке и в случае успеха приветствовать участие европейцев и американцев. В этом смысле и участие представителей русской православной церкви станет возможно, и эту работу генерал Семёнов считает очень большим и насущным делом, так что ушёл в него с головой. Я также в этот раз планирую по пути заехать в Киото по этому делу.

В разных местах у генерала Семёнова есть ещё нерешённые проблемы, в частности судебная тяжба всё никак не может разрешиться.

3) Если верить последним новостям из Китая, представитель Советской власти Янсон вновь занимается пропагандой в среде народной армии, стремясь спровоцировать волнения. Жаль, что японское правительство обычно не проявляет твёрдости в отношении Китая. Большевизация Китая, с которым Япония находится в неразрывной связи, несомненно окажет большое влияние на Японию. Я верю, что положение Японии непосредственно зависит от мира в Китае. Советская власть использует очень изощрённые методы пропаганды, и я думаю, что японскому правительству следует проявлять особую бдительность.

Перевод Тэрагути Рёити

Приложение 11. Аудиозапись обращения ИЛ. Незнайко к потомкам, сделанная им 27.05.1959 г.

Итак, дорогие мои детки и славные внуки, я хочу воспользоваться микрофоном и передать вам несколько слов.

Вам известно, что сегодня, 27 мая 1959 года, мне исполнилось 66 лет моей жизни, которая проходила для меня сначала в очень трудной и нелегкой жизни. Наша семья была небогата. Отец мой—Яков Федорович, как вам известно, будучи военным в царское время, в 1897 году записался в охрану на постройке Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурию. Он был штаб-трубачом, по-теперешнему — старшиной. Потом он выписал и маму, и нас, то есть меня с Катей. Там не было школ, и в 1902 году меня — малыша отправили на Кубань обратно, к деду—учиться. Я ехал в эшелоне с казаками, возвращающимися домой.

Там я учился без родителей, и учился, должен сказать, хорошо. Но, как говорится, не с мамой. Потом меня забрали обратно, в Маньчжурию. Заезжал за мной казак — офицер. А потом, с 1906 года по 1912 год учился в Японии, в духовной семинарии стипендиатом, то есть на стипендию от Штаба Заамурского округа пограничной стражи. Тут тоже было для меня... нелегко. И даже скажу — очень и очень тяжело! Оторванному от родины и от родителей... Вот, чуть не заплакал... Но я крепился и пережил все трудности. Хочу сказать вам: в тяжелое время крепитесь, и вы победите!

Как потом протекала наша жизнь с мамой, вам об этом известно. В моей жизни, конечно, много помогала наша мама—Муся, которая помогала мне и с которой я и прожил вот уже 45 лет. Было много и тяжелого времени и хорошего, но мы пережили. Так вот повторяю: я хочу от всего сердца пожелать вам, дорогие детки: живите в мире, крепитесь и куйте вместе свое счастье! Надеюсь, что теперь вам в нашей любимой родине будет жить все лучше и краше, ибо теперь не те времена, когда я жил. В заключение пожелаю вам всем счастья, здоровья и успехов в труде! А мне, при моем здоровье, осталось жить уже мало. Не поминайте меня лихом, любите друг друга и нашу славную, великую и могучую родину!

На память от меня дарю Вите, дорогому сыночку, рюмочку с соловьем, которую он сохранит и вспоминает пусть, как он ее рубил ножом, будучи малышом.

В заключение послушайте голос казака телом и душой. (*Поет песню «Засвистали козаченьки в поход с полуночи».*)

Приложение 12. Из статьи «Подрывная работа японской разведки»

...Белогвардейцы, остатки различных разгромленных контрреволюционных формирований, «бывшие люди» всех мастей: крупные царские чиновники, полицейские, бывшие капиталисты и помещики, попы и т.д. и т.п. — все это было использовано во время интервенции японской разведкой для насаждения шпионско-диверсионной агентуры на советской земле. Известно, что в Сибирь и на Дальний Восток вместе с отступавшими белыми армиями откатывались значительные толпы «бывших», искавших спасения от настигавшей их по пятам могучей Красной Армии. К моменту окончательного разгрома Колчака и в период ликвидации приморских игрушечных «правительств», поставленных японцами, многие из этих «бывших людей» и активных белобандитов спешно меняли свое обличье и превращались в «трудящихся». Движимые страхом и ненавистью, надеясь на то, что им удастся «отсидеться» от большевиков, эти враги брались и за физический труд, становились «рабочими», «железнодорожниками», «монтерами» и т.д.

...Вскрытые недавно японские шпионско-диверсионные гнезда на советском Дальнем Востоке выявили одну чрезвычайно характерную черту, присущую методам японской разведки. Целый ряд лиц из числа антисоветского продажного отребья, привлеченных к суду в 1936—1937 гг. за шпионаж и диверсию по заданиям японцев, оказался старыми японскими разведчиками, завербованными еще в годы интервенции (1913—1922 гг.). В течение 10—15 лет эти гады смирно сидели в своих норах, выжидая инструкций от своих хозяев. Когда, после восстановления японо-советских дипломатических отношений, на территории СССР появились японские консульские, концессионные и иные учреждения, связь японской разведки с этими законсервированными агентами стала восстанавливаться. Но и в это время японская разведка иногда даже осаживала своих наиболее торопливых агентов.

Ряд шпионских дел говорит о том, что среди массы завербованных шпионов японская разведка выделяет определенную категорию особо доверенных агентов, которые на протяжении многих лет систематически были связаны с закордонным разведывательным центром. Этим агентам или «резидентам» японской разведки поручались не только сбор шпионских сведений и устройство диверсионных актов, но и вербовка

новых шпионов.

...Источниками пополнения кадров японских шпионов против Советского Союза являются: 1) белые эмигранты, в том числе так называемые «харбинцы», т.е. русское население Харбина и других маньчжурских населенных пунктов, среди которых японцы проводили усиленную вербовку после оккупации Маньчжурии; 2) кулацкие и спекулянтско-контрабандистские элементы корейской национальности, имевшиеся в известном количестве на советском Дальнем Востоке, а также переброшенные в Советский Союз японской разведкой из-за границы; 3) антисоветские контрреволюционные элементы внутри СССР, в первую очередь троцкисты и бухаринцы. Последние представляют собой основную и самую драгоценную агентуру для японского империализма благодаря тому, что, маскируясь партийными билетами, они проникали на... Так, например, в 1935 г. японский вербовщик, действовавший на нашей территории, успел завербовать в диверсионную ячейку семь человек. Из этих семи человек оказались: три троцкиста, маскировавшиеся партийными билетами, один бывший деникинский офицер, один бывший царский офицер, один бывший кулак и один крупный сектант.

...Кадры для японской вербовки за рубежом находятся главных образом в Маньчжурии и в Корее. Среди множества захудалых белобандитских генералов, выброшенных историей на помойку и слоняющихся в ожидании «работы» на задворках японских военных миссий в Маньчжурии, в наибольшем фаворе у японцев пребывает «атаман» Семенов. Этот старый японский агент, отличившийся не только как свирепый палач трудящихся на Дальнем Востоке во времена японской интервенции, но и как крупный вор, живет в собственном имении в Южной Маньчжурии и претендует чуть ли не на роль «вождя» всех дальневосточных белобандитов. Время от времени в зловонных харбинских белых газетках появляются безграмотные и бессвязные «интервью» этого «атамана», в которых он клянется в любви к «Ниппон» (так на белохарбинском японизированном жаргоне именуется Япония) и обещает отличиться в борьбе против СССР.

...После продажи советским правительством КВЖД начался массовый разъезд бывших работников дороги — советских граждан из Маньчжурии в СССР. Среди этих отъезжавших также оказались люди, завербованные японской разведкой. Японцы воспользовались тем, что среди русских, работавших на КВЖД, было немало лиц, ничем, кроме формального гражданства, не связанных с Советским Союзом. Некоторая часть бывших работников КВЖД принадлежала к выходцам из враждебной социальной

среды, являлась с белогвардейщиной. Многие из этих господ, симпатизируя белогвардейцам, держались за советский паспорт или ходатайствовали о его получении, лишь цепляясь за работу на КВЖД. После того как КВЖД была продана, часть этой публики поспешила ликвидировать свое советское гражданство и вернулась в первобытное эмигрантское состояние. Но те, кто был завербован японцами, получили от них категорическое указание не выходить из советского гражданства, а, наоборот, утвердиться в нем и ехать в СССР для шпионско-диверсионной работы. Ряд таких шпионов был разоблачен органами НКВД.

В 1932 г. японцы приступили в Харбине к организации специальных «курсов» для будущих разведчиков, посылаемых в СССР. Эти курсы маскируются маркой учебного заведения, дающего определенную квалификацию (шофера, радиста и т.д.). Белоэмигрантская молодежь, проходившая специальную техническую подготовку на таких курсах, получала задание от японцев (перекрасившись предварительно в защитные «советские» цвета) попасть в СССР и устроиться там на промышленные предприятия военного значения, на важные железнодорожные узлы, электростанции, в воинские части. Пользуясь преступной беспечностью легкомысленных людей, эти завербованные японцами харбинские «молодые люди» иногда без всякой проверки принимались в СССР с распростертыми объятиями, а подчас получали комсомольские и партийные билеты.

Японская разведка в Маньчжурии и в Корее далеко не всегда может полагаться на то, что все лица, намеченные для шпионско-диверсионной и террористической работы в СССР, пойдут на это добровольно и охотно. За исключением сравнительно небольшого количества злейших врагов СССР: махровых белогвардейцев, членов японо-фашистских «партий» и уголовно-преступного сброда, просто покупаемого за деньги, вербовка японцами и так называемых «харбинцев» и корейцев, перебрасываемых из-за кордона в СССР, в большинстве случаев происходит под угрозой репрессий, связана с насилием и шантажом.

...Иногда, вербуя шпионов против СССР, японская разведка эксплуатирует родственные или иные связи нужных ей людей. Известны случаи, когда японцы вербовали жен советских работников, находившихся за границей. Установив затем в СССР связь с завербованной таким путем женой какого-либо ответственного работника, японцы или принуждали этого работника самого стать шпионом (под угрозой разоблачения предательства жены), или использовали его втемную, т.е. жена пыталась у мужа необходимые японцам шпионские сведения, оставляя его в

неведении относительно последствий его преступной болтливости...
(«Правда» от 9 и 10 июля 1937 г.)

Приложение 13. Николай Мацокин, «Дерзновения»^[273]

Будь силен—вот единственный долг человека. Будь силен — вот что следовало бы сказать всякому, появляющемуся на свет.

Иду огромной долиной. Со всех сторон ее замыкает кольцо гор, убегających в бесконечную даль. Над головой висит багровосерое небо. Бегут по нему то ярко-красные, то черно-кровавые тучи, готовые разразиться таким же кровавым дождем.

Когда мир сошел с ума? Не с того ли момента, когда появилась на земле органическая жизнь и началось сумасшествие мира? Или, может быть, возникновение цивилизации, культуры положило начало этому сумасшествию? Или, может быть, мир сошел с ума с того момента, когда я стал размышлять о нем?

Слово «я» нужно совершенно уничтожить, ибо ему ничто не соответствует. Говорить «я думаю», «я чувствую», «я хочу», «я стремлюсь», «я люблю» — значит быть во власти старых допотопных предрассудков, ибо не «я думаю», а думается, не «я чувствую», а чувствуется, не «я стремлюсь», а стремится, «не я люблю», а любит.

Сомнения нет: каторжник я, каторжник, так возлюбивший всем сердцем своим запах параша, тюремный окрик, нагайки свист и тачку свою...

Безумец! Он смеет дерзать? Пусть солнцу поклонится он. Пусть жизни источник почитит!

Неужели же я должен быть (Бьгг! Брр!) газетчиком, журналистом, писателем, художником, чиновником, ученым, И Т.Д. и т.д. Быть вечно связанным, как цепями, с блаженными, в обществе которых я задыхаюсь, и, в конце концов, превратиться в кретина?

Мое «я» доставляет мне особенно много огорчений, когда оно так затеряется в толпе, что его приходится отыскивать до изнеможения: иной раз ходишь, ищешь, ищешь, кричишь, кричишь и никак не доищешься и не докричишься.

Теперь, когда я освободился от души так хитро, я лишь удивляюсь, как я не догадался сделать это раньше, — по крайней мере, она принесла бы мне меньше непоправимого зла.

Наконец я умер. Странно только, что смерти моей никто не

замечает. Наоборот, всем кажется, что я жив, что я живу, что впереди меня еще ждет жизнь...

По преданию седой старины в пепле феникс сгоревший свое находит
возрождение, но из пепла «я» возродится ли мое?

Приложение 14. Роман Ким. «Ноги к змее»

О сын мой! Пусть легка будет беседа твоя для слушающего...

(Мудрость сеннахерибского визиря Хикара)

«Ноги к змее» — по-китайски шэ-цзу, по-японски да-соку, выражение из китайской книги «Чаньгоцэ», согласно объяснению, данному в большом японском иероглифическом словаре «Дзигэн» («Источник Знаков»), значит: нарисовав змею, приделывать к ней ноги, то есть делать ненужную излишнюю работу, ибо змея, а тем более нарисованная, может существовать без ног; книга Б. Пильняка «Корни Японского Солнца» может существовать без моих комментариев, и их можно не читать, мои страницы. Автору основной части казалось, что некоторые его абзацы, будучи понятны самим японцам, которые в первую очередь прочтут эту книгу, и русским, хотя бы отдаленно причастным к ориентологии, будучи понятны этим, останутся не совсем ясными для людей, знающих о Японии почти столько же, сколько о юго-западной Атлантиде. Для последних и сделаны мной несколько комментариев-гloss, скромная цель которых дополнить, разъяснить, развить некоторые места основной части книги. На объективность не претендую, ибо корейцу, так же как и ирландцу, трудно быть непогрешимо объективным, когда речь идет о соседних островитянах-покорителях.

«Ноги к змее» посвящаю высокому коллеге, проф. В.А. Гур-ко-Кряжину.

Москва, 1 декабря 16 года Корейской диаспоры.

Приложение 15. Из анкеты работника НКВД Ким Романа Николаевича

«Когда учился в Японии (до 1917 г.) в колледже я именовался Сугиуру Киндзи, т.к. мой опекун и поручитель был японец Су-гиура, который меня взял в приемные сыновья после аннексии Кореи (в 1909 г.).

Родился 1 августа 1899 г.

До 1917 г. находился в японском подданстве. С 1917 по 22 г. состоял в двойном подданстве, как все корейцы, находящиеся в Корее, или прибывавшие из Японии...

Национальность — кореец.

В Белой армии не служил. В 1919 г. во Владивостоке омским правительством была объявлена мобилизация учащихся старших классов гимназии и университета. Я был в университете, куда при поступлении сдал документы, что я сын Кима Николая (русского подданного, иначе меня не приняли бы)... По мобилизации студентов-восточников назначен чиновником военного времени в штаб округа... Я обратился в японское генконсульство, которое подтвердило, что я приемный сын Сугиура и являюсь японцем, таким образом, мне удалось уклониться от мобилизации и числился слушателем университета.

Имею два наградных оружия и знак почетного чекиста. Женат во второй раз. Имею двоих детей, сына 12 лет, дочь 3 года.

Состою в Союзе работников просвещения до 1921 г., с 1921 по 1935 г. — в Союзе совслужащих. С 1935 г. в Союзе служащих административных учреждений.

Работа:

Владивосток. Переводчик ТА «Дальта» (Дальневосточное телеграфное агентство) Приморского областного правительства и Правительства ДВРеспублики. В 1920—21 гг.

Москва. Профессор Института Востоковедения по японскому языку и по истории Д. Востока. С 1923 по 1928 г.

Москва. Преподаватель японского языка Военной академии РККА. С 1925 по 1930 гг. (с перерывами). Более нигде не служил, но числился как научный сотрудник 1 -го разряда в Государственной академии художественных наук и в Институте народов Востока до 1930 г. (1926—1927).

Знаю иностранные языки: английский (читаю, пишу)

французский (тоже)
японский (тоже)
китайский (только устный)
свой родной (корейский) почти не знаю.
До 1917 г. учился в Токио.

Жена — Цын Марианна (Марианн) Самойловна, еврейка, беспартийная, 30 лет (1902 г.р. — А.Б.). Сын Атик, 1923 г.р. Дочь...

До революции училась в Ленинградском (Петроградском. — А.К.) институте восточных языков, состояла научным сотрудником Всесоюзной ассоциации востоковедения (до 1930 г.).

С 1930 г. работает в ОГЛУ в качестве переводчика (На 1937 г. переводчица 1-го отдела ГУ ГБ НКВД СССР. — А.Б.).

Первая жена — Зоя Яковлевна Билевич, разведен.

Отец — Ким-Пенхак Николай Николаевич, мать Надежда Тимофеевна — умерла.

Родители жены — отец, Цын Самуил Матвеевич, 62 года.

Мать, Цын Раиса (Фаина)? Лазаревна, 51 год.

Оба живут в Москве — Тургеневская ул., д. 4, кв. 3 (вместе со мной).

Социальное происхождение моих родителей. Отец—купец, мать — дворянка (корейская), домохозяйка.

Родителей жены. Отец жены — до 1917 г. — кустарь-ремесленник. С 1914 г. по здоровью не работал; мать — домохозяйка.

Отец жил со мной во Владивостоке в годы интервенции, занимался продажей остатков своего имущества, жил на проценты капитала, вложенного в Русско-Азиатский банк. С 1923 г. отец на моем иждивении, умер в 1928 г.

До 1927 г. отец жены имел кожевенное предприятие в Чите. С 1933 г. состоит мастером кожевенного дела в мастерской «КожМособувь».

Отец жены в 1928 г. был осужден постановлением Тройки ПП ОГПУ ДВК на 5 лет за контрабанду, но был как ударник досрочно освобожден и восстановлен в гражданских правах в 1931 г.

...Сестра жены — Вера Самойловна.

Моим приемным отцом был Сугиура Рюкичи (японец), владелец экспортно-импортной фирмы «Тайсе Йоко». Сыновей не имел. Сугиура умер в 1931 г. Связь с ним прервал в 1921 г.

Анкета заполнена VI. 1935 г.

Приложение 16. Из «Справки на сотрудника особых поручений 3-го отдела ГУГБ НКВД старшего лейтенанта государственной безопасности Кима Романа Николаевича»

Беспартийный.

В 1922 г. привлечен к работе Приморским отделом ГПУ. В органах с 1923 г., послужной список ведется с 1932 г. Мать из дворян семьи Мин. С согласия отца был усыновлен японцем (входящим в концерн Мицуи) ...Состоялась помолвка с его дочерью... В 1921 г. решил остаться в России, заявил об этом японскому отцу и отказался от наследства (Сугиура умер в 1931 г.)...Отец жены — Цын С.М. имел кожевенное предприятие в Чите...

...Сочувствовал после 1917 г. кадетам (речь уже о Киме Р.Н. —А.К.) ...Во Владивостоке дважды арестовывался японцами за службу в «Дальта» (проверкой НКВД документально не подтверждено. —А.К).

Аттестации: «Аттестуется положительно. Отмечается, что недостаточно работает над подготовкой японистов».

Награды: знак почетного чекиста, орден Красной Звезды 1936.

Взыскания: 1932 и 1935 — два выговора за утерю удостоверений.

VI. 1923 — переводчик ОО ОГПУ.

С 1 .III. 1932 — оперуполномоченный 4-го отдела ОО ОГПУ.

Окончил начальную школу в Токио, после которой поступил в колледж университета Кэйо. После возвратился во Владивосток и поступил в русскую гимназию г. Владивостока и затем в Дальневосточный университет на восточный факультет. В 1919 г. был мобилизован в армию Колчака, служил рядовым, переведен в военно-статистическое отделение штаба Приамурского воен-ного округа (начальник подполковник Цепушелов) на должность чиновника военного времени... Во время восстания Гайды дезертировал из штаба, после занятия города партизанами в 1920 г. начал работать в телеграфном агентстве. После объявления мобилизации генералом в октябре 1922 г. Дитерихсом ушел в подполье и после занятия Владивостока красными был избран председателем Бюро всех студенческих старостатов г. Владивостока. В ноябре 1922 г. секретный сотрудник ПримГО ОГПУ по японской линии.

... Как видно из личного дела, КИМ состоял на учете б/б (бывших белых. — А.К.) офицеров и заключением ОЦР (отдел центральной

регистрации. —А.К.) ОГПУ в 1927 г., с учета снят.

Пом. начальника отдела кадров НКВД /Остроумов/
«_» марта 1937 г.

Приложение 17. Из автобиографии Р.Н. Кима (Мартэн)

Родился во Владивостоке в 1899 году. Отец — кореец-переселенец из деревни Пукчен на севере Кореи, мать — тоже. Отец, благодаря подрядам, нажил большое состояние: имел дома, пароход, кирпичный завод, но в 1911 году обанкротился и стал снова десятником.

По достижении школьного возраста я был отправлен в Токио в начальную школу. По окончании шестилетнего курса, поступил в колледж университета Кэйо. Когда я кончил колледж, отец решил дать мне наряду с японским (классическим) и русское образование. Вернувшись во Владивосток, держал экзамен экстерном. В 1918 году кончил гимназию и поступил в Дальневосточный университет на восточный факультет. В 1919 году во Владивостоке был объявлен призыв городского населения (приказ Колчаковского правительства), я был призван. Все студенты-восточники и востоковеды состояли в военно-статистическом отделе (разведывательном) штаба Приамурского военного округа референтов, экспертов (этот отдел механически остался после перехода власти в крае в руки советов и после чехословацкого переворота, т.к. занимался специальной работой по собиранию сведений о Китае и Японии). Чтобы избежать направления в строевую часть (я как студент подлежал отправлению в военную школу), я подал заявление в военно-статистический отдел. Во главе отдела стоял полковник Цепушелов (кореевед), в отделе работали в качестве официальных экспертов-консультантов проф. Спальвин и ряд других японистов, китаистов, монголоведов.

Ряд востоковедов, состоящих в этом отделе, теперь члены ВКП(б). Немного спустя отдел был расформирован (надобность разведки в отношении Японии и Китая отпала) и я был отправлен в качестве чиновника военного времени в отделение культурно-просветительское и печати. Здесь моя работа заключалась в составлении обзоров английской и японской прессы, хотя официально именовался делопроизводителем культурнопросветительского отделения. Параллельно я работал в качестве обозревателя иностранной прессы в газете «Эхо», которая вела оппозиционную линию в отношении Омского правительства и была потом закрыта.

В ноябре 1919 года было восстание Гайды, под держанное комитетом большевиков. После этого восстания я дезертировал из штаба. В январе

партизаны заняли Владивосток и я был назначен зав. иностранным отделом телеграфного агентства Приморского правительства (коалиция эсеров и большевиков). Переводы японской и английской прессы делаются моей специальностью. Работал в тел. аг-ве, которое потом было переименовано в Дальта после Меркуловского переворота 1921 году. После переворота (оно продолжало существовать) я стал работать в тех органах, которые были легально оппозиционные в отношении меркуловского правительства — в газете «Голос Родины» (орган кадетов) и «Воле» (орган эсеров)—по японской прессе. Затем поступил в отделение японского телеграфного агентства Тохо во Владивостоке (по рекомендации проф. Спальвина—ныне секретаря нашего полпредства в Токио) — в качестве переводчика. Тохо (аг-во японского МИД) в противоположность штабу японских экспедиционных войск стало вести кампанию за эвакуацию японовоек, и поэтому его бюллетени бойкотировались правой прессой (монархистской), и ОТАКЭ получал угрозы от японских военных и русских.

Бюллетени ТОХО — печатались в «Дальневосточном обозрении» и в «Голосе Приморья», выходившем вместо закрытого Меркуловым «Г. Родины». Когда была объявлена мобилизация генералом Дитерихсом студентов, я перешел на нелегальное положение, бросив работу в Тохо. После вступления войск ДВР во Владивосток «легализовался», был сразу же избран председателем бюро всех студенческих старостатов гор. Владивостока. В конце ноября 1922 года был привлечен к работе ПримГПУ по японской линии. Весной 1923 года окончил университет и был оставлен для подготовки к званию профессора по кафедре экономики Д. Востока.

По заданию ОГПУ определился секретарем к господину Отакэ, назначенному МИДом Японии в Москву в качестве неофициального представителя (под маркой представителя Тохо). Прибыл в Москву в распоряжении 5 КРО ОГПУ в июне 1923 года.

В 1925 году был избран профессором по кафедре Истории Японии в Институте востоковедения. Состоял преподавателем японского языка в Военной Академии до конца 1930 года. Ныне — член бюро секции зарубежного Востока Коммунистической Академии.

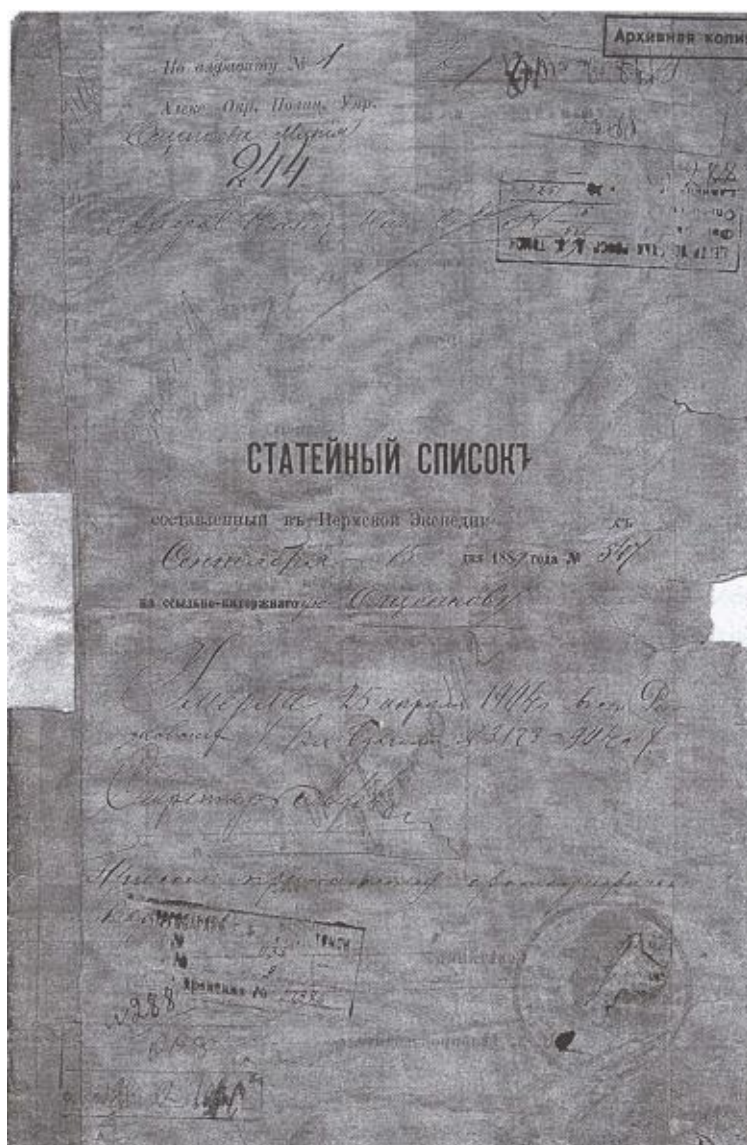
РН. Ким (Мартэн)

Приложение 18. Арсений Несмелое. «Как на Россию непохоже»

Объятый дымкою лиловой,
Гор убегает караван.
Над ним — серебряноголовый
Прекрасный витязь Фудзи-сан.
И дышит все вокруг покоем,
Прозрачен воздух, как слюда!
А рядом с грохотом и воем
Летят, грохочут поезда.
И в небесах гудит пропеллер,
Но нежно женщины страны
Поют теперь, как прежде пели,
Святые песни старины.
И опускают томно вежды,
И улыбаются легко,
И красочные их одежды
Благоухают далеко.
На мотыльков они похожи,
На экзотичные цветы,
И возле них так странно ожил
Певучий, сладкий мир мечты!
И как хорош поклон их чинный,
Привет улыбок золотых,
Когда спокойные мужчины
Проходят гордо мимо них.
Спокойствие и сила веет
Из глаз мужских, упорных глаз...
Значенья полный, тяжелеет
Насыщенный, вечерний час.
И месяц встал над тучей хмурой,
Примчавшейся издалека,
И точно в лепестках сакуры, —
Вся в блесках близкая река.
И парк ночью жизнью ожил,
Полночный час легко вошел...

Как на Россию непохоже,
Но как чудесно хорошо!
1940 г., Харбин

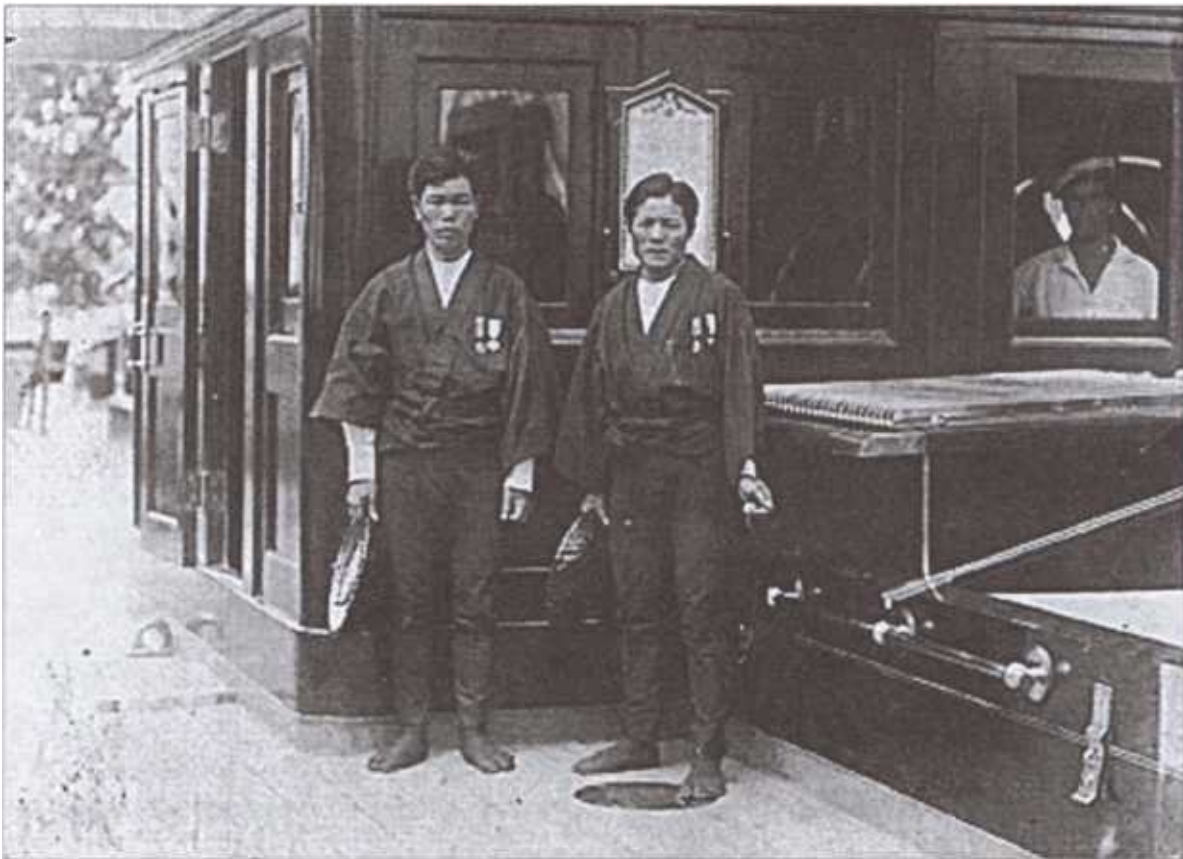
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Статейный список М.В. Ощепковой

Цесаревич Николай в Оцу — за несколько минут до покушения

*Японцы, спасшие Николая Александровича при покушении в Оцу.
1891 г.*

Святитель Николай Японский

Василий Ощепков (ранее не публиковалось)

Семинаристы и воспитатели: в центре Николай Японский, справа от него епископ Сергей (Тихомиров), далее — регент Д. Львовский. Слева: профессор Д.М. Позднеев (?), ректор семинарии И. Сэнума. В среднем ряду второй слева — В. Ощепков, четвертый — И. Незнайко

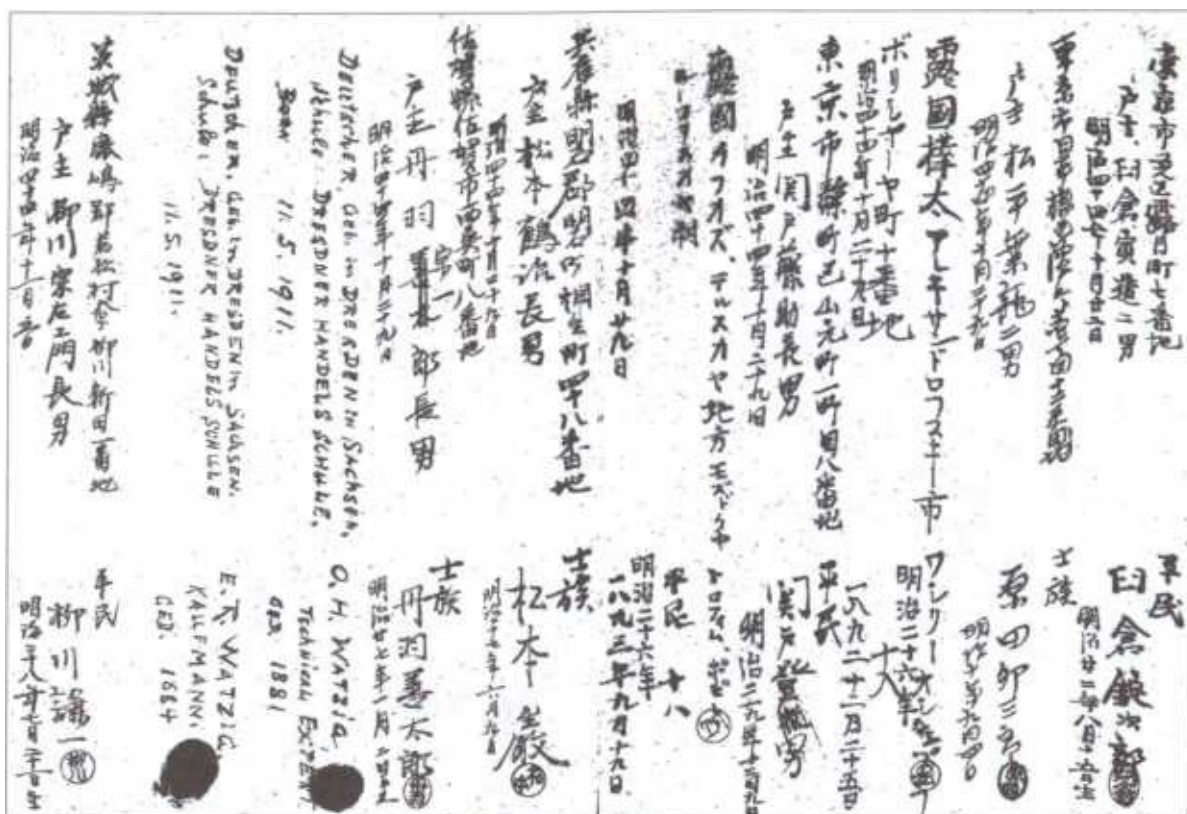
Дзюдоисты из русской семинарии. Сидит в центре — Окамото Ёсиро, в среднем ряду третий слева — В. Ощепков

Собор Воскресения Христова в Токио. Современный вид

Церковь в Александровой на Сахалине

Запись о приеме в Кодокан В. Ощепкова и I Попилева

Василий Ощепков с женой Марией Григорьевной в Японии
Бюст В. С. Ощепкову во Владивостоке

Поселок Александровский пост. Слева—реальное училище

Восточный институт во Владивостоке

Маленький Трофим Юркевич с родителями

И С. Юркевич — предрасстрельное фото

Одно из донесений тайной полиции Токко о наблюдении за В.Д. Плешаковым

В.Д. Плешаков — последнее фото

Семья Якова Незнайко. Исидор — крайний справа

Свидѣтельство

Предлжителя сего, воспитанника Духовной Семинаріи при Россійской Духовной Епископ въ Томіо, *Исидора Незнайко* сынъ названъ *Анны Федоровны* Станицы Актирской Кубанской Области, родившійся 13-го мая 1893 года, въ теченіи пребыванія въ числѣ воспитанниковъ отъ ноября 1906 года до іюля 1912 года при поведеніи *отличался* и прележаніи *всегда усердною* оказывалъ успѣхи по слѣдующимъ наукамъ:-

<ul style="list-style-type: none"> • Православному исповѣданію • Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завета • Всеобщей церковной исторіи • Всеобщей церковной исторіи • Всеобщей церковной исторіи • Всеобщей церковной исторіи • Всеобщей церковной исторіи • Всеобщей церковной исторіи 	<ul style="list-style-type: none"> хорошо хорошо хорошо хорошо хорошо хорошо хорошо хорошо 	<ul style="list-style-type: none"> Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій Языки: русскій, церковнославянскій, старославянскій
--	--	--

Въ удостовѣреніе чего отъ Епископа названъ *Исидору Незнайко* сіе свидѣтельство, за надлежащею подписью, приложеніемъ Епископской печати.

Начальникъ Епископ *Свѣтлѣ*

Ректоръ Духовной Семинаріи *Иванъ Грозный*

Епископъ Т. Томіо
1912 года / Іюль.

Свидѣтельство *Исидору Незнайко*
Свидѣтельство *Исидору Незнайко*

Свидетельство И. Незнайко об окончании семинарии

И.Я. Незнайко — молодой переводчик

Дом Незнайко на Стрелковой улице в Харбине, использовавшийся советской разведкой

Главный переводчик КВЖД ИЯ. Незнайко

В.Н. Крылов и З.В. Крылова в Харбине незадолго до возвращения в СССР. 1934 г.

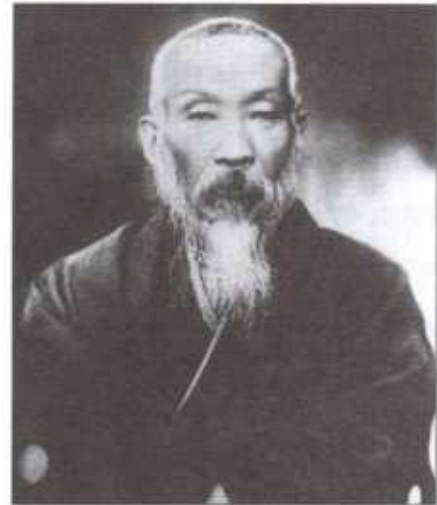
В.Н. Крылов и З.В. Крылова в тюрьме. 1937 г.

Студент Николай Мацокин Агент «Профессор»

*Мацокин во время первого ареста
Последнее фото Н.П. Мацокина*

Л.Ф. Пашковская
СуэиурдДзюго — наставник императора Сёва и советского разведчика Кима

Агент «Мартэн» Лейтенант ГБ Р.Н. Ким

*З/к И. К Ковальчук-Коваль Инструктор японской разведшколы
Арсений Несмелое*

Валерий Щеголев и Андрей Будзинский

notes

Примечания

Синто — национальная религия Японии, близкая к анимистическим культам. В православии считается язычеством.

Буквально: «Дом Николая». Звук «л» японцы произносят очень близко к «р». Подробнее об истории собора и православия в Японии см.: *Саблина Э.Б.* 150 лет православия в Японии. История японской православной церкви и ее основатель архиепископ Николай. М.—СПб. 2006.

Подробнее об этом визите см.: *Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009.

Толстой Л.Н. О голоде // Полное собрание сочинений в 90 т. М., 1954.
С. 29.

Дневники Святого Николая Японского. Саппоро, 1994. С. 250—251.

Сёдни С. Как я стал християнином // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М. 2012. С. 387—390.

Подробнее об этом см.: *Саблина Э.Б.* 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной церкви и ее основатель святитель Николай. М., 2006. С. 66—69.

Позднеев Д.М. Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. М. 2012. С. 63.

Там же. С. 63, 123.

Там же. С. 95—96.

Там же. С. 50—51.

Там же. С. 97.

Г.Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX — начале XX в.» (М., 1993) сообщала еще о двух спутниках архиепископа в годы войны: бывшем настоятеле посольской церкви С. Глебова и дьяконе Львовском. Однако дневники святителя Николая полностью опровергают эту версию.

Хохлов А.Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И.Д. Касаткина (вторая половина XIX в. — начало XX в.) // Восток. 1994; Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. СПб., 1996.

Указ. соч. М., 2003.

Кузнецов С.И. Первые русские ученики в Японии //Восток-Запад в контексте мировой истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск, 2011. С. 206—215.

Россія. 1908. 31 декабря. № 953.

Указ. соч. С. 114.

Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 11.

Там же. С. 170. Запись от 8/21 декабря 1904 г.

Там же. С. 332—333.

В книге одного кандидата исторических наук, доцента, человека, располагающего, судя по всему, уникальными источниками информации — делами из архива военной разведки, я прочитал следующее объяснение этого термина: «Драгоман (профессионализм), от “драгировать” — добывать с помощью драги драгоценные ископаемые из россыпей. Драгоман в военной разведке — офицер, способный добывать ценные сведения о противнике». Логика автора проста: если разведчик умеет добывать «ценные сведения о противнике», он драгоман. Если нет — просто разведчик. Не очень понятно, правда, зачем его вообще на службе держат в таком случае, но, видимо, штат утвержден, и не всем же быть драгоманами? Наконец, если в нашей армии не хватало «образованных военных драгоманов», то уж, надеюсь, недостатка необразованных специалистов, способных добывать ценную информацию, не было? Так вот, не верьте. Драгоман — всего лишь переводчик с восточных языков. Зорге — разведчик, но не драгоман.

Хохлов А.Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. СПб., 1996. С. 70.

Запись от 18 июня //1 июля 1908. Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 402.

Указ.соч. С. 210—212.

Возможно, все не так просто. Дело в том, что в это же время пропал сын Свирчевского Виктор. Пропал, а затем внезапно нашелся. По одним данным, он ушел с белыми в Болгарию, откуда, нелегально перейдя границу, вернулся в СССР в 1924 г. По другим — сын генерала уже с 1921 г. был членом партии большевиков. В 1935 г. Виктор Свирчевский был исключен из партии и сослан в Красноярский край как «социально опасный элемент», а затем арестован, но ненадолго. Всю жизнь он так и прожил в Сибири, став местной знаменитостью — основателем шахматного клуба. Следы его потомков теряются в Израиле.

Указ. соч. С. 28.

Здесь и далее документ цит. по: *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 210—212.

Приложение 1.

Указ. соч. С. 525, 624, 637, 656, 775.

Горячковская Мария Алексеевна (?) (псевдонимы Алексеева М., Г-ская) — журналистка, сотрудница газет «Свет», «Колокол», «Новое время», автор книг «Последний день кровавого царя», «Драматическая фантазия», «Антирусская агитация», «Японские оргии».

Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 433.

Там же. С. 435.

Там же. С. 443.

Там же. С. 445.

Там же. С. 450.

Там же. С. 449.

Там же. С.451.

Там же. С. 468-469.

Там же. С. 471.

Газета «Россия», № 921, 21 ноября 1908 г.

Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 72.

Там же. С.480.

Там же. С. 492—493.

Там же. С. 447.

Указ.соч. С. 114—115.

Запись от 15/28 января 1908. Вторник // Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 351.

Запись от 10/23 марта 1911. Четверг // Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 744.

Там же. С. 403.

Россія. 1908. 31 декабря. № 953.

Указ. соч. С. 114—115.

Запись от 16/28 июня 1908 г. // Дневники Святого Николая Японского.
Т. V. СПб., 2004. С. 400.

Шулатов Я.А. Разведка и японоведы: становление осведомительной службы... // История и культура традиционной Японии. М., 2010. С. 319.

Баконина С.Н. Харбинская епархия в период распространения советского влияния в Китае (1923—1924 гг.) // Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 2—4(29). С. 92

Запись от 15 июня/2 июля 1910 г. // Дневники Святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 664.

Там же. Запись от 8/21 декабря 1910 г. С. 714. Личность «младшего Плешакова» остается загадкой. Никаких других упоминаний об этом человеке нет, а в следственном деле Владимира Плешакова по состоянию на 1937 г. младшие братья у него не значатся.

Там же. Запись от 15/28 июня 1911 г. С. 774.

Там же. Запись от 21 мая/3 июня 1911 г. С. 664.

Цит. по Хохлов А.Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 2. СПб., 1996. С. 71.

Там же. С. 64.

Запись от 18 июня/1 июля 1909 г. // Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб., 2004. С. 539.

Там же. Запись от 23 сентября/6 октября 1910 г. С. 691—692.

Электронная база данных «Поколения Пермского края», <http://www.pokolenia-permkrai.ru>

Подробнее о происхождении фамилии Ощепков см. Корнева Оксана// <http://www.okomeva.ru/proishojdenie--familiy-kamyishlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/oschepkov/>.

Указ.соч. С. 7—10.

Список ссыльнокаторжных, ссыльнопоселенцев, крестьян из ссыльных и их семейств Александровского округа, прибывших и убывших в течение февраля месяца 1902 г. РГИА ДВ. Ф. 1133.

<http://lists.memo.ru/d7/fl28.htm>

Приложение 2.

http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=221:2010-07-05-13-04-30&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112

Цит. по: *Ростислав (Колупаев)*, игум. Обзор некоторых событий церковной истории на Сахалине и Курильских островах.

Указ. соч. С. 10.

Записи от 31 августа/13 сентября 1908 г., 3/16 июля и 7/20 августа 1909 г. // Дневники Святого Николая Японского, СПб., 2004. С. 434, 544, 560.

Указ. соч. С. 517.

Даны — мастерские степени; в то время насчитывали в дзюдо пять степеней по возрастанию от первого дана к пятому.

Указ. соч. С. И.

Указ. соч. С. 11—12.

Указ. соч. С. 12.

Японское будо в российской прессе начала XX века // Додзё № 5. М., 2005. С. 13.

Урадзио тайикукай сюсай-но мото-ни дзю кэнто кбгикай кайсай («Пройдет соревнование по дзюдо и боксу, организованное Владивостокским обществом спорта») // «Урадзио ниппо» («Ежедневная владивостокская газета»), 23 февраля 1918 г. С. 3.

Дзоку. Гэндай си сирё («Источники по новейшей истории. Продолжение»). Т. 5. «Кайгун. Като Хирохару никки» («Военно-морской флот. Дневники Като Хирохару»). Токио: Мисудзу сёбо, 1994. С. 5.

Лукашев М.Н. Указ. соч. С. 18.

Март В. В японском кино // Новый зритель. 1927. № 2. С. 16.

Клембовский В.Н. Тайные разведки (военное шпионство); *Рябиков П.Ф.* Разведывательная служба в мирное и военное время. М, 2007.

Копия личного дела «Секретного агента Развед. Отдела Штаба Си-бир. Воен. Округа тов. «Монаха» (Ощепкова Василия Сергеевича)» — из архива М.Н. Лукашева. С. 4—9.

Документ получен на условиях анонимности источника.

Цит. по: *Лота В.И.* За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке (1918—1945). С. 35.

Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина, № 8, 1997. С. 67.

Там же. С. 69.

Архивный отдел МИД. № 8399. Перевод Э. Имамура.

Алексеев М. Указ. соч. С. 69.

В. Лота, верный советской привычке секретить все, что только возможно, называет фамилию этого сотрудника: Того. Разумеется, никакого

Того в Новосибирске, как, впрочем, и во Владивостоке, не было. Зато там и там в указанные сроки служил Такахаси *Сис.цю* (*Beten G.A. Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. С. 54,142—143.*

Японское будо в российской прессе начала XX века // Додзё. № 3. М., 2005. С. 13.

Физкультура и спорт. № 12. 1929. С. 17.

Приложение 4.

Система дзюуцо В.С. Ощепкова. М, 2013.

Подробнее об этом: *Куланов А., Молодяков В.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2006. С. 284—312.

Цит. по: *Лукашев М.Н.* Самбо на службе родине. М, 2003. С. 40.

Ощепков-Спиридонов: история конфликта // Додзё. № 1. М., 2006. С. 7.

Приложение 5.

Приложение 6.

Лукашев М.Н. Указ. соч. С 24.

Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 92—93.

Приложение 2.

В Следственном деле НКВД № П50737 на Юркевича Т.С. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Л. 6) в «анкете арестованного» перечислены его ближайшие родственники: жена, четыре брата и три сестры. Однако ни одного Федора среди братьев нет. По возрасту подходит Всеволод, ему в 1938 г. было 45 лет, а загадочный Федор родился как раз в 1893 г. Возможно, о. Николай ошибался, а может быть, был еще один брат?

Судя по его анкете, Т. Юркевич окончил 4 класса Александровского реального училища.

Приложение 1.

Приложение 2.

Осколки. 1904. № 29. С. 4. Цит. по: *Филиппова ТА*. Враг с Востока. Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века.

Следующим русским, с кем встретился в своей жизни Ояма-младший, стал поэт и журналист Константин Симонов, посетивший его в 1947 г.

<http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/irkutsksem.html>

«Выпускаются в Епархиальное ведомство — с правом получения звания окончившего полный курс семинарии по выдержании испытаний: ...Юркевич Трофим—по тем предметам первых 4-х классов семинарского курса, по коим он не обучался в Токийской семинарии» (<http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/irkutsksem.html>).

Протокол допроса Т.С. Юркевича от 11 апреля 1938 г. Следственное дело НКВД № П50737. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Л. 14) Приложение 7.

Там же. Л. 14—15.

«Вооруженное восстание или вторжение с целью захватить власть; Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений; Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений // УК РСФСР 1927 г.

ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Л. боб. Дело пока не исследовано.

Там же.

Лукашев М.Н. Указ.соч. С. 17—18.

Военно-исторический журнал. № 5 (5), 2011. С. 24—26.

Осведомительный отдел с разведывательными и контрразведывательными функциями при штабе партизанских отрядов Приморья.

Там же. С. 24.

Там же. С. 25.

Там же. С. 26.

Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период <http://vostokoved.academic.ru/>.

Протокол допроса от 27 марта 1938 г. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Л. 606.)

Хисамутдинов А.А. Конец Владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н.П.Овидиева //Acta Slavica LAPonica. The Slavic Research Center, Hokkaido University. 1998. Т. XVI. С. 207—231.

Гуцко Петр Антонович (1902—1937). Японовед-лингвист. Родился в г. Чита. С ноября 1919 г. по март 1920 г. мобилизован в колчаковский флот, дезертировал. Служил в разведывательных органах РККА на Дальнем Востоке (1920—1922), затем старшим матросом на подводной лодке Балтийского флота (1923—1926); секретарь учраспреда в НКВД (1926—1929). Член ВКП(б) с 1925. Окончил МИВ (1929—1932), аспирантуру при нем (1932—1935), совмещая это с преподаванием там же японского языка и заведыванием кафедрой (с 1933). В 1933—1935 гг. на службе в 4-м (разведывательном) управлении Штаба РККА. 25 декабря 1935 г. получил в МИВ звание доцента. После выхода в свет 1-й части, написанного совместно с Г.С. Горбшгейном «Учебника японского языка» авторы подверглись политической травле в печати. Арестован 29 октября 1937 г. (за день до Г.С. Горбштейна). 19 декабря 1937 г. ВК ВС СССР приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение в тот же день на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован ВК ВС СССР 15 сентября 1956 г.

Горбштейн Григорий Соломонович (1906—1937). Японовед-лингвист. Родился в г. Баку. С 1919 г. член КСМ; в 1921—1923 гг. работал в ЦК КСМ Туркестана, одновременно учился на ФОН САГУ. В 1923 г. перевелся на японский сектор МИВ. В 1926 г., будучи студентом 3-го курса, командирован в Японию на языковую практику. Служил в торгпредстве референтом по японской прессе; в научном кружке японоведения при полпредстве СССР сделал доклад об аграрном вопросе в Японии. На правах вольнослушателя посещал лекции в университете Хосэй. В конце 1929 г. вернулся в Москву. Преподаватель японского языка, и.о. профессора (1931), заведующий кафедрой японского языка (1933—1934) МИВ и ВА РККА им. М. В. Фрунзе (с 1933). Автор «Учебника японского языка» (1934—1937, совместно с П. А. Гуцко). Арестован 30 октября 1937 г. 10 декабря 1937 г. приговорен ОСО при НКВД СССР к ВМН (шпионаж, вредительство). Приговор в тот же день приведен в исполнение на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован ВК ВС СССР 15 сентября 1956 г.

Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ//Вестник ДВО
РАН. № 1. 1996. С. 108.

Приложение 8.

Следственное дело НКВД № П50737 на Юркевича Т.С. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1.Л.3)

Там же. Л. 1.

Там же. Л. 7об.

Цит. по: *Хисамутдинов АЛ.* Конец Владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н.П.Овидиева // *Acta Slavica Iaponica*. The Slavic Research Center, Hokkaido University. 1998. Т. XVI. С. 208.

Приложение 7.

Здесь и далее материалы дела приводятся по следственному делу №4725 арестованного Плешакова В.Д. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37962.)

Запись от 8/21 декабря 1910 г. // Дневники Святого Николая Японского.
Т. V. СПб., 2004. С. 714.

Следственное дело В.Д. Плешакова. С. 24.

Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918—1922 гг. М., 2008. С. 91,218.

Там же. С. 225—226.

Приложение 9.

Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина. № 8.1997. С. 68,71.

Там же. С. 68.

Там же. С. 67.

Лукагиев М. Сотворение самбо: рождается в царской тюрьме и умереть в сталинской... М., 2003. С. 29.

<http://lists.memo.ru/d29/fl02.htm>

Савелли Дана. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004. С. 222.

Приложение 10.

[http://wap.siberia.forum24.ru/? 1-9-40-00000210-000-10001-0](http://wap.siberia.forum24.ru/?1-9-40-00000210-000-10001-0)

Окно заработало, но Политбюро испугалось... // Борис Гудзь,
15.08.2003 // официальный сайт ФСБ РФ.

Беседовский Г.З. На путях к Термидору. М., 1997. С. 187—188.

Государственные архивы Хабаровского края, архив БРЭМ. Р-830. Оп.
3. Д. 12398. Л. 2.

Здесь и далее: архив БРЭМ. Р-830. Оп. 3. Д. 12398. Л. 2.

Лукагиев М.Н. Указ. соч. С. 18.

Приложение 11.

Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 150.

Есть версия, что под этими буквами скрывается легендарный разведчик и востоковед Г.И. Мордвинов, работавший, в том числе, под псевдонимом Георгий Карлов, однако пока это только версия. Страничка на сайте СВР, посвященная Г. Мордвинову: <http://svr.gov.ru/history/mor.htm>

ГА РФ. Ф. 10035. Он. 1. Д. П-37962. Л. 26.

Из архива семьи Незнайко.

Возможно, имеется в виду Грибановский Никандр Иванович — сын полковника Сибирского казачьего войска, в прошлом — подъесаул лейб-гвардии Сводного казачьего полка. В эмиграции в Харбине состоял в Обществе офицеров гвардии Дальнего Востока, был членом правления Восточного казачьего союза. Умер после 1932 г. Брат — Виктор, также казачий полковник, был начальником охраны маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха в 1934—1935 гг. Умер в 1938 г.

<http://d-m-vestnik.livejournal.com/553613.html>

Марианна Колосова—псевдоним известной поэтессы Русского зарубежья Риммы Ивановны Покровской (1903—1964), близкой к руководству Российского фашистского союза.

Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь (далее РВВ). М., 2005. С. 133.

Здесь и далее: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32333 .

Буяков А.М. Офицеры в Восточном институте: 1899—1919 гг. Рукопись. Приложение. Биографический словарь офицеров, обучавшихся в Восточном институте.

PBB. C. 133.

Здесь и далее: ГА РФ. Указ. дело. Л. 5.

Буяков А.М. Указ. соч.

PBB. C. 133.

Буяков А.М. Указ. соч.

Там же.

PBB. C. 133.

Приложение 12.

Здесь и далее цитируется по указ, делу ГА РФ с исправлением орфографических и синтаксических ошибок.

Дом номер 10 сохранился — двухэтажный барак на 30 семей предполагается снести в 2014 году, что немного жаль — там бывал едва ли не весь цвет советского японоведения 1930-х...

Отдел по изучению стран АТР в Коммунистической академии—
высшем учебном и научно-исследовательском учреждении,
существовавшем в Москве в 1918—1936 гг.

Матиасевич Баян Петрович. Родился в 1891 г. в г. Кяхта; русский; образование среднее; б/п; институт Мирового хозяйства: младший научный сотрудник. Проживал: Москва, ул. Малые Кочки, д. 34, корп. 1, кв. 5. Арестован 8 сентября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 10 октября 1937 г., обв.: участия в антисоветской террористической организации. Расстрелян 17 октября 1937 г. Место захоронения — Московская обл., Бутово. Реабилитирован 2 июля 1957 г. Источник: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон.

Нечаев Федор Ильич. Родился в 1889 г. в г. Троицко-Савск; русский; образование среднее; б/п; без определенных занятий после возвращения из Харбина в 1936 г. Проживал: Москва, Большой Овчинниковский пер., д. 12, кв. 31. Арестован 11 сентября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обв.: членстве в шпионско-террористической группе и связи с агентами японской разведки. Расстрелян 21 октября 1937 г. Место захоронения — Московская обл., Бутово. Реабилитирован 2 июля 1957 г. Источник: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон.

Нечаев Василий Ильич. Родился в 1894 г., Забайкальская обл., г. Троицко-Савск; русский; образование среднее; б/п; издательство «Иностранные рабочие СССР»: консультант. Проживал: Москва, 1-я Мещанская ул., Капельский пер., д. 13, кв. 4. Арестован 8 сентября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обв.: в том, что проживал в Харбине, был связан с агентами Японской разведки. Расстрелян 21 октября 1937 г. Место захоронения — Московская обл., Бутово. Реабилитирован в мае 1957 г. Источник: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон.

Молошный Петр Прохорович. Родился в 1906 г. Место рождения: г. Харбин; украинец; образование: высшее; б/п; Главное управление государственной съемки и картографии НКВД СССР: транскриптор-консультант; место проживания: г. Москва, ул. Усачева, д. 19 а, кор. 1, кв. 27 Арест: 03.08.1937. Осужд. 10.10.1937 Комиссией НКВД и прокуратурой СССР. Обв. в шпионаже в пользу японской разведки и участии в антисоветской шпионско-террористической организации. Расстрелян 17.10.1937. Место расстрела: Москва Реабилитация 6.10.1956 определением Военной Коллегии Верховного суда СССР. Источник: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон.

Нечаева Анна Дмитриевна. Родилась в 1894 г. в г. Хабаровске; русская; образование незаконченное среднее; б/п; домашняя воспитательница детей. Проживала: Москва, ул. Пятницкая, Б. Овчинников пер., д. 12, кв. 31. Арестована 10 сентября 1937 г. Приговорена: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обв.: в участии в сборах шпионской террористической группы и в троцкистских, антисоветских разговорах. Расстреляна 21 октября 1937 г. Место захоронения — Московская обл., Бутово. Реабилитирована 2 июля 1957 г. Источник: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон.

Нечаева Серафима Дмшриевна. Родилась в 1899 г. в г. Троицко-Савск; русская; образование низшее; б/п; Домохозяйка. Проживала: Москва, Капельский пер., д. 13, кв. 4. Арестована 10 сентября 1937 г. Приговорена: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 18 октября 1937 г., обв.: участия в сборищах антисоветской шпионской диверсионной организации. Расстреляна 21 октября 1937 г. Место захоронения—Московская обл., Бутово. Реабилитирована в мае 1957 г. Источник: Москва, расстрельные списки — Бутовский полигон.

Сведения не обнаружены.

В те же годы в ту же Горьковскую область приехал работать мой дед — тракторист. Вскоре ему пришлось бежать, т.к. крестьяне решили, что трактора работают на дровах, днем напихали хвороста в моторный отсек и подожгли, ожидая, когда машина поедет. Трактор сгорел, а вина могла быть переложена на тракториста. Так что какой уж там переводчик японского языка...

Ануфриев Петр Семенович. Родился в 1889 г., в с. Посьет Приморской обл.; русский; образование высшее; б/п; зав. кафедрой японского языка Института востоковедения им. Нариманова.. Проживал: Москва, Большой Власьевский пер., д. 7, кв. 13. Арестован 4 июня 1938 г. Приговорен: ВКВС СССР 13 февраля 1939 г., обв.: шпионаж. Расстрелян 25 февраля 1939 г. Место захоронения — Москва, Донское кладбище. Реабилитирован 27 ноября 1991 г. ГВП СССР. Источник: Москва, расстрельные списки — Донской крематорий.

Владимир Дмитриевич Плешаков ошибался: основные аресты (46 317 человек) и расстрелы (30 992 человека) харбинцев были еще впереди — после вступления в силу приказа НКВД № 00593.

Володченко Николай Герасимович. Родился в 1862 г. в г. С.-Петербург; русский; командир Юго-Восточного фронта Генштаба. Проживал: г. Харбин. Арестован 24 сентября 1945 г. Приговорен: УКР Смерш ПримВО 31 декабря 1945 г., обв.: ст. 58-16 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено в связи со смертью обвиняемого. Реабилитирован 22 ноября 1999 г. По заключению прокуратуры Омской области по Закону РФ от 18.10.1991 г. Источник: Книга памяти Хабаровского края.

Более точно этого человека идентифицировать пока не удалось.

Указ. соч. С. 129.

<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&nmn=6066>

Китаист-политолог; дипломат. Родился в г. Селенгинске Забайкальской обл. Активный участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1924–1928 гг зав. отделом Дальнего Востока НКВД СССР. Генконсул СССР в Харбине (1928—1931); временный поверенный в делах СССР в Японии (1931). Служил в военной разведке: в 1933—1934 гг. заместитель начальника Разведуправления Генштаба РККА и уполномоченный НКВД на Дальнем Востоке. Под псевдонимом публиковал статьи и брошюры о политической ситуации в Китае. Член редколлегии журнала «Новый Восток». Участник дискуссии о «способе производства» в Китае. С 1935 г. руководитель службы связи с зарубежными центрами ИККИ и всей агентурой Коминтерна. Арестован 4 мая 1937 г. 25 ноября 1937 г. ВК ВС СССР в помещении Лефортовской тюрьмы приговорен к ВМН («шпионаж»). Расстрелян 28 июля 1938 г. А. Ваксберг отмечает, что отсрочка расстрела Мельникова была вызвана необходимостью (по просьбе секретаря ИККИ Д. Мануильского) постепенной передачи всей агентурной сети другому лицу, и почти 8 месяцев Мельников из внутренней тюрьмы НКВД руководил заграничной агентурой. Место захоронения — полигон НКВД «Коммунарка». Реабилитирован ВК ВС СССР 10 марта 1956 г.

Описываемые события восстановлены по материалам следственного дела № 117171 на Мацокина, Пашковскую и Чжао по подозрению в шпионаже, и хранящемуся ныне в Центральном архиве ФСБ РФ. (ДА ФСБ РФ. Д. Р-44365. Л. 95—96.)

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41035.

Здесь и далее биография приводится по протоколу анкете вышеуказанного дела. Л. 9—12.

Мацокин Н. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1: Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев. Владивосток, 1910 (Известия Восточного института. Т. 32, вып. 1); Вып. 2: Материнская филиация у тибетцев, монголов, мяоцзы, лоло и таи. Владивосток, 1911 (Изв. Воет, ин-та. Т. 36, вып. 2)

<http://svr.gov.ru/history/pudin.htm>

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44365. Л. 134.

Подробнее: *Молодяков В.* Россия и Япония в поисках согласия. 1905—1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012. С. 315— 320.

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44365. Л. 138.

Дыбовский А. С. О трудах и направлениях научно-исследовательской деятельности Николая Петровича Мацокина (1886—1937), <http://www.jp-club.ru/?p=4398>

Указ. соч. С. 116.

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44365. Л. 8.

Речь идет прежде всего о японцах Огата и Юхаси. Оба упоминаются позже, уже в 1937 г., в протоколах допросов едва ли не всех московских японоведов также как установленные сотрудники японской разведки: сам факт знакомства с ними считается достаточным для изобличения в шпионаже в пользу Японии. Людей с фамилией Огата в 1931 г. в московском посольстве было двое, но во Владивостоке ранее служил только один — Огата Сэйсюку, второй секретарь посольства, работавший в СССР до 1936 г. Юхаси Сигэто тоже ранее проходил службу во Владивостоке, а в Советском Союзе служил до 1943 г.

Из жалобы Мацокина. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-44365. Л. 139.

В деле — Жоффруа.

На самом деле Мацокин бывал в Японии 6 раз — и до, и после революции.

Вероятно, ошибка автора. В это время Мацокин еще сидел на Лубянке, так что описываемые события относятся либо к 1934, либо к 1935 г.

В деле значится «жена—Сенторен Андрэ Петровна, библиотекарь в МЭИ».

Семпер Наталья. Лицом к лицу с мечтой // Toronto Slavic Quarterly.
<http://www.utoronto.ca/tsq/09/semper09.shtml>

Там же.

Дыбовский А. С. Указ. соч.

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41035. Л. 29.

Там же. Л. 35.

Там же. Л. 27.

Приложение 13.

Здесь и далее биография Р.Н. Кима воспроизводится по сведениям, приведенным в книге «Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991)», С.Пб.: Петербургское Востоковедение. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина, 2003.

Приложение 14. Цит. по: *Пильняк Б.* Корни японского солнца; *Ким Р.* Ноги к змее. М., 1927.

Яцкова А. История советского суда//Отечественные записки, 2003, №2.

Цын, Мариам (Марианна) Самойловна (1904/05—2002). Японовед. Родилась в г. Чите в купеческой семье. Приехав в Ленинград, жила в семье С.Ф. Ольденбурга. Окончила Ленинградский институт живых восточных языков (1926); ученица Н.И. Конрада. В начале 1930-х переехала в Москву. Из 12 человек ее выпуска ЛИЖВЯ впоследствии не были арестованы только трое. Преподаватель Московского института японоведения (1933—1937), один из редакторов журнала «Новый Восток». Педагог-переводчик НКВД СССР. Арестована 19 апреля 1937 г. Полгода находилась под следствием на Лубянке, осуждена ОСО при НКВД СССР 16 сентября 1937 г. на 8 лет как «член семьи изменника родины» (жена Р.Н. Кима). Заключение УхтПечлага, УхтИжемлага. Работала на строительстве железной дороги, учетчицей в конторе. В 1942 г. по хлопотам мужа из «шарашки» переведена на Лубянку для пересмотра дела. Постановлением ОСО при НКВД СССР от 13 марта 1943 г. предыдущее постановление отменено, дело производство прекращено. 22 марта 1943 г. освобождена. Впоследствии работала в МИВ. Входила в группу создателей «Большого японо-русского словаря», удостоенного в 1970 г. Государственной премии СССР. В годы «борьбы с космополитизмом» неоднократно предпринимались попытки уволить ее из института как еврейку. Вынужденно переквалифицировалась и стала преподавать в Московском энергетическом институте русский язык (до 1958), затем на пенсии.

<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8397>

Из личной беседы с автором.

Ардаматский В. Встречи с Кимом. Тайна ультиматума, М., 1969. С. 312.

<http://lib.rus.ec/b/437855/read>

Славин Л. Рука друга. Тайна ультиматума, М., 1969, С. 310.

Далее цитируется по указанному произведению.

Все данные службы японских дипломатов на территории Российской империи и СССР приводятся по: Lensen George Alexander, Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. A handbook of Japanese representatives in Russia from 1874 to 1968. Tokyo, 1968.

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 250. Л. 154
—155.

Мотоно Итиро (23 марта 1862 — 17 сентября 1918). Уроженец провинции Хидзэн, Япония. Сын основателя первой в Японии газеты — «Ёмиури симбун» (сегодня — крупнейшая в мире). Изучал гражданское и международное право во Франции. В 1898—1901 гг. посол Японии в Бельгии, в 1899 году представлял эту страну на Гаагской мирной конференции. В 1901—1905 гг. — посол во Франции. В 1906—1916 гг. — посол Японской империи в России. Подписал ряд важных межправительственных соглашений с нашей страной в 1907, 1910, 1912, 1916 гг. С 1907 г. барон, кавалер ордена Восходящего Солнца высшей - 1-й степени. С 1916 г. — виконт. В 1916—1918 гг (до своей смерти) — министр иностранных дел Японии в кабинете Тэраути Масатакэ. Выражал резкое неприятие русской революции и был активным сторонником японской интервенции на Дальнем Востоке. Посмертно награжден орденом Хризантемы.

Богданов Борис Давыдович. Родился в феврале 1901 г. в Одессе в семье коммивояжера-комиссионера. Еврей. Кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г. С 1909 г. жил во Владивостоке. Окончил Владивостокское коммерческое училище (1918), а затем два курса горного отделения Владивостокского политехнического института и китайское отделение восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. С декабря 1922 г. сотрудник Приморского губотдела ГПО. С 1 апреля 1926 г. находился на закордонной работе в Маньчжурии. С 1 июля 1926 г. уполномоченный КРО, с февраля 1928 г. — начальник 3-го отделения КРО ПП ОГПУ ДВК. С 24 ноября 1928 г. — в резерве назначения. С 6 декабря 1928 г. — начальник КРО Читинского окружного отдела ОГПУ, а затем на оперативной работе в Маньчжурии — резидент резидентуры № 6 в Хайларе, Маньчжурия, откуда вернулся в 1931 г. С 1 февраля 1931 г. в резерве, временно начальник 4-го отделения ОО ПП ОГПУ ДВК. Участник оперативной разработки «Маки-Мираж», операции «Весна». С 5 октября 1931 г. — начальник, а с 1 мая 1932 г. — помощник начальника ИНО ПП ОГПУ — УНКВД ДВК. 23 августа 1937 г. арестован по обвинению в участии в право-троцкистском заговоре в органах НКВД Дальнего Востока. 5 сентября 1937 г. отстранен от занимаемой должности. Приказом НКВД СССР № 1998 от 22 октября 1937 г. уволен вовсе со службы с исключением с учета согласно ст. 38 п. «б» «Положения о прохождении службы начальствующим составом ГУГБ НКВД». 10 февраля 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР приговорен к ВМН. 10 февраля 1938 г. расстрелян в Хабаровске. В 1958 г. ВК ВС СССР реабилитирован посмертно. (Буяков А.М. Ведомственные награды ОГПУ—НКВД: 1932—1940 гг. М., 2008. С. 312—313.)

Волхонка, 14. Ныне — Галерея искусства стран Европы и Америки.

По информации А.М. Буякова.

Пока удалось найти только одного человека, примерно подходящего под имеющиеся данные: Попов Михаил Георгиевич. Родился в 1884 г. в г. Астрахани; русский; образование высшее; б/п; профессор Военной академии РККА. Проживал: Москва, Сивцев Вражек, 35—14,15. Арестован 23 декабря 1929 г. Приговорен: Коллегией ОГЛУ 13 августа 1930 г., обвинен в участии в контрреволюционной, организации, шпионаже, вредительстве, подготовке теракта. Расстрелян 17 августа 1930 г. Место захоронения — Москва, Ваганьковское кладбище. Реабилитирован в январе 1989 г. на основании ст. 1 УПВС. Источник: Москва, расстрельные списки — Ваганьковское кладбище.

Его и Шенберга пока установить не удалось.

<http://ir.library.osaka-u.ac.jp/dspace/bitstream/175.pdf>

I094/24699/1/slc_39-

http://150vl.ru/new/inostrantsi_v_primore/pervieJiteli/yapontsi/

Кириченко А.А. Из записок чекиста-япониста. Россия наших дней. №2(12). 2012. С. 104—105.

Здание знаменитого ресторан «Яр», ныне гостиница «Советская».

http://militera.lib.ru/research/gorbunov_ea/iiidex.html

Иванов-Перекрест — одна из самых ярких и загадочных фигур советской разведки. Все, что известно о нем из открытых источников, исчерпывается следующей фразой: «Одним из наиболее активных помощников резидентуры (Харбинской резидентуры ИНО ОГПУ. — А.К.) был Иван Трофимович Иванов-Перекрест, который имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях. «Перекрест является групповодом, занимается вербовкой агентуры, — писал разведчик Зарубин. — Добывал очень ценные материалы о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии». Цит. по: Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М., 2002. С. 141.

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 250. Л. 156
—171.

Из переписки с автором.

Из беседы с автором.

Из переписки с автором.

Здесь и далее данные анкеты Р.Н. Кима и его автобиографии цитируются по: *Буянов А.М.* Ведомственные награды ГПУ—НКВД. Часть 2. Знак «Почетный работник ВЧК—ГПУ» (XV). Владивосток, 2008. С. 356—358, а так же по сведениям, предоставленным А.М. Буяковым (Приложения 15—17).

Семпер Н. Лицом к лицу с мечтой, <http://www.utoronto.ca/tsq/09/sempei09.shtml>

Основано на: Кимура Хироси, загадочная составляющая Романа Кима (Роман Ким-но надзо-но бубун). С. 317—320. Перевод с японского — А.М. Горбылев.

Любимов Михаил Петрович (род. в 1934) — советский разведчик, писатель «шпионского жанра», автор нескольких пьес и ряда книг, в которых с большим талантом, демонстрируя тонкое чувство юмора, сумел рассказать о реальной стороне жизни спецслужб.

Ким Р.Н. Кто украл Пуннакана? М., 1971. С. 191.

<http://semenov-foundation.org/pub3-2.html>

Пильняк Б. Корни японского солнца, М. 2004. С. 34.

16 января 1927 г. в Шанхае был сформирован Русский отряд под командованием капитана 1-го ранга Н. Г. Фомина. Основу отряда составили чины Дальневосточной казачьей группы в количестве 40 человек. Через год численность отряда возросла до 150 человек, что позволило сформировать две роты. Формирование вошло в состав Шанхайского волонтерского корпуса, подчинявшегося Муниципальному совету международного селтльмента Шанхая и охранявшего европейское население города.

К октябрю 1928 г. в отряде состояло уже 90 офицеров и 438 рядовых. 16 февраля 1932 г. формирование стало именоваться Шанхайским русским полком и включало в себя четыре роты (из них одна волонтерская). Каждая рота имела 4 взвода, состоящих в свою очередь из 2 отделений.

Главные задачи полка состояли в охране различных объектов; некоторые из рядовых служили при полковом штабе, в охране оружейного склада, выполняли обязанности телефонистов, шоферов, занимались службой тыла для стрельбища и казарм. Кроме того, полк иногда выполнял функции почётного караула. Во время восстания в шанхайской тюрьме 9 апреля 1929 года на Русский полк было возложено подавление мятежа, с которым он успешно справился.

16 января 1941 г. полк был преобразован в Русский вспомогательный отряд Шанхайской муниципальной полиции (с оставлением 3-й — волонтерской роты в подчинении волонтерскому корпусу). С 17 декабря 1943 г. формирование получило название 4-й отряд Общеполицейского корпуса, а в 1945 г. было передано в распоряжение местных властей. С приходом к власти в Китае коммунистов в 1947 г. отряд был распущен.

Здесь и далее цит. по: рукопись книги Ковальчук -*Коваль И.К.*
Свидание с памятью. С. 159.

Там же. С. 354.

Буяков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922—1941 годах. М., 2013. С. 68.

Там же. С. 73.

Там же. С. 434.

Там же. С. 453—454.

Там же. С. 482—483.

Там же. С. 495—497.

Приложение 18

В основу рассказа о В.Д. Щеголеве положены воспоминания его ученика А.А. Будзинского, хранящиеся в семейном архиве Буцзинских.

По информации А.М. Горбылева.

Токсикологическая лаборатория НКВД — НКГБ — МГБ — специальное секретное научно-исследовательское подразделение в структуре органов государственной безопасности СССР, занимавшееся исследованиями в области токсических веществ и ядов. Входило в состав Отдела оперативной техники НКВД — НКГБ — МГБ СССР. Как стало известно в 1950-х гг. из показаний бывшего руководителя лаборатории Г.М. Майранов-ского, его сотрудников и ряда высокопоставленных руководителей органов госбезопасности, воздействие различных ядов на человека и способы их применения испытывались в лаборатории на заключённых, приговорённых к высшей мере наказания.

Кузнецов С.И. Первые русские ученики в Японии //Восток—Запад в контексте мировой истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск, 2011. С. 206—215.

Пак Павел Васильевич (1903—1987). Японовед. Преподаватель Московского институт востоковедения (МИВ) и Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) Арестован в марте 1934 г., приговорен к 5 годам, освобожден в 1939 г. После освобождения по специальности не работал. В 60—70-е гг. иногда переводил с японского.

Овидиев Николай Петрович (1891—1938). Японовед: лингвист и литературовед. Род. в г. Алатырь Симбирской губ. в семье священника. Ок. Алатырскую ДС, в 1918 г. япон.-кит. отд. ВВП. 4 года пробыл в Японии, год работал в Иркутском ун-те. В 1924—1937 гг. преп. япон. яз. в ДВГУ, с 1932 зав. каф. япон. яз. Чл. Об-ва востоковедения. Автор первого в сов. японоведении очерка языковой ситуации в Японии. Пытался в ДВГУ продолжать традиции преп. и изучения япон. яз., заложенные в предреволюционные годы профессорами ВВИ, но встретил активное противодействие. В 1930-х гг. практически уже не мог печататься; написанная им ст. по предикации япон. глагола была осуждена как не соответствующая марровскому «новому учению о языке» и, по-видимому, пропала; сб., содержащий эту ст. и подготовленный в ДВГУ, был запрещен к печатанию. Арестован 21 сент. 1937 г. Был обвинен по делу о «КРД шпионско-вредительской организации» ДВГУ, по которому шли многие востоковеды ун-та (в т.ч. В.А. Войлошников, М.Н. Востриков, А.П. Ещенко, З.Н. Матвеев, К.А. Харнский, К.П. Феклин). Объявлен руководителем троцкистской организации ун-та и резидентом япон. разведки, якобы завербованным еще в 1922 г. и завербовавшим всех остальных обвиняемых преподавателей ДВГУ, лично передававшим «шпионский мат-л» япон. консулу Ватанабе. Показания коллег против него были получены под пытками. 8 февр. 1938 г. приговорен к ВМН. По др. свед., приговорен к ВМН выездной сессией ВК ВС СССР 25 апр. 1938 г. в составе группы востоковедов, в тот же день расстрелян (Ермакова, Георгиевская, 1994. С. 62). Реабилитирован в 1957 г.

Вероятно, речь идет о БИРИЧ Тэруко. Родилась в 1912 г. в г. Токио; японка; образование среднее; б/п; студентка Института философии, литературы и истории в Москве. Арестована 25 декабря 1937 г. Приговорена: ВКВС СССР 14 марта 1938 г., обв.: шпионаже. Расстреляна 14 марта 1938 г. Место захоронения — Московская обл., Коммунарка. Реабилитирована в сентябре 1957 г.

Феклин Константин Павлович (1902—1938). Японовед-лингвист. Род. в г. Владивосток, в семье флотского офицера. В 1921—1923 гг. учился на Востфаке ДВГУ, отчислен с 3-го курса как «сын белогвардейского офицера»; занимался музыкой. В 1925—1931 гг. работал переводчиком япон. яз. на камчатских рыбных промыслах, где в совершенстве овладел разг. япон. яз. С 1931 г. преп. разг. япон. яз. в ДВГУ. Арестован в 1934 г.; обвинен в шпионаже, но вскоре освобожден. Зам. зав. каф. япон. яз. ДВГУ. Автор «Учебника японского разговорного языка», совм. с Т.С. Юркевичем (Ермакова, Георгиевская, 1994. С. 59). Арестован 8 сент. 1937 г. Обвинен по делу о «КРД шпионско-вредительской организации» ДВГУ, 8 февр. 1938 приговорен к ВМН. По др. данным (Ермакова, Георгиевская, 1994. С. 62), 25 апр. 1938 г. в составе большой группы востоковедов выездной сессией ВК ВС СССР приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

Будучи гражданкой Великобритании, была только выслана из СССР.

Маракуев Александр Владимирович (1891—1955). Экономист, историк, специалист по географии стран ДВ. Преподаватель и директор научной б-ки ДВГУ (1930—1939). Арестован в 1939 г., потом преподавал в Томске и Казахстане.

Харнский Константин Андреевич (1884—1938). Потомственный дворянин. Окончил кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Служил в крепости Ковно; за участие в подпольной марксист, организации переведен в Читу, в стрелковый полк, под надзор воен, начальства. В 1908 г., оставаясь на воен, службе в чине штабс-капитана, поступил «посторонним слушателем» на японское отделение ВВИ. В 1912 г. послан в Японию для совершенствования в языке; в 1914 г. отозван в связи с войной. До конца войны в действ.армии, был ранен, отправлен в хабаровский госпиталь. В 1918—1919 гг. чл. Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, сотрудник газеты «Дальняя окраина», служил в крепостной артиллерии Владивостока. С 1920 г. в РКП(б). Вел подпольную работу в Приморье. В 1923—1937 гг. преп., зав. каф ДВГУ, где читал основной курс, а также курсы по истории Японии, Кореи и Китая. Автор множества статей по истории и культуре Китая и Японии, опубликованных в основном в дальневосточной прессе. Пост, о привлечении Х. к уголовной ответственности было заготовлено еще в июле 1937 г., но арестован только 10 (по др. свед., 31) авг. 1937 г.. Обвинялся по делу о «КРД шпионско-вредительской организации» ДВГУ Следователи применяли изощренные пытки. Х. инкриминировали шпионаж в пользу Японии (по сценарию следствия, завербован Н.П. Овидиевым в 1935), умышленную подготовку «неполноценных сов. специалистов», которым он якобы давал недостаточные знания по истории и географии стран ДВ, а также то, что он «в стенной печати открыто защищал от разоблачения чл. организации Н.П. Овидиева и К.П. Феклина» (Ермакова, Георгиевская, 1984. С. 62). 25 апр. 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР приговорен к ВМН (ст. 58-1а, 7, 8, 11 УК РСФСР). В тот же день расстрелян. Его жена, Е.Р. Харнская, также была репрессирована. Реабилитирован в 1957. В 1966 имя Х. присвоено Востфаку ДВГУ.

Войлошников Василий Александрович (1895—1938). Китаевед. Учился в Иркутском юнкерском и Читинском городском училищах. В 1914—1916 гг. преп. в Забайкалье. С марта 1917 г. чл. РСДРП(б). Служил в нар.-револ. армии ДВР на командных должностях (до 1921). В 1922 г. поступил в Читинский ИНХ, который был вскоре слит с ДВГУ; учился на кит.отд. Востфака ДВГУ. Затем советник армии Гоминьдана. С 1931 г. дир. техникума КВЖД. Декан Востфака ДВГУ в 1933—1937 гг. Исключен из партии 21 окт. 1937 г. за «связь и покровительство япон. шпиона», т.е. уже арестованным востоковедам ДВГУ Н.П. Овидиеву, К.П. Феклину, Т.С. Юркевичу и К.А. Харнскому. Арестован 5 нояб. 1937 г.. Был обвинен по делу о «КРД шпионско-вредительской организации» ДВГУ. На суде отказался от показаний, данных на предварительном следствии, заявил, что оговорил др. и себя по малодушию. 25 апр. 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР приговорен к ВМН. В тот же день расстрелян. Жена В. также репрессирована. Реабилитирован в 1957 г.

Цит. по: *Дыбовский А.С. Указ. соч.*